

**Actual problems
of Turkic studies**

1

ACTUAL PROBLEMS OF TURKIC STUDIES

**DEPARTMENT
OF TURKIC PHILOLOGY
OF SAINT PETERSBURG
STATE UNIVERSITY**

Volume 1

Saint Petersburg
2023

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

**НА КАФЕДРЕ
ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

Выпуск 1

Санкт-Петербург
2023

**ББК 81.2Тюрк
М34**

А43 Актуальные вопросы тюркологических исследований / под ред. Н. Н. Телицина. — Санкт-Петербургский центр развития и поддержки востоковедных исследований, 2023. Выпуск 1 — 350 с.

ISBN 978-5-4391-

В сборнике представлены тезисы и доклады участников тюркологических международных научных конференций последних лет в Санкт-Петербурге. Материалы посвящены различным проблемам изучения письменных памятников, истории, культуры, тюркских языков и литератур.

ББК 81.2Тюрк

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-4391-

© Коллектив авторов, 2023
© Кафедра тюркской
филологии СПбГУ, 2023
© Санкт-Петербургский
центр развития и
поддержки востоковедных
исследований, 2023

Содержание

<i>Абдулахатов Н.</i> Фольклор похоронных плачей (по материалам Ферганской долины)	10
<i>Аврутина А.С., Дармаева О.Б.</i> Атрибутивные конструкции в турецком и корейском языках	26
<i>Акчай Э.</i> Русские слова в повседневной турецкой речи: на примере использования в городе Ардахан	36
<i>Андреев А.А., Красуцкий С.А.</i> Письмо «на татарском языке» как черновик челобитной кызылбашского посла Ага Асана в России (1644–1645)	37
<i>Аннаоразов Дж. С.</i> Ликвидация «советских» вождей в Северном Туркменистане в 1920–1925 гг.	51
<i>Аширов Т. А.</i> Место и роль книги «Родной язык» М. Гельдиева в истории туркменского языка (на русск., турец. и англ. яз.)	62
<i>Бекджаев Т. Б.</i> Из истории изучения фразеологизмов в туркменском языкознании.	65
<i>Болтаева Г. Ш.</i> Идеино-художественный анализ од Алишера Навои.	70

<i>Булатова Д. А.</i> Смычковые культуры тюркских народов в контексте этнической истории	75
<i>Булатова Д. А.</i> О взаимосвязи ландшафта и жанровой специфики традиционной тюркской смычковой культуры	81
<i>Гараев Я. Н.</i> Использование компьютерной технологии в обучении орфографии туркменского языка	83
<i>Гүзев В. Г.</i> О монографии Хюсеина Даллы «Структурные единицы синтаксиса в турецком языке» (Hüseyin Dallı. Türkçede Sözdiziminin Yapı Birimleri. — İstanbul: Papatya Yayınevi, 2018. — 260 S.)	87
<i>Гурбангулыева Н.</i> Международный праздник весеннего равноденствия.	89
<i>Гылыджов А. А.</i> Антропонимы в туркменском языке	91
<i>Давыдов А. В., Жевелева А. В.</i> Обучение турецкоговорящих русскому языку и проблема фонетической интерференции (на турец. яз.)	94
<i>Daşdemir Ö.</i> Bir halk anlatısı olarak Yusuf ile Züleyha'da rüya motifi	102
<i>Дубровина М. Э.</i> К вопросу о морфологическом статусе глагольных конструкций, образованных от глагольно-именных форм (-dik, -yacak, -dığı, -yacağı, -mak, -ması и т. д.), в современном турецком языке	119
<i>Дубровина М. Э., Сулейманова А. С.</i> О комбинаторных фонологических изменениях в турецкой речи (на англ. яз.)	127
<i>Жевелева А. В.</i> Турецкая оппозиция: вызов 2023 года.	134
<i>Жуков К. А.</i> «Я спросил электрика Петрова...». О подлинности и авторстве «Слова о полку Игореве»	148

<i>Камалова Ш. Н.</i> Прилагательные в функции определения в языке древнетюркских рунических памятников	157
<i>Камалова Ш. Н.</i> Произведения современных азербайджанских писателей, переведенные на русский язык	165
<i>Карабашев С.</i> Обзор трудов о Сабахаттине Али тюркологов Болгарии и России (на турец. яз.)	175
<i>Каррыева Ж. Б.</i> К вопросу о подготовке к изданию «Избранных сочинений» академика В. А. Гордлевского (фрагменты из переписки супруги академика В. А. Гордлевского — В. А. Гордлевой — с академиком Б. А. Каррыевым).	177
<i>Козинцев М. А., Туранская А. А.</i> Уйгурские ксилографы в Сериндийской коллекции Института восточных рукописей РАН	187
<i>Лученков И. Р.</i> Вопрос турок-месхетинцев в современных политических турецко-грузинских отношениях (1991–2021).	195
<i>Мухаммедов Г. А.</i> «Караманнаме» как исторический источник по истории Крестовых походов.	204
<i>Набиуллина Г. А., Галимова Г. Н.</i> Коммуникативные ценности гармоничного общения в татарских и турецких паремиях	207
<i>Нурьева О. А.</i> Деепричастия в языке «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского	213
<i>Оразов О.</i> Переводы «Ал-Викая» на турецкий язык, принадлежащие Бурханушшариа Махмуду ибн Ахмеду (на турец. яз.)	219
<i>Пестовская Д. А.</i> Анализ некоторых материалов РГИА по Карсской области в составе Российской Империи в 1878 году – начале XX века	221

<i>Pobedonostseva Kaya A. O.</i> The relationship between media and power in Turkey from the 12 September 1980 Turkish coup d'état until the 12 September 2010 Turkish constitutional referendum (на турец. яз.)	230
<i>Пылев А. И.</i> Ахмед-Заки Валидов (Тоган) и русская прогрессивная печать в годы Первой мировой войны	243
<i>Равианов М.</i> Категории квантативности существительных староузбекского языка (на материале произведений Алишера Навои)	246
<i>Репенкова М. М.</i> Субжанр альтернативной истории в современной турецкой литературе	253
<i>Репенкова М. М.</i> Творческая биография современной турецкой писательницы Айше Кулин	263
<i>Сатторов У. Ф.</i> Мифы и легенды тюркских топонимов в произведениях Алишера Навои	281
<i>Софронова Л. В.</i> О роли заимствований в турецком политическом дискурсе (на материале предвыборной речи Реджепа Тайипа Эрдогана)	286
<i>Таганова М. А.</i> Сергей Николаевич Иванов — один из лучших переводчиков произведений Махтумкули Фраги	296
<i>Турекеев К. Ж.</i> Тотемистические представления в традициях каракалпаков	304
<i>Фомкин М. С.</i> Юбилей мастера: Сергей Николаевич Иванов как поэт-переводчик тюркской поэзии (К 100-летию со дня рождения)	310
<i>Хидиров Р. Г.</i> Узбекско-таджикский билингвизм и его исторические особенности	321

<i>Шаммаева Н. Ш.</i> Понятие преданности в туркменской поэзии	326
<i>Шенол А. О.</i> Проблема вестернизации общества, рассматриваемая сквозь призму семейных отношений в произведениях «Анна Каренина» и «Запретная любовь / Aşk-ı metni»	332
<i>Эрдман М.</i> Копировать и вставить: турецкие историографические подходы к истории коренных народов (на англ. яз.)	334
Сведения об авторах	345

Н. Абдулахатов

Фольклор похоронных плачей (по материалам Ферганской долины)

С древнейших времен у тюркоязычных народов существовали различные церемонии, связанные с похоронами. Многие современные авторы, изучавшие эту сторону народного быта, приходят к выводу, что в цикле семейно-бытовой обрядности погребальные и поминальные обряды являются наиболее консервативными, дольше сохраняющими свои традиционные, в том числе и домусульманские черты. В частности еще сегодня в похоронных обычаях части узбеков явственно проступают древние черты обрядности, связанной с зороастризмом или предшествовавшими ему верованиями [6: 42].

В современных условиях некоторые из них стали забываться в связи с изменениями в социальной сфере, мировоззрении людей и их морали в изменившемся мире. Но отголоски былых традиций все еще сохраняются в узбекском фольклоре, и их изучение может не только дать материал для пополнения фонда народного литературного творчества, но и послужить важным источником социальной и культурной истории узбекского народа.

В далеком прошлом у тюрков существовал обычай оплакивания умершего. О ритуальном обряде плача по покойникам у древних тюрков сообщается в большой надписи знаменитого памятника Кюль-Тегина, где имеется термин *сыгит*, а «плачущие, стонущие» названы *сыгитчи* [23: 36]. Даже в древнетюркской сказке о Хайты-Каре упоминается обычай ритуального оплакивания умершего. В этой сказке мать героя оплакивает своего сына и причитает: «Единственного моего сына не стало, ничего у меня не осталось, бедное дитя мое. И имущества у него было с гору, скота как караганник <...> что теперь буду делать?» [16: 263].

На пенджикентской фреске в «сцене оплакивания» изображены также плакальщицы и участники церемонии, надрезающие мечами мочки ушей, или рвущие волосы на голове [30: 120]. Вот как трактует эту фреску М. М. Дьяконов: «В центре всей композиции находится катафалк,

изображенный в виде деревянного павильона с арочками и красным матерчатым куполом, натянутым на деревянный каркас. В проемах трех арок — распростертое тело юноши и фигуры плакальщиц, рвущих на себе волосы» [15: 111].

Ритуал оплакивания зафиксирован и в памятниках письменности. О согдийском обычае оплакивания некоего небесного отрока и ритуальных поисках его костей рассказывает китайский путешественник Вей Цзе: «Они (жители Самарканда) поклоняются небесному богу и в высшей степени его почитают. Они говорят, что божественное дитя умерло в седьмом месяце, и что кости его потеряны. Служители бога, когда наступает этот месяц, надевают черные одежды со складками. Они ходят босиком, ударяют себя в грудь и плачут, и на их лица мокрота сливается со слезами. Мужчины и женщины расходятся, чтобы искать тело божественного ребенка. На седьмой день обряд подходит к концу» [8: 77].

По сведениям, приведенным Абу Райханом Беруни (973–1051), в конце десятого месяца согдийцы оплакивают своих умерших: «В конце этого месяца жители Согды плачут по своим древним покойникам. Они оплакивают их, расцарапывают себе лица и ставят для умерших кушанья и напитки, как это делали персы в Фервердаджани» [8: 81]. Об оплакивании умерших идет речь в согдийском документе, найденном при раскопках замка на горе Муг (местность в верховьях реки Зарафшан), представляющем собой договор по продаже земельного участка для положения там умершего и совершения над ним обряда оплакивания [21: 48]. Оплакивание покойников, как отмечал А. М. Беленицкий, занимает значительное место в описании похоронных обрядов в «Шахнамэ» [45: 140].

Арабский путешественник Ибн Фадлан, описывая обычаи и обряды волжских булгар X в., сообщает следующее: «Над покойником плачут не женщины, а их мужья. Они приходят в день смерти и, подойдя к дверям жилья покойника, крича дикими голосами, плачут, как могут» [36: 414].

У современных узбеков Ферганской долины похоронные плачи *yig'i yo'qlov* начинают присутствующие родственники сразу же после смерти человека. Оплакивают и мужчины, и женщины, но делают это отдельно. Основные тематические элементы причитаний разных народов, в том числе узбекского, составляют: 1) горестные восклицания; 2) жалобы по поводу утраты и тяжелых последствий, вызванных смертью, ухудшившей положение оставшихся в живых; и, наконец, 3) восхваление досто-

инств покойного с целью умиловить его душу и заручиться ее благоволением и помощью как ходатая и заступника перед богом.

На основе материала, собранного по Ферганской долине, можно провести условную классификацию похоронных причитаний по нескольким циклам: 1) плач над матерью; 2) плач над отцом; 3) плач над мужем; 4) плач над невестой; 5) плач над сыном; 6) плач над дочерью; 7) плач над братом; 8) плач над сестрой; 9) плач над бабушкой; 10) плач над дедушкой; 11) плач над дядей; 12) плач над тетей и т. д. У узбеков и таджиков Ферганской долины во время похоронных обрядов, в основном, плачут женщины. Как отмечал В. Г. Базанов: «Причитания — специфическая женская поэзия, по преимуществу, лирическая, лирика больших переживаний. И возникают они под впечатлением таких драматических событий народной жизни, как смерть близкого человека, тяжесть положения сироты или вдовы» [33: 5].

Например:

*Siz ketdingiz qayga boray voy otam?
Uyimni bo'shatib ketdingiz voy otam.
Siz bilan xayot edim voy otam,
Jonim mening otam voy otam.*

Ты ушел (ушла), я куда пойду, ох, батюшка?
Ты сделал пустым мой дом, ох, батюшка.
Я тобой живу, ох, батюшка,
Душа моя, батюшка, ох, батюшка.

По некоторым сведениям, в прошлом в Туркестане мужчина при оплакивании днем обыкновенно брал «xassa» (палка, посох) и, опираясь на нее, плакал, стоя перед домом. В народе их называли *xassakashlar*, т. е. «люди с посохами». Об этом упоминает А. П. Федченко (1844–1873) в своей книге «Путешествие в Туркестан»: «...Я упомяну здесь только о двух сценах, виденных мною на улицах. Обе они печальные; первая — похоронная процессия, мало напоминавшая мне то, что видел раньше, например, в Самарканде, два плачущих мальчика с палками открывали шествие; затем несли носилки, завешенные белой материей, скрывавшей покойника, в головах у которого был положен халат; сзади шло несколько мужчин» [40: 252]. При этом посох специально изготавливали из дерева *tol* (ивы), потому что с древности ива почиталась нашим на-

родом [29: 255]. До сих пор среди ферганцев сохранилась вера в табуированные рощи и деревья — якобы срезание или срывание веток с этих деревьев приводит к несчастным случаям.

Следует отметить, что среди людей, живущих в районах близ Коканда, до сих пор сохраняется обычай оплакивания с посохом. В день похорон по обычаю оплакивания с посохом дети и близкие покойного идут впереди погребальных носилок.

Например:

*Xassa tutib boraman, voy otam,
Xassa yakka, man yakka, voy otam.
Suyanchigim edingiz, voy otam,
Endi kimga suyanaman, voy otam.*

Я иду, держа в руке посох, ох, батюшка,
Я одинокий, посох один, ох, батюшка,
Вы были опора для меня, ох, батюшка,
Теперь на кого буду опираться, ох, батюшка [39: 61].

После погребения посох оставляли на головной стороне могилы. По народным верованиям посох превращается в дерево, и покойник снова воскресает. Это связано с древними мифологическими представлениями о «Древе жизни», согласно которым оно не умирает как символ вечно обновляемой природы [32: 5].

В наши дни мужчины подпоясывают халаты и надевают тюбетейки. Женщины оплакивают умершего в течение сорока дней «qirqigacha». По обстоятельствам исполнения можно выделить пять видов ритуального оплакивания:

1. Оплакивание тотчас после смерти человека как непосредственное выражение своего горя его близкими по поводу утраты. Оно сопровождается громкими воплями, горестными возгласами и импровизированными причитаниями, исполняющимися нараспев [18: 149]. Например:

*Nega meni tashlab ketdingiz,
Yoruz kuni ko'rmay qanday yashayin?
Otingizga arpa yo'qmidi?
Qarindoshlar sizga yomon bo'ldimi?
Yoki mendan konglingiz qoldimi?*

Что же ты оставил меня,
 Жить, не видя светлого дня?
 Или не было ячменя,
 Для коня, твоего коня?
 Иль была недобра родня?
 Или ты разлюбил меня? [12: 188].

К. В. Чистов называет «плачем-оповещением» оплакивание, когда встречаются и приветствуют каждую из вновь пришедших с соболезнованиями женщину, обнимая ее. Основная тема «плача-оповещения» — рассказ о том, как наступила смерть. Основной образ этого плача — сравнение умершего с закатившимся солнцем, упавшей звездой, погасшей (звездой) свечой [43: 38]. Например:

*Bizga doim mehribon edingiz,
 Bu baloga qaydan yo 'liqdingiz.
 Osmonimizda onta yulduz bor edi,
 Ammo yorqin yulduz so 'nib qoldi.*

Ты всегда был с нами добр и прост,
 Почему ж с тобой стряслась беда?
 В нашем небе было десять звёзд,
 Но померкла яркая звезда [12: 192].

Женщины оплакивали стоя, ударяя себя кулаком в грудь, и выкрикивали: *O, gulim* (О, цветок мой), если умерший был молодым сыном или мужем; *O, Shoxim* (Ветвь моего дерева); *O, jigarim* (О, печень моя), если умерший был родственником [44: 154]. В основе погребальных плачей в первоизданном виде — крик, облегчавший реакцию на смерть близкого человека, затуманенная скорбью душевная боль при исполнении похоронных причитаний. Горестные восклицания перемежаются с эпитетами, восхваляющими покойного. Например:

*Uzugimning olmosi eding,
 Mehnatindan dong taratding.
 Yo 'limdagi qimmatli chirog'im.
 Sensiz zimistondir atrofim.*

Ты алмаз в кольце моём,
Славен был своим трудом.
Ты — светильник дорогой.
Без тебя темно кругом [27: 111].

Оплакивание считается обязательным. Неоплаканный покойник вызывает сожаление окружающих. Считают, что душа его не может найти успокоения (*marxumni ruxi tinchlanmaydi*). До сих пор у узбеков и таджиков Ферганской долины считается большим позором, если покойный остался неоплаканным. Именно поэтому еще и поныне некоторые старые женщины заранее просят кого-либо причитать на их будущих похоронах.

У киргизов, как и у каракалпаков, вдове расплетали косы, и она должна была расцарапать себе лицо до крови. Но если кровь не выступала, родственники покойного насильно расцарапывали ей щеки [7: 71]. О киргизском обычае оплакивания также рассказывает этнограф Ф. А. Фиелструп (1889–1933): «В знак особой печали вдовы царапают себе до крови щеки, что делается очень ловко и без малейшей жалости к своей особе... Не царапать щек нельзя, так как будут упрекать, а то и поколотят. Исцарапанные щеки являются хорошим тоном до момента последней почести покойнику» [42: 123].

У узбеков Ферганской долины безвременно умерших горько оплакивают, но особенную скорбь вызывает смерть юношей и девушек, не исполнивших свой земной долг, не оставивших после себя потомства и, следовательно, памяти о себе. О них говорят: «Ушли из мира без следа» (*nomini ham qoldirmay ketdi*), «не видевшие свадебного занавеса» (*chimildii k o'hrmay ketdi*). Имеется в виду, что у них не было свадьбы, во время которой они стояли бы у «трона» — возвышения из одеял и подушек, как это принято по обряду. Поэтому похороны молодых людей, не бывших в браке, устраивают как имитацию свадьбы. У узбеков стелют новую постель у возвышения-«трона», выставляют приготовленное приданое — часть одежд развешивают *sep yoyni*, часть набрасывают как на свадьбе, но в противоположность свадебной традиции на похоронах все делается наоборот: вещи раскладывают в левом углу комнаты, а не в правом [5: 41].

Умерших никогда не называют мертвецами, а говорят *mehmon* (гость), *ra'matlik* (покойник), а умершую девушку или юношу всегда и

езде называют *kelin* (невеста) и *kuvon* (жених). Например:

*Voy qizim, voy kelin qizim,
Voy unashib qo'ygan qizim.
O'z onasining joni,
T o'y chimildig'in devorda qoldi.*

О, дочь моя, о, моя невеста,
О, моя просватанная дочь,
Душа своей матери,
Твой свадебный занавес остался на стене [5: 42].

На умершую девушку набрасывают яркие вышитые платья, платки и вышивки, на умершего юношу — халат, поясной платок и тюбетейку. Под платок или тюбетейку прикалывают желтые цветы или колочки, так как по народным представлениям желтый цвет — цвет прерванной, загубленной жизни [5: 42]. Из-за этих представлений в народе не принято сажать в домах и палисадниках цветы с желтыми соцветиями.

Один из наиболее частых мотивов в узбекских плачах — жалобы и упреки, обращенные к покойному. В этих причитаниях оплакивают мужа, ребенка, брата или другого близкого человека, в них содержатся жалобы на жестокость небес, судьбы, обращение к богу. В причитаниях очень четко проявляется и драматургическая сущность: вопленица ведет диалог, она постоянно к кому-то обращается, рассказывает своим слушателям о событиях, ее взволновавших [20: 14]. Например:

*Ko'z yoshlarimni qanday t o'htatay,
Singlingizni qanday yupatay?
Akamni qayerdan topay?
G'am — g'ussani qanday unutay?*

Непрестанно я слезы лью,
Как утешить сестру твою?
Где я брата найду,
Чтоб рассеял мою беду? [12: 190].

Как удалось заметить, в узбекских причитаниях о покойном никогда не говорится *murda* (труп), *jasad* (тело), *marhum* (усопший), *o'lik* (мертвец), их заменяют такими метафорическими словами, как *teragim* (то-

поль мой), *gulbadan* (изящная красавица), *uchar qanot* (летучие крылья), *baland tog'* (высокая гора), *sari yog'* (сливочное масло), «*temir qo'rg'on* (железная крепость), *qalam qosh* (тонкие брови), *ipak arqon* (шёлковая веревка) *ayulovim* (летовка моя), *qishlovim*»(зимовка моя), *tabibim* (мой лекарь), *ravshan oy* (светлый месяц), *oltin soqqa* (золотой шар), *sarbonim* (караванщик мой), *shirin so'zim* (сладкоречивый мой), *davlat qushim* (птица счастья моя), *lochinim* (соколенок), «*chinorim*» (платан мой), *bulbul* (соловей), *yigitlarning sardori* (предводитель юношей) *arg'umog* (аргамак), *chavandozlar podshohi* (падишах всадников), *burgutcham* (орленок), *qulunim* (жеребенок), *arslonim* (мой лев), *yorqin yulduz* (яркая звезда) и т. п. Покойницу же называют *uyning bekasi* (хозяйка дома), *mohir beka* (искусная хозяйка), *uyning arzandasi* (любимица дома). Например:

*Yurakdagi alamimsan,
Agar qushsan, bulbulsan
Tuya bo'lsan sardorsan,
Ot bo'lsan, arg'umoqsan.*

Ты, о горе души моей,
Если птица, то соловей.
Если ты верблюд, то вожак,
Если лошадь, то аргамак [12: 190].

В прежние времена в случае смерти юноши или молодого мужчины зажиточные люди для исполнения траурных стихов приглашали нищенствующих дервишей *qalandar*. При этом в круг вводили коня умершего в полном верховом снаряжении. Поперек седла набрасывали его одежду [18: 136]. Обряд с участием коня назывался *ot to'rladi* [См.: 26; 28; 34]. *Yig'ichi* (плакальщик), *go'yanda* (по-таджикски) или плакальщица становились возле лошади, опираясь на палку, и начинали причитать. По-видимому, обычай вводить коня умершего в похоронный обряд сохранился как отражение любви к коню не только при жизни всадника, но и после его смерти. Причитания нередко рисовали возвышенный героический образ умершего. Например:

*Boshi eding to'y-to'ychiqda,
Qarshinda xas-xashak edi barcha.*

*Qimmatbaxo xazinam eding, voy,
Tengi yo 'q mening akam, voy
Mening qoraqoshli akam, voy*

Свадеб и тоев ты был главой,
Были все пред тобою травой.
Драгоценный мой клад, вай!
Несравненный мой брат, вай!
Вай, чернобровый мой брат.

По маленьким детям общего моления не устраивалось. Если умирал мальчик или девочка, женщины сидели вокруг умершего. Каждая вновь пришедшая садилась около матери покойного, обнимала ее за шею и прижималась своим лбом к ее лбу, причем обе женщины, раскачиваясь, плакали и причитали во весь голос [13: 117]. Например:

*Kecha mag 'rur yurardim,
Baxtiyor, kulib yurardim.
Bugun qorayib yuraman,
Ko 'z-yoshlarim to'kaman.*

Лишь вчера шла я гордая,
Шла счастливая, улыбаясь.
А сегодня иду я чёрная,
И слезами я обливаюсь [12: 187].

Такая манера плача называлась *bo 'yin olar* (брат, обнимать за шею). Поплакав с матерью, женщина обнимала одну из родственниц, плакала с ней, затем со следующей родственницей. Так как к телу умершего подходили все новые и новые женщины, то вокруг него все время было несколько таких обнявшихся плачущих и причитающих пар. Однако касаться руками трупа было нельзя [37: 237].

Оплакивание проходило не только с причитаниями, но и с похоронными «танцами». По сообщению Е. М. Пещеровой (1897–1985), среди населения Ферганской долины при оплакивании умершего женщины обходили в танцевальном ритме вокруг носилок с покойником [10: 246]. Это то, что у таджиков и узбеков называется *садр* (в переводе с арабского «грудь»). Обряд оплакивания *садр тешиш* соблюдался в тех случаях,

если умерший был мужчиной. В нем участвовали только родственницы покойного: мать, жена, замужние сестры и дочери, тетки и снохи. При этом надевали самые дорогие и даже цветные одеяния. Плакивали стоя, ударяя себя в грудь кулаком [44: 153]. Время от времени, восклицая «ха-ху!», они делали выпады всем телом то в одну, то в другую стороны [18: 146]. Танцуют вокруг покойника, плавно выбрасывая вперед руки. Как объясняют язгулямцы, этот танец имеет целью отогнать злых духов от покойника [24: 82].

Как знак траура синий и черный цвета были довольно распространены с древнейших времен. Люди считали белый цвет символом жизни, а черный, наоборот, символом смерти [38: 87]. Суть религии древних иранцев (зороастризма) — известное противоборство добра и зла, светлых и темных сил. В мифах зороастрийцев божество Солнца Митра ездит по небу на белых конях. В виде великолепного белого жеребца божество Тиштрий приближается к берегу моря, где встречает демона засухи в виде другого жеребца — черного и уродливого [9: 14]. По данным М. С. Андреева (1873–1948), в Касане, расположенном вблизи Намангана, женщина, носящая траур по мужу, одевается во все черное [18: 175]. У киргизов женщина перед тем, как начать причитания, накрывает голову черным платком [14: 558]. В узбекских похоронных причитаниях черный цвет символизируют траур и разлуку. Например:

*Oq ko 'ylak atlasdan,
Kecha xasham kiygandim,
Bugun qora la 'natlangan,
Irdan tikilgan ko 'ylak kiydim.*
Я вчера надевала богатое,
Из атласа белое платье.
Нынче черное и проклятое,
Нитяное надела я платье [12: 187].

Итак, будучи одним из древнейших жанров в узбекском фольклоре, похоронные причитания имеют большое познавательное историческое и художественное значение [35: 209]. В современной действительности традиционный похоронный ритуал утратил свои старые функции, но жанр причитаний продолжает существовать и развиваться. В данном исследовании использовались научные материалы, а также устные источники.

Известно, что конфессиональные улама до настоящего времени основную причину «всех бед и проблем мусульман» видят в том, что они отделились от исполнения ритуально-правовых предписаний [3: 16], в том числе и в отношении похоронных причитаний. По религиозным догмам ислама похоронные причитания рассматривались как *bid'at* (нововведение), т. е., обычаи огнепоклонников.

Шариат (мусульманская концепция права) не одобряет оплакивания умершего, хотя и не запрещает этого. Запрещается только делать это громко [17: 515]. И это несмотря на то, что изречение пророка Мухаммада гласит: «Моя община не может потерпеть четырех обычаев язычества: хвастовства добрыми делами, опорочивания происхождения других людей, веры, что плодородие зависит от звезд, и плача над мертвыми» [См.: 1; 31]. Недопустимо также, чтобы близкие и родственники покойного царапали себе лицо и тело и наносили своему телу другие повреждения. Ислам запрещает и профессию плакальщиков по мертвым, хотя вопреки запретам во многих мусульманских странах все-таки существуют профессиональные плакальщицы, обладающие особенно трогательными голосами. Тысячу лет ислам боролся против профессиональных плакальщиков, всюду их преследуя [19: 54].

Как верно отмечает венгерский исламовед И. Гольдциер (1850–1921), ни с одним из пережитков культа мертвых ислам не боролся так энергично, как с институтом плача по умершим. В некоторых местах плач по умершему продолжался до тех пор, пока не умирал другой, равный ему человек, и тогда плач переносился на него [11: 151].

По этому поводу узбекский ученый-востоковед Б. Бабаджанов отмечает: «Пожалуй, самая большая группа фетв¹ САДУМ² связана с существующими погребально-поминальными обычаями, а также с ритуалами, проводимыми во время торжеств (свадьбы, *xatna toy — sunnat, beshik-toy* и др.) [41]. Этнографам хорошо известен целый комплекс подобных обрядов и ритуальных действий, восходящих, очевидно, к доисламскому прошлому местных народов, что всегда было предметом критики мусульманских богословов. С момента основания Духовного управления, фетвы (в виде отдельных фетв по каждому из названных

¹ Фетва (ар. *fatwa*) — решение по ритуальным, догматическим и иным вопросам веры, выносимое одним или несколькими богословами определенного мазхаба.

² САДУМ — Среднеазиатское Духовное управление мусульман, созданное в 1943 г. Позже название и, соответственно, аббревиатура изменились: Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана.

действий, либо в их комбинациях) или письменные обращения к имам-хатибам и простым верующим, посвященные этим вопросам, писались почти каждый год, что говорит о живучести осуждаемых в них обычаев.

В первую очередь к числу запретных действий (*xaram*) отнесены громкие причитания и чтение нараспев рифмованных текстов плакальщицами (*marsiya-xonlar*) на *djanaza*» [4: 104].

В свое время Ахмад Ходи Максуди (1868–1941) подчеркивал: «Траур допустим. Но оплакивание не допустимо. Плач над мертвым — это пережиток язычества (*djaxiliyuu*)» [2: 158].

Мусульманская традиция хранит следующие предания. Халиф Умар ал Фарук (ок. 585–644) наказал сестру первого халифа Абу Бакр ас-Сиддика (571–634) за то, что она плакала по умершему брату. Внук Пророка ал-Хусайн ибн Али (626–680), раненный солдатами, посланными сирийским наместником Йазидом ибн Муавией (645–683), сказал своей сестре: «Я заклинаю тебя, чтобы ты ради меня не раздирала бы своих одежд и не царапала бы свое лицо, и не заводила бы плача». Сообщают также, что дядя Мухаммада ибн Аббас (712–775) затыкал себе уши, когда слышал плач по умершим. А завоеватель Египта арабский полководец Амр ибн аль-Аса (ум. 663) говорил: «Когда я умру, то не плачьте по мне, не отмечайте моей могилы ни деревом, ни камнем. Когда вы меня похороните, посидите у моей могилы, пока не убьют верблюда и не раздадут его мясо, чтобы я мог еще столько времени насладиться вашим обществом» [11: 148].

Мусульманское учение и шариат, не одобряя оплакивания, требуют терпеливо переносить горе. Терпение (*as-sabr*) считается наивысшей добродетелью. Четвертый халиф ‘Али ибн Аби Талиб (656–661) говорил, что терпение в вере — то же самое, что на туловище голова» [22: 245].

Однако человеческое горе, связанное со смертью близких, оказалось сильнее религиозных запретов, и в современных условиях мусульманское духовенство молчаливо обходит обряды оплакивания умерших, поскольку причитание — продукт естественных человеческих чувств, которые не всегда совпадают с религиозными установками [25: 260].

Тут уместны также слова Б. Бабаджанова: «Как бы там ни было, *‘urf* и *‘adat* (обычай) занимали значительное место в культурных и бытовых традициях местных народов, и, как нам кажется, их стандартная характеристика как «неисламских» (или «доисламских») реликтов и обычаев

не всегда корректна, поскольку они не могут выноситься за пределы ислама, как явления регионального, имеющего свои постоянно развивающиеся локальные формы бытования» [4: 110].

Духовные ценности людей требуют к себе внимательного и осторожного отношения. Применение антропологического подхода к описанию верований и практик может принести определенную пользу в исследовании.

Для истории очень важно изучение похоронных причитаний в качестве ценного источника, сохраняющего эти древние обычаи, обряды и религиозные воззрения. Вместе с тем похоронные причитания представляют и большой теоретический интерес как «явление, стоящее на грани быта и искусства, позволяющее наблюдать всегда таинственную для нас механику возникновения большого искусства на почве самой повседневной жизни» [43: 7].

Похоронные причитания — это переживания людей, являвшие собой в первозданном виде крик, облегчавший душевную боль реакции на смерть близкого. В нем ярко выражается внутренний, духовный мир людей.

Как известно, историческая этнология на основе сбора и анализа сведений об обычаях и традициях народов воссоздает и объясняет их прошлое во всех его проявлениях. Для всестороннего изучения и адекватного понимания истории народной культуры важны все ее составляющие включая не только письменные источники, но и устные материалы, причитания, ритуалы. При этом письменные свидетельства, несмотря на их безусловную важность и ценность, не могут отразить всех сторон жизни и деятельности человека. В этом контексте особое положение занимают различные народные верования и устные традиции, связанные с похоронными причитаниями и плачами, которые существовали веками, но и сегодня продолжают занимать важное место в жизни общества и отдельных людей, отражая специфические духовные явления и мировоззренческие концепции. Они приобрели новое социальное значение, но продолжают оставаться важной и неотъемлемой частью народного литературного творчества.

Мы отдаем себе отчет в том, что не исчерпали все материалы и не охватили все вопросы этой темы. Уверены, что исследования в этом направлении, несомненно, будут продолжены.

Литература:

1. Абу Абдуллох Мухаммад ибн Исмоил ал Бухорий. Ал-жомий ас-сахих. — Т.: Қомуслар бош тахририяти, 1991.
2. Аҳмад Ходий Мақсудий. Ибодати исломия. — Т.: Мовароуннахр, 2004. (на узбекском языке).
3. Бабаджанов, Б. М. Журнал «Haqiqat» как зеркало религиозного аспекта в идеологии джадидов / Вводная статья, критический обзор и факсимиле // TIAS Central Eurasian Research. — No. 1.
4. Бабаджанов, Б. О фетвах САДУМ против «неисламских обычаев» // Ислам в Центральной Азии. Взгляд изнутри. — М., 2001.
5. Бабаева, Н. С. Древние верования горных таджиков южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX века). — Душанбе: Дониш, 1993.
6. Басилов, Н. Доисламские верования в сознании и поведении современных верующих // Ислам: происхождение, история и современность. — 1984. — № 11.
7. Баялиева, Т. Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. — Фрунзе, 1972.
8. Беленицкий, А. М. Вопросы идеологии и культов Согда // Живопись древнего Пянджикента. — М.: Наука, 1954.
9. Бойс, Мэри. Зороастрийцы. Верования и обычаи. — М.: Наука, 1987.
10. Гафферберг, Э. Г. Пережитки религиозных представлений у белуджей // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. — М.: Наука, 1975.
11. Гольдциер, И. Культ святых в исламе. — М., 1938.
12. Горе проходит — песни остаются. Узбекское народное творчество. — Т., 1965.
13. Джебульдин, Е. Традиции и обычаи. — Петропавловск: Масс-Медиа, 2001.
14. Диваев, А. Киргизские причитания по покойнику // Известия общества «Археология, история и этнография». — Т. XIV. — Вып. 4–6. — Казань, 1898.
15. Дьяконов, М. М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. — М.: Наука, 1954.
16. Дьяконова, В. П. Отражения погребального обряда тувинцев в фольклоре // Фольклор и этнография. — Л.: Наука, 1974.

17. Иордан, М. В., Кузеев, Р. Г., Червонная, С. М. Ислам в Евразии. — М.: Прогресс-Традиция, 2001.
18. Кармышева, Б. Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. — М.: Наука, 1986.
19. Керимов, Г. М. Шариат и его социальная сущность. — М.: Наука, 1978.
20. Круглов, Ю. Г. Русские обрядовые песни. — М., 1982.
21. Лившиц, В. А. Юридические документы и письма // Согдийские документы с горы Муг. — Вып. II. — М., 1962.
22. Мақсудхўжа ибн Мансурхўжа. Мажмаъ ул-максуд. — Т.: Адолат, 1996. (на узбекском языке).
23. Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л., 1951.
24. Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии Язгулямцев // СЭС. — II. — М.: Наука, 1959.
25. Набиева, О. Марсийа // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. — Т. I. М., 2006.
26. Наливкин, В., Наливкина, М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы Казань, 1886.
27. Народная поэзия Узбекистана. — Т., 1951.
28. Насриддинов, Қ. Ўзбек дафн ва таъзия маросимлари. — Т.: Абдулла Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти, 1996. (на узбекском языке).
29. Писарчик, А. К. О пережитках культа ивы у таджиков // Прошлое Средней Азии. — Д.: Дониш, 1987.
30. Рахимов, М. Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области // Известия Отделения общественных наук АН Таджикистана. — 1953. — № 3.
31. Раҳматулло Қосим Усмон ал Ўшӣй. Мархумни дафн этиш маросимлари. — Ўш, 1993. (на узбекском языке).
32. Ремпель, Л. И. Цепь времен. — Т., 1987.
33. Русская народно-бытовая лирика. Причитания севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой / Вступ. статья и коммент. В. Г. Базанова. — М.; Л., 1962.
34. Сагалиев, А. М. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1990.
35. Саримсоқов, Б. Ўзбек маросим фольклорлари // Ўзбек фольклор очерклари. Уч томлик, биринчи том. — Т.: Фан, 1988. (на узбекском языке).

36. Татары среднего Поволжья и Приуралья. — М.: Наука, 1967.
37. Троицкая, А. Л. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины верхнего Зерафшана // Занятия и быт народов Средней Азии. — Л.: Наука, 1971.
38. Тэрнер, В. Символ и ритуал. — М.: Наука, 1983.
39. Ўраева, Д. Мотам маросими айтимларининг ижро боскичлари // Ўзбек тили ва дабиёти. — 2003. — № 5. (на узбекском языке).
40. Федченко, А. П. Путешествие в Туркестан. — М.: Географиздат, 1950.
41. Фетва духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана о несовместимости «ишанизма» и «мюридизма» с основными догмами исламского шариата // ЦГА УзССР. Фонд № 2456. Оп. № 1, № 589. Л. 153–158.
42. Фиельструп, Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. — М.: Наука, 2002.
43. Чистов, К. В. Русская причеть. — Л.: Советский писатель, 1960.
44. Шаниязов, К. Узбеки-карлуки. — Т.: Фан, 1964.
45. Ягодин, В. Н., Ходжаев, Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. — Т.: Фан, 1970.

А.С. Аврутина, О.Б. Дармаева

**Атрибутивные конструкции
в турецком и корейском языках**

A. Avrutina, O. Darmaeva

Attributive constructions in Turkish and Korean languages

В научной литературе распространено традиционное понимание синтаксиса как части грамматики, объектом изучения которой является словосочетание и предложение, а также изучение способов соединения слов, словосочетаний, предложений, иными словами, изучение типов словосочетаний и типов предложений [1: 53]. Однако не следует забывать и о синтаксисе, который является подсистемой языка, и тогда эта подсистема включает в себя абстрактные модели, структуры всевозможных типов высказываний, больших, чем одно слово, сложившиеся в психике человека, отвлеченные образы функций, в которых выступают знаменательные слова в качестве компонентов высказываний (лексический субъект — лексический предикат, подлежащее — сказуемое, определение — определяемое, дополнение — дополняемое, обстоятельство — обстоятельственное уточняемое) [3: 6].

Во всех языках мира имеются всего лишь три типа наиболее общих синтаксических структур [7: 20]: 1) копулятивная структура, которая в речи реализуется как конструкция, состоящая из перечисляемых единиц; 2) двучленная предикативная структура, реализуемая в речи как конструкция: субъект — предмет мысли, предикат — то, что сообщается, утверждается о предмете мысли; 3) атрибутивная структура, один компонент которой представляет собой уточняемое (определяемое, дополняемое или обстоятельственное уточняемое), а другой — уточняющее (определение, дополнение или обстоятельство) [3: 71].

Материал агглютинативных языков, а именно взятых за основу корейского и турецкого, демонстрирует важнейшую строевую особенность: если в области копулятивных и предикативных конструкций указанные языки ничем не отличаются от привычных читателю индоевропейских языков, то в области атрибутивных конструкций рассматривае-

мый материал демонстрирует важное явление: каждый компонент такой конструкции располагается перед компонентом или словосочетанием, от которых он семантически либо грамматически зависит, иными словами, зависимый компонент предшествует главному [2: 260] или, согласно терминологии Г. П. Мельникова, уточняющий компонент предшествует уточняемому [6: 104–113]. Это правило настолько тотально, что полностью определяет структуру агглютинативного предложения в целом, что и будет показано далее.

Атрибутивная модель состоит из уточняемого (определяемое, дополняемое или обстоятельственное уточняемое) и уточняющего (определение, дополнение или обстоятельство) и бывает трех типов: а) определительная модель, которая в речи порождает конструкции типа *kırmızı elma* «красное яблоко»; б) дополнительная модель, на основе которой в речи формируются конструкции типа *kitab(ı) okuyor* «читает книгу»; в) обстоятельственная модель, которая может воплотиться, например, в конструкцию *yarın geleceğim* «приду завтра».

Представляется целесообразным дать определение каждой разновидности атрибутивных синтаксических форм (определятельных, дополнительных, обстоятельственных), и каждому их компоненту.

Определительные конструкции — форма, в которой отражена и обобщена связь предмета или действия с приписываемым ему или констатируемым у него признаком, может быть предварительно представлена в виде единства двух ее компонентов: определение (признак) + определяемое (обладатель признака) [3: 30].

Определяемое — один из двух находящихся в определительном отношении компонентов конструкции, который является главным, господствующим; он называет обладателя признака, т. е. предмет или действие, которому принадлежит или приписывается признак, выражаемый компонентом-определением.

Определение — один из двух находящихся в атрибутивных отношениях компонентов конструкции, являющийся подчиненным, зависимым и называющий тот признак, которым обладает предмет или действие, выражаемое главным компонентом синтаксической формы.

1. *Beyaz* (белый) *çakıl* (галька).

Для сравнения, данное словосочетание на корейском языке: 하얀 조약돌 *hayan* (белый) *joyaktol* (галька) — «белая галька».

2. *Ufak tefek* (крохотная) *bir* (неопределенный артикль) *kadın* (женщина).

На корейском языке: 작은 *jageun* (маленькая) 여인 *yeoin* (женщина) — «крохотная женщина».

Функционирование в качестве определений — специализация прилагательных (как в примерах выше), ряда субстантивных падежных и глагольных именных форм и определительных субстантивных конструкций (в тюркологии изафет).

Причастия

В турецком языке существует три формы причастий, которые представляют собой именные формы глагола, объединенные общим значением представления действия, называемого основой, в образе признака. Особенностью турецких причастий является агентивная сема, которая сигнализирует, что носитель признака является производителем действия, которое представлено в виде признака [2: 159].

В то же время в турецком языке существует особая категория именных глагольных форм — субстантивно-адъективные формы (САФ). В традиционной тюркологической литературе их нередко именуют причастиями, однако от причастий они существенно отличаются, во-первых, наличием темпоральных сем, а во-вторых, способностью представлять действие не только в качестве признака, но и «опредмечивать» его, представлять в качестве предмета [2: 161].

В корейском языке причастие имеет два значения: указание на зависимость предикатива от имени и выражение времени совершения действия или признака, обозначенного причастием. Есть причастия настоящего, прошедшего и будущего времени — 는 *neun*, — ㄴ/은 *n/eun*, — ㄹ/을 *l/eul* соответственно. Время причастия является относительным и соотносится не с моментом речи, а с временем совершения другого действия или наличия другого признака [5: 143–147].

Причастие настоящего времени: 이것은 니나가 공부하는 대학입니다 *Igeos-eun* (это) *Nina-ga* (Нина) *gongbuhaneun* (учиться+причастие наст. вр.) *daehag-immida* (университет) — «Это университет, в котором **учится** Нина».

В турецком языке подобное предложение образуется с помощью субстантивно-адъективной (именной) глагольной формы (САФ):

İşte (это) *Nina'nın* (Нина в Р. п.) *okuduđı* (учиться + САФ наст. вр.+ афф. прин.) *üniversite* (университет).

Причастие прошедшего времени: 이것은 니나가 공부한 대학입니다 *Igeos-eun* (это) *Nina-ga* (Нина) *gongbuhān* (учиться + прич. пр. вр.) *daehag-immida* (университет). — «Это университет, в котором **училась** Нина».

В турецком языке подобное предложение образуется с помощью субстантивно-адъективной (именной) глагольной формы (САФ):

İşte (это) *Nina'nın* (Нина в Р. п.) *okuduđı* (учиться + САФ пр. вр.+ афф. прин.) *üniversite* (университет) (САФ с показателем *-dik* обладает семой как прошедшего времени, так и настоящего).

Причастие будущего времени: 이것은 니나가 공부할 대학입니다 *Igeos-eun* (это) *Nina-ga* (Нина) *gongbuhāl* (учиться + прич. буд. вр.) *daehag-immida* (университет). — «Это университет, в котором будет учиться Нина».

В турецком языке подобное предложение образуется с помощью субстантивно-адъективной глагольной формы (САФ) с семой будущего времени:

İşte (это) *Nina'nın* (Нина в Р. п.) *okuyacađı* (учиться + САФ буд. вр.+ афф. прин.) *üniversite* (университет).

Причастие в корейском языке может выступать либо в функции определения, либо в сочетании со служебным именем и связкой (-것 *geos*) в функции сказуемого дополнительной предикатемы.

Изафеты (определятельные субстантивные конструкции)

Одной из отличительных особенностей синтаксиса агглютинативных языков является чрезвычайно высокая степень использования определятельных конструкций, состоящих из имен существительных. Конструкции, в которых в функции и определяемого, и определения выступают существительные, — определятельные субстантивные конструкции (в тюркологии изафет).

В турецком языке три формы изафета:

Изафет I — форма (безаффиксного) изафета, представляющая собой сочетание двух неаффирированных существительных, от значения первого из которых (определения) отвлекается относительный признак, например, материал, из которого состоит предмет, называемый вторым существительным (определяемым), его форма, пространственное соположение и пр. Например:

fötr şapka (фетровая шляпа), *taş köprü* (каменный мост), *tahta masa* (деревянный стол), *oyuncak kayık* (игрушечная лодка).

Изафет II — форма, являющаяся определительным сочетанием двух существительных с аффиксом принадлежности 3-го лица у определяемого (одноаффиксный изафет), служащая средством выражения широчайшего спектра относительных признаков, отвлекаемых от значения компонента-определения: *kadın şapkası* (женская шляпка), *ayak sesi* (звук шагов), *uyku ilâcı* (средство для сна, снотворное) и т. д. [4: 30–43].

Аффикс, которым снабжается компонент-определяемое в изафете II, С. С. Майзель предпочитает называть не притяжательным, а релятивным. «Этот аффикс выражает отношение в самом широком смысле этого слова...» [4: 16]. Представляется, что правильнее считать, что этот аффикс выполняет формально-грамматическую функцию, т. е. функцию формального признака изафета II, и его притяжательное значение вполне пригодно для передачи самых разнообразных связей в качестве смыслов. Подобное использование притяжательного значения «не по назначению», т. е. далекого от принадлежности смысла, наблюдается во многих языках мира. Примеры:

1. *Yer altı çarşısı* [Стамбул, Аксарай, надпись у входа в рынок]. — «Торговые ларьки в подземном переходе».

2. *Ellerinin arasında pırlıl pırlıl parlayan, portakal büyüklüğünde, top gibi bir cevher duruyordu* [VÖ MA I, 19]. — «В его руках находился похожий на мяч ярко сияющий драгоценный камень величиной с персик».

Именно безаффиксный и одноаффиксный изафеты освобождают тюркские языки от структурной потребности в относительных прилагательных.

Изафет III — модели, которые реализуются в речи как конструкции, представляющие собой определительное именное сочетание с существительным или местоимением в функции определения в родительном падеже и с существительным-определяемым, наделенным аффиксом принадлежности одного из трех лиц (двухаффиксный изафет), служащее средством выражения связи между предметами, которую говорящий считает притяжательной и, следовательно, как можно полагать, имеет грамматическое значение «обладатель + предмет обладания»: *kadının şapkası* (шляпка женщины), *ilmin faydası* (польза науки), *aşkın kuvveti* (сила любви) [4: 24–30].

1. *Çocuk+lar+ın baş+ı* [VÖ MA I, 9] — «Предводитель детей»;

2. *Kuyu+nun dib+in+de ışık+ın kaynağ+ın+ı gördüler* [VÖ MA I, 10] — «На дне колодца они увидели источник света»;

3. *Yıl+ın son gün+ü+ydū* [AN ADS, 85] — «Был последний день года».

В отличие от турецкого, в корейском языке отдельно не рассматривают определительные конструкции из имен существительных, однако можно выделить несколько типов таких определительных конструкций:

Тип 1: «*существительное 1 + существительное 2*», где существительные внутренне связаны определительными отношениями, без каких-либо внешних показателей (аффиксов).

전통 음식 *jeontong* (традиция) *eumsik* (пища) — «традиционная еда»;
대학생 기숙사 *daehaksaeng* (студент) *gisuksa* (общежитие) — «студенческое общежитие»;

러시아 *reosia* (Россия) 겨울 *gyeoul* (зима) — «русская зима».

Тип 2: «*существительное 1 + Р. п. + существительное 2*», где существительное или местоимение в функции определения в родительном падеже связано с существительным-определяемым.

Показателем родительного падежа в корейском языке является одновариантное окончание — 의 *eui*. Оно является показателем отношений атрибутивной зависимости имени от последующего имени. Основные значения родительного падежа в корейском языке следующие: родительный притяжательный обозначает: а) принадлежность, б) отношение, в) носителя признака; родительный качества служит для обозначения: а) признака, присущего или приписываемого предмету, б) целого по отношению к его части [5: 103].

나의 책 *na+eui* (я + Р. п.) *chaek* (книга) — «моя книга»;

뉴욕의 여름 날씨 *nyuyog+eui* (Нью-Йорк + Р. п.) *yeoreum* (лето) *nalssi* (погода) — «Нью-Йоркская летняя погода».

Тип 3: «*существительное 1 + 적 jeok + существительное 2*», где существительное с морфемой 적 *jeok*, которая служит показателем определения, связано с существительным-определяемым.

В корейском языке с помощью морфемы 적 *jeok* образуются так называемые неспрягаемые прилагательные от основ имен китайского происхождения. Морфема 적 *jeok*, происходит из китайского 的 *de*, которая, в свою очередь, служит показателем притяжения и также участвует в создании определительных отношений в китайском языке. В корейском языке данная морфема присоединяется к существительному и дает ему значение «относящееся к этому существительному, обладающее его свойствами». Формально прилагательные на -적 *jeok* характеризуются отсутствием категорий сказуемости, времени и прочих категорий, свой-

ственных предикативам. В предложении такие прилагательные выступают, как правило, в роли определения к имени. Например:

사회 *sahoe* (общество) — 사회적 *sahoe+jeok* (общественный);

고전 *gojeon* (классика); 고전적 대학교 *gojeon+jeok* (классический) *daehakkyo* (университет) — «классический университет».

В позиции определения такое прилагательное может сопровождать определительной формой связки -인 *in*, т. е. используется связка -이다 *ida* и определительная форма -ㄴ *n*. Например:

고전적인 대학교 *gojeon+jeog+in* (классический) *daehaggyo* (университет) — «классический университет».

Дополнительная конструкция являются средством выражения связи какого-либо действия, признака или предмета с каким-либо предметом и, предположительно, обладают значением типа «предмет связан с действием, признаком или предметом» [3: 44]. Конструкция состоит из двух компонентов — дополняемого и дополнения:

Дополняемое — главный компонент конструкции, который представляет собой образ действия, признака или предмета, уточняемых говорящим путем указания на их связь с каким либо предметом. В речи в функции дополняемого чаще всего фигурирует глагол, а также другие знаменательные слова (глаголы, существительные, числительные, местоимения, субстантивные формы глагола, прилагательные), способные выполнять эту функцию.

Дополнение — подчиненный, зависимый компонент конструкции, обобщенный образ предмета, посредством указания на связь с которым характеризуется, уточняется действие, признак или предмет, являющиеся главным компонентом синтаксической формы. Принято различать прямые и косвенные дополнения.

Прямое дополнение, как правило, сигнализирует о том, что предмет или воспринятое как предмет явление трактуется говорящим как объект непосредственного, прямого воздействия:

Kitab-ı (книгу) *okudum* (читал). — «Я читал книгу».

책을 읽었다 *Chaeg-eul* (книгу) *ilgeottda* (читал). — «Я читал книгу».

Косвенное дополнение сигнализирует о том, что предмет истолкован говорящим, как:

а) объект какого-либо непрямого, опосредованного воздействия:

Öğretmene sordum — «(Я) спросил у преподавателя»;

선생님께 질문했습니다 *Seonsaengnimkke* (у преподавателя) *jilmunhaesseumnida* (спрашивать) — «(Я) спросил у преподавателя»;

б) вторичный объект:

Ben bu kitabı kardeşime aldım. — (Я купил эту книгу моему брату);

나는 동생에게 이 책을 사주었다 *Naneun* (я) *dongsaeng-ege* (брату) *i* (эту) *chaeg-eul* (книгу) *sajueotta* (покупать для) — «Я купил эту книгу моему брату».

в) участник иной косвенной связи:

yardıma muhtaç, 도움이 필요한 doumi (помощь) *piryohan* (нужный) — «нуждающийся в помощи».

Обстоятельственная конструкция сигнализирует о том, что какое-либо явление (чаще всего действие) связано с другим сопутствующим ему и тем самым каким-либо образом характеризующим, уточняющим его явлением. Состоит из обстоятельного уточняемого и обстоятельства.

Обстоятельное уточняемое — главный компонент конструкции, абстрактный образ события, которое уточняется путем указания на связь с сопутствующим ему обстоятельством. Чаще всего в функции уточняемого выступает глагол: *Dün geldim* — «(Я) приехал вчера».

Обстоятельство, или **обстоятельное уточнение** — подчиненный, зависимый компонент конструкции, называющий то или иное событие, явление (время, место, условие, цель, причину, объект количественного сопоставления и т. п.), сопутствующее главному событию.

Обстоятельные модели в турецком языке широко представлены различными деепричастиями. В. Г. Гузев под деепричастием в первую очередь понимал глагольную форму, означающую действие, воспринимаемое как обстоятельство. Турецкая категория деепричастий содержит в себе более 60 глагольных форм. [2: 173–175].

Обстоятельные модели в корейском языке также представлены множеством разнообразных грамматических форм. Как и в турецком языке, обстоятельные модели представлены преимущественно деепричастиями. Далее рассмотрим примеры:

Модели со значением причины

제대 안 했으니까 당연히 군대에 있지 [김영하, 오직 두 사람. *Jedae* (демобилизация) *an* (отр.) *haess-eunikka* (делать + причина) *dang-yeonhi* (конечно же) *gundae* (в армии) *itchi* (быть)]. — «Я не демобилизовался, конечно же я в армии».

На турецком языке: *Terhis* (демобилизация) *olmadığım için* (САФ не стать + послелог причины) *askerdeyim* (в армии).

비가 많이 와서 댐이 무너졌다 [Информант, октябрь 2021] *Bi-ga* (дождь) *manhi* (много) *waseo* (приходить + причина) *daem-i* (дамба) *tuneojuyeotta* (рухнула). — «Дамба рухнула из-за сильного дождя».

На турецком языке: *Şiddetli* (сильный) *yağmur* (дождь) *nedeniyle* (последелог причины) *baraj* (дамба) *çöktü* (рухнула).

Модели со значением цели

그날 엄마는 나를 데리러 오지 않았다 [손원평, 아몬드 *Geunal* (тот день) *eomma-neun* (мама) *na-reul* (меня) *derireo* (брать + цель) *oji* (приходить) *anh-atta* (отр.). — «В тот день моя мама не пришла забрать меня».

На турецком языке: *O gün* (тот день) *annem* (моя мама) *beni* (меня) *almaya* (брать + отр. ф. + глагольное имя в Д. п. со значением «цель») *gelmedi* (приходить в отрицательной форме).

나는 친구를 만나고자 고향을 찾아 왔다 [Информант, октябрь 2021] *Na-neun* (я) *chingu-reul* (друга) *mannagoja* (встречать + цель) *gohyang-eul* (родину) *chaja watta* (посещать). — «Я проехал на родину, чтобы встретиться с другом».

На турецком языке: *Bir arkadaşım* (с другом) *buluşmak* (встретиться) *için* (чтобы последелог) *eve* (на родину) *gittim* (уезжать, я уехал).

Модели со значением условия

내일 눈이 오면 그가 산에 안 갈 것이다 [Информант, октябрь 2021] *Naeil* (завтра) *nun-i* (снег) *omyeon* (приходить + условие) *geuga* (он) *san-e* (в гору) *an* (отр.) *gal geos-ida* (идти). — «Если завтра пойдет снег, то он не пойдет в горы».

На турецком языке: *Yarın* (завтра) *kar* (снег) *yağarsa* (идти + условие) *dağlara* (в горы) *gitmez* (пойти в отр. форме).

집에 왔으면 먼저 부모님께 인사를 올려야지 [Информант, октябрь 2021] *Jib-e* (домой) *wass-eumyeon* (приходить + условие) *teonjeo* (сначала) *bumonimkke* (родителям) *insa-reul* (приветствие) *ullyeoyaji* (звучать). — «Если приходите домой, то в первую очередь нужно поприветствовать родителей».

На турецком языке: *Eve* (домой) *gelirseniz* (приходить + условие) *yarmanız* (глагольное имя + принадлежность) *gereken* (необходимое) *ilk* (первая) *şey* (вещь) *anne* (мать) *ve babanıza* (ваш отец в Д. п.) *selam* (приветствие) *vermekdir* (дать).

Заключение

В турецком и корейском языках одинаковый порядок следования компонентов атрибутивных конструкций: уточнение предшествует

уточняемому, т. е. определение предшествует определяемому, дополнение — дополняемому; обстоятельство предшествует своему уточняемому, что мы и увидели в примерах выше.

В корейском и турецком языках высокая производительность компонентов конструкций, вводимых глагольно-именными формами (масдарами, причастиями, субстантивно-адъективными формами, обстоятельственными формами глагола).

В целом атрибутивные конструкции корейского и турецкого языков демонстрируют типологическое сходство с некоторыми отличиями. Однако категория причастий в корейском и турецком языках имеет довольно много различий, поэтому данный вопрос представляет интерес и перспективу для дальнейшего тщательного исследования.

Литература:

1. Гаджиева, Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. — М.: Наука, 1973. — 408 с.
2. Гузев, В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. — 320 с.
3. Гузев, В. Г. Функциональный синтаксис современного турецкого языка: учеб. пособие / В. Г. Гузев, А. С. Аврутина. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. — 71 с.
4. Майзель, С. С. Изафет в турецком языке. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. — 184 с.
5. Мазур, Ю. Н. Грамматика корейского языка (Морфология. Словообразование). Теоретический курс. — М.: Муравей-Гайд, 2001. — 330 с.
6. Мельников, Г. П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. — М., 1969. — № 6. — С. 104–113.
7. Формальная логика / Отв. ред.-сост. И. Я. Чупахин, И. Н. Бродский. — Л., 1977. — 357 с.
8. Nesin, A. Anıtı Dikilen Sinek. Yedinci Basım. — İstanbul, 2004. — 128 с.
9. Öngören, V. Masalın Aslı. Birinci Kitap. Aydınlıktan Karanlığa. — İstanbul, 1983. — 181 с.
10. 손원평, 아몬드. 창비, 2017 [Сон Вонпхён. Миндаль. — Изд-во Чханби, 2017. — 233 с.]
11. 김영하, 오직 두 사람. 문학동네, 2017 [Ким Ёнха. Только двое. — Изд-во Мунхак Тонне, 2017. — 272 с.]

*Э. Акчай***Русские слова в повседневной турецкой речи
(на примере использования в городе Ардахан)***Е. Акçая***Russian words in colloquial Turkish speech
(as an example, the use in the city of Ardahan)**

На протяжении всей истории человечества приграничные зоны были очагами конфликтов. Несмотря на то, что ситуация на границах государств была в основном беспокойной, проживавшие в этих районах народы лучше были знакомы с культурой, языком и традициями друг друга, так как между ними происходил историко-культурный обмен.

Одним из таких ярких примеров может послужить граница двух великих государств — Османской и Российской империй, а именно Южный Кавказ. В истории межгосударственных отношений описываемых империй часть кавказских территорий постоянно переходила от одного государства к другому. В течение этого периода проводилась имперская переселенческая политика со стороны Российского и Османского государств.

Так, по окончании русско-турецкой войны (1877–1878) и согласно Берлинскому трактату в 1878 г. Карс, Ардахан и Батум вошли в состав Российской империи. После этого царские власти России переселили молокан и духоборов в Карс и Ардахан. Таким образом, до момента возвращения большевиками данной территории по Брестскому мирному договору (3 марта 1918 г.) турки, духоборы, молокане и другие народы проживали вместе, что сказалось на культуре и речи этих народностей.

Результатом такой политики явилось смешение культур. В силу этих исторических событий переселенные и смешанные между собой народы были вынуждены искать способы общения друг с другом, знакомясь с традициями и языками своих соседей. В данной статье описаны примеры заимствований, перешедших в диалекты турецкого языка из русского на примере разговорной речи в городе Ардахан.

А. А. Андреев, С. А. Красуцкий

**Письмо «на татарском языке» как черновик
челобитной кызылбашского посла Ага Асана
в России (1644–1645)¹**

Аннотация: Статья посвящена проблеме идентификации «письма на татарском языке» из дела РГАДА фонда 77 «Сношения России с Персией». Сам документ, как удалось выяснить, связан с пребыванием в России иранского посла Ага Асана в 1644–1645 гг. Его приезд был обусловлен противоречиями между двумя странами, накопившимися к середине 1640–х гг. На основании изучения архивного дела можно утверждать, что в период правления предшественника шаха Аббаса II обе стороны пытались урегулировать взаимные претензии путем пересчета товаров и платежей. Перевод и сравнительный анализ самого вышеупомянутого документа сопровождается публикацией его дубликата на персидском языке с комментариями.

Ключевые слова: челобитные, посольство Ākā Ḥasana в России (1644–1645), Михаил Федорович, держава Кызылбашей, Российское царство.

A. A. Andreev, S. A. Krasutsky

**A letter “in the Tatar language” as a draft of the petition
of the Kyzylbash ambassador Agha Asan
in Russia (1644–1645)**

Abstract: The article is devoted to the problem of identifying the “letter in the Tatar language” from the case of the RGADA fund 77 “Relations between Russia and Persia”. The document itself, as it turned out, was connected with the duration of the Iranian ambassador Agha-Asan in Russia in 1644–1645. His arrival was due to the accumulated contradictions between the two countries by the mid-1640s. Based on what was obtained during the study of the archival file upon his arrival, it can be stated that during the period of the reign of Shah Abbas II’s predecessor, both sides tried to settle mutual claims by recalculating goods and payments. The translation and comparative analysis of the above document itself is accompanied by the publication of its duplicate in Persian with comments.

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 18-78-10052-П «Документальная история русского направления дипломатии Сефевидов (1501–1722 гг.)».

Key words: Petitions, the embassy of Āḳā Kḩasan in Russia (1644–1645), Mikhail Fedorovich, the state of the Kyzylbash, the Russian czardom.

Документальное наследие истории отношений России со странами и народами Востока в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) распределено по многим отдельным фондам. Московскими коллежскими архивистами М. Н. Соколовским и Н. Н. Бантыш-Каменским во второй половине XVIII в. материалы по российско-иранским отношениям, хранившиеся в Архиве Коллегии иностранных дел были выделены в фонд 77 «Сношения России с Персией». Сам фонд стал состоять из трех описей, каждая из которых содержала в себе следующий условный тип документов: 1-я опись — книги и столбцы, 2-я опись — шахские и царские грамоты, 3-я опись — трактаты и царские грамоты персидским шахам. Хронологически все материалы охватывают период с 1588 по 1719 гг. [17]. Наибольшее количество документов хранится в первой описи (449 дел. Одно дело включает в среднем от 300 до 500 лл.), но работа над ней сопряжена с дополнительными трудностями. Вся опись делится на «посольские книги и столбцы».

Книги Посольского приказа являлись высшей формой делопроизводства этого ведомства, подразумевающей более высокий уровень обобщения информации [7: 287]. Посольские книги как комплекс исторических источников содержат в себе тексты различных документов: договоров («докончаний»), грамот монархов, переписки посольских дьяков с приставами и воеводами пограничных городов, наказов («наказных памятей»), отчетов («статейных списков»), «вестовых списков», верительных и «опасных» грамот, протоколов переговоров, списков подарков, росписей продовольствия, челобитных писем, содержащих разного рода «прошения» иностранных дипломатов к русским правителям [2: 96].

Посольские книги ценны тем, что работа исследователя фактически была проделана чиновниками XVII в., которыми был собран (вероятно, первично обработан) и переписан массив документов: договоры, челобитные, указы, практически все основные формуляры посольской и связанной с посольствами документации. В их числе: грамоты главам государств (подлинники и их отпуски), ответные грамоты (подлинники и переводы), наказ «черный» и наказ «белый», статейный список «черный» и статейный список «белый». Наказы и статейные списки переплетались в тетради и далее в книги.

Вместе с тем до нашего времени сохранились и первоисточники, так называемые столбцы/столпцы. Они представляют собой дела, где собраны (иногда в хаотичной манере) оригиналы грамот, челобитных и многочисленные черновики. В столбцах Посольского приказа объединялись материалы, относящиеся к тому или иному дипломатическому вопросу. Часть составляющих документов вырабатывалась непосредственно в Посольском приказе, часть поступала из городов, других ведомств, от российских дипломатов. Доставленные в Посольский приказ документы прочитывались, при необходимости представлялись государю и Думе, после чего на обороте первого листа документа (челобитной, отписки) дык делал помету: «Чтена. В столп», «Чтена, вклеить в столп» [7: 266].

Исходящие документы (грамоты, памяти, наказы) в обязательном порядке копировались в Посольском приказе. При этом черновик или копия (отпуск) вклеивался в столбец; в большинстве случаев в конце документа помещалась помета, сообщавшая о том, с кем и когда он был отправлен из приказа [8: 26].

Данный фонд, разумеется, уже привлекал к себе внимание исследователей, но колоссальное количество документов и сложности, связанные с чтением русской скорописи XVII в., стали причиной того, что значительная часть фонда (особенно с периода конца 1620 по 1690-е гг.) не была введена в научный оборот. Н. И. Веселовским в конце XIX в. были отобраны и опубликованы материалы первой и второй описи в трех томах известного фундаментального издания «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией» [10]. Третий том указанного сборника завершается публикацией документов, датированных 1618 г.

Насколько известно, в дальнейшем попытки подобных масштабных изданий, включавших в себя десятилетия отношений державы Сефевидов с Россией в XVII в., не предпринимались. В исследованиях П. П. Бушева [3], А. П. Новосельцева [9] и Н. Г. Кукановой [6] упоминается множество документов из первой описи данного фонда, но, как правило, полностью они не публикуются.

В связи с этим можно констатировать, что фонд № 77, как и многие другие фонды (например, фонд № 89, посвященный отношениям с Османской империей), нуждается в дополнительной ревизии объединенными усилиями профессиональных востоковедов и специалистов по истории России XVI–XVII вв.

В интересующем нас фонде 77 в первой описи нами было найдено «Дело №3 7153/1645 апрель 30. Отпуск памяти о бытии у кызылбашско-го Посла приставом сыну боярскому Иванису Злобину. Тут же и татарское письмо без переводу (у онога конца нет)» [11]. Название документа — «отпуск» — является самоназванием. До Генерального регламента 1720 г. не было или не сохранилось предписаний по именованию документов, и мы вынуждены говорить о существовании в течение почти шести веков самоназваний документов [4].

Документ с названием «Память» начинает функционировать в качестве канцелярского с XVI в. До этого времени употреблялся лишь в бытовом обиходе и имел значение личной памятной записки. Памятью в начале XVI в. называли также документы, представлявшие собой духовное завещание и именовавшиеся Рукописанием, или Духовной, или Вкладной, или Данной. В середине XVI в. формируется «память» как документ, представляющий собой распоряжение, предписание старшего по положению лица (а вскоре и учреждения) на конкретные действия своим подчиненным [4]. Обобщая вышесказанное, можно привести словарное определение данного рода документов. «Память» — общее название письменных сообщений, деловых записей, документов различного характера (обычно применявшихся при сношениях не подчиненных друг другу учреждений) [13: 141]. Примерно со второй половины XVI в. фигурируют в деловой документации «списки», т. е. копии с выданных документов, оставленные в деле для справки. Таким образом «отпуск по памяти» — это, говоря современным языком, копия документа межведомственной переписки.

Дело и содержащиеся в нем материалы (сам «отпуск по памяти» на двух листах, письмо на персидском языке на одном листе и одно письмо на одном листе на тюрки) относятся к периоду возвращения персидского посла Ага Асана (Āḡā Ḥasan) в Иран после приема у государя, который состоялся 22 декабря 1644 г. [12: л. 132]. Это было относительно большое посольство, вместе с Ага Асаном было 72 человека, причем 20 человек — это были «шаховы люди» и 51 его посольский человек [12: л. 134].

Главной задачей посольства было урегулирование спора по финансовым претензиям российской стороны, длившегося еще с 1629 г. Во время аудиенции была упомянута грамота от шаха Аббаса II (‘Аббас II) (1642–1667), к сожалению, в деле ее не сохранилось. В описи 2 фонда,

где, как правило, хранились оригиналы грамот, вместо нее также представлена копия в переводе [18].

В условно называемом «протоколе» процесса приема приводятся краткое резюме из грамоты шаха, где говорится о его желании быть с государем в «крепкой братской [дружбе] и любви... свыше предков... великих государей персидских...» [12: лл. 8–9]. Самого посла принимали в Грановитой палате. Во время приема от себя Ага Асан преподнес «шесть камок (Камка, камка золотная (перс. زر بفت) представляет собой шелковую ткань «с введением в нее тонкого пряденого и ленточного золота и серебра» [5: 44]) кызылбашских золотных цена шестьдесят пять рублей» [12: л. 132]. «Великому князю Алексею Михайловичу атлас (Атлас (перс. اطلس) — гладкая шелковая ткань, напоминающая типом выработки сатин [5: 48]) кызылбашский золотной цена пятнадцать рублей. Три камки кызылбашских золотных цена тридцать три рубли, камка кызылбашская алая цена четыре рубли, два лука мешецких цена лука по двадцать алтын» [12: л. 132–133]. Завершал список подарок жеребец аргмак [12: л. 135]. Все подарки были приняты в казну.

После соблюдения традиционного дипломатического этикета и дарообмена того времени перешли к обсуждению дел. В «протоколе» процесса приема посла у государя Михаила Федоровича (1613–1645) перечисляются все «обиды» понесенные подданными государя в державе Кызылбашей. В частности упоминались: потонувшие на море товары, пропавшие казенные товары в период грабежей времен Гилянского восстания 1629 г., неуплаченный долг со стороны беглербега Ширвана Фарух-хана и средства, что присвоил себе Савелий Арапов (русский, предположительно «купчина» (т. е. купец, продающий казенные товары), перешедший в ислам и присвоивший себе часть государевой казны) [12: л. 53].

В одном из сохранившихся столбцов (где сообщалось, какой ответ был дан от государя послу) сумма приводилась и в иранских, и в русских деньгах. К сожалению, та часть документа, где говорилось об алтынах, была деформирована. Сохранились только сведения о сумме ущерба в иранских деньгах — 1242 тюмени 42 абасы (из того, что сохранилось, можно прочесть как 11688 рублей 24 алтын) [12: л. 12]. Предыдущий «нечаянный» посол от шаха Сафи I (1629–1642) заменил те казенные товары, которыми шах хотел рассчитаться, на товары худшего качества, отнятые у других иранских купцов, и таким образом не додал в царскую казну 2182 рубля 2 алтын [1: 30].

Разбирательство продолжалось во время пребывания царских послов Семена Волынского и дьяка Сергея Матвеева в Кызылбашской державе в 1641–1642 гг. Шах Аббас тогда приказал послу (на самом деле брату посла) Сарухан-беку уплатить указанную выше сумму или отдать ее товарами послам, чтобы «Сарухан-бек царскою казною напрасно не завладел». Причем было указано, что последний вместе с русскими послами должен был поехать в Москву. В итоге уже прибывший в 1645 г. посол Ага Асан должен был доплатить недостающую сумму для полного возмещения ущерба [12: л. 226]. Исходя из имеющихся данных, есть основания полагать, что претензии были сняты. При этом российская сторона уведомила посла, что стоимость присланных товаров недостаточно высока, но ради «любительной дружбы» государь их принимает.

В самом деле имеется «межведомственная» переписка по еще одному эпизоду, представляющему интерес с точки зрения бюрократических и иерархических особенностей России периода преמודерна. Речь идет о микроисторическом по своему характеру происшествии в виде стычки и разговора на повышенных тонах на астраханской «государевой бусе», которое вышло на уровень межгосударственных дипломатических отношений. 19 июня 1642 г. в Астрахани был нанят сыном боярским Богданом [Петиным] кормщик «тезик гилянец» Амирхан. Последний, проведя бусу к Гилянцу из Астрахани, захотел сойти на берег и уйти [12: л. 38]. Его не отпускали, поскольку за него никто не мог поручиться, а согласно договору найма, он должен был служить кормщиком и на обратном пути до Астрахани. В итоге, рассердившись, что его не отпускают на берег, как сообщали воеводы из Астрахани, Амирхан начал «бесчестить» Богдана «злыми позорными скабрезными словами и говорил про великого государя нашего царя и Великого князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца и про государыню нашу царицу и великую княгиню Евдокию Лукьяновну и про государя нашего благоверного царевича и великого князя Алексея Михайловича всея Руси фарсовским языком такие непригожие злые воровские слова чего и помыслить немочно и ни в каких разных землях таких поганых злых слов неслыханно» [12: л. 39–40].

По данному вопиющему случаю было начато в Астрахани расследование. Воеводами были опрошены многие свидетели эмоциональной несдержанности кормщика, в том числе и юртовские татары. Последнее, к слову, и объяснили сыну боярскому Богдану, что Амирхан использует в отношении государя российского и его близких обценную

лексику. Гилянец в итоге был схвачен, доставлен в Астрахань и брошен в тюрьму. Позднее 27 сентября 1644 г. неудачливый сквернослов вместе с сыном боярским Иваном Сорокиным и шахским купчиною Биджанбеком был отправлен в Иран [12: л. 43].

Царем Михаилом Федоровичем была также направлена грамота шаху с купчиною, в которой содержалась просьба, чтобы Аббас II «того тезика Амирханка за то воровство и за злые воровские слова велел казнить смертью, а пощады бы ему не учинил, чтоб на то смотря иным так не воровать и таких злых слов не говорить» [12: л. 45]. Не дожидаясь прибытия в Гилян, Амирхан выкрал царскую грамоту у Ивана Сорокина, пока тот спал, выкинул в море и дальше преспокойно дожидался своей участи. Поскольку представитель государя остался без документов, ему пришлось длительное время доказывать, что грамоты были украдены. За это время Амирхан благополучно сбежал. На переговорах с Ага Асаном был поднят этот вопрос и вновь озвучена просьба найти «вора» сквернослова и казнить. В противном случае, это означало «нелюбие», т. е. окончание курса братской дружбы, идущей со времен шаха Аббаса I («Аббас I») (1588–1629) [12: л. 57–59].

Еще один неприятный эпизод, про который сочли необходимым сообщить послу Ага Асану, был связан с задержанием на несколько недель в Дербенте в 1642 г. посла князя Ефима Федоровича Мышецкого [12: л. 56]. Князь был направлен в Кахетию к царю Теймуразу (1606–1648), и ширванский беглербег Арап-хан его не пропускал, ссылаясь на отсутствие соответствующего указа от нового шаха. В то же время его люди притесняли русских купцов (отнимали товары, платили меньше указанной стоимости).

Теперь же вернемся к самому Ага Асану. Его отпускали из Москвы в мае 1645 г. и по указу Михаила Федоровича. И согласно указу от 13 мая, на отпуск Ага Асана выдавали «сорок собoley в семьдесят рублей, два сорока собoley по пятьдесят рублей...» [12: л. 162]. На момент отпуска в конце весны 1645 г. выяснилось, что посол в России преследовал и торговые интересы, причем сложно определить свои или шаха, вероятно, все вместе. Исходя из его собственных слов, сказанных дьякам накануне отпуска, ему было нечем платить за приобретенные товары московским купцам, поскольку ему самому не заплатили за проданный шелк [12: л. 173]. Также имела место дискуссия относительно обратной дороги. Дьяки Посольского приказа настаивали на том, чтоб он морем отплыл

из Астрахани, сам же посол просил государя отправить его с охраной из стрельцов до Терка (Терека). Посол настаивал также на том, что недополучил положенного продовольствия на своем пути к Москве, и просил с ним рассчитаться. Дискуссия с аргументами обеих сторон и фрагментами из отписок воевод в деле насчитывает восемь листов [12: л. 235–242].

В найденном нами «отпуске памяти», выделенном из комплекса документов, связанных с приездом посла Ага Асана, упоминается некто Иванис Злобин. Согласно указу Михаила Федоровича от 27 мая 1645 г. Иванису Гавриловичу Злобину, он был назначен приставом к персидскому послу и должен был сопровождать его на пути из Москвы в Казань [12: л. 289]. Достаточно редкое написание имени — Иванис/Иваниско позволяет идентифицировать его с Иванисом Гавриловичем Злобиным, служившим впоследствии в Сольвычегодске воеводой [14: с. 251].

Особое внимание привлекает также присутствующий в деле документ на тюрки, содержание которого долгое время оставалось неясным (Приложение 1). Однако при внимательном изучении, переводе и сравнении этой небольшой записки [11: л. 4] с письмом на персидском языке (Приложение 2) выяснилось, что она по содержанию идентична челобитной, поданной от лица шахского посланника. В записке сообщается, что кызылбашский посол Ага Асан «челом бьет», что шахское имущество, которое было поручено *тахвилдару* (от *перс.* نحويلدار — кладовщик, приёмщик) Ибрахиму и писарю Заин ал-‘Абидину в крепости Казань, во время пожара из амбара по ошибке перенесли в погреб некоего Гришки. С наступлением утра при подсчете имущества это обстоятельство вскрылось, поэтому *тахвилдар* и писарь обратились к Гришке, чтобы он позволил осмотреть свой погреб. Однако тот не разрешил, поэтому Ибрахим и Заин ал-‘Абидин обратились к казанскому воеводе. На этом заканчивается записка, что было отмечено уже в XVIII в.: «у оного конца нет».

Дальнейшую информацию можно почерпнуть из письма на персидском языке. По содержанию оно идентично записке на тюрки, но составлено более подробно и связно, из чего можно сделать вывод, что именно оно и было официальной челобитной. На эту мысль наводит еще и тот факт, что в персидском варианте представлен полный список утраченного имущества, что отсутствует в варианте на тюрки. В персидском документе сообщается, что воевода стал укорять Гришку и приказал вернуть шахское имущество [11: л. 3].

Сначала было выдвинуто предположение, что записка на тюрки является черновым вариантом персидской челобитной, однако некоторые особенности текста могут указывать на его возможную вторичность.

Так, в части, где говорится, что Ага Асан оставил имущество *тах-вилдари* и писарю, уведомив казанского воеводу, автор записки дважды употребляет слово *يازуб* (yāzūb — написал), одно из которых зачеркнул, возможно, не поняв, к чему оно относится в оригинальном тексте. Обращает на себя внимание и слово *نوینسنده* (nevīsande — писатель; писарь), которое автор написал с ошибкой, использовав вместо буквы *س* букву *ش*. Затем и это слово он зачеркнул. Можно высказать предположение, что автор записки просто механически переписал персидское слово и, поняв, что оно здесь неуместно, вычеркнул его. Аргументом в пользу этого может служить тот факт, что в дальнейшем употребляется тюркское слово *يازوجи* (yāzūjī — писарь) (строки 4–5) [11: л. 4].

Кроме того, в 10-й строчке, где речь идет об обнаружении недостачи, используется выражение *کیم کلوبتر* (kīm kelūbtur — недостаёт). Сама форма передачи персидского *کم* как *ким* была характерна для татарского языка (согласно Л. Будагову в татарском *کم* произносится как «kim», что явно могло отражаться на письме [16: 138]), что вкупе с другими показателями позволяет атрибутировать язык. Например, формы дательного падежа *-ga*, местоимение 3 л. ед. ч. *ul*, глагольная форма *-gan* и др. указывают на кыпчакскую группу тюркских языков, к которым относится татарский [15: 216–338].

Однако данные особенности представляются недостаточными для категоричного утверждения, что тюркский вариант является копией, в связи с чем на данный момент вопрос первичности/вторичности записки остается открытым. Ёмкость и краткость записки на тюрки могут служить аргументом как в пользу первой, так и второй версий.

Впоследствии кратко содержание этого письма нашло отражение в другом документе, включавшем целый комплекс из девяти пунктов к русскому царю [12: л. 313–314]. В этой челобитной, поданной на имя государя в Посольский приказ 23 апреля 1645 г., было 9 пунктов-вопросов — *فصل* или, как они были обозначены в русском переводе 1645 г., «статей», по которым Ага Асан просил царя вынести решение. Информация, содержащаяся в «статье» 4 условно общей челобитной, перекликается с представленными данными в челобитной на персидском языке и в записке на тюрки. Однако интересно то, что хотя в челобитной по

конкретному делу говорится, что казанский воевода приказал вернуть всё, что по ошибке попало в его погреб, в общей челобитной говорится так: «Если будет издан указ, чтобы Гришка все, что утаил, отдал, будем благодарны щедрости царя». Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на увещевания воеводы, проблема решена не была.

В записке на тюрки, в челобитной и в статье 4 общей челобитной от Ага Асана обращает на себя внимание наличие экзотизма: автор документа использует русское слово **پاگريب** (погреб) (**باکريب** в тюркском варианте), обозначающее помещение, расположенное ниже уровня земли. Кроме того, в обеих версиях присутствует калька с русского «бить челом» (**سر زدن** в персидском варианте) (**باش ورمق** в тюркском варианте).

Идентификация хранящихся в деле черновика и челобитной с комплексом документов, связанных с приездом посла Ага Асана, с одной стороны, позволяет скорректировать атрибуцию документа в архивном деле. Вместе с тем остаются открытыми несколько вопросов, требующих уточнения. Во-первых, нет ясности относительно порядка очередности появления документов (вполне вероятно, что это не черновик, а список-копия с челобитной персидского письма). Во-вторых, ранее при изучении документов из фондов РГАДА, относящихся к периоду 1628–1645 г., нам не встречались черновики, либо копии на тюркском языке к оригиналам документов, выполненных на персидском языке, что и привлекло наше внимание к нему. С какой целью, а главное кем производился перевод с тюркского на персидский (возможно, и наоборот), на данный момент неизвестно.

Приложение 1

- (1) اولوغ پادشاه خان هم اولوغ بی میخالا فودور اویچ جمله اوروس پادشاهی
- (2) و کوب مملکتلار نیک ده بولسا پادشاهی و حکمداری غا غزلباشی ایلچیسی
- (3) آقا حسن باش وره دور کیم خاصه شریف شاه عباس نیک مالی نی تحویلدار
- (4) نویسنده دکان قرآن قلعه سینده کناز کا معلوم ایتوب یازوب مال قوی
- (5) غان اکاندور کیچه قرآن قلعه سینه اوت توشوبدور و اول مال
- (6) لارنی انبار دین باکریب کا التکانده یانکلیب قراول لار کیچه
- (7) اجنده کیراشکا دکان نیک باکریبینه مال دین التوب صالوب تر لار
- (8) تانک آتوب کندوز بولغانده شاه لیق مال لارنی ابراهیم

- (9) تحویلدار برلان یازوجی زین العابدین که حساب ایتوب تر لار یازغان
- (10) دفترجه مالدین کیم کلوب تر بو ایگو ابراهیم تحویلدار برلان یازوجی
- (11) زین العابدین کلوب کراشکا کا ایتوب تر شاه لیق مالدین یانکلیب سنیک
- (12) باکریب کا سلغان بو لغای لار سنیک باکریبکنی کورا لیق اگر شاه لیق
- (13) مال بار بو لسا الایق اول کراشکا قویمایدور باکریب کورور کا بعد
- (14) پادشاه نیک توره اوینه باروب باش وروب تر لار قز آن

Приложение 2

- (1) پادشاه بزرگ خان الو بی میکائیل فدر آویج خلد الله ملکه
- (2) شهنشاه جمله کریسیان پادشاهی عالم پناهی کوپ مملکت لرین پادشاهی حکمداری را
- (3) بسر میزند ایچی غزلباش آقا حسن که مال خاصه شریفه را بتحویلدار و نویسنده در قلعه قزان
- (4) بدانسته کناز قزان نوشته مال گذاشته بود و در شب آتش می افند بار را که از
- (5) بپاکریب می بردند شب فراولها غلط کرده در پاکریب کیر اشکا می برند صباح که می شود
- (6) اموال پادشاهی را که ابراهیم تحویلدار و نویسنده زین العابدین که حساب می نمایند بموجب
- (7) تفصیل کم می آید بکیر اشکا میگویند که بار پادشاهی را بلکه در پاکریب شما باشد میخواهیم که
- (8) پاکریب ترا به بینیم کیر اشکا نمیکذار د بعد از آن به توره خانه پادشاه رفته عرض نمودند کناز
- (9) قزان میکائیل پدر آویج کیر اشکا را طلب نموده گفت چرا نکذاشتی که همان دم پاکریب ترا به بینند
- (10) خوب نکردی بعد از آن کیر اشکا میگوید که یک کله نیل در خانه فلانی پف(۴) می باشد می روند و یک کله
- (11) نیل میگیرند درینصورت معلوم شد که همه مال خاصه شریفه را کیر اشکا بر داشته در پیش(۴) او است
- پادشاه شفقت نموده مقرر دارد که مال پادشاه ایران را کیر اشکا
- (12) بدهد که نقصان
- (13) در مال پادشاه نشود باقی امره اعلی

تفصیل مال خاصه شریفه که برده اند	
دارای کاشان	قدک
سه طاق	□
دارای الوان	دارای لاکی
یک طاق	سه طاق
ابراشیم الوتن (۴) تیماجی	شله
هفتاد دسته	سی و پنج عدد
ابراشیم الوان گیلان	تیماج
بیست و یک دسته	بیست و چهار عدد

Литература:

1. Андреев, А. А. «Невольное» посольство Сарухан-бека в Москве в 1641 г.: причины и обстоятельства / А. А. Андреев, Д. Д. Копанева // Клио. — 2022. — № 5 (185). — С. 27–33.
2. Бокарева, О. Б. Посольские книги по связям России с Персией первой половины XVII в. // Вестник РГГУ. — № 7 (50)/10. — Серия «Исторические науки». Историография, источниковедение, методы исторических исследований. — С. 96–106.
3. Бушев, П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). — М., 1987. — 280 с.
4. Качалкин, А. Н. Русские документы до XVIII в. [Электронный ресурс] // URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_136.shtml (дата обращения 08.07.2022).
5. Клейн, В. К. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. — М.: Оружейная палата, 1925. — 67 с.
6. Куканова, Н. Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX в. — Саранск: Мордовское книжное издательство, 1977. — 284 с.

7. Лисейцев, Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. — Ч. 2. — М.: Институт российской истории РАН, 2003. — 484 с.
8. Лисейцев, Д. В. Приемы делопроизводственной работы служащих Посольского приказа начала XVII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сборник статей. — М., 2003. — С. 24–51.
9. Новосельцев, А. П. Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. — М., 1966. — С. 103–121
10. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н. И. Веселовского: В 3-х томах. — Санкт-Петербург: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890–1898.
11. Отпуск памяти о бытии у кизылбашского Посла приставом сыну боярскому Иванису Злобину. Тут же и татарское письмо без переводу (у оною конца нет) // РГАДА. — Ф. 77. Оп. 1. Столбцы 7153/1645 апр. 30. Д. 3. 4 лл.
12. Приезд от шаха Аббаса II посла Аги Асана — бытность его у государя и происходившие с боярами переговоры касательно выплаты убытков, починенных в Персии российским подданным и о новом учреждении в собираемых пошлинах как с российских в Персии, так и персидских в России товаров // РГАДА. — Ф. 77. Оп. 1. Столбцы. 1645 Мая – Июнь. Д. 1. 491 лл.
13. Словарь русского языка XI–XVII. — Вып. 14 (Отрава — Персона). — М.: Наука, 1988. — 314 с.
14. Списки городовых и воевод и других лиц воеводского управления московского государства XVII столетия. По напечатанным правительственным актам. — М.: Кучково поле, 2010. — 688 с.
15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. — М.: Наука, 2002. — 767 с.
16. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. — Том II / Сост. Лазарь Будагов. — Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1871. — 419 с.
17. Электронная версия описей фонда 77 «Сношения России с Персией» // РГАДА [Электронный ресурс] // URL: http://rgada.info/poisk/index.php?fund_number=0&fund_name=&list_name=&list_number=0&Sk=30&page=7 (дата обращения 05.05.2022).

18. Электронная версия второй описи фонда 77 «Сношения России с Персией» с сайта РГАДА [Электронный ресурс] // URL: http://rgada.info/poisk/index.php?fund_number=77&fund_name=&list_number=&list_name=&Sk=30&B1=+++%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8+++ (дата обращения 08.07.2022).

Дж. С. Аннаоразов

Ликвидация «советских» вождей в Северном Туркменистане в 1920–1925 гг.

Аннотация: В январе 1918 г., воспользовавшись революционной смутой, возникшей после Февральской революции в России, известный туркменский народный вождь Джунаид-хан, стоявший в оппозиции власти русского царя и хивинского, хана со своими отрядами занял город Хиву. Однако чрезмерное усиление власти Джунаид-хана настораживало других наиболее сильных туркменских вождей, а также часть узбекских национальных деятелей. Этим воспользовались ташкентские большевики, которые применили их для свержения ханской власти в Хиве. Эти и другие вопросы, связанные с установлением советской власти в Хорезме, в частности роль известных просоветски настроенных туркменских родоплеменных вождей в так называемой Хорезмской революции и в событиях первой половины 1920-х гг., практически не освещены в туркменской историографии постсоветского периода. В данной статье делается попытка исследовать эту трагическую страницу истории Туркменистана.

Ключевые слова: Хорезмская революция, советская власть, большевики, младохивинцы, просоветски настроенные туркменские родоплеменные вожди, ополчение, всадники, ревком.

J. S. Annaorazov

Elimination of the “soviet” leaders in Northern Turkmenistan in 1920–1925

Abstract: In January, 1918, having used the revolutionary distemper which was established after the February revolution in Russia the famous Turkmen leader Junaid khan, standing in opposition to the Russian tsar and Khivan khan, together with his group occupied the city of Khiva. However, excessive strengthening of Junaid khan discomforted other, stronger Turkmen leaders, and also some of the Uzbek national figures. Tashkent Bolsheviks took the advantage of it, and used them to overthrow the Khan's power in Khiva.

These and other issues related to the establishment of Soviet power in Khorezm, in particular, the role of well-known pro-Soviet minded Turkmen tribal leaders in the so-called “Khorezm revolution” and in the events of the first half of the 1920s, are practically not reflected in Turkmen historiography of the post-Soviet period. This article attempts to explore this tragic page in the history of Turkmenistan.

Key words: Khorezm revolution, Soviet power, Bolsheviks, Young Khivians, pro-Soviet minded Turkmen tribal leaders, militia, riders, Revolutionary committee.

В январе 1918 г. могущественный народный вождь из туркменского племени йомудов Джунаид-хан (1862–1938), в течение нескольких лет возглавлявший борьбу туркмен против хивинского хана и его союзера на русского царя, договорившись с командующим русскими войсками в Хиве полковником Зайцевым, занял столицу ханства. В результате в Хиве устанавливается своеобразное двоевластие: с одной стороны, на ханском престоле формально сидел Исфендияр-хан, с другой — осуществлялась военная диктатура Джунаида. Но вскоре Джунаид-хан сверг Исфендияра, а на трон посадил его брата Сеид Абдулла.

Однако чрезмерное усиление власти Джунаид-хана настораживало наиболее сильных йомудских вождей и узбекскую национальную буржуазию, которые вскоре стали в оппозицию к Джунаиду. Особенно враждебно к нему относился туркменский вождь Шамми Кель, которого летом 1918 г. Джунаид-хан сумел уничтожить в бою и разгромить его сторонников. А в конце августа – начале сентября 1918 г. Джунаид-хан разбил и отряды другого туркменского вождя — Гочмамед-хана.

Вскоре узбекские буржуазные деятели в лице младохивинцев и туркменские родоплеменные вожди недовольные Джунаид ханом установили связь с командованием советских частей, расположенных в Амударьинском отделе Туркестанской АССР, и ташкентскими большевиками. Пользуясь моментом, чтобы навязать советский строй, части РККА вторглись в пределы Хивинского ханства. Благодаря содействию йомудских ополчений Гочмамед-хана, Гулям-Али-хана, Шамурад Бахши, Нияз Бахши и Якши-Гельды-бека и других, в феврале 1920 г. большевикам удалось свергнуть Джунаид-хана. В результате советского вторжения в Хорезме произошло событие, которое известный большевик В. В. Куйбышев считал «первым звеном в цепи революций и восстаний на Востоке» [8: 82], а другой большевик Г. И. Бройдо назвал «“бутафурской революцией”», а ее политических лидеров — младохивинцев “политическим и рахитичным младенцем”» [1: 154].

В результате так называемой Хорезмской революции была провозглашена Хорезмская народная Советская Республика (ХНСР), а в апреле 1920 г. на I Всехорезмском курултае народных представителей было избрано правительство ХНСР во главе с младохивинцем П. Юсуповым. В новом правительстве, состоявшем из 13 человек, туркменам было представлено четыре места (Гочмамед-хан, Гулям-Али-хан, Шамурад Бахши и Моллаораз Ходжамамедов) [13: 130–131].

Однако после создания правительства ХНСР начались острые трения между новоиспеченными деятелями республиканской власти в Хиве, с одной стороны, — с полпредством РСФСР в Хиве, поддерживавшим правительство младохивинцев, а с другой — с просоветски настроенными туркменскими вождями. Несмотря на предупреждения М. Фрунзе о том, что «разоружение туркменских частей, враждебных Джунайд-хану, по существу, для нас неприемлемо» [11: 160], Р. Шакиров, который летом 1920 г. был назначен полпредом РСФСР в ХНСР, и его соратники С. В. Малышев, В. В. Дубянский, Я. М. Страумит и военный назир ХНСР Ш. Хасанов демонстративно потребовали от вождей разоружить ополченцев, но те наотрез отказались разоружаться, так как боялись Джунайд-хана, у которого все еще было немало вооруженных сторонников в Хорезме.

В этот же период (в августе 1920 г.) произошли два неудачных похода частей РККА и союзных с ней туркменских ополчений против Джунайд-хана. В этом командующий группой советских войск в Хиве В. Дубянский обвинил Гочмамеда, Шамурада-Бахши и Гулям-Али. Второй поход, проходивший уже без участия туркменских отрядов, также закончился полной неудачей [13: 130–131]. Именно в эти же дни начались бухарские события, которые закончились свержением власти эмира и провозглашением БНСР.

Для разоружения туркменских ополчений советские представители и младохивинцы решили под видом подготовки похода на Бухару собрать туркменских вождей в Хиве и уничтожить их. Как писал председатель Чрезвычайной комиссии по делам Хивы Г. И. Бройдо: «Они решили, что стоит перерезать всех вождей, как падет феодализм» [1: 266].

После получения вызова в Хиву по инициативе Гочмамед-хана руководители туркменских отрядов созвали совещание, на котором было решено, что Гочмамед-хан выедет в Хиву с отрядом в 600 человек, а остальные придут потом. Некоторые сподвижники Гочмамеда пыта-

лись отговаривать его от этой поездки, заявив, что «он слишком далеко зашел в службе большевикам» [11: 162].

Отряд Гочмамед-хана, прибыв в Хиву, располагался в пригородном саду Тазабаг, а сам он 16 сентября с 20 всадниками прибыл в столицу. В результате в тот же вечер в здании правительства Гочмамед-хан был вероломно убит, а его отряд из 600 всадников практически истреблен [5: 16]. Через некоторое время был убит другой влиятельный туркменский вождь Шамурад Бахши, арестованный ранее в Ташаузе, а Гялам-Али, заподозрив недоброе, не поехал в Хиву. Существует другая версия, по которой Гулям-Али-хан прибыл в Хиву с Гочмамедом, но сумел вовремя бежать и избежать расправы над собой [12: 151].

Таким образом, во время «Тазабагского погрома» было убито большое количество туркмен. А тем временем бесчинства карателей продолжались. 17 сентября 1920 г. коллегия полпредства РСФСР в Хорезме предписала В. Дубянскому продолжить разоружение туркменских ополчений, не останавливаясь ни перед какими жестокими мерами. В этой обстановке Гулям-Али-хан предложил йомудам защищаться, а Джунаид-хан вышел из песков и призывал всех туркмен объединиться под его началом.

Таким образом, попытка насильственного разоружения туркменских добровольческих отрядов ввергла республику в жестокую междоусобицу. Беженцы пополняли отряды Джунаид-хана, которые заняли туркменские районы Куня-Ургенч, Ильялы, Порсы и Тахта. В этой критической обстановке Турккомиссия ВЦИК и Совнарком РСФСР, отозвав в октябре 1920 г. Р. Шакирова из Хорезма, вместо него назначили М. В. Сафонова. Однако, когда новый полпред, приехав в Хиву, возмущался по поводу творимых бесчинств, его коллега С. Малышев спокойно сдавал арестованных под охрану хорезмских солдат, а те отрубили раненым всадникам Гочмамед-хана и Шамурад Бахшы головы, а потом, таская голову за ухо по базару, хвастались: «убил туркмена» [5: 16].

М. Сафонову с большим трудом удалось успокоить туркмен, а его приказ о приостановлении этапирования оставшихся в живых всадников Гочмамед-хана и Шамурад Бахши, способствовал росту доверия к новому полпреду. В середине марта 1921 г. Гулям-Али-хан, прекратив сопротивление, заключил мир с большевиками, а когда 8 апреля Якши-Гельды-бек прибыл с этой целью в Порсы, то его арестовали, но вскоре освободили.

Что бы ни обещали новые советские представители, виновники кровавой расправы над туркменами не были осуждены. Боясь, что час расплаты наступит, Р. Шакиров покончил собой, а Дубянскому помогли влиятельные сослуживцы, вследствие чего он сумел избежать суда [6: 74–75]. Находясь в Москве, Дубянский даже успел написать тенденциозную статью об участии туркмен в Хорезмской революции [7: 85]. В итоге вся ответственность за кровавые события была возложена на «узбекских националистов» и «туркменских басмачей». Так завершился первый этап ликвидации просоветских туркменских родовых вождей.

15 января 1924 г. вспыхнуло крупное антисоветское восстание в Хорезме, которому предшествовал ряд политических, социально-экономических и культурных мер, которые вызвали острое недовольство населения республики. В результате народное восстание в Хорезме вскоре охватило всю территорию республики. Восставшие обратились к Джунаид-хану с предложением возглавить восстание. Тот согласился и во главе нескольких сотен всадников снова вышел из песков.

В то время в Хорезме не было достаточного количества советских войск, поэтому командующий Туркфронтом отдал приказ о немедленной переброске в Хорезм частей 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, а затем и 8-й кавалерийской бригады под командованием И. С. Кутякова, который, прибыв в Хиву, сразу же установил связь с бывшими союзными вождями Якши-Гельды-беком и Нияз Бахши, а Гулям-Али-хан, наученный однажды горьким опытом, уклонился от встречи.

К этому времени восставшие, захватив многие города и населенные пункты республики, свергли советскую власть, а 19 января 1924 г. Джунаид-хан окружил столицу республики Хиву.

В полпредстве в Хиве командующим Хорезмской группы войск Кутяковым был заключен договор с Якши-Гельды и Нияз Бахши о совместном выступлении против восставших. По договору Якши-Гельды-бек передал в распоряжение советского командования 600 всадников, а Нияз Бахши — 400.

И. Кутяков, имевший дело с вождями, оставил характеристику каждого из них. В частности в своей книге, посвященной подавлению восстания 1924 г., он отмечал, что Якши-Гельды-бек как активный сторонник советской власти несколько раз был ранен в боях против Джунаида, за что и был награжден тремя орденами Красного Знамени. Как известно, этим же орденом был награжден и Нияз-бахши [10: 36]. За участие

в Хорезмской революции Гулям-Али-хан также был награжден орденом Красного Знамени. Однако почему-то И. Кутяков не счел нужным отметить это в своей книге.

В советской и туркменской историографии факт награждения Якши-Гельды-бека и Нияз Бахши орденом Красного Знамени незаслуженно замалчивался. Что же касается награждения Гулям-Али-хана орденом Красного Знамени, то об этом до недавнего времени исследователям вообще не было известно. Автор этих строк обнаружил, что еще в 1921 г. эту высокую награду за Хорезмскую революцию получил и Гулям-Али-хан [14].

По договору, заключенному с командованием Хорезмской группы войск, Якши-Гельды-бек приступил к очищению от восставших туркменских районов, а Нияз Бахши — узбекских. Однако Джунаид-хан сумел разгромить своих главных соперников. В результате отряд Якши-Гельды потерпел серьезное поражение и потерял 300 человек убитыми и ранеными, сам он был тяжело ранен [10: 76]. Однако к концу февраля советские войска все же сумели подавить Хорезмское восстание и очистить оазис от восставших.

Для полного подавления восстания 26 февраля 1924 г. после тщательной подготовки, в сопровождении девяти самолетов 82-й кавалерийский полк (800 бойцов), разбившись на три боевые группы, подкрепленный всадниками Якши-Гельды-бека, начал преследовать Джунаид-хана в песках. 8 апреля, приняв последний бой, Джунаид-хан с остатками отряда ушел за границу.

После подавления восстаний 1924 г. вновь встал вопрос о разоружении туркмен. Однако в знак благодарности за 1924 г. от сдачи оружия освобождали ополченцев Якши-Гельды-бека и Нияз-Бахши.

В результате национально-государственного размежевания, проведенного в октябре 1924 г., бывшая Туркменская область Хорезмской ССР вошла в состав Туркменской ССР в качестве Ташаузского округа. Ко времени образования ТССР бывшие родоплеменные вожди, сотрудничавшие с большевиками, занимали ответственные государственные посты в бывшей Туркменской области Хорезмской ССР. Например, Нияз-Бахши был председателем Тахтинского ревкома, Якши-Гельды бек — Куня-Ургенчского, Гулям-Али — местности Мая-Батан, Хеким-бек — Ильялинского, а Анна Бай — Акдепинского ревкома [15: 8].

Однако после образования Туркменской ССР новая власть стала

третировать бывших вождей. По свидетельствам руководителей Ташаузского округа, когда председателей ревкомов и их заместителей приглашали в окружной центр на собрание, то каждый из них приезжал с полной вооруженной охраной, достигавшей ста всадников.

Таким образом, к моменту образования ТССР на территории Ташаузской области было несколько крупных родоплеменных вождей. Однако, если раньше вождей делили на «дружественных» (т. е. советских) и «враждебных» (т. е. «басмачей»), то начиная с 1925 г. все значились в одном списке и назывались «басмачами». Яркое тому свидетельство — военно-политический обзор Ташаузского округа, сделанный комбригом Я. А. Мелькумовым в июне 1925 г. [18: 4–6].

Конечно, среди местных большевиков были люди, которые симпатизировали Джунаид-хану. Например, председатель СНК ТССР К. С. Атабаев уважительно относился к Джунаид-хану и даже считал его «национальным героем» [2], так как он долгие годы возглавлял борьбу туркмен против Хивинского хана и русского царя. К. Атабаеву удалось убедить Джунаид-хана прекратить вооруженную борьбу против советской власти, а взамен I Всетуркменский Съезд советов, проходивший в феврале 1925 г., полностью амнистировал Джунаид-хана.

После образования ТССР между Атабаевым и Джунаид-ханом установились доверительные отношения, они вели личную переписку, правительство республики оказывало всемерную помощь Джунаид-хану. Трудно представить себе, каким было настроение тех, кто уже в течение 6–7 лет непрерывно боролся против Джунаид-хана. Они оказались в очень сложном положении. К тому же вскоре Средазбюро ЦК ВКП(б) взяло курс на ликвидации бывших союзников — родоплеменных вождей. К середине 1925 г. все вожди — председатели ревкомов были освобождены от занимаемых должностей.

Первым из «советских» вождей был ликвидирован Гулям-Али. Вскоре представился и удобный случай, чтобы обвинить его в связях с «басмачами», участии в грабежах и убийствах. В мае 1925 г. у кол. Палчыклы, что в 90 км юго-западнее Ильялы, был ограблен большой караван и убиты торговцы из Ашхабадского района. За это преступление в июне 1925 г. были осуждены советским судом несколько человек. Гулям-Али-хана необоснованно обвинили в связях с ними. Но, учитывая его влияние и заслуги перед советской властью, вождя не трогали. Ему было предложено выехать из пределов Ташаузского округа и по-

селиться в районе Ашхабада. Однако 21 июня 1925 г., через несколько дней после приезда в Ашхабад, он был убит [3: 60], а вину свалили на родственников убитых торговцев. Однако, учитывая намерение властей ликвидировать Гулям-Али хана, не исключено, что убийство известного вождя было запланировано и осуществлено сотрудниками ГПУ.

Так был ликвидирован очередной участник Хорезмской революции, кавалер ордена Красного Знамени, бывший назир (министр) Хорезмской республики и председатель советского ревкома Гулям-Али-хан. Вскоре по приговору советского суда был расстрелян один из его ближайших сподвижников Меред Доу (Meret Döw), командовавший советским милицейским отрядом.

Убийство Гулям-Али-хана и расстрел Меред Доу вызвало переполох в Ташаузском округе и сильно напугало вождей. Поэтому, боясь выступления населения отдельных районов, по предложению окружного ревкома в Ташаузском округе объявили военное положение. Однако ожидаемого всеобщего выступления народных масс не последовало. Лишь из района проживания Гулям-Али-хана бежали в пески около сотни человек [19: 159].

Следующим вождем, ставшим жертвой произвола, был Якши-Гельды-бек. Средазбюро ЦК ВКП(б) санкционировало его ликвидацию. В связи с этим был разработан специальный план с участием ответственных партийцев и работников ГПУ [17: 36–37].

Чтобы ликвидировать Якши-Гельды-бека, чекисты несколько раз побывали в его крепости в Куня-ургенчском районе под видом советских работников. Как подобает туркмену, Якши-Гельды-бек каждый раз гостеприимно принимал их, все время находился с ними, и даже ночевал с ними в одной юрте. При расставании он собственноручно усаживал «гостей» на седло [9: 55].

Рано утром 11 сентября 1925 г. из Ташауза в крепость Еникала была отправлена сотня 83-го кавалерийского полка и саперного полуэскадрона 8-й Туркестанской кавалерийской бригады при четырех пулеметах и двух орудиях, а 12 сентября из Ходжейли — разъезд всадников из упомянутого полуэскадрона [20: 439]. 12 сентября красноармейцы прибыли в Еникала. Командира группы Б. И. Ветцеля и сопровождавших его бойцов джигиты вождя беспрепятственно пропустили в крепость. У входа в кибитку стоял сам Якши-Гельды, пропуская «гостей» внутрь. Однако Ветцель не выдержал и дал знак схватить Якши-Гельды, хотя тот еще не

вошел в кибитку [20: 241]. Начался бой, в котором погибли два красноармейца и командир группы Ветцель, пятеро были ранены. Якши-Гельды также был ранен в живот и вскоре умер, погибли его духовник и секретарь [21: 130]. Помощник Якши-Гельды-бека Шалтай Батыр забрал родных и близких и во главе 70 всадников удалился в степь [20: 439].

Так был ликвидирован трижды орденноносец, сторонник советской власти, бывший председатель Куня-ургенчского ревкома Якши-Гельды-бек. К слову сказать, за более чем 70-летнюю историю советской власти ни один туркмен не был удостоен чести заслужить три ордена Красного Знамени.

Убийство Якши-Гельды-бека, Гулям-Али-хана и других более мелких «советских» вождей произошло в то время, когда амнистированный Туркменским правительством Джунаид-хан — ярый враг советской власти, получая солидную помощь от правительства республики, спокойно проживал в местности Уас в Куня-ургенчском районе, готовясь к новой войне против большевиков.

Всадники Якши-Гельды-бека и Гулям-Али-хана, выжившие после ликвидации их вождей, ушли в пески к Джунаид-хану и впоследствии под его командованием участвовали в антисоветском восстании 1927–1928 гг. Так, например, поступил Шалтай Батыр — ближайший помощник Якши-Гельды-бека, и Султан-Мурад, брат Гулям-Али-хана и другие, которые отныне стали «басмачами» [17: 38]. Однако и это восстание было подавлено конной группой 8-й Туркестанской кавалерийской бригады под командованием А. Борисова [4].

Жившие до осени 1925 г. в земледельческой полосе и сотрудничавшие с Красной Армией и советской властью такие родовые вожди, как Торе Сердар, Язан Окуз, Нур-Гельды и другие также навсегда покинули оазис и превратились в «басмачей». Хотя совсем недавно они были сторонниками советской власти, сподвижниками и помощниками Гочмамед-хана, Гулям-Али-хана, Шамурад Бахши, Нияз Бахши и Якши-Гельды-бека.

Причиной ликвидации «советских» родоплеменных вождей, на наш взгляд, послужил тот факт, что ни младохивинцы, ни хивинское духовенство не обладали той силой, чтобы быть достойными политическими конкурентами большевиков в борьбе за власть в регионе. Единственной реальной противостоявшей им силой могли быть только туркменские вожди с их боеспособными ополчениями. И именно поэтому, несмотря

на то, что туркменские вожди были союзниками новой власти в борьбе против Джунаида, большевики все же рассматривали их как будущих сильных соперников в борьбе за власть, что в итоге и послужило причиной быстрой расправы над ними. А что касается событий 1924–1925 гг., в это время вожди уже не считались соперниками, а являлись большим препятствием на пути установления единоличной власти большевиков. Как известно, в борьбе за власть всегда верх брали самые жестокие приемы и крайние меры вплоть до физического уничтожения своих союзников.

Как показывает история, большевики даже с Джунаид-ханом поступили более цивилизованно, нежели со своими бывшими союзниками-вождями. Главная «опасность» для новой власти, исходящая от вождей, заключалась в том, что они имели большое влияние на своих соплеменников. Поэтому, не устранив их от власти и не уничтожив физически, сложно было бы установить советскую власть там, где они властвовали. Конечно, у вождей тоже имелись свои «грехи» перед советским правительством, например Гулям-Али, Якши-Гельды, Нияз Бахши и еще ряд вождей в период национально-государственного размежевания выступали против включения Туркменской области Хорезма в состав ТССР. К тому же они всячески своевольничали и не хотели подчиниться руководству своего округа и властям республики. Но в то же время их можно было бы оставить в живых или выслать куда-нибудь. Например, сын Гочмамед-хана, после того как он подрос, в начале 30-х гг. надолго отправили в ссылку на Украину. А Хеким-бека, главу племени емрели, бывшего председателя советского ревкома, сослали в Каахкинский район, подальше от Ташаузского округа. Видимо, в Туркмении вожди были столь значимыми фигурами, что было целесообразней их ликвидировать, чем оставить в живых.

Обобщая сказанное, следует отметить, что Гулям-Али-хан, Якши-Гельды-бек, Нияз Бахши и другие являлись такими же вождями, как Гочмамед-хан и Шамурад Бахши, и именно поэтому советская власть не пощадила ни тех, ни других. Трагичность судеб Гочмамед-хана, Шамурад Бахши и других вождей заключается в том, что если бы их не ликвидировали в сентябре 1920 г., то эта неотвратимая участь постигла бы их в 1925 г.

Литература:

1. Абдуллаев, К. Н. От Синьцзяня до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. — Душанбе, 2009. — 571 с.

2. Аннаоразов, Дж. К. Атабаев: Туркмены не должны быть жертвой какой-то пролетарской политики // Яшком. — 1990. 18 февраля.
3. Артыков, А. Первые годы борьбы. — Ашхабад, 1969.
4. Борисов, А. Поход конной группы 8-й кавбригады в Кара-Кумскую пустыню в 1927 году. — М., 1932. — 144 с.
5. Генис, В. Л. Свержение младохивинского правительства в 1921 году. // Вопросы истории. — 2004. — № 1. — С. 15–31.
6. Глуховский, С. Когда вырастали крылья. — М., 1965. — 160 с.
7. Дубянский, В. Басмачи в Хорезме и роль их в Хивинской революции // Красная Армия. — 1922. — № 10–11.
8. Зевелев, А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах / А. И. Зевелев, Ю. А. Поляков, А. И. Чугунов. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. — 244 с.
9. Калинин, Н. Н. Имя мое — Свобода. — Ашхабад, 1984. — 412 с.
10. Кутяков, И. Красная конница и воздушный флот в пустынях. 1924 год. — М.; Л., 1930. — 216 с.
11. Непесов, Г. Победа советского строя в Северном Туркменистане (1917–1936 гг.). — Ашхабад: Типография ТФ АН СССР, 1950. — 398 с.
12. Письмо в ЦК РКП председателя комиссии по борьбе с басмачеством // РГАСПИ. — Ф. 17. Оп. 33. Д. 135. Л. 150–164 об. // URL: <http://islamprespectives.org/rpi/items/show/11717> (дата обращения: 18.04.2019).
13. Погорельский, И. В. История Хивинской революции и Хорезмской народной Советской Республики 1917–1924 гг. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. — 228 с.
14. Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. — М., 1926 // URL: <http://kdkv.narod.ru/WW1/Spis-BKZ-04G.html> (дата обращения: 25.12.2014).
15. Центральный государственный архив политической документации Туркменистана (ЦГАПДТ). — Ф. 51. Оп. 16. Д. 131. Л. 8.
16. ЦГАПДТ. — Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 74. Л. 71.
17. ЦГАПДТ. — Ф. 51. Оп. 16. Д. 60. Л. 36–37.
18. Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГАТ). — Ф. 1. Оп. 6. Д. 30. Л. 4–6.
19. ЦГАТ. — Ф. 2. Оп. 2с. Д. 29. Л. 159.
20. ЦГАТ. — Ф. 2. Оп. 1. Д. 79. Л. 439.
21. ЦГАТ. — Ф. 2. Оп. 2. Д. 109. Л. 130.

Т. А. Аширов

Место и роль книги «Родной язык» М. Гельдиева в истории туркменского языка

Ключевые слова: Гельдиев, родной язык, туркменский язык, тюркология, развитие.

Начало XX в. было периодом различных культурных и научных событий в Туркменистане. Одной из прогрессивных тем того времени был туркменский язык. В этом смысле особое место принадлежит Мухаммеду Гельдиеву, о чем свидетельствует его участие от имени Туркменистана в общественном собрании тюркологов в Баку в 1926 г. Особое место занимает его творчество, в частности ценная работа «Родной язык в начальной школе (Программа по родному языку)» (باشلانغچ مه كته پده انه اديلي هه م پيروگرامما), которая была опубликована в 1925 г. в Полтарацке (Ашхабад). Это исторический труд, не утративший своей ценности и сегодня в плане преподавания родного языка в Советском Туркменистане. В начале своей книги, в рубрике «Наша школа» Гельдиев оценивает историю туркменских школ, особенно после Октябрьской революции. После чего, в рубрике «Наши слова вам здесь» объясняет, что большинство начальных школ среди туркмен обучают на четырехлетней основе, несмотря на то, что они рассчитаны на два года, и что необходимо перейти на нее. М. Гельдиев излагает общую программу, по которой нужно следовать в течение четырех лет, в разделе «Четырехлетние начальные школы». общую программу. В разделе «Роль родного языка в школах, его важность и ценность» он говорит о важности родного языка в начальных школах. В разделе «Преподавание родного языка в школе» наряду со знанием общей культуры он подробно объясняет пять принципов обучения, сказав: «порядок преподавания родного языка в четырехклассной начальной школе таков». В этой работе определена программа, которая должна быть продолжена в туркменских начальных школах, и широко рассматривается методология преподавания. В нашем замечании была предпринята попытка определить и оценить значение и место в историческом процессе туркменского языка работы «Родной язык в начальной школе (Программа по родному языку)» М. Гельдиева, опубликованной в 1925 г. в Ашхабаде джадидским алфавитом.

Tahir Aşirov

M. Geldiyev'in "Ana Dili" Kitabının Türkmen Dili Tarihindeki Yeri ve Rolü

Key words: Geldiyev, Ana Dili, Türkmen Dili, Türkoloji, Gelişme.

XX. yüzyılın başı Türkmenistan'da değişik kültürel ve bilimsel gelişmelerin yaşandığı bir dönemdir. Bu dönemde gelişme gösteren konulardan birinin de Türkmen dili olduğu görülebilir. Bunda, 1926 yılında Bakü'de gerçekleşen Türkoloji kurultayına Türkmenistan adına katılan Muhammet Geldiyev'in (1889–1931) ve onun çalışmalarının ayrı bir yeri vardır. Özellikle de Geldiyev'in 1925 yılında Poltaraski'de (Aşkabat'ta) "Başlangıç Mektepte Ene Dili (hem programı)" (باشلانغچ مه كته انه ادبلي هه م پيروگرامما) isimli yayınladığı eseri değerlidir. Bu eser Rusça "Родной язык в начальной школе (Программа по родному языку)" şeklinde tanıtılmıştır. Bu, Sovyet Türkmenistanı'nda ana dilin okutulmasıyla ilgili günümüzde de değerini kaybetmemiş tarihi bir eserdir. Geldiyev kitabının başında "Bizim mektep" diye başlık açmış ve onda Türkmen okullarının tarihini, özellikle Ekim İhtilalinin etkisi bağlamında değerlendirmektedir. Bundan sonra "Bizim burada size söyleyecek sözümüz" başlığında Türkmenler arasında başlangıç okullarının çoğunun iki yıl olmasına rağmen dört yıllık esasına göre hazırlandığını ve ona geçmenin gerekliliğini açıklamaktadır. Geldiyev "Dört yıllık başlangıç mektepleri" isimli bölümde dört yılda takip edilecek genel programı belirtmektedir. "Ene dilinin mekteplerdeki önemi, onun değer - kıymeti" isimli bölümde, ilkokullarda ana dilinin öneminden bahsetmektedir. "Mektepte Ene dilini okutmak" adlı başlıkta, öğrenciye genel kültür bilgisinin verilmesiyle birlikte "dört sınıflı başlangıç mektepte ana dilinin okutuş tertibi işte şöyle oluyor" diye beş esasta detaylı bir şekilde açıklamaktadır. Bu eserde Türkmen ilkokullarında takip edilecek program belirlenmekte ve okutma metodolojisi geniş bir şekilde maddeler halinde ele alınmaktadır. Bildirimizde, M. Geldiyev tarafından 1925 yılında Aşkabat'ta "Başlangıç Mektepte: Ene Dili (hem programı)" adıyla cedit alfabesiyle yayınlanan eserinin Türkmen Dilinin tarihi sürecinde yeri ve günümüz açısından önemi belirlenmeye ve değerlendirilmeye çalışılacaktır.

Tahyr Ashyrov

The Place and the Role of the Book “Native Language” by M. Geldiyev in the History Turkmen Language

Ключевые слова: Geldiyev, Native language, Turkmen Language, Turkology, Development.

Beginning of XX century was a period of different cultural and scientific developments in Turkmenistan. It can be seen that one of the progressing topics of that time was Turkmen language. In that, it has a special place of Muhammet Geldiyev (1889–1931) and his works who attended on behalf of Turkmenistan to public meeting of Turkology which were materialized in Baku in 1926. Particularly, Geldiyev’s valuable work of “Native language (and program) in elementary school” (باشلانغچ مه كته پده انه ادیلی هه م پیروگرامما) which were published in 1925 in Poltaraski (Ashgabat). This work was introduced in Russian as “Родной язык в начальной школе (Программа по родному языку)”. This is historical work that not lost its value even today regarding to teaching in mother tongue in Soviet Turkmenistan. In the beginning of his book Geldiyev wrote a heading “Our school” which evaluated history of Turkmen schools, especially impacts of October revolution. Whereupon, in the title “Our words to you here” among Turkmens in despite of many elementary schools were 2 years, it was prepared as 4 years and explained necessity to passing to that program. Geldiyev defined general program that needs to be followed in 4 years in the part named “four year elementary schools”. In the part named “Importance of mother tongue in schools, its worth — value” he talks about importance of native language in elementary schools. In the title “Teaching mother tongue in school” along with knowledge of general culture he explained 5 principles in detail saying: “Teaching order of the mother tongue in elementary school with four classes is like this”. In this work, program that needs to be follow-up in Turkmen elementary schools is defined and teaching methodology handled widely and partly. In our notice, it’s been tried to determine and evaluate the importance today and place in historical process of Turkmen language from work “Native language (and program) in elementary school” by M. Geldiyev published in 1925 in Ashgabat with credit alphabet.

Т. Б. Бекджаев

Из истории изучения фразеологизмов в туркменском языкознании

Аннотация: В работе говорится о научном изучении фразеологии, которое началось в 40-е годы XX столетия, и к настоящему времени созданы фундаментальные труды. Большая работа выполняется по изучению не только лексико-семантических особенностей, но и структуры ФЕ. Выполнены также исследования по сравнительному изучению русских, туркменских и английских фразеологизмов. Продолжаются исследования по изучению употребления ФЕ в литературных произведениях.

Ключевые слова: туркменское языкознание, туркменская фразеология, фразеологизм, сравнительное изучение языков.

T. B. Bekjajev

From the history of studying phraseological units in Turkmen linguistics

Abstract: In this article the information on studying phraseological units scientifically in the Turkmen linguistics is given. Basic scientific researches on the Turkmen phraseology coming from the forties of XX century up to the present days were made. Great works are done in studying not only lexical and semantical peculiarities of the phraseological units, but also their structures. Many works were written in contrastive analyses of phraseological units of Turkmen and Russian, Turkmen and English. The scientific researches are continuously made in studying the phraseological units used in the works of writers and poets.

Key words: Turkmen linguistics, Turkmen phraseology, phraseological unit, contrastive study of languages.

В результате интенсивного научного изучения фразеологизмов в русском языкознании в 40-е годы XX столетия туркменские лингвисты также начали обращать более пристальное внимание на аналогичные единицы родного языка. Уже в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в туркменском языкознании появляются первые заметки о фразеологизмах.

Первое научное осмысление фразеологии туркменского языка было

обнародовано в работе П. Азимова «Туркмен лексикологиясы» (Туркменская лексикология) [1], где автор дает определение фразеологизмам и приводит несколько примеров. В словаре Ш. Батырова и Г. И. Карпова также дается определение идиом, которые считаются их частью фразеологизмов, приводятся примеры [2].

В 1950-е гг. фразеология начала изучаться как отдельная отрасль лингвистической науки. В первую очередь объектом исследования становятся признаки дифференциации фразеологизмов, пути обогащения фразеологического фонда туркменского языка, уровень срассенности компонентов фразеологизмов, классификация ФЕ. При классификации ФЕ в основном учитывались слова, встречающиеся в составе идиом, художественной литературе и мифологии.

В книге С. Атаева [3: 11] фразеологизмы классифицируются следующим образом: 1) идиомы, 2) идиоматические словосочетания, 3) словосочетания художественной литературы и древней мифологии.

Начиная с 60-х годов XX в. фразеологизмы туркменского языка подвергаются более пристальному изучению. В трудах лингвистов исследуется проблема отношения фразеологизмов к поговоркам и крылатым выражениям. Выдвигаются мысли о классификации фразеологизмов наподобие фразеологических единиц русского языка — фразеологические срассения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Как один из видов фразеологизмов более глубоко изучаются идиомы.

В специальной работе, посвященной изучению словарного состава туркменского языка, доктор филологических наук А. Аннануров [4: 68] в основном обращается к системе классификации, предложенной академиком В. В. Виноградовым [5]. Необходимо обратить внимание, что и работа, выполненная в тот период Г. Ачиловой, является одной из первых, посвященных изучению фразеологизмов туркменского языка [6].

Достоин упоминания и монография К. Бабаева «Идиомы в туркменском языке» [7]. В введении к работе автор приводит широкий обзор научной литературы в области изучения фразеологизмов, существовавшей к тому времени. В нем анализируются научные труды, выполненные на русском языке, тюркских и европейских языках. В монографии объектом фундаментального анализа становится определение фразеологизмов, их характеристика, образование и развитие, отличия от других слов, употребляемых в переносном значении, классификация,

отличия от других слов, употребляемых в переносном значении, классификация, фразеологическая синонимика, стилистика фразеологизмов, их синтаксическая функция. Специальный раздел посвящен изучению фразеологизмов в туркменском языкознании. Источниками пополнения фразеологического состава К. Бабаев считает фольклор, художественную литературу, исторические события, древнюю мифологию, библеизмы, народную речь [7: 44–56]; автор иногда высказывает мысли об этимологии и генезисе некоторых идиом.

Часто объектом исследования становятся фразеологизмы в произведениях туркменских авторов. Изучение с научной точки зрения фразеологизмов языка произведений современных авторов, классиков туркменской литературы, исторических письменных памятников, фольклора, начавшееся в 1960-е гг. продолжается и в настоящее время.

В качестве примера можно назвать диссертационные исследования А. Аннамамедова «Хыдыр Деряевич “Ыкбал” романының фразеологиясы» (Фразеология романа Х. Деряева «Судьба») [8], Б. Джумагельдыевой «Б. Кербабавиң “Айгытлы эдим” романының фразеологиясы» (Фразеология романа Б. Кербабавы «Решающий шаг») [9], нашу работу «Magtymgulynyň eserleriniň frazeologik sözlügi» (Фразеологический словарь произведений Магтымгулы) [10].

Необходимо отметить, что работа по анализу компонентного состава, месту компонентов в образовании фразеологизмов ведется с 1970-х гг. В этой связи можно вспомнить кандидатские диссертации М. А. Абдурахмановой «Устойчивые словосочетания с числительными в туркменском языке» [11], автора настоящей статьи «Фразеологизмы туркменского языка, имеющие в составе профессиональную лексику» [12].

Определенная работа выполнена и в сравнительном/сопоставительном изучении фразеологизмов. Начавшееся сравнительное изучение русских и туркменских, английских и туркменских пословиц дало мощный импульс к дальнейшему изучению фразеологизмов. В результате усилилось внимание к их исследованию.

Этот вопрос был основательно исследован в кандидатской диссертации О. Назарова «Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков» [13], К. Амангельдыевой «Принципы подачи фразеологических единиц в “Туркменско-русском словаре”» [14], А. Алмамедова «Двухкомпонентные глагольно-номинативные фразеологические единицы в современном английском и туркменском

языках» [15], Г. Голеевой «Туркменско-русские фразеологические параллели» [16] и докторской диссертации Н. Ш. Шаммаевой «Сопоставительное исследование фразеологических единиц английского и туркменского языков» [17]. В диссертации доктора филологических наук О. Назарова не только подвергается сравнительному анализу русские и туркменские фразеологизмы, но и исследуются соматизмы русского и туркменского языков, встречающихся в составе ФЕ. При необходимости автор обращается и к соматическим фразеологизмам украинского, польского, турецкого, азербайджанского языков.

К достижениям в изучении туркменской фразеологии можно отнести составление «Туркмен дилиниң фразеологик сөзлүги» (Фразеологического словаря туркменского языка) [18], «Краткого русско-туркменского фразеологического словаря» [19]. Во фразеологический словарь туркменского языка включены ФЕ, активно употребляемые в современном литературном туркменском языке. В словаре в основном нашли отражение идиомы, крылатые слова, пословицы и поговорки. В «Краткий русско-туркменский фразеологический словарь» включены наиболее активные ФЕ русского языка и их эквиваленты в туркменском языке.

В XXI в. в туркменском языкознании, в том числе в его неотъемлемой части — фразеологии, вместе с традиционными методами исследования используются и последние достижения мировой науки лингвистики. При этом особое внимание обращается лингвокультурологическому аспекту, национальному колориту, ментальности.

Литература:

1. Азымов, П. Туркмен лексикологиясы. — Ашгабат: Ылым, 1945. — 320 с.
2. Батыров, Ш., Карпов Г. И. Русско-туркменский словарь. — Ашхабад: Туркменгосиздат, 1948. — 292 с.
3. Атаев, С. Тержимәниң кәбир меселелери. — Ашгабат: Туркмендөвлетокувпеднешир, 1959. — 81 с.
4. Аннануров, А. Дилиң сөзлүк составы хакында. — Ашгабат: Туркмендөвлетокувпеднешир, 1961. — 121 с.
5. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной сессии ЛГОЛУ 1819–1944. — Л., 1946.
6. Ачылова, Г. Туркменская фразеология // Труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. Вопросы фразеологии. — Вып. 106. — Самарканд: Изд. СамГУ, 1961. — С. 113–116.

7. Бабаев, К. Түркмен дилинде идиомалар. — Ашгабат: ТДУ, 1962. — 199 с.
8. Аннамамедов, А. Фразеология романа Х. Дерьяева «Судьба»: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — Ашхабад, 1965. — 19 с.
9. Джумагельдыева, Б. Фразеология романа Б. Кербабаева “Решающий шаг”: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — Ашхабад, 1970. — 20 с.
10. Bekjäýew, T. Magtymgulynyň eserleriniň frazeologik sözlügi. — Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2016. — 238 s.
11. Абдурахманова, М. А. Устойчивые словосочетания с числительными в туркменском языке: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — Ашхабад, 1972. — 19 с.
12. Бекджаев, Т. Фразеологизмы туркменского языка имеющие в составе профессиональную лексику: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — Ашхабад, 2021. — 32 с.
13. Назаров, О. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — Ашхабад, 1973. — 30 с.
14. Амангельдиева, К. Принципы подачи фразеологических единиц в «Туркменско-русском словаре»: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — Ашхабад, 1971. — 28 с.
15. Алмамедов, А. Двухкомпонентные глагольно-номинативные фразеологические единицы в современном английском и туркменском языках: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — Ашхабад, 1983. — 22 с.
16. Голеева, Г. Туркменско-русские фразеологические параллели: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — Ашхабад, 1983. — 24 с.
17. Шаммаева, Н. Ш. Сопоставительное исследование фразеологических единиц английского и туркменского языков: Автореферат дисс. ... д-ра филол. наук. — М., 1994. — 28 с.
18. Түркмен дилиниң фразеологик сөзлүги. — Ашгабат: Ылым, 1976. — 400 с.
19. Шанский, Н. М. Быстрова, Е. А., Джумагельдыева, Б. Краткий русско-туркменский фразеологический словарь. — Ашхабад: Магарыф, 1981. — 136 с.

Г. Ш. Болтаева

Идейно-художественный анализ од Алишера Навои

Аннотация: В данной статье рассматривается идейно-художественный анализ сборника од великого поэта Алишера Навои «Фусули арбаа». В одах описываются социально-философские, идейно-художественные взгляды великого поэта. Они служат для воспитания нравственно развитого человека.

Ключевые слова: ода, сборник, солнце, жара, температура, слава, воля, осень, зима, лето.

G. Boltaeva

Ideological and artistic analysis odes of Alisher Navoi

Abstract: Ideological and artistic analysis of collection from great poet Alisher Navoi “Fusuli arbaa” considers in this item. Socially and philosophical, ideological and artistic views of poet describes in odes. They help to educate moral and developed person.

Key words: ode, group, sun, heat, fever, glory, determination, fall of the leaves, winter, spring, autumn.

Мастер волшебных слов Алишер Навои плодотворно творил не только на тюркском, но и на таджико-фарси языках. Насколько чарующе его тюркское наследие, настолько и созданные им произведения на фарси имеют глубокий смысл и высокую художественность. Своими драгоценными жемчужинами на тюркском языке и языке фарси, он занял почетное место в ряду выдающихся литераторов обеих литератур, духовно обогатив их.

Произведения великого поэта на фарси менее популярны, чем на тюркском языке. Эта очевидная проблема имеет объяснение. Несмотря на это, с начала XX в. стал повышаться интерес к всемирному наследию Навои. Особенно ярко это проявляется в работах таких исследователей, как С. Айни, Фитрат, А. Хайитметов, Х. Хомидий, Ш. Шомухамедов, Х. Сулаймонов, Б. Валихужаев, Э. Шодиев, Р. Вахидов, А. Мухаммадий и ряда других.

Созданные почтенным Алишером Навои художественная ценность и источники великой сокровищницы также особенно уместно подчеркнуто ученым-навоиведом Р. Вахидовым: «... наследие Алишера Навои на фарси-таджикском языке также показало свою ценность. Создав газели, рубаи и оды, Навои отразил в них эпизоды неприглядной социальной жизни своего времени, добился выражения добрых чувств и чаяний сердца народа. В литературном наследии Алишера Навои на фарси-таджикском языке традиции той литературы оказали очень сильное воздействие... Алишер Навои внимательно, с огромной любовью и искренностью прочитал десятки произведений мастеров фарси-таджикской поэзии таких поэтов, как Шейх Саъдий, Хожа Хафиз Шерози, Амир Хусрав Дехлавий, Абдурахмон Жами..., учился у них и перенял духовную пищу».

Волшебное перо творца двестишестидесяти годов показало свою мощь в различных жанрах, одним из которых является ода. Редкие поэтические способности Алишера Навои подняли одопись на высокий уровень. С этой точки зрения примечателен сборник од «Фусули арбаа», написанный на фарси. Составленный из четырех од сборник «Фусули арбаа» входит в ряд практически не изученных произведений.

В 1960-е гг. в связи с 525-летием великого поэта профессор Х. Сулаймон побывал во многих зарубежных сокровищницах Восточных рукописей и вернулся с множеством фотокопий редких духовных жемчужин.

В частности исследователю удалось привезти фотокопию рукописи «Фусули арбаа», хранящуюся под № 285 в Национальной библиотеке Парижа. В 1968 г. профессор Х. Сулаймонов впервые объявил о данном произведении в сборнике на арабском языке «Дар Навои», изданном в Ташкентском педагогическом институте имени Низами.

По сообщению ученого, эта копия сборника «Фусули арбаа» переписана в Хорасане в месяц зулхиджа 933 года хиджры (сентябрь 1527 г.). В рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке Парижа, четыре оды также переписаны без разделений друг от друга, к ним также отдельно не написано заглавий. Хамид Сулаймон условно дал названия данным одам.

Четверть века спустя таджикский литературовед Али Мухаммади упорядочил избранное всемирное наследие фарси Алишера Навои и включил в его состав «Фусули арбаа». Данные сборник также вышел в свет и на арабской письменности.

«Фусули арбаа» составлено из следующих четырех од, выражающих художественные особенности, относящиеся к четырем временам года:

- سرطان — Саратон (Лето) — 71 бейт;
خزان — Хазон (Осень) — 33 бейта;
بهار — Бахор (Весна) — 57 бейтов;
دى — Дай (Зима) — 70 бейтов.

Конечно, сборник посвящен не только художественному описанию пейзажа в соответствующих временах года. «Фусули арбаа» — это мощь мысли Алишера Навои, очаровательные, поэтически одаренные, глубокие социально-философские, метафорические, своеобразные художественные образы.

Как утверждает сам поэт в «Мухокамат ул-лугатайн», в цикле нашло свое неповторимое отражение настроение четырех времен года: «Харорат» (Жара), «Бурудат» (Холод), «Рутубат» (Засуха), «Юбусат» (Наводнение). Вторая же половина од «Саратон» (Лето), «Бахор» (Весна) и «Дай» (Зима) посвящена Султан Хусаин Баходирхону.

Цикл «Фусули арбаа» отличается от других од своей высокой художественностью, глубоким социально-просветительским содержанием.

Произведения Алишера Навои всегда воплощали в себе «битву» двух полярностей. В составе одной из прекрасных од «Фусули арбаа», оды «Весна» обратим внимание на следующие два бейта, предопределяющих друг друга:

- Бахоре ин чунин рафту хазоне ин чунин омад,
Хамеша худ чуз ин коре набошад чархи гардонро (стр. 217).
(Как ушла Весна, также пришла Осень, как будто крутящемуся колесу
больше нет дела, как повторять ситуацию снова и снова).
- Бахори умрро дидан, ки чун рафту хазон омад,
Хазон хам бигзарад то бингаре ин кохии вайронро (стр. 217).
(Ты видишь весну жизни, она прошла, и наступила Осень, и пока ты увидишь эти руины строений, Осень также пройдет).

Действительно, жизнь напоминает течение реки. Она проходит, и не успеешь даже как следует призадуматься. Время, отведенное человеку, коротко, и ему приходится выдержать очень сложные и большие экзамены. В том, что называется жизнью, великое множество проверок ее безграничного океана. В двух упомянутых бейтах указывается на этот бренный мир.

В следующем же бейте оды «Осень» делается акцент на Аллахе как творце, создателе:

Давр авроки разон Наккоши Сун аз хомаи хикмат,
Ба руи зарварак аз ранги лаъли рехтафшонро (стр. 215).

(Поверхность золотистых листьев винограда Азал Наккоши (Аллах) своим мудрым пером украсил цветом рубина).

В бейте подчеркивается, что создателем мира и всей действительности является Аллах. И Осень, также созданная мудрым пером Создателя-Наккоши Сун, очаровывает своей неповторимостью и красотой. И даже если в теле природы превосходит суша-земля, чудодейственной силой Аллаха этим листьям винограда и деревьев очень идет желто-шафрановый цвет. На каждом листочке свою печать поставило мудрое перо Аллаха. Прекрасным лучом Создателя все живое и неживое в природе очевидно.

В цикле «Фусули арбаа» подчеркивается широкая душа природы, ее беспредельные богатства. Изменения в действительности — цель избражения различных природных явлений, соответствующих временам года, — это еще раз подчеркнуть несравненность, единственность со всех сторон Всевышнего. С этой стороны особое значение имеет заключительный байт оды «Осень»:

Агарчи нест он мавсим, ки аз гулхо шават гулшан,
Чи суратхонаи Монй зухуру Сунъи Яздонро (стр. 215–216).

(Даже если не время плести венки из цветов, однако перед блеском мощи Аллаха что такое картины Моний?).

Очевидно, что поэтический отрывок получил одухотворение из Корана. По нашему мнению, для того, чтобы в этом удостовериться, достаточно обратиться к словам 4–5 аятов суры «Хадид» священной Книги. «Он, создав небеса и землю за шесть дней, затем Сам воцарился на божий престол. Он знает, что опускается на землю (дождь, снег, как соковище или как тело, что из нее выходит (такие как трава и растительность), что опускается с небес (такие как хлеб насущный, изобилие). Где бы вы ни были, Он всегда с вами. Небеса и земля Его владения. Все дела возвращаются единому Аллаху» [3: 136–146].

Если Аллах пожелает, проявит свою милость, даже осенью можно создать цветник. Самый искусный художник Моний — и тот не может создать такой пейзаж. Каждая пылинка этого мира свидетельствует о

неповторимом мастерстве Аллаха. В действительности этот великий художник — Творец.

В заключение необходимо подчеркнуть, что цикл од «Фусули ар-баа» — еще одна необыкновенная художественная жемчужина, доказывающая неповторимость Алишера Навои как мастера слова, в том что он в прямом смысле является «султаном поэтов».

Литература:

1. امير على شير فاني ديوان فارسي(منتخب) دوشنبه, عرفان ۱۹۹۳.
2. Камиллов, Н. Суфизм или нравственность совершенной личности. — Ташкент, 1996.
3. Коран / Пер. и примеч. Алоуддина Мансура. — Ташкент, 1992.
4. Вахидов, Р. Алишер Навои и религиозность. — Бухара, 1994.
5. Вахидов, Р. Узбекско-таджикская поэзия конца XV начала – XVI веков. — Ташкент, 1983.

Д. А. Булатова

Смычковые культуры тюркских народов в контексте этнической истории

Аннотация: Данная статья посвящена истории бытования смычковых инструментов у древнетюркских племен — уйгур, болгар, кипчаков. В поле зрения автора находятся письменные, литературные, археологические источники, а также вопросы терминологии.

Ключевые слова: смычковые хордофоны, древние тюрки, уйгуры, болгары, кипчаки.

D. A. Bulatova

Bowed cultures of Turkic peoples in the context of ethnic history

Abstract: The report is devoted to the history of the existence of bowed instruments among the ancient Turkic tribes — the Uigurs, Bulgars, Kipchaks. The researcher's field of view includes written, literary, archaeological sources, as well as questions of terminology.

Key words: bowed chordophones, ancient Turks, Uighurs, Bulgars, Kipchaks.

Смычковые хордофоны занимают особое место в музыкальном инструментарии тюркских народов Евразии. История смычкового музицирования современных тюрков уходит в древнюю традицию игры на смычковых инструментах их предков — древнетюркских племен.

Предположение о Центральной Азии, месте исторического расселения тюркоязычных кочевых племен, как о вероятной «прародине» смычковых инструментов высказал еще основоположник берлинской школы инструментоведения Курт Закс [11]. Ученик Курта Закса, немецкий инструментовед Вернер Бахман, продолжая исследование данной темы и обращаясь к широкому кругу источниковедческих и иконографических данных [1; 9], приходит к выводу о среднеазиатском происхождении

смычковых инструментов, с локализацией «в Хорезме и Трансоксании» [1: 358]. Ученый вспоминает персидского писателя Ибн-Хордадбега, указывавшего на бытование двуструнного народного инструмента: «Согласно преданию, какой-то бухарский пастушок играл на нем так чудесно, что наяды завлекли его к себе» [1: 354]. Бахман считает, что это *кобуз*, упоминаемый с IX в. в среднеазиатских, прежде всего, в *уйгурских* источниках.

Болгарский ученый Слави Дончев придерживается мнения об уйгурском происхождении смычка и перенесении его в Европу хуннами после Великого переселения [3]. Турецкий ученый Осман Факри Серткайа, изучающий древнеуйгурские источники, указывает на наличие в них терминов *коруз*, который ученый относит к типу «уда», т. е. щипкового хордофона, и *kızak* — смычкового хордофона [12]¹.

По мнению Дончева, смычковый способ звукоизвлечения был известен тюркоязычным *булгарам* еще в то время, когда они входили в Хуннский состав племен в Центральной Азии (до середины I тыс. н. э.), а в эпоху Великого переселения народов в V в. хуннобулгары принесли смычок в Европу. Одно из свидетельств ученый находит в старонемецком эпосе «Песнь о Нибелунгах», в котором говорится о присутствии скрипачей при дворе Аттилы — великого предводителя гуннов.

Первые упоминания о булгарах (или протобулгарах) относятся к первой половине I тыс. В составе гуннских племен они впервые появляются на Дунае в V в. Основным местом их обитания становятся степи Причерноморья, Приазовья и Северный Кавказ. В VI в. часть болгар переходит к полуоседлому образу жизни, у них появляются города Фанагория, Таматарха. После разгрома византийцами войска Аварского каганата из его состава выделился болгарский союз племен, на основе которого в 30-е гг. VII в. Хан Кубрат создает Великую Болгарию. В состав болгарских племен входили и другие тюркоязычные племена — кутригуры, утигуры, барсилы, савиры, хазары. После смерти хана Кубрата империя была разделена между его сыновьями. Один из них, Аспарух, ушел на Дунай, где основал первое Болгарское государство, ставшее основой современной Болгарии.

В музыкальной культуре современных болгар смычковый хордофон гадзулка занимает видное место. Болгарский исследователь И. Иванов

¹ По материалам рукописного доклада О. Ф. Серткайа на Международной конференции «Истоки и эволюция литератур и музыки тюркских народов» (Казанская государственная консерватория им. Н. Г. Жиганова, 23 сентября 2014 г.).

считает, что инструмент тесно связан с культурой болгар. По его мнению, описание, которое встречается у византийского летописца VI в. Феофилакта Симокатты, который видел при дворе византийского императора трех *skloven*, которые вместо оружия носили смычковые инструменты, относится к культуре древних болгар [7]. В народной терминологии частей болгарской гадулки прослеживается тесная связь с кочевой культурой. Подставка под струны гадулки называется *магаренцето* («жеребенок»), *кобилка* («кобылка»), а ассоциации с конем являются атрибутом кочевнической жизни [6: 216–217].

Бытование смычковых хордофонов у кипчаков подтверждается историко-археологическими и литературными источниками. Сведения о кипчакских музыкальных инструментах имеются в произведениях кипчакской письменности, например в латино-персо-куманском (т. е. кипчакском) словаре «Codex cumanicus», составленном в 1303 г. в Италии для европейских купцов, торговавших с Золотой Ордой и подчиненными ей странами. Здесь, наряду с названиями музыкальных инструментов *daf*, *siruna*, *nakara*, мы находим профессию музыканта — *cobuxci*. В приведенном здесь же переводе значит *sonator* (лат.), т. е. «музыкант», человек, играющий на музыкальном инструменте, а также «гудец» (*sonare* на латинском языке означает также «гудение»). В. Радлов переводит этот термин как *kobusspieler* — «кобузист», исполнитель на кобузе, *kobuz* — как «eine Art Geige» — «род скрипки» [10: 27].

Изображение хордофонов содержится на кипчакских каменных балбалах. Один (VIII в.) найден на берегу р. Жангабыл в Улытау Центрального Казахстана (он хранится в Музее казахских народных музыкальных инструментов), другой (XIII в.) обнаружен в Херсонской области на Чонгарском полуострове (ныне в Центральном музее Тавриды в Севастополе) [2].

В настоящее время в распоряжении ученых есть несколько археологических инструментов, датируемых VIII–XIV вв. Смычковый хордофон был обнаружен во время раскопок в 1984 г. кипчакского курганного могильника XIII в. около села Кирово Бериславского района Херсонской области [4]. Корпус — ковшеподобный, долбленный, овально-грушевидной формы. Рядом с инструментом найдена подставка дугообразной формы с тремя вырезами для струн. Зафиксированы и остатки смычка. Подобный хордофон, но больших размеров, имеется в Саратовском областном музее краеведения. Инструмент также находился в могильнике

золотоордынского времени (XIV в.), обнаруженном в районе села Усть-Курдюм Саратовской области.

Археологическое изучение регионов расселения древних тюрков продолжается. В июле 2013 г. в Берельских курганных могильниках Восточного Казахстана (VIII в.) обнаружены струнные инструменты, среди которых есть и кобуз.

По утверждению историков [8; 5], кипчаки и уйгуры в VII–VIII вв. были народами, которые постоянно соперничали за первенство в степи. Кипчаки в то время были известны под этнонимом сиры. Во втором Тюркском каганате сиры были вторым после тюрков-ашина этносом. Когда уйгуры разгромили с помощью Китая второй Тюркский каганат, сиры были вынуждены бежать на Северный Алтай, получив от победителей название «кыбчак», т. е. «неудачник», «никчемный», «злуполучный», закрепившееся за ними и ставшее впоследствии этнонимом. Подчинив на Северном Алтае местные племена, они создают новый племенной союз, получивший название «кипчак». Численно усилившись, кипчаки продвигаются за Иртыш, расселяются по территории современного Казахстана, и в XI–XIII вв. занимают значительную часть евразийских степей.

Тесные контакты кипчаков и уйгур дают основания предполагать, что инструмент под названием «кобуз» бытовал у обоих этносов, но у кипчаков он получил большее распространение именно как смычковый инструмент. Причем долгое время один и тот же вид струнного инструмента кипчаков существовал и как щипковый, и как смычковый. В настоящее же время термин используется применительно и к щипковым инструментам — например, киргизский комуз, кумыкский агач-комуз.

Термин «кобуз» в большей степени утвердился у народов, имеющих кипчакское происхождение. Несмотря на то, что кипчакский этнос сошел с исторической арены после золотоордынского периода, в составе многих современных народов присутствуют следующие этнические группы: «кыпчак» в составе алтайцев, теленгитов и киргизов; «кыпшак» — казахов, каракалпаков, ногайцев; «кыпсак» — башкир; «кипчок» — узбеков. Смычковый инструмент с названием «кобуз» получил наибольшее распространение у народов, имеющих значительную долю кипчакского компонента в этногенезе — татар, башкир, казахов, каракалпаков, узбеков, ногайцев, карачаевцев, балкарцев. Кобуз бытовал (а у некоторых народов продолжает бытовать и поныне) у казахов, ногайцев

(кобыз), каракалпаков, узбеков (кобуз), башкир, татар (кубыз), карачаевцев, балкарцев (кыыл кьобуз). Кроме того, инструменты с другими названиями, но со сходным способом изготовления, а именно выдолбленные из единого куска дерева, сохранились у таких народов тюрко-кипчакской группы, как алтайцы и киргизы – алтайский икили и киргизский кыяк.

Литература:

1. Бахман, В. Среднеазиатские источники о родине смычковых инструментов // Музыка народов Азии и Африки. — М., 1973. — Вып. 2. — С. 349–373.
2. Веселовский, Н.И. Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или «Балбалах» // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. — Т. 32. — Одесса, 1915. — С. 408–444.
3. Дончев, С. К вопросу о происхождении струнных смычковых инструментов и наиболее раннем появлении их в Европе // Вопросы истории и теории искусств. — Чебоксары, 1992. — С. 40–67.
4. Евдокимов, Г. Л. «...Співай же йому пісні половецькі» (Літопис Нестора) // Золото степу. Археологія України. — Київ, 1991. — С. 281–283.
5. Евстигнеев, Ю. А. Кипчаки: этнос и его имя // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2012. — № 3. — С. 97–102.
6. Есипова, М. В. Распространение струнных смычковых инструментов в Евразии как результат взаимодействия с культурами кочевников // Форум «Идель – Алтай»: Материалы научно-практической конференции «“Идель – Атлай” — истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань). — Казань, 2011. — С. 207–220.
7. Иванов, И. Т. Древните българи са пътвооткривателите на лъковите музикални инструменти за Европа [Электронный ресурс]. — URL: <http://protobulgarians.com/Statii%20za%20prabaalgarite/Gaadulka.htm> (Дата обращения 28.04.2019).
8. Кляшторный, С. Г. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье / С. Г. Кляшторный, Т. И. Сулганов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. — 2-е изд., исправл. и доп. — 368 с.
9. Bachmann, W. Die Anfänge des streichinstrumentenspiels. — Leipzig, 1966.

10. Radloff, W. Das Turkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. Manuscript der Bibliothek der Marcus-Kirche in Venedig. Nach der Ausgabe des Grafen Kuun (Budapest, 1880). — (Memoires de L' Academie Imperiale des Sciences de St.-Peterbourg. — SPb., 1887. — Ser. 7. — T. 35. — № 6).
11. Sachs, C. The History of Musical Instruments. — New York, 1940.
12. Sertkaya, O. F. Eski Uygur türklerinden bu güne kadar türk mûsikî âletleri ve mûsikî terimler // Истоки и эволюция литератур и музыки тюркских народов: Материалы международной конференции (23–24 сентября 2014 г., Казань). — Казань, 2014. — С. 306–307.

Д. А. Булатова

О взаимосвязи ландшафта и жанровой специфики традиционной тюркской смычковой культуры

Аннотация: Доклад посвящен жанровой системе традиционной тюркской смычковой культуры и ее взаимообусловленности со спецификой ландшафта – степного и городского.

Ключевые слова: смычковые инструменты тюрков, степь, город, эпос, звукоподражательные наигрыши, шаманизм, макама, шашмаком, Двенадцать мукамов, дастгах.

D. A. Bulatova

On interrelation of landscape and genre specificity of traditional Turkic bowed culture

Abstract: The report is devoted to the genre system of the traditional Turkic bowed culture and its interdependence with the specifics of the landscape – steppe and urban.

Key words: Turkic bowed instruments, steppe, city, epos, onomatopoeic tunes, shamanism, maqamat, shashmaqom, twelve muqams, dastgah.

Разные типы хозяйствования (земледелие и скотоводство) породили своеобразие развития культур тюркских народов. Большая роль здесь принадлежала специфике ландшафта, наложившего отпечаток на различные сферы жизнедеятельности и культуры тюрков — природного, степного, с одной стороны, и рукотворного, городского — с другой. Оппозиция «город — степь» имеет существенную культурно-историческую, социально-экономическую основу.

Природная среда (ландшафт) создает свою специфическую звуковую «палитру», которая в определенной мере определяет особенности и характер рождаемой здесь музыки. Говоря об этом, необходимо вспомнить о концепции Льва Гумилева («Этногенез и биосфера земли»), который писал об *экологическом мышлении* в развитии *этнической традиции*,

признавая, таким образом, важную роль природных условий в формировании культурной среды.

Традиционным инструментом кочевых народов издревле была смычковая шейковая лютня (по терминологии классификационной системы Э. Хорнбостеля – К. Закса) с двумя волосяными струнами и лукообразным смычком: тувинский *игил*, алтайский *икили*, хакасский *ыых*, киргизский *кыяк*, казахский *кыл-кобыз*, ногайский, узбекский и каракалпакский *кобуз*.

Исследователи центральноазиатских и южносибирских кочевых культур отмечают две основные сферы применения смычкового хордофона — шаманские ритуалы и сопровождение эпоса. По мнению ученого-лингвиста и фольклориста В. Жирмунского, они были тесно связаны между собой на основе «древнего синкретизма поэзии и магии». Часто шаман одновременно являлся хранителем народных сказаний и песен. Именно таковым представляется вещий Коркут в легендах тюрков. Совмещение функций баксы и сказителя встречалось еще в конце XIX в. среди ногайцев Астраханского края. В более позднее время функция смычковых хордофонов кочевых тюрков стала ограничиваться либо аккомпанементом эпическим сказаниям (как у узбеков или каракалпаков), либо исполнением звукоподражательных наигрышей (как у тувинцев, отголоски традиции исполнения звукоподражательных наигрышей сохранились у башкир и татар).

История другой части тюрков связана с городами — это, прежде всего, крупные среднеазиатские города Бухара, Самарканд, Кашгар, древний Болгар на Средней Волге и др. В контексте традиций городской культуры можно рассматривать музыкальную систему макамата. Среди его разновидностей — уйгурский цикл Двенадцать макумов, узбеко-таджикский Шашмаком (Шесть макумов), дастгах в Иране и Азербайджане. Макаमत связан с культурой исламской цивилизации арабо-мусульманского Востока и знаменуетя включением тюрков в большую исламскую семью. Возникновение и распространение исламской музыки осуществлялось преимущественно в городах среди просвещенных слоев населения.

Придворная церемониальная музыка имела совершенно особый набор инструментов, в которых большую роль играли щипковые — персидский *барбат*, арабский *уд*, среднеазиатский *танбур*, уйгурский *тамбир*, азербайджанский *тар* и др. Смычковые вошли в инструментальные ансамбли позднее. Инструментами этими были *кеманча* (инструмент, по всей видимости, иранского происхождения, который распространился на большой территории, используется у азербайджанцев), и сходный с ней инструмент *гиджак* (узбекско-таджикский, уйгурский).

Я. Н. Гараев

Использование компьютерной технологии в обучении орфографии туркменского языка

Аннотация: В статье говорится об использовании инновационных технологий в преподавании орфографии туркменского языка. Приводятся конкретные примеры по двум темам: орфограммам лабиальных гласных и глухих согласных.

Ключевые слова: орфография туркменского языка, лабиальные гласные и глухие согласные.

J. N. Garaýew

Utilization of computer technology in teaching orthography of Turkmen language

Abstract: The report provides information on utilization of innovation technologies in teaching orthography of Turkmen language. A detailed patterns on two themes is given in the report: the spelling literacy labial vowels and muffled consonants.

Key words: orthography of Turkmen language, labial vowels and muffled consonants.

С внедрением инновационных технологий в образование и науку в настоящее время повысилась активность сознания и творческой деятельности, созданы условия для создания современной технологической сферы.

В законах Туркменистана «О языке» (1990), «Об образовании» (2019) и в «Концепции развития цифровой образовательной системы в Туркменистане» (2017) была определена задача в средних, средне-специальных и высших учебных заведениях проводить все занятия, в том числе по туркменскому языку с использованием инновационных технологий. Была принята программа внедрения в жизнь в 2017–2025 гг. «Концепции развития цифровой образовательной системы в Туркменистане».

В ней с учетом автоматизированной системы образовательных учреждений отмечается важность создания организационно-методической основы работы с электронными учебными материалами.

Метод дифференциации относится к дидактике. По этому методу обучения учащихся и студентов разделяют на небольшие группы по успеваемости, в том числе по уровню подготовки. Разделенные на группы учащиеся, студенты или работающие индивидуально работают под руководством преподавателя. Этот метод орфографической работы не только помогает учитывать возможности освоения молодежью правил правописания, но и направлен на понимание происхождения орфографических ошибок, допущенных в работе, и достижение грамотного письма путем выполнения отдельных практических заданий. Например, молодые люди допускают такие ошибки в написании орфограмм (в корневых, производных, сложных, заимствованных словах, аффиксах) по лабиальному сингармонизму.

По орфограммам лабиальных гласных

Вместо *oba* ‘деревня’, *ülje* ‘вишня’, *sogan* ‘лук’, *çölde* ‘в пустыне’ пишут как произносят *oto, üljö, sogon, çöllö*; вместо *Ýazaw* ‘Язов’, *ördek* ‘утка’, *golça* ‘кувшин’, *ölçeg* ‘размер’ — *Ýazow, ördök, golço, ölçög*; вместо *Hanhowuz* ‘Ханховуз’, *gömmеçörek* ‘хлеб, испеченный в углях’ — *Hanhowuz, gömmөçörök*; вместо *telewizoryň* ‘у телевизора’, *wideonuň* ‘у видео’, *radioda* ‘по радио’ — *telewiziriň, widýonuň, radiodo*; вместо *çägesöwlik* ‘супесь’, *namazhonyň* ‘набожный’, *kümüşsöwlik* ‘серебристость’ — *çägesöwlik, namazhonyň, kümüşsöwlik*; вместо *sowuk* ‘холод’, *yumuş* ‘задание’, *süýjüsi* ‘сладкий из них’, *towugyň* ‘курицы’ — *sowuk, yumuş, süýjisi, towugyň*; вместо *öýüň* ‘дома’, *güliň* ‘цветка’, *toýuň* ‘свадьбы’, *guşuň* ‘птицы’ — *öýiň, güliň, toýuň, guşyň*; вместо *süriniň* ‘стада’, *guzunu* ‘ягненка’, *ulynyň* ‘большого или старшего’ — *süriniň, guzunu, ulynyň*; вместо *örüsi* ‘его пастбище’, *paty-putusy* ‘его вещи’, *gaty-gutusy* ‘его остатки’ — *örisi, paty-putusy, gaty-gutusy*; вместо *bognuň* ‘слога’, *doňzuň* ‘свиньи’, *kömrüň* ‘угля’ — *bogunuň, doňuzuň, kömrüň*; вместо *Täzegülüň* ‘у Тязегуль’, *Garagumuň* ‘Каракумов’, *Daşogzuň* ‘Дашогуз’ — *Täzegülüň, Garagumuň, Daşogyzyň*; вместо *magnitafony* ‘магнитофона’, *welosporty* ‘велоспорта’, *kinonyň* ‘кино’ — *magintafony, welysporty, kinonyň*; вместо *jürlewük* ‘свисток’, *sandyrawuk* ‘дрожащий’, *düşewünt* ‘прибыль’, *garawul* ‘охранник’ — *jürlewük, sandyruwuk, düşewinit, garawul* [2].

По орфограмме глухих согласных

Вместо *aýagy* ‘его нога’, *güýji* ‘его сила’, *tebibe* ‘знахарю’, *agrak* ‘белее’, *gijräk* ‘позже’, *sabrak* ‘чище’, *oňadrak* ‘лучше’ — *aýaky*, *güýçi*, *tebipe*, *akyrak*, *giçiräk*, *sabyrak*, *oňadyrak*; вместо *ädigi* ‘его сапог’, *mekdebe* ‘в школу’, *begenji* ‘радости’, *çigide* ‘в семечко’, *artygrak* ‘немного больше’, *nalajrak* ‘немного невольно’, *näbeledräk* ‘немного неизвестно’, *biedebräk* ‘немного не воспитанный’ — *ädiki*, *mekdepe*, *begençi*, *çigite*, *artykrak*, *nalaçyrak*, *näbeletiräk*, *biedepiräk*; вместо *işledyär* ‘заставляет работать’, *howlugyär* ‘торопится’, *öjügyär* ‘немного злится’ — *işletyär*, *howlukyär*, *öçügyär*; вместо *kyrkayaga* ‘сороконожке’, *Durdymyady* ‘Дурдымурада’, *ýelyüregräk* ‘немного беспокойный’, *birtabrak* ‘более-менее’, *garadyzmajrak* ‘немного с горячим характером’ — *kyrkayaka*, *Durdumyady*, *ýelyürekräk*, *birtapyrak*; вместо *Agoraz* ‘Акораз’, *basybalyjy* ‘оккупант’, *nalajedeyin* ‘неумелый’, *Mämmedemin* ‘Маммедэмин’ — *Akoraz*, *basybalyjy*, *nalajedeyin*, *Mämmedemin*; вместо *fabrige* ‘фабрику’, *matematige* ‘математику’, *elektrige* ‘электрику’ — *fabrike*, *matematiki*, *elektrike*; вместо *topar* ‘группа’, *seçer* ‘выберет’, *atýar* ‘стреляет’, *seçyär* ‘выбирает’, *köpräk* ‘немного больше’, *çeträk* ‘немного крайнее’, *dikräk* ‘немного ровнее’ — *topor*, *sejer*, *aýutyar*, *seçiyär*, *köbüräk*, *çetiräk*, *dikiräk*; вместо *syýasata* ‘политике’, *sungatyň* ‘искусства’, *edebiyata* ‘литературе’ — *syýasada*, *döwlede*, *sungadyň*, *edebiyada*; *minuty* ‘минуты’, *sekunty* ‘секунды’, *uniwersitete* ‘университету’, *sporta* ‘спорт’ — *minudy*, *sekundy*, *uniwersitede*; вместо *ganaty* ‘его крылья’, *tanapa* ‘веревке’, *tarapy* ‘его сторона’ — *ganady*, *tanaba*, *taraby*; вместо *aýdar* ‘скажет’, *gurby* ‘его силы’, *harjy* ‘его расходы’, *köşgi* ‘его дворец’ — *aýtar*, *gurpy*, *harçy*, *köşki* [2].

Учитывая, что учащиеся (изучающие туркменский язык) допускают ошибки по орфограммам, учебные материалы по правописанию лабиальных гласных и озвончению глухих согласных [1; 2] были дифференцированы и введены в компьютерные программы.

Опираясь на метод дифференцирования, решаются такие задачи, как: 1) обосновать с помощью компьютерных технологий важность совершенствования навыков грамотности учащихся (студентов); 2) обозначить методические требования подготовки обучающихся компьютерным программам по орфографии (тема, содержание, строение, оформление); 3) уточнить возможности адаптированных компьютерных обучающих программам по правилам правописания в организации занятий; 4) описать методику работы образцов компьютерных обучающих программ

по орфографии туркменского языка во внедрении новых теоретических подходов; 5) пояснить методы организации занятий в компьютерных аудиториях и т. п.

Создание в рамках учебных программ компьютерных обучающих программ по правилам орфографии открывает возможности усовершенствования грамотности учащихся; способствует повышению воздействия преподавания через компьютерные обучающие программы, освоению сложных правил правописания через компьютерные обучающие программы студентами на индивидуальных, самостоятельных и коллективных занятиях.

Литература:

1. Azymow, P. Türkmen diliniň orfografiýasy we punktusiýasy / P. Azymow, N. Garaýew, G. Sopyýew. — Aşgabat: Magaryf, 1983. — 167 s.
2. Garaýew, N. Orfografik ýalňyşlar we olary düzetmegiň ýollary. — Aşgabat: Magaryf, 1980. — 91 s.

В. Г. Гузев

О монографии Хюсеина Даллы «Структурные единицы синтаксиса в турецком языке» (Hüseyin Dallı. Türkçede Sözdiziminin Yapı Birimleri. — İstanbul: Papatya Yay eğitim, 2018. — 260 S.)

V. G. Guzev

About the monograph of Huseyin Dalla “Structural units of syntax in the Turkish language” (Hüseyin Dallı. Türkçede Sözdiziminin Yapı Birimleri. — İstanbul: Papatya Yay eğitim, 2018. —260 S.)

Книга Х. Даллы заслуживает внимательного изучения не только тюркологами, но и каждым, кого интересуют проблемы общего, теоретического языкознания, поскольку автор основывает свои умозаключения на наиболее прогрессивных достижениях лингвистики в сочинениях И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, В. М. Павлова, Андре Мартине, Г. П. Мельникова, А. А. Реформатского и др.

Ему оказалось под силу глубоко осознать бодуэновское разграничение понятий «языковая система» (термин Л. В. Щербы) и «речь». До сих пор многим грамматистам не удается понять, что по Бодуэну язык — это знание, совокупность приспособленных для коммуникации абстрактных мыслительных единиц [1], а речь представляет собой материальный знак или поток знаков, которые сами по себе не содержат ничего идеального (А. А. Потебня) [2].

Одно из важных положений, принятых автором монографии, является сформулированный В. М. Павловым вывод о том, что структурными единицами синтаксической подсистемы языка являются не предложения и словосочетания, как это полагает традиционная лингвистика, а «синтаксические формы», проще говоря, модели структур речевых высказываний [3].

Автор опирается не только на перечисленные, но и на другие прогрессивные научные представления при изложенном в монографии до-

бросовестном анализе, истолковании обширного синтаксического материала родного языка.

Книга состоит из шести глав, списка источников языкового материала, списка цитируемой автором научной литературы и указателя используемых и раскрываемых в сочинении теоретических понятий.

Содержание:

Предисловие (с. XIII–XIV)

Глава 1 «Терминологические пояснения лингвистических и грамматических понятий». 93 пункта, расположены в алфавитном порядке (с. 15–128).

Глава 2 «Синтаксические единицы и их функции» (с. 93–128).

Глава 3 «Предикативные высказывания. Предложение» (с. 129–180).

Глава 4 «Служебные / незнаменательные лексемы и их функции в синтаксисе» (с. 181–222).

Глава 5 «Универсальные формы синтаксических структур» (с. 223–226).

Глава 6 «Синтаксический анализ высказываний» (с. 227–250).

Сокращения названий литературных источников» (с. 251–254).

Библиография (с. 255–257).

Тематический указатель (с. 259–260).

Примечания:

1. Подробнее см.: К вопросу о неискоренимости лингвистического позитивизма и о структурных единицах синтаксиса. // *Alkiš bitig*. Сборник статей к 80-летию Д. М. Насилова. — М.: Издательство МБА, 2015. С. 35–41.
2. Потебня, А. А. Из записок по теории словесности. — Харьков: Первая типография и литография М.Зильберберг и сыновья, 1905. — С. 599–600.
3. Павлов, В. М. К вопросу о предмете синтаксиса // Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. — СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. — С. 248–260.

Н. Гурбангульева

Международный праздник весеннего равноденствия

Аннотация: Туркменский народ в историческую эпоху смотрел на жизнь разумным взглядом, наблюдая за разными событиями и явлениями. Верования и обычаи, касающиеся природных явлений, нашли свое отражение в туркменском народном творчестве, классической и современной литературе.

Ключевые слова: Новруз, праздник весны туркмен.

N. Gurbangulyeva

The international holiday of spring equinox

Abstract: The Turkmen people in the historical era looked at life with reasonable views, observing various events and phenomena. Beliefs and practices related to natural phenomena are reflected in Turkmen folk art, classical and modern literature.

Key words: Nouruz, Turkmen spring holiday.

Почитание национального наследия является доказательством уважения туркмен к своей независимой Родине. Изучение многовекового исторического наследия туркменского народа, донесение его до сознания общества имеет очень большое значение. Культурные ценности, укоренившиеся в повседневной жизни нашего народа, — это вклад в развитие мировой культуры.

На современном этапе развития общественной жизни отмечается множество праздников, связанных с традициями туркменского народа. Таким является и праздник Новруз, обозначающий новый день нового года. Новое летосчисление, введенное в 1079 г. сельджукским султаном Малик-шахом по предложению великого восточного ученого Омара Хайяма, привело к тому, что с XI в. праздник Новруз начинается праздноваться как день весеннего равноденствия. С наступлением весны оживляется природа, мир преображается. Такое преображение природы, в свою очередь, прибавляет радость, силы, вдохновение в душах людей. Прекрасные пейзажи природы вдохновляют и поэтов.

В классической восточной литературе также продолжалась традиция сочинения стихотворений, восхваляющих весну, Новруз. Данная

литературная традиция называлась *бахарья* ‘весенняя песня’. В этой разновидности поэзии восхваляется оживление, веселье, преображение, происходящее в природе и людях, наступающее с приходом весны. В прекрасном зеленом одеянии природы есть особая сила, которая согревает все живое лучами обновления. Литературная традиция восхваления весны и Новруза также заняла прочное место и в произведениях туркменских поэтов. Великий мыслитель Махтумкули, воодушевленно описывая обновление природы, с приходом весны, писал:

Когда на землю придет Новруз,
Будут мелодии, горы окутаются туманом.
Безжизненные оживут, заговорят,
Не взошедшие победы взойдут... [1: 166].

В творчестве других классиков туркменской поэзии, например Шейдаи, тоже художественно описывается новая жизнь, наступающая с наступлением Новруза. Лирический герой пятистрочного (мухаммес) стихотворения Шейдаи «Сегодня — цветущий сад» считает наступление Новруза оживлением, украшением земли. Красота вокруг одаривает человеческий дух новизной, совершенством. Эти моменты раскрываются по всему пятистрочному стихотворению:

Пришел Новруз, земля и небо — цветущий сад сегодня... [2: 16].

С наступлением Новруза в скотоводстве, земледелии начиналась жаркая пора. Осадки, выпадающие в дни Новруза, являясь источником достатка, орошали зеленые ростки будущего богатого урожая. Весенние дожди для пастухов означали изобилие травы на пастбищах. Этот жизненный опыт, накопленный, благодаря наблюдательности туркменского народа, прошел тысячелетия и дошел наших дней. В мудрости, сказанной от имени пшеницы, насытившейся дождем: «Я за шесть дней вырасту настолько, насколько не вырос за шесть дней» сосредоточен трудовой опыт наших предков, накопленный в земледелии.

Литература:

1. Махтумкули. Избранное / Махтумкули. — Т. 1. — Ашгабат: ТГИС, 2013. — 556 с.
2. Шейдаи. Лирика / Шейдаи. — Ашгабат: Ылым, 1978. — 110 с.

А. А. Гылыджов

Антропонимы в туркменском языке

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы туркменской антропонимики, в частности личные имена, связанные с топонимией в туркменском языке. В результате собранный фактический материал личных имен туркмен подразделен на нескольких групп. На основе лингвистического анализа мы пришли к выводу, что антропонимы, как и топонимические названия являются частью истории народа, так как личные имена тесно связаны с традициями и обычаями народа. Как известно, у каждого народа свои обычаи в имянаречении, связанные с национальной культурой. В личных именах выражаются народные и национальные черты туркмен. Антропонимы туркмен в течение многих веков впитывали в себя древнюю историю и, сохранив основную базу личных имен, дошли до наших дней.

Ключевые слова: туркменский язык, антропонимика, топонимика, личные имена, наречение.

A. A. Gylyjov

Anthroponyms in the Turkmen language

Abstract: The article deals with the issues of Turkmen anthroponymy, in particular personal names related to toponymy in the Turkmen language. As a result of the collected material, the Turkmen personal names are divided into several groups. On the basis of linguistic analyzes, it has been concluded that anthroponyms, as well as toponymic names, are part of the history of the people, as personal names are closely related to the traditions and customs of the people. As is well known, each nation has its own national customs. The personal and national characteristics of the Turkmen are expressed in personal names. Turkmen anthroponyms have absorbed the ancient history of the past for centuries, and have preserved the basic base of personal names to this day.

Key words: Turkmen language, anthroponymy, toponymy, personal names, naming.

Как отмечал известный ученый В. А. Никонов, «Первый закон антропонимики, как и всей ономастики — историзм» [1: 7]. Туркменские личные имена тоже неразрывно связаны с историей туркмен. Как известно, антропонимы, являясь результатом творческого процесса, воз-

никают, совершенствуются и пополняются в одном из исторических периодов и тесно связаны с развитием общества, так как передаются из поколения в поколение.

При комплексном изучении туркменских антропонимов мы прежде всего исходили из условий жизни народа, природных особенностей региона, профессиональных занятий, политического строя, верований и разделили их на лексико-семантические группы.

Лексико-семантическая классификация туркменских личных имен многообразна и богата. В этом плане наша статья посвящена лингвистическому анализу, некоторым семантическим группам туркменских личных имен. В частности мы остановимся на антропонимах, в основном связанных с топонимическим происхождением.

Топонимические антропонимы в личных именах туркмен уходят своими корнями в древние времена. Нужно отметить, что в основе утверждения этих слов как топонимов тоже лежит много веков. В общем, родители, давая своему ребенку топонимические имена, прежде всего, хотели отметить место рождения ребенка или историческое местожительство своих предков.

В современном туркменском литературном языке личные имена топонимического происхождения активно используются в антропонимической системе. Относящиеся к этой категории личные имена можно разделить на две группы:

а) антропонимы, связанные с топонимией Туркменистана. Например, личные имена, связанные с названиями населенных пунктов в мужских именах: *Бекдаш, Чагыл, Искендер, Тувер, Тувербай, Бугдайлы, Тутлы, Белек, Белекбай, Джебель, Эсенкули, Ашгабат, Арчман, Ахаллы, Дурун, Кёшли* и др.

б) антропонимы, образованные от топонимов, расположенных за пределами Туркменистана: *Гурген, Гургенли, Хывали* и др. Эти имена топонимического происхождения встречается только в мужских именах. Топоним Машат (Мешхед) встречается и мужских и женских именах. Мужские: *Машат, Машатдурды, Машатгулы, Машаттаган* и др. Женские: *Машатгуль, Машатбиби, Машатбике*. В женских именах топонимического происхождения можно встретить еще такие антропонимы, как: *Кябе, Энекябе, Кябегуль, Медине* и т. д.

Антропонимы, связанные с географическими названиями, т. е. с названиями гор, рек, местностей и т. д.: например, *Балкан (гора)*, от него

образовано множество сложных имен, таких как: *Балканмурад*, *Балкандурды*, *Балкангылыч*, *Балкантаган* и др. К этой группе относится также: *Горган (холм)*, *Хасар (гора)*, *Меширеп (ущелье)*, *Чендир (ущелье)*, *Шахман (местность)*, *Джемер (местность)*, *Сумбар (река)*, *Этрек (река)*, *Джейхун (река)* *Теджен (река)* и др. Антропонимов с этими названиями в женских именах не встречали. Антропонимы в туркменском языке чаще всего встречается в мужских именах.

Антропонимы, образованные от географических терминов: здесь личные имена в основном связаны с нарицательными словами: *гора*, *степь*, *пески*, *река*, *море* и т. д. Например, *Даглы*, *Даглар* (горы), *Сахра* (степь), *Гумлы*, *Чоли* (пески), *Деря* (река), *Денгиз* (море) и др.

Многовековая национальная культура наших предков помогла сохранить многие туркменские личные имена. В целом стоит отметить, что туркменские антропонимы разнообразны по своему значению. Также стоит отметить, что топонимы и антропонимы, берущие свое начало из древности, взаимосвязаны между собой и переходят из одной группы в другую и тем самым обогащают друг друга.

В общем, антропонимы, как и топонимические названия, являются частью истории народа, так как личные имена тесно связаны с традициями и обычаями народа. Как известно, у каждого народа свои обычаи при имянаречении, связанные с национальной культурой. Антропонимы туркмен в течение многих веков впитывали в себя древнюю историю прошлого, и сохранившись в своей основе дошли до наших дней. Со временем некоторые антропонимы переходят в группу редких имен, а вместо них появляются современные, новые имена. Как отмечал известный языковед С. Атаниязов, «личные имена является ценным наследием наших предков» [2: 6], поэтому изучение личных имен каждого народа — это огромный и неисчерпаемый пласт наследия для лингвистов и этнографов.

Литература:

1. Никонов, В. А. Имя и общество. — М.: Наука, 1974.
2. Atanyúazow, S. Türkmen adam atlarynyň düşündirişli sözlügi. — Aşgabat: Ýlym, 1992.

A. B. Давыдов, А. В. Жевелева

Обучение турецкоговорящих русскому языку и проблема фонетической интерференции

Аннотация: Создание лингвоспецифических языковых методик и учебных материалов является одной из существенных задач теории обучения русскому языку как иностранному. В статье описаны некоторые механизмы фонетической интерференции у носителей турецкого языка, изучающих русский. К наиболее частым ошибкам в вокализме относятся: недифференциация некоторых аллофонов русских гласных; гипердифференциация русских гласных аллофонов после палатализованных и непалатализованных согласных. В консонантизме: недодифференцированность некоторых русских палатализованных согласных; недостаточная дифференциация /ʃ/ и /ç/. В слоговой структуре — добавление протетической гласной к русским словам, если они начинаются с группы согласных: CCV>CVCV; CCV>VCCV.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, турецкий язык, языковая интерференция, фонетика.

A. V. Davydov, A. V. Zheveleva

Phonetic interference in Turkish L2 speakers of Russian

Abstract: Creating language-specific teaching methods and materials is one of the essential tasks of the theory of teaching Russian as a second language. The paper describes some of the mechanisms of phonetic interference in Turkish L2 speakers of Russian. The most common errors in vocalism include: sound substitution of some allophones of Russian vowels; over differentiation of Russian vowel allophones after palatalized and unpalatalized consonants. In consonantism: underdifferentiation of some Russian palatalized consonants; underdifferentiation of /ʃ/ and /ç/. In syllabic structure, addition of a prosthetic vowel to Russian words if a consonant or a consonant cluster appears at the beginning: CCV>CVCV; CCV>VCCV.

Key words: language acquisition; phonetic interference; Russian; Turkish.

Ulusal yönelimli ve dile özgü ders kitaplarının oluşturulması, Rusça'yı yabancı dil olarak öğretme teori ve metodolojisinin temel görevlerinden biridir. İkinci bir dilin gerçekten başarılı bir şekilde öğretilmesi, özellikle yetişkin bir kitleden bahsediyorsak, ancak öğrencilerin ana dilinin özelliklerini dikkate alarak mümkündür. Bu tür öğretimin temeli, öğrencilerin olası hatalarını tahmin edecek şekilde derlenmiş, dillerin karşılaştırmalı açıklamaları olacaktır. “Rusça-Türkçe” çifti için gramerin karşılaştırmalı bir tanımı mevcuttur [2]. Karıştırmalı fonetik ve sesbilime gelince, bunlar hakkında yazılmıştır, ancak Rusça'yı ikinci dil olarak öğretmeye yönelik sistematik bir açıklama hala gelecek için bir görevdir. Türkçe-Rusça fonetik aktarımını konu alan çalışmalardan bahsederken, öncelikle birçok mekanizmasını tartışan ve aynı zamanda Türkçe konuşanlar için Rusça fonetiği kurmak için metodolojik öneriler sunan makaleden [8] bahsetmeliyiz.

Dil aktarımı kavramı, ikinci dil öğrenimi teorisinin merkezinde yer almakta, ancak aslında başka bir dilbilimsel araştırma alanı sayılan alansal dilbiliminden gelmektedir. U. Weinreich tarafından dil temasları üzerine yaptığı öncü çalışmasında tanıtıldı [9]. Dillerin temasını alıntı kelimeler ile yani substrat ve adstratum fenomenleri açısından tanımlayan zamanının geleneksel temaslı dilbilimi yaklaşımının aksine, Weinreich iki dilli bireyi (iki dilli) bu haliyle çalışmasının merkezine yerleştirmiştir.

Weinreich'in ardından, V. A. Vinogradov, aktarımı “birden fazla dil bilimleri sonucunda iki dillilerin konuşmalarında kendini gösteren, temas eden dillerden birinin veya her birinin normundan sapmalar” olarak tanımlamaktadır [1: 81]. Ayrıca iki sistem arasındaki fark ne kadar büyük olursa, dil aktarımı için o kadar fazla alan olduğunu not etmektedir.

L.V. Shcherba “saf” ve “karma” iki dillilik arasında ayrım yapılmasını önermiştir [7: 47]. Saf iki dillilik, bir bireyin zihninde birbirinden bağımsız olarak iki sistemin var olduğunu ve etkileşime girmediğini ima etmektedir. Karma iki dilliliği Vinogradov, “ilişkili” ve “ikincil” olarak bölmeyi önermektedir [1: 82].

İlişkili iki dillilik ile bireyin zihninde, iki ifade biçiminin tek bir içerik planına karşılık geldiği bir sistem yaratılmaktadır. Shcherba buna “iki terimli dil” demektedir.

İkincil iki dillilik ile, ikinci dilin kelimeleri gerçeklere değil, birinci dilin kelimelerine karşılık gelmektedir. Başka bir deyişle, ikinci dilin birincisine tabi olma durumu söz konusudur. Bu tür iki dillilik bir yabancı dilin sınıfta öğrenilmesinde ortaya çıkmaktadır. Dil aktarımı, birinci türden üçüncü türe

dođru büyümektedir. Saf iki dillilikte aktarım en küçük sıfıra yakın olacak, ikincil iki dillilikte ise en büyük olacaktır [1: 82].

Weinreich, dil aktarımında göze çarpan dört tür fenomeni tanımlamaktadır [9: 18–19]:

1) Birinci dildeki karşılıklarının fonolojik olarak farklılaşmaması nedeniyle ikinci dildeki ses birimlerinin az farklılaşmasıdır. Örnek olarak, böyle bir ses farkının fonolojik olmadığı durumlarda, Bambara konuşmacılarının konuşmasında son konumda Rusça [t] ve [tʰ]’nin farklılaşmamasını gösterebilmekteyiz. Japonların Rusça konuşmasında [r] ve [l]’nin ayırt edilemezliği veya Rusların İngilizce ve Fransızca konuşmalarında [ɛ] ve [e]’nin ayırt edilemezliği daha tipik örnekler olarak görülmektedir.

2) Fonemik sistemdeki aşırı farklılaşma, birinci dilde var olan fonemik farklılıkların var olmayan ikinci dile aktarılmasının bir sonucudur. Bu tür bir dil aktarımı, çođu zaman belirli sözlük birimlerinin ayırt edilemezliğinden kaynaklanan iletişimsel bir başarısızlığa yol açmadığından, büyük zorluklarla giderilebilmektedir. Bu tür bir aktarımı göstermek için, V. A. Vinogradov örnek olarak Fransızların Rusça konuşmasını ele almaktadır. Rusça’da /ɛ/ ve /e/ arasında bir ayırım vardır, ancak Fransızcadaki gibi bu ayırım fonemik değildir. Sonuç olarak, Fransız’ın «этот — эти» /étet — éti/ Rusça çiftinde duyduğu fonemik olmayan fark konuşmasında /mɛlʲ – melʲ/ olarak seslendirilen «мел — мель» /mʲel — mʲelʲ/ çiftine aktarılabilir [1: 83]. Parantez içinde, [ɛ] ve [e]’nin fonemik bir karşıtlığının da olduğu Bambara konuşmacılarının Rusça konuşmasında da aynı türden bir aşırı farklılaşmanın kaydedildiğini belirtmekteyiz.

3) Yeniden yorumlama, iki dilde benzer ancak aynı olmayan fonemik karşıtlıklara sahip olduğunda gerçekleşmektedir. Örneğin, Rus karşıtlığı /n ~ nʲ/, Fransızca, İspanyolca veya İtalyanca konuşan bir kişi tarafından /n ~ ɲ/ olarak yeniden yorumlanabilmektedir. Rusça ses bilgisinde, yumuşaklık (palatalizasyon) ek bir artikülâtör iken, adı geçen Roman dillerinde palatalizasyon (orta dillilik) ana eklemleyici özelliktir /ɲ/.

4) Ses ikamesi, birinci dilin foneminin, çođu artikülasyon özelliğinde onunla çakışan ve her iki dilin fonem sisteminde benzer bir konuma sahip olan ikinci fonem ile değiştirilmesi ile karakterize edilmektedir. Bunun örnekleri, Rusların İngilizce konuşmasında ilk konumdaki sessiz ünsüzlerin ek bir özlem işaretinin olmaması ve bunun tersine, İngilizce konuşanların Rusça konuşmasında bu aspirasyonun varlığıdır; Ukraynaca ve Belarussça konuşanların Rusça konuşmasında yumuşak (damaklaştırılmış) /tʃ/ yerine sert /tʃʲ/

telaffuzu; Bambara konuşanların Rusça konuşmasında yumuşak /t͡ɕ/ yerine damak (palatal) /ç/ ünsüzünün telaffuzudur.

Weinreich'in sınıflandırması kapsamlı sayılmaz. Bireyin birinci ve ikinci dillerdeki konuşmasında biçimbirim karşılıkları kurmanın dışında tam olarak uygulanamaz. Genellikle ikincil iki dillilik durumunda ortaya çıkan protezler ve epitezler fenomeni (örneğin, Türkçe konuşanların Rusça konuşmasında /p/ ve /r/ arasındaki konumda /ə/ sesli harfinin epitezi — *присем* [pr'iv'jet] yerine [pəriv'jet] demesidir), özel ses ikame durumlarına atfedilebilirse, hecenin yeniden yapılandırılma fenomeni artık bu sınıflandırmada yer bulmamaktadır.

Sadece ana dilinin değil, daha önce öğrenilen yabancı dillerin de dil aktarımı kaynağı olabileceği de unutulmamalıdır. Türkçe konuşanlara gelince, bunların oldukça önemli bir bölümünün Türkiye Cumhuriyeti'nin azınlık dillerini konuşabildiği de göz önünde bulundurulmalıdır.

Aşağıda, mutlak bir bütünlük iddiasında bulunmadan, Türkçe konuşanların Rusça konuşmalarındaki en tipik dil aktarımı hatalarını listelemekte ve analiz etmekteyiz. Zaten bu hataların bazıları artık analiz edilmiştir.

1. Ana dili Türkçe olanlar (ve genel olarak ana dili Slavca olmayanlar için) Rusça öğrenirken en önemli fonetik zorluklardan biri, sert ve yumuşak (katı fonetik terimlerle: damaksız ve damak) ünsüzler arasındaki karşıtlık sisteminde ustalaşmaktır. Dil aktarımı, Türkçe konuşanların bu karşıtlıkları görmezden gelmesine yol açmakta, bu da *мел – мель* /m'el – m'el'/ gibi en küçük (minimal) Rusça çiftlerinin ayırt edilemezliğine sebep olmaktadır.

Aslında Türkçede de bir ölçüde periferik karaktere sahip olsa da damaklaşma/damaklaşmama durumuna göre ünsüzlerin karşıtlığı vardır.

İlk olarak, Türkçede kökenli kelimelerde /k, g/ artdamaksız ünsüzlerin /e, i, ø, y/ (imlasında: e, i, ö, ü) ön sesli harflerine bitişik olduklarında [k', g'] olarak damaklaştığından bahsetmekteyiz. Benzer bir şekilde, /l/ ünsüzü de ön ünlülerin yanında damaklaşmış [l'], orta ve arka ünlülerin yanında /a, ɯ, o, u/ (imlasında: a, ı, o, u) damaksız [l] olarak gerçekleşmektedir. Türk imlası bu karşıtlığı yansıtmamaktadır: aynı k, g, l harfleri damaklı ve damaksız uygulamaları belirtmek için kullanılmaktadır. İkinci olarak, yabancı (öncelikle Arapça ve Farsça) alıntı kelimelerinde ve özel isimlerde, /k, g, l/'nin bu farklı kullanılması fonolojiktir, bu da minimal çiftlerin varlığıyla doğrulanmaktadır, bkz. *kar* [kar] vs. *kâr* [k'ar]. Damaklaştırılmış [k', g', l'] genellikle [a] ve [u] sesli harflerle birlikte bulunmaktadır. İmlada bu isteğe bağlı olarak sesli harfin üzerinde düzeltme işareti (şapka işareti) ile belirtilmektedir: gâvur, mahkûm, lâzım. Ancak çoğu zaman bu önemli karşıtlık yazılı olarak göz ardı edilmektedir.

Şahin [8: 197–198] fonetik olarak damaksız olan ve damaklaştırılmış bir çifti olmayan Rusça ses birimi /z/'nin Türkçe konuşanlara öğretilmesi sorununu da ayrıntılı bir şekilde analiz etmektedir. İmlada j harfiyle verilen ve yalnızca yabancı (çoğunlukla Fransızca) alıntılarda bulunan benzer bir Türkçe ses birimi damaklaştırılmıştır. Türkçe telaffuzunun Rusça konuşmaya aktarılması bir aksan oluşumuna sebep olmakta, ancak bu durumda önemli fonolojik karşıtlıkların ayırt edilemezliğine ve sonuç olarak iletişimsel bir başarısızlığa yol açmamaktadır.

Özetle, Türkçedeki damaklaşmanın oldukça periferikliğine rağmen, bu olgunun, Rusça yumuşak ve sert ünsüzlerin telaffuzunun ana diline göre öğretilmesinde destek olarak kullanılabileceğini söyleyebilmekteyiz. Bunu yapmak için, öğrencilere sertlik / yumuşaklık açısından zıt olan Rusça en küçük çiftleri sunulduğunda, ana dillerinde benzer durumlara işaret edilmelidir.

2. Türkçe, bir hecenin başında tek bir ünsüzün varlığı ile karakterize edilirken, Rusça için aksine bu konumda ünsüzlerin birikmesi çok tipiktir. Rusçada bir hece içinde prevokal pozisyonda (*всплеск* 'sıçrama') dört adede kadar ve postvokal pozisyonda (*агентств* 'ajanslar, Gen. Pl.') beş adede kadar ünsüz içerebilen «ünsüz kümeleri» («*консонантные кластеры*») genellikle siktir [3: 254–255]. İki sistemin etkileşimi, Türkçe konuşanların Rusça konuşmalarında CCV>CVCV modellerine göre ünlü protezlerinin ([pʁivʲet] *привет* yerine [pərivʲet], [plavatʲ] *плавать* yerine [palavatʲ]) ve CCV>VCCV ([stanʲsʲija] *станция* yerine [istanʲsʲija] veya [astanʲsʲija]) modellerinin ortaya çıkmasına neden olmaktadır.

Ayrıca, adı geçen olgunun genellikle alıntı kelimelerinin Türkçe ve genel olarak Türk dillerinde kullanılmasının bir özelliği olduğu da eklenmelidir, bkz. Fransızcadaki *station* ve Türkçedeki *istasyon*.

Protezin özel bir durumu, öğrenciler tarafından basitçe /t/ ve /s/ seslerinin eklenmesinin bir sonucu olarak yanlış anlaşılan Rus afrikasına /ts/ içine bir sesli harf eklenmesidir. Şahin [8: 198–199] bu olguyu ayrıntılı bir şekilde analiz etmekte ve Lyubimova gibi [4: 116], bu sesi anlatırken onun artikülasyon birliğini vurgulamanın gerekli olduğu sonucuna varmaktadır.

3. Rusça'nın yazıda *u* ve *u* harfleriyle iletilen /s/ ve /ç/ fonemlerinin ayırt edilemezliği, genellikle Rusça öğrenen birçok dilin konuşmacıları için tipiktir. Türkçe konuşanlar bir istisna değildir. Türkçe'nin /s/ sesi bilindiği gibi sadece sertlik-yumuşaklıkta değil, aynı zamanda uzunlukta da zıt olan (/ç/ sesi uzun [ç:] olarak uygulanmaktadır ve /s/ sesi genelde kısadır) Rusçadaki /s/ veya /ç/ sesi ile eşit değildir. Burada ana dile atfetmek mümkün değildir,

öğretmen sadece öğrencilerin dikkatini bu önemli farka odaklayabilmektedir.

4. Rusça fonetiğinin yabancılara öğretimindeki en önemli zorluklardan biri, Rus ünlülerinin alofonlarının doğru kullanılmasıdır.

Bilindiği üzere, Rusça’da aşağıdaki sistemi oluşturan altı sesli sesbirimi (fonemi) vardır:

Dilin çıkışı	Sıra		
	Ön	Merkez	Arka
Kapalı	i	(i)	u
Orta	e		o
Açık		a	

[i] ([ы]) sesbiriminin durumu tartışmalıdır. Petersburg fonoloji okuluna göre bağımsız bir fonem olarak Moskova’da ise /i/’nin bir alofonu olarak kabul edilmektedir. [i]’nin fonemik olmayan doğası lehinde en önemli argüman, vakaların büyük çoğunluğunda [i] ve [i]’nin bağlamsal olarak koşullu olduğu ve bu nedenle ek dağılım ilişkileri içinde olduğudur. [i]’nin fonemik doğasına ilişkin argümanlar aşağıdaki gibidir: a) [i]’nin ana dili Rusça olan kişiler tarafından izole telaffuz edilebilmesi; b) Rusça alfabesinde karşılık gelen («ы») harfinin varlığı; c) [i], bir dizi alıntı isim ve yer adının mutlak başlangıcında yer almaktadır (*Ким Чен Ын, Ыл*).

Rusçadaki ünlülerin alofonlarını tanımlarken, bazı yazarlar üç sesli harf sırasını ayırt etmekte, diğerleri ise sadece ikiden bahsetmektedir; [i] ve [a]’nın artikülator özellikleri sorunu farklı şekilde çözülmektedir [4: 194–195] (bibliografik incelemeye bkz.).

Rusçadaki ünlülerin artikülasyonu, strese ve fonetik ortama göre kelimedeki konumlarına göre belirlenmektedir. Böylece konumsal ve birleşimsel (kombinatorial) alofonlar ayırt edilmektedir. Vurgulanmış hece ile ilgili olarak, 1., 2. ve 3. ön vurgulu ve arka vurgulu heceleri ayırmak gelenekseldir [4: 201]. “Vurgulu ünlüler, konuşma aparatının genel gerilimi ile açıkça telaffuz edilirken, vurgulanmamış sesli harflerin oluşumunda konuşma aparatı daha az gergindir” [4, 200].

Rusçadaki ünlülerin kombinatorial alofonlarından bahseden M.I. Matusevich, “1) Rusçada açıkça zıt olan sert ve yumuşak ünsüzlerin komşuluğu; 2) nazal ünlülerin komşuluğu; 3) artikülator organa göre belirli sert ünsüz kategorilerinin komşuluğuna” işaret etmiştir [5: 33].

«Rusça Dilbilgisi»nde [6: 24–28] ayrıntılı olarak açıklanan Rusça ünlü-

lerinin alofonlarının çeşitliliği aşağıdaki tabloda kısaca gösterilebilmektedir. «Dilbilgisi»nde verilen Rusçadaki sesli harflerin altı alofon tablosu aşağıda bir araya getirilmiş ve Uluslararası Fonetik Alfabe (IPA) kullanılarak yazılmıştır:

Sesbirimi	Vurgulu pozisyon		Vurgusuz Pozisyon					
	Sert ünsüzler arasında	Yumuşak ünsüzler arasında	başında	İlk ön vurgulu, ilk arka vurgulu			İkinci ön vurgulu, ikinci arka vurgulu	
				Sert ünsüzlerden sonra	/z, / ve /s / den sonra	Yumuşak ünsüzlerden sonra	Sert ünsüzlerden sonra	Yumuşak ünsüzlerden sonra
/i/, /i/	[i]	[i]	[i], [i]	[i]	[i]	[i]	[i]	[i]
/e/	[ɛ]	[e]	[ɛ]	[ɛ]	[ɛ]	[ɛ]	[ɛ]	[ɛ]
/a/	[a]	[æ]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]
/o/	[o]	[ə]	[o]	[o]	[o]	[o]	[o]	[o]
/u/	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]

Türkçede buna benzer bir indirgenme olgusu yoktur. Türkçe konuşanların Rusça konuşmalarındaki tipik bir hata, ünlülerin her pozisyonda vurgulanmış gibi telaffuz edilmesidir. Lyubimova'nın [4: 201–202] ve ardından Şahin'in [8: 203] de belirttiği gibi vurgulanmamış sesli harflerin ayrı bir ayarına başvurarak bunu önlemek mümkündür.

5. Şahin [8: 201–202] ayrıca /o/ ünlüsünün son konumuna sadece alıntı kelimelerinde ve bazı özel isimlerde (*manto*, *Mañço*) rast geldiğini özellikle vurgulamaktadır. Ona göre, bu, Türkçe konuşanların vurgulu /o/ ünlüsü son konumunda olan Rusça kelimelerdeki (*хорошо* 'tamam', *пальто* 'manto') vurguyu önceki hecelere kaydırma eğiliminde olmalarına neden olmaktadır. Biz de bu fikre katılmaktayız. Bununla birlikte, nispeten küçük bir kelime grubunda da olsa, Türkçe'deki son (ve fonetik olarak vurgulanmış) /o/'nun varlığının, karşılık gelen Rusça sesinin doğru ayarlanması için hala gerekli desteği sağladığını belirtmekte fayda var.

Sonuç. Türkçe konuşanların Rusça konuşmalarındaki dil aktarımı ile ilgili olan hataların listesi, yukarıda sıralanan olgularla sınırlı değildir. Kapsamlı açıklamaları, her iki dilin fonetiğinin ayrıntılı bir karşılaştırmalı tanımını, daha fazla deneysel veriyi ve sınıftaki öğrencilerin daha fazla gözlemini gerektirmektedir.

Литература:

1. Виноградов, В. А. Лингвистика и обучение языку. — М.: Academia, 2003. — 370 с.
2. Дербишева, З. К. Сравнительная грамматика русского и турецкого языков: Учебник для вузов. 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2016. — 296 с.
3. Лопатин, В. В. Русский язык / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов // Языки мира: Славянские языки. — М.: Academia, 2005. — С. 444–512.
4. Любимова, Н. А. Лингвистические основы обучению артикуляции русских звуков. Постановка и коррекция. — М.: Русский язык. Курсы, 2011. — 240 с.
5. Матусевич, М. И. Качественные оттенки русских ударных гласных фонем с артикуляционной точки зрения // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. — Т. 248. — 1963. — С. 33–40.
6. Шведова, Н. Ю. (гл. ред). Русская грамматика. — Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — М.: Наука, 1980. — 789 с.
7. Щерба, Л. В. О понятии смешения языков // Избранные работы по языкознанию и фонетике. — Т. 1. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. — С. 40–53.
8. Şahin, Zulfıya. Fonetikeshkij Aspekt Processa Prepodavaniya Russkogo Jazyka Turetskim Studentam // İdil. — 3.11.2014. — P. 191–203.
9. Weinreich, U. Languages in Contact: Findings and Problems. — New York, 1953. — 148 p.

Ö. Daşdemir

Bir halk anlatısı olarak Yusuf ile Züleyha’da rüya motifi

Özet: Kaynağını kutsal kitaplardaki Yusuf kıssasından alan Yusuf ile Züleyha hikâyesi dünya kültür tarihinde eşine az rastlanan bir şöhrete sahiptir. Bu evrensel hikâyenin Türk klasik edebiyatında olduğu kadar halk edebiyatında da kayda değer bir yeri vardır. Hikâyenin Türk edebiyatındaki ilk örneği dörtlükler halinde ve hece ölçüsü ile 13. yüzyılda Kul Ali tarafından kaleme alınmıştır. Ali’nin söz konusu eseri Türk dünyasının tamamında sonraki Yusuf ile Züleyha mesnevilerini olduğu kadar sözlü gelenekteki Yusuf ile Züleyha anlatmalarını da büyük ölçüde etkilemiştir. Bu çalışmada bir halk anlatması olarak Yusuf ile Züleyha’nın Türkiye’de ve Türk dünyasında tespit edilen 21 varyantı dikkate alınarak anlatıdaki rüya motifi üzerinde durulmuştur.

Anahtar kelimeler: Yusuf ile Züleyha, Türk halk anlatısı, rüya motifi.

Ö. Daşdemir

The motif of dream in Yusuf and Zuleyha as a folk narrative

Abstract: The Joseph and Züleyha story which takes its origin from the tale of Joseph in holy books has a great reputation that is rarely seen in the history of World culture. This universal story covers a remarkable place in folk literature as well as in classic literature. The first sample of the story in Turkish literature in form of quatrain and with rhyme was written by Kul Ali in 13. Century. Ali’s work, which has been mentioned, has greatly affected the narratives of Joseph and Züleyha in oral tradition as well as the Joseph and Züleyha masnavi after him in all over the Turkish world. In this study the motif of dream has been discussed considering 21 variants of Joseph and Züleyha as a folk narrative determined in Turkey and the Turkish world.

Key words: enlightenment, Joseph and Züleyha, Turkish folk narrative, the motif of dream.

Anlatının Kökeni

Yusuf Peygamber’in hikâyesi *Kitab-ı Mukaddes*’te *Eski Ahit (Tevrat)*’in “Tekvin” kitabında (Bap 37–50) ayrıntılı olarak kayıtlıdır. *Yeni Ahit (İncil)*’in

“Resullerin İşleri” kitabında (Bap 7: 9–16) hikâyenin *Eski Ahit* versiyonu kısmi epizotlar hâlinde takdim edilir. *Kur’an-ı Kerim*’de ise “Yusuf” suresinde (12) bu ilk versiyona göre daha sade bir şekilde kaydedilen kıssanın söz konusu metinleri, yer yer farklılıklarla beraber, benzer bir karakter taşımaktadır.

Hikâyenin kaynağıyla ilgili olarak *Eski Ahit*’teki hikâyeden önceye ait MÖ 15. yüzyılda yazılmış bir Mısır anlatısının en eski örnek olabileceği ifade edilmektedir [14: 12]. Ayrıca bazı kaynaklarda hikâyenin konusunun başlangıçta mit-efsane şeklinde Asur-Babililer tarafından yaratıldığı belirtilmekte; ancak detaya girilmemektedir [33: 6; 12: VII].

Hikâyenin kaynağıyla ilgili tartışmalarda ele alınan bir diğer konu mevzunun tarihsel olup olmadığı problemidir. Kimilerine göre kutsal kitaplarda kaydedilen Yusuf’un hikâyesi tarihsel olmaktan çok, bir efsanedir [3: 31–32, 13: 169]. Bu görüşe karşı çıkanlar, Mısır metinlerinin hiçbir yerinde Hz. Yusuf’un Mısır’daki ikametinden bahsedilmemesinin nedenini, Yusuf hikâyesinin Mısırlı olmayan Hyksoslar olarak tanınan Samî halkının işgali esnasında (MÖ 1663–1555) Güney Mısır’da geçtiğine ve bu dönem kayıtlarının azlığına bağlamaktadır [8: 45]. Ayrıca, Yusuf hikâyesindeki olayların tarihselliğini reddetmek için edebî motif gerekçesinin gelişigüzel kullanılmasına bir örnek olarak da Hz. Yusuf’un öyküsü ile antik Mısırlı *İki Kardeş Öyküsü* arasındaki malum benzerliklerin sık sık gündeme getirilmesi gösterilmektedir [8: 205–206].

Roland de Vaux, Yahudi kaynaklı Yusuf hikâyesinin *Tevrat*’ta yazılı hâlde getirilmesi aşamalarını değerlendirerek dikkate değer bazı tespitlerde bulunur ve geç bir tarihte yazıya geçirilmiş olmasına rağmen *Tevrat*’taki metni tarihî bakımdan ilk örnek olarak kabul eder¹.

Kimilerine göre, Mısır’daki yedi kıtlık yılının ananesini gösteren bir metin, hikâyenin tarihselliğine örnek teşkil etmektedir. Bu metinde Firavun ile bir din mümessili arasında imzalanan bir muahedeye göre Mısır’ın bolluk yılları arkasından, takip edilecek yedi kıtlık yılı ananesi mevcuttur [14: 8]. Ayrıca Mısır tarihinin Hyksoslar döneminde Mısır’a kolayca girip ülkenin en bereketli bölgesi olan Delta’ya yerleşen bir topluluk vardır. Bu dönem boyunca firavunlar Asyalı olup kendi türdeşlerini kayırıyorlar. Bu husus *Eski Ahit*’teki Yusuf’un serüveninin gerçekliğini güzelce ortaya koymaktadır [24: 749–750].

¹ Roland de Vaux, Yusuf kıssasının cinsi ve muhtevassından ve hepsinden çok, kıssada bulunan Mısır’a has şahıs isimlerinden dolayı Hz. Süleyman’ın saltanatından evvel yazılmış olamayacağını ifade etmektedir [Bk. 13: 191–192]. Nitekim şu an elimizde bulunan *Tevrat* değişik zamanlarda oluşturulan metinlerin bir araya gelmesiyle meydana gelmiş ve MS 3. yüzyılda son şeklini almıştır [21: 19–21].

Tespitler ışığında Kadim Mısır'ın *İki Kardeş* masalı ve diğer masal tiplerindeki çeşitli motiflerin kıssaya kaynaklık etmiş olabileceği düşüncesi tarihî gerçekliğe aykırı görünmektedir. *British Museum*'da muhafaza edilen bir papirüs üzerine hiyeratik karakterde yazılı olup yaklaşık olarak MÖ 1300 yılında Dokuzuncu Hanedan egemenliği döneminde geçerli olan bir formda bulunan *İki Erkek Kardeşin Hikâyesi* ya da *İki Kardeş Masalı*² Hz. Musa'nın yaşadığı döneme denk gelmektedir. Oysa Hz. Yusuf'un kabul edilen tarihsel hayatı onun MÖ 1906'da doğup kendisi ile ilgili kıssanın MÖ 1890 dolaylarında başladığını tasdik etmektedir³. Bazı kaynaklarda ise Hz. Yusuf'un MÖ 1720–1580 veya MÖ 1700–1600 yılları arasında yaşadığı kabul edilir [6: 548]. Hz. Yusuf'un ne zaman yaşadığı hakkında kesin bir hüküm verilemezse de bu tarihin bahsi geçen Mısır masalından öncelere denk geldiği açıktır. Dolayısıyla Yusuf hikâyesinin ilk kaynağının herhangi bir efsane ya da masala dayanamayacağı ortadadır. Buna göre, tarihî gerçekliğe uygun olan, hikâyenin bahsi geçen anlatılara motif ve konu bakımından kaynaklık etmiş olabileceğidir.

Anlatının Yayılması

Kitab-ı Mukaddes ve *Kur'an-ı Kerim*'in kaynaklık ettiği Yusuf hikâyesi dünya kültür tarihinde eşine az rastlanır bir şöhrete sahiptir. Hikâye dünyanın hemen her yerinde bilindiği gibi sanatın ve edebiyatın neredeyse bütün türlerine de girmiştir. Batı sanat ve edebiyatında oldukça yaygın bir üne sahip olan Yusuf hikâyesi; Doğu'da *Kur'an* tefsircileri, İslam tarihçileri ve kısas-ı enbiya müellifleri tarafından ayrıntılı olarak ele alınmış, şairler tarafından sıklıkla işlenmiştir⁴. Müslüman müellifler kıssayı şerh ve tahkiye ederken İsrailiyat'tan büyük ölçüde etkilenmişlerdir. Nitekim Yusuf hikâyesi en etraflıca *Eski Ahit*'te hikâye edilmiştir. *Kur'an-ı Kerim*'deki kıssa, nispeten kısa olmakla birlikte, özlü bir şekilde verilir. İslami edebiyatın vazgeçilmez konularından biri olan Yusuf kıssası, Müslüman müelliflerin kaleminde bu iki kaynağın terkihiyle yeniden kurgulanmıştır. Kutsal kitaplarda yer almayan birçok unsur da hikâyeye dâhil edilmiştir. Örneğin, Yusuf'u baştan çıkarmaya çalışan kadın, kutsal kitaplarda isimsiz olarak geçerken, Müslüman müellifler bu kadını Züleyha/Zeliha olarak takdim eder. Hikâyenin sonunda Yusuf ile Züleyha evlenir. Yusuf'un evliliği

² Bu masal hakkında bilgi ve metin için bk. [31; 7].

³ Konuyla ilgili detay için bk. [21].

⁴ Yusuf hikâyesinin dünya ölçeğinde üretilen sanat örnekleri ve hikâye üzerinde yapılan bilimsel çalışmalar ile ilgili geniş bir literatür için bk. [11: 29–62].

Kur'an'da yer almamakla birlikte *Tevrat*'ta daha farklıdır. Burada Yusuf zindandan çıkıp On şehrinin kâhini Potifar'ın kızı Asenat ile evlenir. İslami muhayyilenin yarattığı Züleyha tipi, hikâyenin vazgeçilmez unsurlarından biri olmuştur. Nitekim Müslüman-Şark edebiyatı, hikâyedeki aşk temi üzerinde ısrar ederken, Yahudi ve Hristiyanlar daha çok Yusuf ve kardeşleri arasındaki ilişkiye vurgu yapar.

Müslüman-Şark edebiyatında yüzlerce örneği verilen hikâyenin Türk edebiyatındaki ilk örneği Ali'nin H. 630 – M. 1232'de kaleme aldığı *Kıssa-i Yûsuf* manzumesidir. Eser dörtlükler hâlinde, hece ölçüsüyle kaleme alınmıştır. Ali'nin eserinden sonra edebiyatımızda yüze yakın manzum ve mensur hikâyenin kaleme alındığını ifade eden Agâh Sırrı Levend, bunlardan elliden fazlasını kendisinin fişlediğini ifade etmektedir [22: 173]. Yusuf ile Züleyha hikâyesi, kısas-ı enbiya ve tefsirler yanında bu yazmalardan okunarak sözlü geleneğe intikal etmiştir. Hikâyenin halk arasındaki yayılışında din adamlarının vaazlarının da etkili olduğu tespit edilmiştir. “*Vaizler, dinleyicilerin ilgilerini çekmek için çoğu defa vaazla beraber çeşitli masallar anlatmıştır. Böylece Yusuf, Yunus, İbrahim, İsmail, Musa vb. hakkındaki masalların bazı bölümleri halka geçmiştir*” [19: 159].

Türkiye’de Yusuf ile Züleyha hikâyesi üzerinde yapılan bilimsel çalışmalar mesneviler üzerinde yoğunlaşmıştır. Hikâyenin Türk halk edebiyatında da kayda değer bir yeri vardır. Türkiye’de ve Türk dünyasının değişik yerlerinde hikâyenin çok sayıda varyantı kaydedilmiştir. Bu varyantlar üzerinde karşılaştırmalı bir çalışma Özkan Daşdemir [11] tarafından yapılmıştır.

*Aşağıda Yusuf ile Züleyha hikâyesinin Türkiye ve Türk dünyasında tespit edilen 21 varyantı dikkate alınarak anlatıdaki rüya motifi üzerinde durulacaktır*⁵.

Yusuf’un Rüyası

Yusuf ile Züleyha hikâyesi -denilebilir ki- rüya motifi üzerine kurulmuştur. Hikâyenin başında çocuk Yusuf’un gördüğü rüya hikâyenin sonunda gerçekleşir. Arada birçok olay yaşanır Fakat Yusuf’un nihai yükselişi rüyaları doğru yorumlaması sayesinde gerçekleşir. Yusuf’un gördüğü rüyasının ileride vuku bulması yardımcı rüyalar yoluyla sağlanır. Yusuf hikâyesi hakkında yapılan çalışmalarda hikâyedeki rüya motifi üzerinde uzun uzadıya durulduğu gibi Şemseddin Nuri, kitabını *En Güzel Kıssa ve Gerçekleşen*

⁵ Bu çalışmada ortaya konulan tespit ve değerlendirmeler 2012 yılında doktora tezi olarak hazırladığımız ve aynı yıl içinde yayımlanan *Halk Hikâyesi Olarak Yusuf İle Züleyha* başlıklı çalışmamıza dayanmaktadır [Bk. Daşdemir 2012].

Rüya başlığıyla kaleme almıştır. Özellikle Batı'da Yusuf'un rüyasına ve tabirciliğine atıfla çok sayıda eser verilmiştir [Bk. Daşdemir 2012: 55–62].

Yusuf'un rüyası kutsal kitaplarda şu şekildedir:

Eski Ahit'e göre babası Yakup'un ihtiyarlığı zamanında doğduğu için diğer oğullarından daha fazla sevdiği Yusuf, kardeşlerinin nefretini üzerine çekmiştir [*Tekvin*: 37: 3–4]. Yusuf rüyasında kardeşleriyle birlikte tarlada demet bağladığını; kendi demetinin kalkıp dikildiğini, kardeşlerinin demetlerinin onun demeti etrafını kuşatıp, demete eğildiğini görür ve rüyayı kardeşlerine anlatır. Kardeşleri, Yusuf'un onların üzerine kral olacağı ya da onlara hükmedeceği yorumunu yaparak Yusuf'a daha fazla kinlenirler [*Tekvin*: 37: 5–9]. Bu rüya *Kur'an-ı Kerim*'de yoktur.

Eski Ahit'e göre Yusuf bir rüya daha görmüştür. Rüyasında güneş, ay ve on bir yıldızın kendisine eğildiğini görür ve rüyasını babası ile kardeşlerine anlatır [*Tekvin*: 37: 9–10]. Babası rüyayı dinleyip Yusuf'u azarlar. Kardeşleri onu kıskanırken babası bu sözü yüreğinde tutar [*Tekvin*: 37: 10–11]. Bu ikinci rüya *Kur'an-ı Kerim*'de de kaydedilmiştir. Yusuf rüyasında on bir yıldız, güneş ve ayın kendisine secde ettiğini görür; rüyayı babasına anlatır [*Kur'an*: 12: 4]. Babası rüyayı kardeşlerine anlatmamasını öğütler. Kardeşlerinin Yusuf'u kıskanıp ona tuzak kuracağını söyler [*Kur'an*: 12: 5]. Zira babasının gözünde Yusuf ve ana-baba bir kardeşinin daha sevgili olduğunu düşünen kardeşleri onu öldürme ya da bir yere atmanın planını yapmış, nihayet bir kuyu dibinde bırakma hususunda karar kılmışlardır [*Kur'an*: 12: 8–10]. Yusuf kuyuya atılır ve oradan geçen bir kervan tarafından bulunarak Mısır'a götürülür. Bir sürü maceradan sonra Yusuf, Mısır'da hazineden sorumlu makama getirilir. Yusuf'un Mısır'a gelen ana-babası ve kardeşleri onun için secdeye kapanırlar. Yusuf, babasına çocukluğunda gördüğü rüyanın yorumunun bu olduğunu söyler [*Kur'an*: 12: 100].

Yusuf'un rüyası, anlatı örneklerinde de benzer şekillerde işlenmiştir. Örneğin, anlatının *Taberi Tarihi*'ndeki "Yusuf Kıssası" bölümünden dönüştürülen Türkçe bir taş baskı çeşitlemesinde rüya şu şekilde nakledilir:

"Bir gece Yusuf (A.S.) düşünde şöyle görür ki Ay ve Gün inerler Yusuf (A.S.)'ın önünde baş koyarlar ve secde ederler. Hazreti Yusuf sabah olunca bu düşü atasına söyler ve der ki: 'Ya ata gördüm ki on bir yıldız, Ay ve Güneş geldiler, bana secde ettiler.' Hazreti Yakup düş ilmini iyi bilirdi, dedi ki: 'Ey oğul! Bu düşün tabiri budur ki; Allah Teâlâ seni aziz eyleye, devlet ve ululuk vere, karındaşların sana muhtaç olalar... Hak Teâlâ seni karındaş-

ların üzerine güzide kıla ve senin hâlin onların hâlinde iyi ola [Hikâye-i Zelîhâ ile Yûsuf Aleyhisselâm t.y.: 4–5].”

Eski Ahit'e göre babası rüyayı dinleyip Yusuf'u azarladığı hâlde, *Kur'an-ı Kerim*'de rüyayı kardeşlerine anlatmamasını öğütlemiştir. Anlatının bu epizodunda *Kur'an-ı Kerim*'deki versiyon esas alınmıştır.

Yusuf'un rüyası ve babanın öğüdüne benzer bir durum, Manas destanı anlatıcılarından Keldibek'in rüyası hakkında babasının verdiği öğütte görülür. Ünlü Manasçı Keldibek rüyasında Manas'ı görür, rüyasını babasına anlatır. Babası da ona, gördüğü rüyayı kimseye anlatmamasını söyler [Alptekin 2001: 70].

Çocuk Yusuf'un rüyası, Ferial Ghazoul Hopkins'in, rüya motifinin mahiyetlerine göre yaptığı tasnifte birinci gruptaki "*kehanet bildiren rüyalar*" dandır⁶. Nitekim Yusuf'un rüyası hikâyenin sonunda vuku bulacaktır:

"*Hazreti Yusuf'un ol on bir karındaşları gelip Yusuf Aleyhisselam'ın önünde yer öptüler [Hikâye-i Zelîhâ ile Yûsuf Aleyhisselâm t.y.: 44].*"

Yusuf'un rüyasındaki on bir yıldız, kardeşlerini; ay ve güneş de babası Yakup ve babasının hanımını (teyzesi/analığı) temsil etmektedir. Rüya Yakup'un Ay, hanımının Güneş ile sembolize edilmesi Türk mitolojisinde görülen Ay'ın erkek, Güneş'in de dişi olması [Ögel 1971: 131] algısını hatırlatmaktadır. Bahaeddin Ögel'in *Türk Mitolojisi* adlı kitabındaki bir rüya örneği Yusuf'un rüyasıyla benzemektedir. "*Altay Türkleri tarafından anlatılan bir masalda şöyle bir rüya görüyoruz: Rüya sağda güneş, solda da ay duruyormuş. Rüya görenin alnında da sabah yıldızı (Zühre) parlıyormuş [Ögel 1971: 289].*" Bu rüyanın yorumu hakkında herhangi bir bilgi verilmemiş olmakla birlikte, Yusuf'un rüyasında olduğu gibi ikbale işaret ettiği açıktır.

Muazzez İlmiye Çığ, Yusuf'un gerçekleşen rüyasını, Sümer'deki Tanrı bildirisini rüyalarla bağdaştırma eğilimindedir. Buna dayanak olarak Sargon'un gördüğü rüyayı örnek gösterir. Sümer kralı Urzababa'nın yanında çalışan Sargon, gördüğü rüyayı Kral'a söyleyince, "*benim yerime kral olacak*" korkusu ile Sargon'u öldürmek ister [Çığ 2010: 31].

Türk dünyasında halk anlatısı olarak tespit edilen örneklerde Yusuf'un rüyası epizodu her zaman aynı motiflerle takdim edilmez. Varyantların çoğunda kutsal kitaplardaki on bir yıldız, ay ve güneş motifleri muhafaza edilmiş olsa da; bazı varyantlarda farklılıklar göze çarpmaktadır.

Konya'dan derlenen bir anlatmaya göre, Yusuf rüyasında on bir yıldız ve bir yıldızın ona secde ettiğini görür. Kayseri anlatmasında ay ve yıldızlar inip

⁶ I. Uluslararası Türk Folklor Kongresi'nde sunulan "The Nature and Function of The Dream Motif in Turkish Folk Literature" başlıklı bildiri [Bk. Günay 2008: 127].

ona secde eder. Uygur ve Türkmen varyantlarında on bir yıldız ve ay gökyüzünden inip ona secde eder. Kazak varyantında on bir yıldız; Yusuf'a değil, aya secde kılmaktadır. Karakalpak varyantında Yusuf ve babası rüyalarında ay ile güneşin Yusuf'a secde ettiğini görürler. Kazan-Tatar varyantında on yıldız, Yusuf'a secde eder. Bir Başkurt anlatmasına göre, Yusuf rüyasında sadece on bir yıldız ve ay görürken; diğer bir anlatmaya göre on yıldızın örtüsünü çıkarıp dolunaya secde ettiğini görür. Yine bir Başkurt anlatmasında ise Yusuf, gökteki ayın yuvarlanıp eteğine düştüğünü, çevresinde yıldızlar olduğunu ve dışarı çıktığında kuru sopenin yeşil ağaca dönüştüğünü görür [11: 65].

Behçet Mahir, Dobruca Tatar ve iki Başkurt anlatmasında Yusuf'un rüyası epizodu bulunmamaktadır [11: 65].

Bu epizottaki rüya motifi örnekleri Stith Thompson'un *Halk Edebiyatı Motif İndeksi* isimli çalışmasındaki "F1063. Realist rüya" ve "L425. Geleceği gösteren rüya sürgüne sebep olur" motiflerine örnek teşkil eder.

Saki ve Ekmekçinin Rüyaları

Eski Ahit'te Yusuf'un Mısır'da efendisinin evinde iken evin hanımının gayri meşru aşk teklifini reddettiği ve hanımın sözlerine aldanan efendi Potifar'ın Yusuf'u zindana attıracağı nakledilir [*Tekvin*: 39: 7–20]. Yusuf ile zindanda mahpus olan Mısır kralının sakisi ve ekmekçisi bir gece gördükleri rüyalarını Yusuf'a anlatırlar. Saki rüyasında asmada gördüğü üç çubukta yetişen üzümlerden sıkıp Firavun'a kâse içinde sunduğunu söyler. Yusuf rüyayı yorumlar. Üç güne kadar Firavun'un kendisini yine memuriyetine döndüreceğini söyler. Baş ekmekçi de gördüğü rüyayı anlatır. Başının üzerindeki üç sepet beyaz ekmekten, Firavun'un yiyeceği ekmeklerin kuşlar tarafından yenildiğini söyler. Yusuf bu rüyayı da yorumlar ve ekmekçinin üç güne kadar asılacağını, etinin kuşlar tarafından yenileceğini söyler. Yusuf'un yorumları olduğu gibi gerçekleşir [*Tekvin*: 40: 5–22].

Kur'an-ı Kerim'de Allah'ın Yusuf Peygamber'e rüyaları yorumlama ilminin verildiği bildirilmektedir [*Kur'an*: 12: 6, 21–22, 101]. *Kur'an-ı Kerim*'e göre, Yusuf Mısır'da zindanda iken iki delikanlı gördükleri rüyaları Yusuf'a anlatır. Birincisi rüyasında üzüm sıkıp şarap yaptığını, ikincisi ise başının üstünde ekmek götürürken o ekmekten kuşların yediğini anlatır ve rüyalarının yorumlarını sorarlar [*Kur'an*: 12: 36]. Yusuf kendisine Allah'ın verdiği ilimle rüyaları yorumlar. Birincinin zindandan çıkıp yine efendisine şarap sunacağını, ikincinin ise asılacağını söyler [*Kur'an*: 12: 41]. Yusuf kurtulacağını düşündüğü delikanlıya efendisinin yanında kendisinden bahsetmesini ister;

ancak şeytan o delikanlıya bunu unutturur ve Yusuf yıllarca zindanda kalır [*Kur'an*: 12: 42].

Görüldüğü gibi hikâyede dikkat çeken bir nokta, Yusuf'un rüya tabirciliğindeki üstün maharetidir. İbn-i Arabî, *Fusûsu'l Hikem*'de Yusuf Peygamber'in tabirciliğini Yusuf kelimesindeki "nuri" hikmetin aslı olarak tevîl eder. "*Bu hikmetin Yusuf Peygamber'e isnadı onun nuranî âlem olan misal âlemine ait hakikatleri keşfederek rüya tabirini öğrenmiş olmasındandır*" [23: 114].

Hasan b. Hüseyin el-Hilâl *Tabakatü'l Muabbirin* adlı eserinde 7500 tabircinin ismini yazıp bunlardan 600 tabirciyi eserleriyle birlikte tanıtmaktadır. Daha sonra en meşhur yüz tabirci seçerek bunları on beş tabakaya ayırır. Hz. Yusuf birinci tabakada bulunan tabircilerin başında zikredilir [32: 91–106]. Bir rüya tabircisi övülmek istendiğinde onun "*her şehrin Yusuf'u*" olduğu söylenir [27: 22]. Yusuf'un rüyaları doğru tabir etmesi ve çocukluğunda gördüğü rüyanın gerçekleşerek mülk ve saltanat sahibi olması Batı'da onun kehanet sahibi bir falcı olarak düşünülmesine neden olmuştur. *Tevrat*'ta "*Zaphenath- Paneah*" olarak yazılan Yusuf'un ismini âlimler, "*sırları açıklayan*" şeklinde çevirirler. Başkaları ise bu ismin "*Tanrı konuşuyor ve yaşıyor*" anlamına geldiğini söylüyor. İbranicede bu ismin açık anlamı "*şifre çözücüsü*"dür [15: 88–89].

Anlatının taş baskı örneğinde Yusuf'un rüya yorumu şu şekilde işlenmiştir:

"*Hazreti Yusuf zindana girdi. Gâh namaz kılardı ve gâh halka zindanda nasihat ederdi ve hasta olanları tımar ederdi ve gâh düş görenlerin düşünüyü tabir ederdi. Hazreti Yusuf her nice tabir eder ise bi-ayniha öyle vaki olurdu zira Hak Teâlâ, Yusuf Aleyhisselâm'a düş ilmini bildirmişti. Hazreti Yusuf düş tabir etmekte o kadar şöhrat buldu ki gece düş görenler sabah gelirler Yusuf Aleyhisselâm'ın başına üşüşürlerdi, tabir ettirirlerdi*" [18: 19].

Yine bir gün iki mahpus gelip Yusuf'a rüyalarını anlatır. "*Şarapçı, Yusuf'a dedi ki ben düşümde gördüm şarap sıkırım. Mutfakçı dedi ki ben düşümde şöyle gördüm ki başım üzerinde bir sini ile ekmek götürürüm. Havadan kuşlar gelip o ekmeği benim başımdan yerler*" [18: 20].

Yusuf bu rüyaları şöyle tabir eder: "*Sizin biriniz Sultan'ın şarapçısı olacaktır. O biriniz ki başından ekmek yedi kuşlar, onu Sultan asa, başını kuşlar delip beynini yiye, dedi*" [18: 21].

Kutsal kitaplarda her ne kadar zindandaki iki delikanlının bu rüyaları gördüğü ve Yusuf Peygamber'e anlattığı nakledilse de, kimi rivayetlerde bu rü-

yaların Yusuf'u denemek için mutfakçı ve saki tarafından uydurulduğu ifade edilmektedir: “*Yusuf bu düşü böyle tabir edince o oğlanlar dediler: Biz yalan söyledik, düş görmemiş idik. Maksadımız seni anlamak idi, dediler. Yusuf Aleyhisselam dedi: Sözüñüze hükmolundu, bu kaza elbette sizin başınıza gelecektir. Hayır ve eğer şer ağzınızdan çıkan söz faldır. Dediğim gibi olacaktır, dedi. Ahir birisi Sultan katında mukarreb olup doğruluğu bilindi ve birinin hıyaneti zahir olup boğazından asıldı, kuşlar gelip beynini yediler*” [18: 21].

Saki ve ekmeğin rüyaları epizodu, anlatı örneklerinde farklı motiflerle takdim edilir. Anlatının taş baskı örneği, Süleyman Tevfik yayını ile Kayseri ve bir Başkurt anlatmasına göre saki ve ekmeğin rüyaları sahtedir. Bu rüyalar Yusuf'u denemek için uydurulmuştur. Kazan Tatar anlatmasına göre zindanda biri rüyasında kızıl yular giydiğini görür. Yusuf rüyayı yorumlar. Padişahın boynunu vurduracağını söyler. Gerçekten de öyle de olur. Bir Başkurt anlatmasına göre ise mahpusun rüyasını yorumlayan Yusuf, zindanda çok kişinin asılacağını söyler. Dediği gibi olur, Yusuf dışında hepsi asılır. Bu epizot Behçet Mahir, Dobruca Tatar ve bir Başkurt anlatmasında yer almaktadır [11: 169–170].

Bu epizottaki rüya motifi örnekleri Stith Thompson'un *Halk Edebiyatı Motif İndeksi* isimli çalışmasındaki “D1712.3. Rüyaların yorumlanması”, “F1063. Realist rüya” ve “H509. Zekânın ya da yeteneğin imtihanı” (dümece rüyalar anlatarak) motiflerine örnek teşkil eder.

Kral'ın Rüyası

Eski Ahit'e göre Yusuf, rüyasını yorumladığı sakiye kendisini Firavun'un huzurunda anmasını ve zindandan çıkarmasını söylese de, baş saki bu isteği unutmıştır [Tekvin: 40: 14–15, 23]. Aradan iki yıl geçer ve bu kez Firavun bir rüya görür. Rüyasında ırmaktan çıkan yedi semiz ineğin, ırmaktan çıkan yedi cılız inek tarafından yenildiğini görür [Tekvin: 41: 1–4]. Uyandıktan sonra tekrar uyur ve bir rüya daha görür. Rüyasında bir sapta çıkan yedi dolgun başağı, yedi cılız başak yutar [Tekvin: 41: 5–7]. Firavun sabah uyanınca sihirbaz ve bilginleri çağırıp rüyasını anlatır; ancak rüyayı yorumlayan olmaz [Tekvin: 41: 8]. Baş sakinin aklına Yusuf gelir. Kendisi ve ekmeğin rüyalarını doğru yorumlayan Yusuf'tan bahseder. Firavun'un emriyle Yusuf'u zindan çıkarıp huzura getirirler. Firavun gördüğü rüyayı Yusuf'a anlatır. Yusuf yedi semiz inek ve yedi dolu başağın yedi bolluk yılı olduğunu; yedi cılız inek ve yedi boş başağın da yedi kıtlık yılı olduğunu söyler [Tekvin: 41: 9–27]. Yusuf rüyayı böylece yorumlayıp Mısır diyarında yedi bolluk yılında toplanan mahsulün bir kısmının sonradan gelecek olan yedi kıtlık yılı için saklanması

gerektiğini Firavun'a bildirir. Bu yorum ve önerilerden hoşnut olan Firavun, Yusuf'u Mısır diyarı üzerine yetkili tayin eder. Yusuf otuz yaşında Firavun tarafından ülkenin en yetkili adamı kılınır ve Potifar'ın kızı Asenat ile evlendirilir [Tekvin: 41: 34–46].

Kuran-ı Kerim'de de Mısır kralının rüyası ve Yusuf Peygamber'in tabiri nakledilir. Mısır kralı rüyasında yedi zayıf inek, yedi besili ineği yemektir. Ayrıca yedi yeşil başakla yedi de kuru başak vardır [Kur'an: 12: 43]. Bu rüyayı kimse yorumlayamayınca, zindandan kurtulan delikanlının aklına Yusuf gelir. Yusuf'un yanına gider ve rüyanın yorumunu sorar. Yusuf yedi yıl ettiklerinden tasarruf etmelerini; sonraki yedi yılın kurak olacağını, tasarruf ettiklerinin kuraklık yıllarında tüketileceğini söyler [Kur'an: 12: 45–48]. Rüyanın yorumunu duyan Kral, Yusuf'u yanına çağırır. Yusuf zindana iftira ile atıldığını teyit ettirdikten sonra Kral'ın huzuruna çıkar ve hazineden sorumlu olur [Kur'an: 12: 50–56].

Taş baskı anlatı örneğine göre Kral'ın rüyası şu şekildedir:

“Sultan, katında olan beylere dedi: Düşümde gördüm ki nehr-i Nil'den yedi semiz sığır onların ardınca gayet arık yedi sığır çıkar. O arık sığırlar, semiz sığırları yutarlar. Şöyle ki o semiz sığırlar belirsiz olur gider ve o arık sığırlar hâlleri üzere olurlar. Ondan sonra yedi yaş buğday başını görürüm ve onlar tamam dolmuş iken yedi kuru buğday başı o yaş başa galip gelir. Onlar arasında belirsiz olur. Sultan bu veçhile düş görür; sabah olunca Mısır şehrinde ne kadar muabbirler ve müneccimler var ise cem edip düşünüy onlara söyler” [18: 23].

Kral'ın rüyası, Hopkins'in tasnifindeki *“alegorik mesajlı rüyalar”*dandır. İkinci gruptaki bu tür rüyalarda *“tabir ve tefsirle anlaşılan şifreli bir dil kullanılmaktadır”* [17: 127].

Zindan arkadaşlarının rüyalarını tabir eden Yusuf, şarapçının salığıyla sultanın rüyasını da yorumlar: *“O semiz sığırlar o ucuzluğa işaretler ki ekinler ola, buğday çok ola, ağaçlarda yemişleri çok ola. O yaşarmış buğday başları, o ekin bol olduğuna işaretler ve o arık sığırlar ona işaretler ki o sonra yedi yıl tamam kıtlık olacaktır; dane bitmeyip ağaçlarda yemiş olmayacaktır”* [18: 24–25].

Sultan'ın rüyasını dosdoğru tabir eden Yusuf, onun iltifatına mazhar olarak Mısır'ın ikinci adamı konumuna yükselir. Benzer motifler başka anlatılarda da vardır. Manas, bir gece, bir rüya görür ve bu rüyaya bir türlü mana veremez. Kırk yiğidini toplar, onlara sorar. Ama hiç kimse bir türlü tabir edemez. Bunun üzerine emir verir. Bulun birisini, o tabir etsin, der. Şölen-

ler verir. Bu rüyamı tabir edene, istediği hediyeği verin, der [25: 509–510]. Danyal Peygamber, Buhtunnasır'ın (Nebukadnezzar) Kudüs'ü işgali sırasında ele geçirilerek Babil'e götürülür. *Tevrat*'a göre Kral Nebukadnezzar bir gece bir rüya görür ve müthiş bir iç sıkıntısıyla uyanır. Rüyasını yorumlatmak için bütün bilgeleri çağırır. Kimse yorumlayamayınca hepsinin öldürülmesini emreder. Durumdan haberdar olan Danyal, dua ederek rüyanın yorumunun kendisine bildirilmesini ister. Danyal'a bu sır, rüyasında bildirilir. Kral'ın huzuruna gelerek, rüyasını yorumlar. Bu yorum Kral'ın hoşuna gider ve önünde yüzüstü eğilerek Danyal'a secde eder. Ona büyük hediyeler vererek Babil vilayeti üzerine hâkim tayin eder [29: 290–291].

Kral'ın rüyası epizodu halk anlatılarında zaman zaman çok farklı motiflerle takdim edilir. Kazan Tatar anlatmasına göre rüyayı gören Kral değil, zindandan biridir [11: 170]. Hikâyenin karakteristik motiflerinden olan, Kral'ın rüyasındaki yedi inek ve yedi başağın bazı anlatılarda değiştiği görülür. Kayseri anlatmasında padişah denizden çıkan üç zayıf atın üç yaban aygırını yediğini görür. Bir Başkurt anlatmasında sekiz büyük kızıl sığır ve sekiz kara sığır, yine bir Başkurt ve Dobruca Tatar anlatmasında sekiz semiz sığır ve sekiz zayıf sığır görür [11: 170–171]. Yedi motifinin sekiz olarak takdim edildiği bir Başkurt anlatmasında anlatıcı Zinnetulla Vahitov bu epizodu manzum olarak şöyle dile getirir:

Bu gece ben düş gördüm,
 Düşümde kızıl ateş gördüm,
 Ateş yanında şiş gördüm,
 Şiş başında et gördüm.
 Sekiz sığır bir gördüm,
 Semiz sığır bir gördüm,
 Sekiz sığır bir gördüm,
 Zayıf sığır bir gördüm,
 O nedir yarenler [33: 144]?
 Padişahın rüyasını Yusuf şöyle yorumlar:
 Düşünde kızıl ateş görsen,
 Şöhretin olur padişahım;
 Ateş yanında şiş görsen,
 Ülken büyür padişahım;
 Şiş başında et görsen,
 Malın artar padişahım.
 Semiz sığır denilen

Tokluk gelir padişahım;
 Sekiz sığır denilen
 Sekiz yıla uzar.
 Zayıf sığır denilen
 Açlık gelir padişahım;
 Sekiz sığır denilen
 Sekiz yıla uzar [33: 144].

Görüldüğü gibi manzum olarak takdim edilen bu bölümde “*sekiz*” ve “*semiz*” sözcükleri arasında kurulan kafiye, hikâyenin karakteristik bir motifinin — belki sadece bu yüzden-değiştirilmesine neden olmuştur. Anlatım ortamının icrayı içerikten daha fazla önemseyen bağlamsal şartları — pekâlâ— bir hikâyenin en bilindik bir motifini sadece estetik kaygılarla değiştirebilir.

Behçet Mahir anlatmasında ise rüya tamamen farklıdır. Yusuf’un zindandan önceki dönemine denk gelir. Rüyada Mısır’ın üzerine yeni bir ay doğar. Mısır şehri aydınlanır, yüz binlerce insan toplanıp zindandan ışığa çıkar. Yusuf rüyayı tabir eder. Kral’a öleceğini, yeni bir yöneticinin gelip sadece Mısır’ı değil, bütün kâinatı aydınlatacağını söyler [11: 171].

Kral’ın rüyası epizodundaki rüya motifi örnekleri Stith Thompson’un *Halk Edebiyatı Motif İndeksi* isimli çalışmasındaki “*D1712.3. Rüyaların yorumlanması*” ve “*F1063. Realist rüya*” motiflerine örnek teşkil eder.

Züleyha’nın Rüyası

Hikâyedeki diğer bir motif, Züleyha’nın geciken rüyasıdır. Bu motif kutsal kitaplarda yoktur. Daha önce de belirtildiği gibi, Yusuf’u baştan çıkarmaya çalışan kadın, kutsal kitaplarda isimsiz olarak geçerken Müslüman müellifler bu kadını Züleyha/Zeliha olarak takdim etmiştir. Hikâyenin sonunda Yusuf ile Züleyha evlenir. Yusuf’un evliliği *Kur’an-ı Kerim*’de yer almamakla birlikte *Tevrat*’ta daha farklıdır. Burada Yusuf zindandan çıkıp On şehrinin kâhini Potifar’ın kızı Asenat ile evlenir. İslami muhayyilenin yarattığı Züleyha tipi, hikâyenin vazgeçilmez unsurlarından biri olmuştur.

Cami’nin Yusuf ile Züleyha’sında genç Züleyha, baba evinde üç kez gördüğü rüyada büyük aşkını Mısır’da bulacağını anlar. “*İslam geleneğinde, bir olgunun üç kez yinelenmesi özel bir öneme sahiptir; çünkü Peygamber’in, sözleri, emirleri ve açıklamaları üç kez yinelemeyi sevdiği anlatılır. Bu nedenle, bir rüyanın üç kez yinelenmesi de özellikle önemli olarak görülür. Ancak bu, yalnızca İslam dünyasında değil, pek çok yerde geçerlidir* [27: 123].” Cami’nin Yusuf ile Züleyha’sında üçlü yineleme, edebi bir motif ola-

rak kullanılmıştır. Züleyha, baba evinde üç kez gördüğü rüyada birini (Yusuf) görür ve büyük aşkını Mısır'da bulacağını anlar [27: 124]. Hikâyenin birçok varyantında bulunan bu motife, *Tevrat* ve ona bağlı Batı örneklerinde rastlanmaz. Anlatı örneklerinde genellikle bir padişah kızı olarak takdim edilen Züleyha; Karakalpak, Kazak, Uygur ve Türkmen varyantları ile Kayseri, Başkurt ve Kazan Tatar anlatmalarında Yusuf'a rüyada âşık olur [11: 167–168].

Züleyha'nın rüyası epizodunda Stith Thompson'un *Halk Edebiyatı Motif İndeksi*'nde yer alan "T11.3. Rüyada âşık olma" motifinin örneği bulunmaktadır.

Rüyada âşık olma, halk hikâyelerimizde ve masallarımızda yaygın bir motiftir. Bu motif "*İran, Arap ve Hint hikâyelerinde de görülür ve bunlarda motifin, Asya Şamanlığı ve İslam öncesi inanışlarının törenleri ile ilgisi daha açıktır*" [4: 84].

Rüyada/düşte âşık olma motifinin en eski kaynağı Anadolu'da Midillili Xares'in yazdığı *İskender Tarihi*'nde geçmektedir. Ayrıca, *Uşa ve Anirudha, Kral Vikarmadotya, Kamrab ile Kala* gibi Hint hikâyelerinde, *Kıssa-i Lal ü Gevher* adlı Afgan hikâyesinde kahramanlar birbirlerine, düşlerinde görerek âşık olurlar [5: 34–35]. Esasen "*rüyada âşık olma*" motifi Doğu'da yaygın olmakla birlikte Avrupa halk anlatımı konularında da görülmektedir [16: 67].

Türk halk hikâyelerinde yaygın olan düş motifi zincirinin ana nakışları "*aşk badesi içerek bir güzele âşık olma ve bu düş ile sanatçılık vergisine kavuşma*"dır. Bunlar ayrı ayrı olarak Asya ve Avrupa halklarının edebiyatlarında da bulunur. Fakat bunların ikisinin birleşmesi yalnız Türk halk edebiyatında karşımıza çıkıyor [4: 74]. İslam öncesi Asya Şamanlığından gelen bu zincirin ana nakışlarından birincisi olan "*aşk dolusu içme*" motifi aşağıda, Azerbaycan halk hikâyesi *Novruz ve Gendap*'ta, Âşık Novruz'un bade içme sahnesinde işlenmektedir. Burada aşk badesini sunan Derviş, bu badenin Yusuf ile Züleyha'yı birbirlerine âşık edip, kavuşturduğunu söylemektedir:

"... Oğlum, niye fikir deryasına gerg olub, geflet yuhusuna cumubsan? Al, bu badeni nuş ele, metlebine çatarsan."

Novruz, diggetle dervişe bahanda gördü ki, hem dervişden hem de badeden bir nur galhib, asimana bülend oldu. Bu mö'cüzeye mehettel galıp dedi:

"Ağa derviş, bizlerde o bade haram buyrulub, biz şerab içmirik."

Derviş, Novruz'un cavabında dedi:

"Bala, bu bade, o badelerden deyil, bu bade Yusuf'i Züleyha'ya yetiren badedendir."

Novruz badeni dervişden alıb nuşeledi. O saat sinesi demirci küresi kimi yanmağa başladı" [30: 333]...

Bu sahnede betimlenen bade içme motifi aslında Yusuf ile Züleyha hikâyesinde yer almaz. Azerbaycan muhabbet destanlarına özgü olan bu uygulamayı Muharrem Caferli, benzer örnekler üzerinden şöyle değerlendirmektedir: “*Sorun buradadır ki ne Leyla ile Mecnun destanında ne Arzu ile Kamber destanında ne de Kerem ile Aslı destanında puta verme motifi yoktur... Ne Mecnun ne Kamber ne de Kerem puta uykusu uyumamış, puta badesini alıp içmemişlerdir*” [9: 119].

“*Yazılı edebiyat metinlerinde putasız olan bu âşıklar, epik geleneğe putalı kahramanlar olarak kabul edilir. Azerbaycan destanlarının âşık-maşuk kahramanları ile yazılı edebiyatın âşık-maşuk kahramanlarını birleştiren, puta âşıklığının değişmezliğidir. Bu değişmezlik köprüdür* [9: 126].” Muhabbet destanı geleneği, yazılı edebiyattan gelen kahramanları âşık-maşuk kompleksinin her iki geleneğe de ilahi sevgi olarak kabul edilmesinden ötürü “*puta âşıklığı değişmeyen metin köprüsü*”nden kabul eder. Bu bakımdan âşık-maşuk kompleksi “*Hak âşıklığı*” kavramına gerçeklik kazandırır. Yusuf, Mecnun, Kamber gibi kahramanların⁷ puta âşıkları olması kanaatine araştırmacı varmaz, destanın kendisi onları puta âşığı olarak sunmaktadır [9: 111–126].

Anlatı örneklerinden yalnızca Behçet Mahir anlatmasında “*bade içerek âşık olma*” motifi bulunmaktadır. Bu anlatıda Züleyha, Hazreti Pir’in elinden şerbeti alıp Yusuf’un aşkına içer [11: 168].

Yusuf ile Züleyha’nın rüyası öyle alelade bir düşü değildir. Çıldırli Âşık Şenlik’in bir şiirinde Yusuf-Züleyha’nın düşü hakkı için dilek istenir:

Yusuf Züleyha’nın düşü hakgiçin,
Veysel Ğarani’nin diři hakgiçin,
Hazreti Muhammet başı hakgiçin,
Sürünün hesabın tamam gör dedi [Özsoy 2001: 155].

Yusuf ile Züleyha’nın aşk rüyası bazı halk inanışlarını da doğurmuştur. Başkurt Türklerine ait bir efsanede *Yusuf Kitabı*’nın Başkurtlar arasında yayılışı ve iki gencin bu kitabı okumak suretiyle birbirlerini rüyada görüp âşık olmaları anlatılmaktadır. Efsane *Yusuf Kitabı*’nın mistik gücünü ortaya koymaktadır⁸.

Anadolu’daki bir uygulamaya göre, evleneceği kişiyi merak eden kimse yatmadan önce yedi defa salavat-ı şerife okuyup yastığına üfler ve içinden şu tekerlemeyi söyler:

⁷ Bu örnekler tarafımızdan verilmiştir.

⁸ Efsane metni için bk. [2: 515–516].

Yastığı karışladım uçtan uca

İçinde oturur üç hoca

Biri in,

Biri cin,

Biri Zalha Peri.

İni yolladım ine

Cini yolladım Çin'e

Zalha Peri'yi de yolladım;

Kimi alacaksam yanıma getirsin göreyim.

Böyle söyleyip yatan kişi, rüyasında *Zalha* perinin kendisine evleneceği kızı/erkeği göstereceğine inanır [20: 625–626].

Sonuç Yerine

Kaynağını kutsal kitaplardan alan Yusuf hikâyesi, dünya çapında bir üne sahiptir. Hikâye bu yönüyle evrensel bir karakter taşımakta ise de; her kültür ortamı kendi bağlamsal şartları nispetinde, hikâyeyi tekrar tekrar işlemek suretiyle sürekli bir dönüştürmeye tabi tutmuştur.

Baba-oğul sevgisi, kardeş kıskançlığı, baştan çıkarıcı kadın ve iftira gibi karakteristik motifleriyle her çağın insanına en az bir yönüyle doğal bir empati hissi yaşatan hikâyenin, belki en önemli motifi rüyadır. Hatta -denilebilir ki- bu hikâye rüya motifi üzerine kurulmuştur. Hikâyenin başında çocuk Yusuf'un gördüğü rüya hikâyenin sonunda gerçekleşmiştir. Arada birçok olay yaşansa da, Yusuf'un nihai yükselişi rüyaları doğru yorumlaması sayesinde gerçekleşmiştir. Yusuf'un gördüğü rüyanın ileride vuku bulması yardımcı rüyalar yoluyla sağlanmıştır.

Türk dünyasında bir halk anlatısı olarak tespit edilen Yusuf ile Züleyha hikâyesi çeşitlemelerinde rüya motifi örnekleri zaman zaman kutsal kitaplardaki olay örgüleriyle uygunluk göstermekte ve anlatılar bu yönüyle evrensel bir karakter taşımaktadır. Anlatılarda bazen karakteristik bir motifin iyiden iyiye değiştirildiği; hatta kimi zaman göz ardı edildiği de görülür.

Cami'nin eserinden mülhem olarak Züleyha'nın Yusuf'u rüyada/düşte görerek âşık olması gibi Müslüman-Şark edebiyatına has bir motif, Türk-İslam edebiyat geleneğinin bazı müştereklerini örneklendirmektedir. Yalnızca Türk halk anlatılarında görebildiğimiz kompleks rüya, rüyada/düşte pir elinden bade içerek âşık olma motifi ise Yusuf ile Züleyha hikâyesinin Türk halk anlatılarına özgü olan, millî karakterini göstermektedir.

Bibliyografya:

1. Alptekin, A. B. Rüyada (Düşde/Tüste) Bade İçme İle Destan Söyleme Geleniği Üzerinde Mukayeseli Bir Araştırma // Folklor ve Halk Edebiyatı Kongresi, Konya Büyükşehir Belediyesi Kültür Müdürlüğü Yayınları. — Konya, 2001. — S. 65–72.
2. Atnur, G. Başkurt ve Tatar Efsaneleri Üzerine Karşılaştırmalı Motif Çalışması (Yayımlanmamış Doktora Tezi). — Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Erzurum, 2002.
3. Ayan, G. Ahmed Yesevi Etkisiyle Yazılan İki Yusuf u Züleyha // Türkiyat Araştırmaları Dergisi. — S. 3. — Konya, 1997. — S. 31–38.
4. Başgöz, İ. Türk Halk Hikâyelerinde Düş Motifi Zinciri // Hacettepe Sosyal ve Beşerî Bilimler Dergisi. — V (2). — Ekim, 1973. — S. 71–86.
5. Başgöz, İ. Folklor Yazıları. — İstanbul: Adam Yayınları, 1986.
6. Bedir, A. Tevhid'in Yurdu Kur'ân-ı Kerim Atlası. Kaynak Yayınları. — İstanbul, 2009.
7. Bratton, F. G. Yakın Doğu Mitolojisi / Çev. Nejat Muallimoğlu. — İstanbul: Marmara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Vakfı Yayınları, 1995.
8. Bucaille, M. vd. Mûsâ ve Firavun- Çıkış Kitabı / Çev. Ayşe Meral, İbrahim Kapaklıkaya. — İstanbul: Gelenek Yayıncılık, 2002.
9. Caferli, M. Aşk Konulu Azerbaycan Halk Hikâyelerinin Şiirsel Yapısı / Aktaran: Mustafa Sever. — Ankara: Kültür Ajans Yayınları, 2010.
10. Çığ, M. İ. Kur'an, İncil ve Tevrat'ın Sumer'deki Kökeni. — İstanbul: Kaynak Yayınları, 2010.
11. Daşdemir, Ö. Halk Hikâyesi Olarak Yusuf İle Züleyha. — Erzurum: Fenomen Yayınları, 2012.
12. Devletbakova, R. Başkurt Milli Şairi Nazar Necmi, Hayatı, Eserleri, Edebî Kişiliği (Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi). — İzmir: Ege Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2006.
13. De Vaux, R. “Yahudi Kaynaklarına Göre İsrail Oğullarının Mısır'a Yerleşmesi ve Yusuf Kıssası” / Çev. Sıddık Yüksel // Ondokuz Mayıs Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. — S. 3. — Samsun, 1989. — S. 166–217.
14. Dolu, H. Menşeyinden Beri Yusuf Hikâyesi ve Türk Edebiyatındaki Versiyonları (Yayımlanmamış Doktora Tezi). — İstanbul: İÜ, 1953.
15. Drosnin, M. Tevrat'ın Şifresi / Çev. Zeynep Gökçen. — İstanbul: Cep Kitapları, 1999.
16. Fischdick, E. “ürk Halk Hikâyeleri İle İlgili Bir Araştırma: Elif ile Mahmut / Çev. Fikret Türkmen, Adnan Şenocak) // Türk Folkloru Araştırma-

- ları. — Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı MFAD Yayınları, 1984. — S. 55–84.
17. Günay, U. Türkiye’de Âşık Tarzı Şiir Geleneği ve Rüya Motifi. — Ankara: Akçağ Yayınları, 2008.
18. Hikâye-i Zelîhâ ile Yûsuf Aleyhisselâm. — İstanbul: Mahmut Bey Matbaası, t. y.
19. Kaleşi, H. Arnavut Hikâyelerinde Türk Tesirleri // Türk Dünyası Araştırmaları Dergisi. — II (8). — Ekim 1980. — S. 145–162.
20. Kaya, D. Anonim Halk Şiiri. — Ankara: Akçağ Yayınları, 1999.
21. Kurt, Y. *Hız*. Yûsuf’un Tarihsel Hayatı Mukayese ve Değerlendirme. — Ankara: Araştırma Yayınları, 2005.
22. Levend, A. S. Hamdi’nin Yusuf u Züleyha’sı // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten 1969. — 1968. — S. 173–211.
23. Muhyiddin-i Arabî. *Fusûs ül Hikem* / Çev. Nuri Gencosman. — İstanbul: MEB Yayınları, 1992.
24. Oğuz, B. Türk ve Yahudi Kültürlerine Bir Mukayeseli Bakış II. — İstanbul: Yazır Matbaası, 1992.
25. Ögel, B. Türk Mitolojisi. — Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1971.
26. Özsoy, B. S. Halk Şiirinde Diyalog // 2. Folklor ve Halk Edebiyatı Kongresi. — Konya: Konya Büyükşehir Belediyesi Kültür Müdürlüğü Yayınları, 2001. — S. 139–178.
27. Schimmel, A. Halifenin Rüyaları-İslamda Rüya ve Rüya Tabiri. — İstanbul: Kabcacı Yayınevi, 2005.
28. Thompson, S. *Motif Index of Folk Literature*. — Indiana: Indiana University Press, 1955.
29. Tökel, D. A. Divan Şiirinde Mitolojik Unsurlar. — Ankara: Akçağ Yayınları, 2000.
30. Türk Dünyası Ortak Edebiyatı, Türk Dünyası Edebiyat Tarihi. — II. — Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı Yayınları, 2002.
31. Wallisbudge, E. A. Antik Mısır Edebiyatı Yazınsal Metinler / Çev. Selin Albayrak. — İzmir: İlyayayınevi, 2010.
32. Yüksel, H. A. Türk-İslâm Tasavvuf Geleneğinde Rüya. — İstanbul: MEB Yayınları, 1996.
33. Zaripov, N. vd. Başkort Halık İcadı. — VI. Tom. Epos: Kissalar hem Dastandar. — Ufa: Kitap, 2002.

М.Э. Дубровина

К вопросу о морфологическом статусе глагольных конструкций, образованных от глагольно-именных форм (-dik, -yacak, -dıđı, -yacađı, -mak, -ması и т. д.), в современном турецком языке

Аннотация: В статье рассматриваются особые конструкции, которые присутствуют во многих тюркских языках, в том числе и в современном турецком языке. Эти конструкции образуются путем сочетания аффиксов различных глагольно-именных форм, которые могут включать аффиксы принадлежности, с падежными аффиксами или со служебными словами, типа послелогов. В современном турецком языке большинство рассматриваемых конструкций базируются на аффиксах -dik, -yacak, -ma, -mak (-yacađı/ -dıđı zaman, -dıđı için, -dıđı gibi, -dıđı kadar, -dıđına göre, -dıđına halde, -dıđı takdirde, -dıđında, -mak için, -makla beraber, -yacak/ -yacađı yerde, -mak yerine, -masına rađmen / karřın). Вслед за некоторыми тюркологами автор статьи полагает, что данные конструкции представляют собой застывшие морфологические образования, которые имеют различные обстоятельственные значения.

Ключевые слова: турецкая грамматика, деепричастия, обстоятельство, обстоятельственные конструкции.

М. E. Dubrovina

On the morphological status of verb constructions derived from verb-nominal forms (-dik, -yacak, -dıđı, -yacađı, -mak, -masi, etc.), in modern Turkish language

Abstract: The article deals with special constructions that are present in many Turkic languages, including modern Turkish. These constructions are formed by combining affixes of various verb-nominal forms, which can include affixes of belonging, with case affixes or with service words, such as postpositions. The most of Turkish constructions consist of the affixes -dik, -yacak, -ma, -mak (-yacađı/ -dıđı zaman, -dıđı için, -dıđı gibi, -dıđı kadar, -dıđına göre, -dıđına halde, -dıđı takdirde, -dıđında, -mak için, -makla beraber, -yacak/ -yacađı yerde, -mak yerine, -masına

ragmen / karşın). Adhering to the position of a number of Turkologists, the author of the article also believes that these constructions can be recognized as frozen morphological formations with various indirect meanings.

Key words: Turkish grammar, adverbs, circumstance, circumstantial constructions.

Несмотря на то, что турецкий язык уже в течение длительного времени является предметом серьезного научного исследования и вследствие этого уже достаточно хорошо описан, остаются еще места в его грамматике и синтаксисе, которые продолжают вызывать споры в тюркологической среде. Одной из таких дискуссионных тем продолжает оставаться вопрос о языковой природе многочисленных турецких конструкций, образованных от глагольно-именных форм с показателями *-dik*, *-yacak*, *-mak*, *-ması*. Современный турецкий язык просто изобилует такими конструкциями. Некоторые тюркологи даже полагают, что такое большое количество рассматриваемых глагольных образований является своего рода отличительной чертой этого языка, как и остальных тюркских языков, в которых с легкостью можно обнаружить аналогичные средства. Структура у них в большинстве случаев идентичная:

основа глагола + показатель глагольно-именной формы + (падеж) + (аффикс принадлежности) послелог / служебное слово

1. Firmamız malî **teslim etmediği gibi** bizi de bu konuda haberdar etmedi. «Ваша фирма **как и** товар **не прислала**, так и не поставила нас об этом в известность».

2. İçeri **girdikleri zaman** odada kimse yoktu. «**Когда они вошли** внутрь, в комнате никого не было».

Несмотря на то, что в количественном отношении эти конструкции преобладают над остальными глагольными формами, нельзя сказать, что их синтаксический и морфологический статусы окончательны определены. Между тем, важность этой темы несомненна и определяется ее связью со всей структурой языка, представляя собой, по нашему мнению, проблему типологического характера.

Настоящее исследование посвящено попытке (исходя из некоторых общетеоретических положений функционально-семантического подхода) определить функции, значимость и место в системе языка таких конструкций, как: *-yacağı/ -dığı zaman*, *-dığı için*, *-dığı gibi*, *-dığı kadar*, *-dığına göre*, *-dığına halde*, *-dığı takdirde*, *-dığında*, *-mak için*, *-makla beraber*, *-yacak*

/ -yasağı yerde, -mak yerine, -masına rağmen / karşın и многих других подобных образований современного турецкого языка.

Рассмотрим примеры употребления данных образований:

3. Yirmi yaşında bir genç kız **olmasına rağmen** eski kafalılıkta babasına taş çıkartıyordu. «**Несмотря на то**, что **она была** молодой девушкой двадцати лет, она намного превосходила своего отсталого отца».

4. Seniha halasını çok **sevmekle beraber** onu pek bayağı bulurdu. «**Хотя** Сениха **и любила** свою тетюшку, но она находила ее слишком заурядной».

5. Bir yabancı dili öğrenmek **zannedildiği kadar** kolay değil. «Выучить иностранный язык не так легко, **как полагают**».

В ходе изучения рассматриваемых средств возникают два вопроса: 1) являются ли эти конструкции свободными синтаксическим словосочетаниями какого-то глагольного имени и служебного слова (послелога) и относятся, таким образом, к сфере синтаксиса или они представляют собой неразложимые единицы и могут быть включены в морфологическую подсистему языка; 2) является ли оборот, в котором употребляются такие средства, компонентом простого предложения или он представляет собой придаточное предложение внутри сложного. Руководствуясь рамками данного исследования, мы остановимся лишь на рассмотрении первого вопроса.

В специальной литературе такие образования нечасто подвергаются разбору, в основном их относят к области синтаксиса и рассматривают несколько поверхностно, исключительно с позиций их синтаксических функций. Так, в классической грамматике турецкого языка А. Н. Конова нет четкого определения таким средствам, они помещены в тот же раздел, что и отдельные формы с показателями -dik, -yacak, -mak, -ması и обозначены как «развернутые члены предложения». Таким образом, становится понятно, что ученый не выделяет образования типа -diğî için, в отдельную категорию, не отделяет их от исходных глагольных имен, типа формы -dik, и трактует их в качестве свободных лексических словосочетаний, образованных путем присоединения к указанным глагольно-именным формам послелогов или специальных слов [5: 437].

Представляется, что чаще всего такие конструкции не подвергаются функциональному анализу. Традиционные методы описательного подхода, часто встречающегося и в современных турецких грамматиках, к сожалению, страдают тем, что предлагают читателю изложение ис-

ключительно того, *что* имеется в грамматике (форма множественности, категория склонения, категория принадлежности, залого, наклонения и т. д.). Однако читатель почти нигде не узнает о коммуникативно-функциональном предназначении того или иного языкового средства, попросту того, как им следует пользоваться [4: 11]. Таким образом, именно функциональное предназначение того или иного средства становится в условиях современного мира максимально значимым. Именно понимание того, зачем в данном языке возникла та или иная форма, в чем ее функция, позволяет максимально эффективно усвоить ее изучающим данный язык людям. Функциональная природа любого языкового средства выходит на первый план как для решения практических задач (усовершенствование методики преподавания языка), так и в сугубо научных лингвистических исследованиях.

Прежде всего, необходимо определить коммуникативное предназначение таких конструкций. Анализируя семантику рассматриваемых форм, трудно не согласиться с мнением турецкой исследовательницы О. Дениз-Йылмаз, которая полагает, что все они выражают различные обстоятельственные смыслы. Уже материал древних тюркских языков демонстрирует регулярное использование одной из глагольно-именных форм — формы *-duq* с аффиксами падежей или послелогов, где также, по мнению специалистов, такие образования передают *обстоятельство*. Под *обстоятельством* принято понимать любое явление или событие, которое сопутствует другому событию и является связанным с ним. В языке обстоятельственными значениями наделены наречия, которые представляют собой самостоятельную часть речи. Как известно, в любом языке существуют наречия с временными значениями (вчера, сегодня), наречия образа действия (внезапно, постоянно), кроме того на семантическом уровне обнаруживаются значения обстоятельства цели, причины, уступительности и т. д.

По нашему мнению, различная служебная семантика в разных языках может выражаться по-разному, либо морфологически, с помощью специальных морфологических показателей (суффиксов, приставок, окончаний), либо лексически, посредством различных служебных слов, среди которых могут быть как незначительные части речи (предлоги, послелогов), так и самостоятельные лексемы, утратившие свое лексическое значение. Чаще всего морфологический способ передачи служебной информации называется синтетическим, а лексический способ —

аналитическим. Так, например, в английском языке грамматическое значение времени закреплено как за синтетическими средствами (окончание -ed, внутренняя флексия: write — wrote), так и за аналитическими формами, типа have done.

Исходя из функционально-семантического подхода, который предполагает движение исследования от функции (семантики) к тем средствам, которые эту функцию/семантику реализуют в языке, можно попытаться обнаружить те средства в турецком языке, которые являются выразителями/маркерами значения обстоятельства. Это, как было сказано выше, прежде всего, наречия (zarf), а в глагольной сфере с выражением обстоятельственных значений связывают *деепричастия*.

В тюркологии пока еще не существует единого, «всеобъемлющего определения» [3: 5] деепричастия, что является следствием наличия у тюркских деепричастий большого разнообразия семантических и функциональных признаков. Отсутствие подобного универсального определения тюркского деепричастия объясняется отчасти и тем, что они являются наименее изученными формами глагола в большинстве тюркских языков [8: 6].

Часто деепричастие определяется как неизменяемая форма глагола, характеризующая второстепенное (побочное, зависимое) действие, которое поясняет другое действие. Так, например, оно рассматривается как «неизменяемая форма глагола, обозначающая собой дополнительное действие в отношении другого основного действия» [1: 4]. И. П. Павлов определяет деепричастие в чувашском языке как неизменяемую по лицам, числам и времени форму, выражающую признак действия и выступающую в предложении в роли обстоятельства [7: 2].

Однако определения подобного типа не совсем точно раскрывают суть тюркского деепричастия. В действительности, как демонстрирует фактический результат, в тюркских языках деепричастие не является совершенно неизменяемой формой: большинство тюркских деепричастий могут иметь отрицательный статус, выступают в разных залогах, кроме того, в некоторых тюркских языках принимают личные, а иногда и падежные аффиксы [3: 8; 6: 11–12].

Попытки определить сущность деепричастий в отрыве от системного взгляда на проблему всех тюркских глагольно-именных форм, на наш взгляд, лишено научной значимости. В тюркских языках обнаруживается целый класс форм, которые сложно соотнести с европейскими

аналогами, так как аналогичных в европейских языках попросту нет. Это прежде всего формы масдаров, некоторых «причастий», типа -ган, -dik, и, конечно же, во многом уникальных деепричастий. Если рассматривать все эти формы системно, что было сделано петербургским тюркологом В. Г. Гузевым, то можно получить ответ на вопрос о функции этих форм. Согласно концепции В. Г. Гузева, все эти формы входят в категорию, получившую название номинализации действия, задачей всех этих форм является вторичное представление (гипостазирование) исходного действия в именных образах. Тогда масдары представляют действие в образе предмета, а причастия — в образе признака. Согласно этой теории, деепричастия — это глагольные формы, которые представляет исходное действие в качестве обстоятельства какого-либо другого действия или события [2: 62]. По мнению ученого, эта функция является самым значимым для раскрытия сущности данных форм. Связь деепричастных форм со значением обстоятельства ощущалась многими исследователями, очевидно именно этим объясняется толкование деепричастий как глагольных наречий. Наречия и деепричастия представляют собой языковые средства с близкой функциональностью, и те, и другие в своем значении имеют образ обстоятельства, через которое они уточняют главное слово. Различие между ними определяется тем, что наречия — это знаменательные лексемы, входящие в словарь данного языка, а деепричастия — это производные от глагола грамматические средства.

Одним из теоретических положений функциональной грамматики является постулат, согласно которому языковые средства, выражающие одну и ту же семантику, имеют, очевидно, и тождественное функциональное предназначение. Именно опираясь на него, можно сделать вывод, что такие языковые средства, даже если они обладают формальными различиями, могут быть объединены в одну языковую категорию. Исследуя турецкую речь, можно обратить внимание на то, что нередко деепричастия -urp, -uınca могут быть заменены близкими по семантике конструкциями -diktan sonra, -ag maz.

И синтетические деепричастные формы, и рассматриваемые сложные (морфолого-лексические) образования объединены одной функцией — представлять исходное действие в виде разного рода обстоятельств. Именно благодаря тождественной функции все перечисленные выше образования имеет смысл объединить в одну категорию — категорию обстоятельственных глагольных форм. Вследствие этого едва ли

оправдано считать их свободными сочетаниями глагольных имен с послелогами, т. е. видеть в них свободные (произвольные) словосочетания двух лексических единиц. Представляется, что в синхронии турецкого языка эти образования уже получили статус аналитических форм, которые, как и формы английских времен, воспринимаются носителями языка как неразложимые формы, имеющие сложные аналитические морфемы, типа *-makla beraber*. Еще одним доказательством в пользу такого истолкования рассматриваемых образований, может быть признано то, что грамматическое значение большинства из них не является синтезом значений его составляющих. Если такое образование состоит из какой-либо глагольно-именной формы и знаменательной лексемы, то знаменательная лексема чаще всего уже потеряла свое самостоятельное значение и продолжает существовать в составе конструкции лишь как морфологическое средство. Например, как отмечает О. Дениз-Йылмаз, в форме *-diği takdirde / surette* с единым грамматическим значением обстоятельства условия (в случае, если...) ни слово *takdir* «высокая оценка, судьба», ни слово *suret* «облик, форма, вид, образ, экземпляр, лицо» своими собственными значениями не связаны с указанным значением условия [4].

Таким образом, все грамматические средства, исторически возникшие путем сочетания глагольно-именных форм либо с аффиксами, типа *-dikta, -diğinda -maktansa*, либо с послелогами или другими служебными лексемами, типа *-diğina göre, -diğina halde, -diği takdirde, -mak için¹*, необходимо трактовать в качестве самостоятельных морфологических (синтетических или аналитических) форм, а не свободных синтаксических словосочетаний.

Литература:

1. Аскарова, М. А. Деепричастия в современном узбекском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Ташкент, 1950. — 10 с.
2. Гузев, В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. — Л., 1976. — С. 56–64.
3. Джанмавов, Ю. Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке. — М., 1967. — 331 с.

¹ Полный список таких обстоятельственных форм см.: [4].

4. Дениз-Йылмаз, О. Категория номинализации действия в турецком языке. — СПб., 2006. — 227 с.
5. Кононов, А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — М.; Л., 1956. — 571 с.
6. Коркина, Е. И. Деепричастия в якутском языке. — Новосибирск, 1985. — 204 с.
7. Павлов, И. П. Деепричастия в чувашском и их синтаксические функции: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1953. — 13 с.
8. Юлдашев, А. А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. — М., 1977. — 270 с.

M. E. Dubrovina, A. S. Suleimanova

On the issue of combinatorial phonological changes in Turkish speech

Abstract: The article touches upon significant topics related to the orthoepy of Turkish speech. Orthoepy registers the normative rules for the pronunciation of words and word forms in a sentence, is responsible for the correct use of verbal and phrasal stress. The authors of the article attempt to show that the correct pronunciation consists not only in knowing how individual sounds of speech are pronounced, but also in how these sounds are combined with each other when building words and word forms, as well as what changes can follow when combining different sounds. The article describes speech combinatorial changes that are relevant for the Turkish language, among which the main ones are assimilation, dissimilation, accommodation, palatalization, epenthesis, dieresis.

Key words: orthoepy of the Turkish language, pronunciation of Turkish words, combinatorial changes in speech, assimilation, dissimilation, accommodation, palatalization, epenthesis, dieresis.

М.Э. Дубровина, А. С. Сулейманова

О комбинаторных фонологических изменениях в турецкой речи

Аннотация: В статье затрагиваются значимые темы, связанные с орфоэпией турецкой речи. Орфоэпия регистрирует нормативные правила произношения слов и словоформ в устном высказывании, отвечает за правильность употребления словесного и фразового ударения. Авторами статьи предпринимается попытка показать, что правильное произношение заключается не только в знании того, как произносятся отдельные звуки речи, но и как эти звуки сочетаются друг с другом при построении слов и словоформ, а также какие изменения могут следовать при сочетании различных звуков. В статье описываются речевые комбинаторные изменения, которые являются актуальными для турецкого языка, среди которых основными являются ассимиляция, диссимиляция, аккомодация, палатализация, эпентеза, диереза.

Ключевые слова: орфоэпия турецкого языка, произношение турецкой слов, комбинаторные изменения в речи, ассимиляция, диссимиляция, аккомодация, палатализация, эпентеза, диереза.

It should be recognized that today in Russia there is a lack of Turkological studies on the phonology of the modern Turkish language. However, theoretical studies of phonological issues are necessary for high-quality teaching of the Turkish language in universities. Classes with native speakers also can not always help a foreigner to master difficult places in the orthoepy of Turkish speech. The authors of this report want to draw the attention of colleagues to the issues of pronunciation in the Turkish language, so they set themselves the task of reviewing the most interesting points found in Turkish speech.

For an adequate analysis, it is necessary to define some important linguistic concepts such as phonetics, phonology and orthoepy, the terms of each of which are used in linguistics. V. B. Kasevich, relying on the ideas of I. A. Baudouin de Courtenay [3] believes that *phonology* is a system that combines the mental correspondences of the sounds realized in speech, and exists as a relatively autonomous system of language phonemes [5: 5]. *Phonology*, therefore, is understood as a subsystem of a language and includes not only the entire set of phonemes of a particular language, but also abstract images of suprasegmental (prosodic) units (stress, intonation, tone) [1: 17]. *Phonetics*, on the other hand, is a field of science that deals with the study of sounds, or rather, the analysis of the sound realization of human speech [4: 110]. As for *orthoepy*, in the course of the study, the authors of this article came to the conclusion that orthoepy is a field of knowledge that knows: 1) various speech manifestations to which sounds are exposed within a word or word form (for example, in the Turkish language, word gelecek is pronounced [i] instead of [e] in the central syllable); 2) examines the normative-accepted properties of suprasegmental units, intonation and stress, which in the Turkish language has a sense-forming character, for example, vürma ‘do not hit’ and vurmá ‘beating’. Thus, orthoepy is associated with speech processes, studying and analyzing which, it draws conclusions regarding normative pronunciation. Orthoepy registers various changes in sounds that occur in the process of speaking.

Changes in sounds in the speech stream that arise as a result of their mutual influence are called combinatorial changes. The most significant among them can be recognized assimilation, dissimilation, accommodation, as well as the phenomena of epenthesis and diaeresis.

Assimilation — articulatory likening of sounds to each other in the flow of speech within a word or phrase, occurs between sounds of the same type — between vowels (vocal assimilation) or between consonants (consonantic

assimilation). [6: 48]. As a result of assimilation, the phonetic similarity of the sounds increases in accordance with some particular feature. It must be stated that the entire phonetic structure of Turkish speech is permeated with assimilation, which manifests itself in separate varieties of synharmonism: palatal vowel harmony, lip harmony of vowels and consonant harmony. It is a well-known fact that in the Turkish language it is impossible to construct a single word form without implementing the laws of synharmonism. However, individual assimilation phenomena can also be observed.

Examples of regressive assimilation in Turkish speech can be the frequent transition of the sound [m] into [n] in speech, as happens in the word *şimdi* (*şindi*), when under the influence of the dental /d/ the bilabial (labial-labial) /m/ becomes nasal /n/ because the area of articulation of the sounds [d] and [n] is closer than that of the sounds [d] and [m]. It is the rules of regressive assimilation that motivate the diachronic phonetic transitions of the original phoneme /n/ to /m/ at the root of some borrowed words (For the etymology of the lexemes under consideration, see: [10]).

tenbel (Pers.) => *tembel* ‘lazy’

çember (Pers.) => *çember* ‘circle’.

Dissimilation is the opposite of assimilation, the process of dissimilating the articulation of two or more identical or similar sounds in one word, the loss of their common phonetic features. Dissimilation occurs between sounds of the same type - between vowels (vocal dissimilation) or between consonants (consonantic dissimilation). This phenomenon, according to one point of view in science, is aimed at facilitating pronunciation [6: 137]. However, in accordance with a different approach, dissimilation can be associated with the agglutinating technique of constructing word forms in speech, in particular, with a tendency to emphasize morphemic boundaries. A similar idea regarding languages of the agglutinative type was expressed by the Russian linguist G. P. Melnikov (1928–2000). [8: 346; 9]. The French linguist A. Martinet (1908–1999) points out that two consecutive sounds always strive to assimilate, but at the same time they must retain their significant differences, which counteracts their attempts to assimilate [7: 65]. From this follows the conclusion of A. S. Avrutina that “dissimilation in the language of the ancient Turkic runic monuments could exist in order to emphasize, highlight the service morphs necessary for communication” [2: 9]. In modern Turkish, examples of such dissimilation are the forms of the imperative voice, which are formed from polysyllabic stems ending in /ɾ/ and /l/: *onar-t-mak* ‘make

repair', azal-t-mak 'reduce', otur-t-mak 'make sit down', daral-t-mak 'narrow down'.

Accommodation is a partial adaptation of the articulations of adjacent consonants and vowels [6: 22]. Accommodation can be progressive or regressive, depending on which sounds affect which sounds. For Turkish speech, a significant example of regressive accommodation is the effect of the sound [y] on the preceding vowel in verb forms. If we analyze the speech flow, we can fix that in verb forms at the junction of morphemes before the consonant [y], wide vowels [a] and [ı] are practically not used, wide vowels before this consonant usually turn into narrow ones: /a/ turns into /ı/, /e /- into /i/. Examples of this rule are the cases of attaching an affix, which in anlaut has the consonant /y/, to the stem of a verb ending in a vowel:

-Yor (present)

-Yacak (future).

Based on this phonetic change, a special orthoepic rule was formed, which today in one case is fixed orthographically, in other cases such a change is present only in pronunciation. Let's look at examples of this change.

According to the grammatical rule, the stem of a verb ending in a vowel must be accompanied by the present tense affix -yor, while in writing the wide /a/ becomes /ı/, /e /- into /i/:

dene+yor => deniyor

ağla + yor => ağlıyor.

This rule entailed further changes, already associated with assimilation processes within the framework of vowel harmony, when a non-labial narrow vowel is likened to the previous vowel on the basis of rounded / not rounded, becoming labial:

yükle + yor => yükli + yor => yükliyor

topla + yor => toplı + yor => toplıyor

söyle + yor => söyli + yor => söyliyor

The form of the negative status of the present actual tense does not look according to the rule common for verbal inflection. Instead of the form: the stem of the verb + **mA** + yor, the variant is used: the stem of the verb + **mI** + yor. The indicator of negative status -mA passed into the -mI variant precisely because of the influence of the initial /y/ in the -yor affix.

spelling pronunciation

başlayacak => [başlıyacak]

yeyip => [yıyıp]

bekleyen => [beklİyen]
 yaşayabildi => [yaşIyabildi]
 topalayayım => [toplIyIyım]
 söyleyeyim => [söylIyIyım]

Interestingly, in cases like söyleyeyim, the rules of labial vowel harmony are not included and, despite the presence of a labial vowel in the first syllable, narrow non-labial vowels are pronounced in all other syllables:

konuşmayalım => [konuşmIyalım].

A particular type of accommodation in Turkish speech can be recognized as speech *palatalization* — softening of consonant sounds, which occurs due to the fact that some part of the tongue rises and touches the palate [6: 357]. In Turkish speech, the three consonants /g/, /k/, /l/ are most clearly and distinctly exposed to such a combinatorial change. If these consonants in native Turkish words are surrounded by back vowels, then they are pronounced firmly, but if they are front vowels, then softened: yatak [yatak], but ekmek [ek'mek']; al [al], but el [el'].

Epenthesis is an exception in the word of an additional, non-coordinating sound (vowel) [6: 593] There are also her suspicions — prostheses, when a vowel occurs at the absolute beginning of a word. However, at the language level, it can be found both in lexicology and morphology. Epenthesis often manifests itself in borrowed words, when their phonetic composition adjusts to the pronunciation familiar to the Turkish language. When borrowed words, at the beginning of which there are two consonants /s/, /t/, /n/, /k/, /l/, pass into the Turkish lexicon, the prosthetic vowel /i/ appears there, since the articulatory apparatus of native speakers, apparently not adapted to pronounce two consonants side by side: iskelet (French squelette) 'skeleton', iskarpin (Italian scarpe) 'shoes', istasyon (French station) 'station', ispekülasyon (French spéculation) 'speculation'. Epenthesis can be observed in a word such as: külüp (fr. club) 'club'.

Dieresis is a speech change in which some sound falls out, explained by the convenience of pronunciation. In Turkish, there are a number of words in which, when affixes with an initial vowel are built up in speech, the last vowel in the stem is dropped: resim 'picture' => resıme 'to the picture', burun 'nose' => burunum 'my nose', şehir 'city' => şehre 'to the city'.

However, the process of dieresis can be recorded in cases of word formation, when a vowel is present in the original word. And in the derivative — drops out:

Devir => devrilmek

Sabır => sabretmek

The consequence of this phonetic change, in our opinion, was the loss of the vowel in the postposition *-ile*, its contraction with the previous word and the transformation of an independent auxiliary element into a morphological indicator:

Benim ile => benimle ‘with me’

Sevinç ile => sevinçle ‘with joy’.

Essential in talking about combinatorial changes is the question of distinguishing between phonetic changes proper, which are not reflected in spelling, and phonographic changes, which find a subsequent change in the graphic appearance of words. So, assimilations, dissimilations, accommodations, etc., occurring in the synchrony of a language, are usually occasional, temporary, or exclusively individual, and therefore they do not affect the spelling of Turkish words and word forms in any way. The same combinatorial changes that have acquired a permanent character, most often already become diachronic (historical) and are realized in the phonographic form of words.

References:

1. Аврутина, А. С. (Avrutina, A. S.) Древнетюркские рунические памятники: Система письма и фонологическая реконструкция. — М.: Едиториал УРСС, 2011.
2. Аврутина, А. С. (Avrutina, A. S.) Некоторые спорные вопросы в учении о диссимиляции в тюркских языках // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Серия 13. Востоковедение, африканистика. — Вып. 2. — 2013. — С. 3–13.
3. Бодуэн де Куртене, И.А. (Baudouin de Courtenay, I. A.) Избранные труды по общему языкознанию. — Т. II. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.
4. Зиндер, Л. Р. (Zinder, L. R.) Общая фонетика. — М.: Высшая школа, 1979.
5. Касевич, В. Б. (Kasevich, V. B.) Морфонология. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
7. Мартине, А. (Martinet, A) Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии) / Пер. с франц. А. А. Зализняка. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.

8. Мельников, Г. П. (Melnikov, G. P.) Системная типология языков. Принципы, методы, модели. — М.: Наука, 2003.
9. Мельников, Г. П. (Melnikov, G. P.) Системология и языковые аспекты кибернетики. — М., 1978.
10. Türk dilinin etimoloji sözlüğü / İsmet Zeki Eyuboğlu. — 3 basım. — İstanbul, 1995.

А. В. Жевелева

Турецкая оппозиция: вызов 2023 года

Аннотация: В статье рассмотрена расстановка политических сил Турции за год до выборов депутатов Великого Национального Собрания Турции и первого тура президентских выборов. Основное внимание уделено турецкой политической оппозиции, которая впервые за последние 20 лет имеет все шансы прийти к власти или, по крайней мере, укрепить свои позиции. Обзор включает в себя рассмотрение основных кандидатов в президенты Республики, а также деятельность недавно созданного оппозиционного альянса.

Ключевые слова: Турция, выборы, политическая оппозиция.

A. V. Zheveleva

Political opposition in Turkey: the challenge of 2023

Abstract: The article examines the alignment of political forces in Turkey one year before the elections of deputies of the Turkish Grand National Assembly and the first round of the presidential elections. The main attention is paid to the Turkish political opposition, which for the first time in the last 20 years has every chance to come to power or at least strengthen its positions. The presented article includes a review of the main candidates for the presidency of the Republic, as well as the activities of the newly created opposition alliance.

Key words: Türkiye, elections, political opposition.

В 2023 г. в Турции в единый день голосования должны пройти выборы депутатов Великого Национального Собрания Турции (далее — ВНСТ) и первый тур президентских выборов. Высшая избирательная комиссия республики еще не опубликовала дату выборов, однако известно, что они должны быть проведены не позднее 18 июня 2023 г. Достаточно высока вероятность того, что нынешнее правительство примет

решение провести досрочные выборы¹. В статье рассмотрена расстановка политических сил Турции за год до этого события. Прежде всего, внимание уделено турецкой политической оппозиции, точнее основным политическим оппонентам нынешнего президента Р. Т. Эрдогана и Партии справедливости и развития² (далее — ПСР), которая сейчас занимает 286 кресел в парламенте [23]. Турецкая оппозиция через год может прийти к власти в Турции, причем такая ситуация сложилась впервые за последние 20 лет. Позиции Р. Т. Эрдогана и ПСР в последние годы можно считать подорванными. В 2018 г. его поддержало примерно 52% избирателей [20], его партию — чуть более 42% [21]. К примеру, в 2007 г. за ПСР проголосовало почти 47%, а в ноябре 2015 г. свои голоса партии отдало еще большее количество избирателей (49,5%) [22]. При этом на выборах 2007 и 2015 гг. турецкая политическая оппозиция не представляла единого фронта, не смогла создать дееспособные коалиции, что, в результате, «подарило» ПСР дополнительные места в парламенте: 341 и 317 кресел из 550, соответственно [24]. Не на пользу нынешнему президенту играют и следующие один за другим кризисы в стране, такие как пандемия и кризис турецкой экономики.

Созданное в 2006 г. исследовательское агентство AREA регулярно проводит опросы населения страны, результаты которых позволяют сделать выводы о расстановке политических сил. Один из последних опросов был проведен в 12 илах в период с 23 по 27 мая 2022 г. Было опрошено 2282 человек. На вопрос «Если бы сейчас был проведен референдум о политической системе, какую бы вы выбрали?» 31,33% опрошенных сообщили, что выберут «президентскую» систему правления, а 68,7% — «парламентскую». На вопрос «Считаете ли вы нынешнюю экономическую политику успешной?» 12,6% респондентов сообщили, что считают ее успешной, 83,6% опрошенных заявили, что экономическую политику нынешнего правительства успешной признать нельзя, при этом 3,8% затруднились с ответом.

В аналогичном опросе за апрель 2022 г. один из вопросов касался выборов президента страны. Отвечая на него, 30,9% респондентов заявили, что точно поддержат нынешнего главу государства, 28,9% опрошенных сообщили, что поддержат любого соперника Р. Т. Эрдогана,

¹ Прецеденты назначения досрочных выборов уже стали традицией политической жизни Турции: парламентские выборы 2002, 2015 и 2018 гг., а также президентские выборы 2018 г. были проведены досрочно.

² Тур. *Adalet ve Kalkınma Partisi* (АКР)

32,4% участников собираются сделать свой выбор в зависимости от кандидата от оппозиции, 7,8% вообще не собираются участвовать в голосовании [25].

Стоит, однако, признать, что это может повредить и политическим оппонентам Реиса³, в частности Экрему Имамоглу, который занимает пост мэра Стамбула, или нынешнему мэру Анкары Мансуру Явашу. Повлиять на расстановку сил в стране также может и постоянно изменяющаяся политическая ситуация в мире.

Кто же сейчас представляет основную угрозу для Р. Т. Эрдогана и ПСР? Во-первых, это два вышеупомянутых мэра: пришедший к власти в результате скандальных перевыборов 2019 г. Экрем Имамоглу (Стамбул) и столичный мэр Мансур Яваш. Оба претендента являются членами Народно-республиканской партии (далее — НРП)⁴, т. е. могут представлять интересы светской части турецкой общественности, с пиететом относящейся к наследию М. К. Ататюрка. Во-вторых, это набравший на президентских выборах 2018 г. почти 31% голосов в качестве кандидата от НРП Мухаррем Индже. На данный момент Индже вышел из состава НРП и основал свою партию — партию «Мемлекет»⁵. Не стоит также забывать и о создателе Партии демократии народов (далее — ПДН)⁶ Селяхаттине Демирташе — самом опытном кандидате в президенты после самого Р. Т. Эрдогана. Он был участником как первых всенародных выборов президента республики в 2014 г., так и президентских выборов 2018 г. Что характерно, Демирташ неизменно получает примерно 9% голосов избирателей. Наконец, сейчас в Турции сформировалась новая коалиция — альянс из лидеров шести политических партий, которые планируют совместно выступить на парламентских выборах, а также выставить общего кандидата в президенты Турции. В коалицию на данный момент вошли лидер НРП Кемаль Кылычдароглу, лидер Демократической партии (далее — ДП)⁷ Гультекин Уйсал, лидер партии «ДЕВА»⁸ Али Бабаджан, лидер партии «Геледжек»⁹ Ахмет Давутоглу, лидер партии «Ийи»¹⁰

³ Досл. ‘лидер’, — одно из прозвищ Р. Т. Эрдогана.

⁴ Тур. *Cumhuriyet Halk Partisi* (CHP).

⁵ Тур. *Memleket Partisi*; досл. ‘Родина’.

⁶ Тур. *Halkların Demokratik Partisi* (HDP).

⁷ Тур. *Demokrat Parti* (DP).

⁸ Тур. *DEVA Partisi*; досл. ‘Демократия и прогресс’.

⁹ Тур. *Gelecek Partisi*; досл. ‘Будущее’.

¹⁰ Тур. *İYİ Parti*; досл. ‘Хорошая’.

Мераль Акшенер и лидер партии «Саадет»¹¹ Темель Карамоллаоглу. При том, что политические платформы шести партий существенно различаются, сам факт того, что они смогли создать альянс, может говорить о существующей опасности для нынешней власти в Турции.

Круг возможных кандидатов в президенты республики не ограничивается вышеперечисленными политиками. Так, достаточно активно в последнее время ведут себя сын главного идеолога политического ислама в Турции Неджметтина Эрбакана Фатих Эрбакан и представитель турецких националистов, бывший член ПНД и партии «Ийи», а ныне создатель и лидер партии «Зафер»¹² Умит Оздаг.

Нынешняя политическая система Турции позволяет каждому из вышеперечисленных политиков баллотироваться на пост президента республики. Согласно 101 статье Конституции, кандидата в президенты может выдвинуть партия, которая на предыдущих парламентских выборах преодолела барьер в 5% голосов. В противном случае будущий кандидат должен набрать 100 000 подписей избирателей [19].

Начать обзор стоит с двух кандидатов, которые уже заявили о своем участии и которые точно не смогут одержать победу на выборах, но по определенным причинам являются ключевыми игроками и сыграют свою роль во время выборов, а, возможно, и во время предвыборной гонки.

«Пропавший» кандидат Мухаррем Индже (р. 1964) [14]

М. Индже родился в провинции Ялова в крестьянской семье. Закончил педагогический университет по специальности преподаватель физики и химии. Политикой начал заниматься с 1995 г. (член НРП), с 1998 г. является депутатом ВНСТ. В 2002 г. активно участвовал в разработке плана реформ образования. Уже в этот период часто вступал в полемику с Р. Т. Эрдоганом, критиковал его решения. С 2014 г. ведет себя оппозиционно по отношению к нынешнему лидеру НРП Кемалю Кылычдароглу. М. Индже был кандидатом в президенты от НРП на выборах 2018 г. За 50 дней он провел 107 митингов в 67 провинциях Турции. После первого и единственного тура Индже получил 30,67% голосов избирателей, проиграв Р. Т. Эрдогану. Впервые за 27 лет кандидат от НРП сумел набрать более 30% голосов.

Необходимо разобраться в причинах поражения М. Индже на выбо-

¹¹ Тур. *Saadet Partisi*; досл. 'Счастье'.

¹² Тур. *Zafer Partisi*; досл. 'Победа'.

рах в 2018 г. Во-первых, он не является лидером партии, которую представляет, при этом Индже неоднократно пытался занять этот пост, но каждый раз проигрывал К. Кылычдароглу. Любопытная история произошла после одного из заседаний НРП, когда партийные товарищи не уступили кандидату в президенты Турции место в лифте, на что он ответил: «Очевидно, почему НРП не у власти. Так мы ее никогда не добьемся» [5]. Во-вторых, при том, что М. Индже провел много предвыборных митингов, и популярность его росла, он достаточно быстро перешел к полемике «Индже — Эрдоган», чем напугал консервативную часть общества. Таким образом, Индже работал на ту часть электората, которая и так традиционно выбирает НРП и ее кандидата. Он даже не пытался обратиться к электорату ПСР и Р. Т. Эрдогана. В-третьих, во время митингов и предвыборных выступлений Индже ограничивался только обещаниями, которые не были подкреплены конкретными проектами, чего никогда не допускает нынешний президент Турции. Также Индже не объявил, какие политические силы страны он пригласит в свою команду в случае победы на выборах. Наконец, следует отметить пассивность и неготовность к выборам НРП. В частности, на 30 тысячах из 180 тысяч избирательных участков открытых во время выборов не было наблюдателей от НРП, кроме того, созданная оппозиционными партиями перед выборами виртуальная платформа-приложение «Справедливые выборы»¹³ не оправдала надежд избирателей: вдобавок к техническим сложностям, сотрудники платформы не смогли собрать и опубликовать данные по выборам 24 июня 2018 г. [1] Стоит также упомянуть, что вечером в день выборов М. Индже «пропал», не выходил на связь со своим штабом, не сделал никаких официальных заявлений. Естественным образом такое поведение негативно отразилось на его престиже [17].

4 сентября 2020 г. в 101-ю годовщину Сивасского конгресса, который является важной вехой национально-освободительной борьбы Турции, Индже объявил о создании движения «Мемлекет», а в конце того же года заявил, что движение будет преобразовано в одноименную партию. 8 февраля 2021 г. он официально заявил, что выходит из состава НРП и создает партию «Мемлекет» [14]. Индже объяснил свое решение тем, что НРП уже давно отошла от принципов кемализма и использует фигуру Мустафы Кемаля Ататюрка в политических целях. Практически сразу после создания партии осенью 2021 г. Индже заявил, что будет выставлять свою кандидатуру на следующих президентских выборах [16].

¹³ Тип. *Adil Seçim Platformu*.

Программа партии базируется на идеологии кемализма, основной акцент делается на возвращении к парламентской форме правления и наделении судебной системы прежними полномочиями. Мухаррем Индже и его партия сейчас не входят ни в какие коалиции, при этом политик открыто заявил, что, если дело дойдет до второго тура голосования, он поддержит К. Кылычдароглу, но и от последнего ждет в ответ того же [15].

После проигрыша на выборах 2018 г. Мухаррема Индже не принято рассматривать в качестве реального кандидата, однако он может им стать и, весьма вероятно, станет. Для этого ему необходимо будет собрать подписи или набрать 20 депутатов парламента, которые выдвинут его кандидатуру (его партия не участвовала в выборах 2018 г. и сейчас имеет двух представителей в ВНСТ). Став официальным кандидатом, Индже вряд ли сможет победить на выборах, но заберет часть электората себе, причем это будет как раз электорат НРП и Альянса Наций¹⁴.

Защитник униженных и оскорбленных Селяхаттин Демирташ (р. 1973)

Адвокат, выпускник Анакрского университета С. Демирташ является одним из основателей Вакфа прав человека в Турции. В 2000-х гг. стал активно заниматься политикой, примкнув к курдскому политическому движению. С 2007 г. входит в парламент как депутат от разных партий. С. Демирташ являлся одним из лидеров созданной в 2014 г. ПДН. Помимо курдов Турции партия считает своим электоратом «зеленых», рабочий класс, женщин, представителей всех национальных меньшинств страны, безработных, а также представителей ЛГБТ-сообщества [9]. С 4 ноября 2016 г. С. Демирташ отбывает заключение по обвинению в целом списке преступлений, в частности членстве в террористической организации, создании организации с целью совершения преступлений, оскорблении турецкой нации и госорганов республики.

С. Демирташ и его партия неизменно получают примерно 10% голосов. При этом перед выборами 2018 г. ни ему, ни его партии не было дано ни одной минуты эфирного времени на официальных телеканалах страны. В 2023 г. для оппозиции будет очень важно получить поддержку С. Демирташа. В одном из апрельских интервью он не только упомянул, но и высказался положительно о деятельности мэра Стамбула Экрема

¹⁴ Тур. *Milli İttifakı*; альянс, в который перед парламентскими выборами 2018 г. вошли НРП, партия «Ийи», ДП и партия «Саадет».

Имамоглу [10]. Турецкие аналитики воспринимают это как знак того, что С. Демирташ будет готов отдать свои голоса единому кандидату от оппозиции в случае, если этим кандидатом станет Э. Имамоглу.

Столик на шестерых

В феврале 2022 г. на политической арене Турции появился новый альянс. В него вошли две крупные турецкие партии (НРП во главе с К. Кылычдароглу и «Ийи» во главе с М. Акшенер), две новые партии («ДЕВА» Али Бабаджана и «Геледжек» А. Давутоглу) и две мелкие, но значимые партии («Саадет» Т. Карамоллаоглу и ДП под предводительством Г. Уйсала). Последняя партия была создана в 2007 г., но по сути является прямой наследницей Партии Верного Пути¹⁵ и АНАП¹⁶. Что касается Т. Карамоллаоглу (р. 1941), то он получил высшее образование в Великобритании, долгое время работал в государственных корпорациях Турции в качестве специалиста по текстильной промышленности (Сумербанк, Организация государственного планирования). С самого появления политического ислама в Турции являлся сторонником Неджметтина Эрбакана (1926–2011) и членом практически всех созданных им партий: Партии Национального Порядка¹⁷, Партии Благоденствия¹⁸. После того, как в 1998 г. решением Конституционного суда Турции Партия Благоденствия была запрещена, Т. Карамоллаоглу примкнул к недавно созданной и вдохновленной идеей «Национального взгляда»¹⁹ Н. Эрбакана Партии Добродетели²⁰. В свою очередь, после запрещения последней, он стал членом «Саадет» и таким образом остался верным всем идеям Н. Эрбакана и не примкнул к «обновленцам» во главе с Р. Т. Эрдоганом. С 2016 г. Т. Карамоллаоглу является генеральным секретарем «Саадет» [18]. Он выставлял свою кандидатуру на пост президента страны в 2018 г. и набрал 0,89% голосов избирателей. Сейчас партия «Саадет» имеет одного депутата в парламенте. Т. Карамоллаоглу и «Саадет» представляют собой символы Н. Эрбакана, наставника Р. Т. Эрдогана. Поэтому то, что Т. Карамоллаоглу состоит в оппозиционном союзе, не может не волновать последнего.

Создатель и лидер партии «ДЕВА» Али Бабаджан (р. 1967) [3] в про-

¹⁵ Тур. *Doğru Yol Partisi*.

¹⁶ Тур. *Anavatan Partisi*.

¹⁷ Тур. *Milli Selamet Partisi*.

¹⁸ Тур. *Refah*.

¹⁹ Тур. *Milli Görüş*.

²⁰ Тур. *Fazilet*.

шлом имел теснейшие связи с ПСР и Р. Т. Эрдоганом. Так, в период с 2001 по 2018 гг. он не только являлся одним из основателей партии и депутатом ВНСТ, но и занимал посты министра иностранных дел, министра экономики, личного помощника Р. Т. Эрдогана. История жизни Али Бабаджана — это история успеха. После того, как он блестяще окончил один из лучших ВУЗов Турции (Ближневосточный технический университет²¹) и получил квалификацию инженера в промышленности, А. Бабаджан прошел стажировку в США по программе Фулбрайта, а затем остался там работать менеджером высшего звена. По возвращении на родину А. Бабаджан успешно занимался бизнесом, возглавив фирму своего отца. С 2002 г. он занимался политической карьерой и вплоть до 2018 г. был одним из первых лиц ПСР.

А. Бабаджан начал осторожно критиковать ПСР примерно с 2012–2013 гг., после 2018 г. критиковал Р. Т. Эрдогана уже вполне открыто: в официальных заявлениях и интервью он говорил о том, что инвестирование допускается исключительно в строительство, недостаточно внимания уделяется промышленности и сфере высоких технологий, законы, которые меняются в одночасье, не могут не отпугнуть потенциальных инвесторов. После 2018 г. он достаточно открыто критиковал переход к президентской форме правления.

Партия «ДЕВА» была создана 9 марта 2020 г. Помимо А. Бабаджана членами партии являются некоторые бывшие министры и депутаты от ПСР. В парламенте сейчас один депутат от партии. «ДЕВА» первой в Турции в июле 2020 г. прошла цифровизацию. Символы партии — капля воды, которая символизирует чистоту и невинность, и росток, который создателями партии воспринимается как символ нововведений и надежды. У партии обширная программа из огромного количества пунктов, среди которых существенное внимание закономерно уделено экономике.

Еще один член «стола на шестерых» — Ахмет Давутоглу (р. 1959) [2], который также имел в прошлом теснейшие связи с ПСР и Р. Т. Эрдоганом. Он занимал посты советника по внешней политике (2003–2009), министра иностранных дел (2009–2014), генерального секретаря ПСР и премьер-министра (2014–2016). Как и А. Бабаджан, А. Давутоглу является выпускником одного из лучших ВУЗов Турции — Босфорского университета (экономика, политология и международные отношения). В том же учебном заведении он защитил диссертацию. До 2004 г. А. Давутоглу занимался академической карьерой. Он является автором книги

²¹ Тип. *Orta Doğu Teknik üniversitesi.*

«Стратегическая глубина», а также идеологом внешнеполитического курса Турции при Р. Т. Эрдогане. С 2015 г. А. Давутоглу критиковал правящий режим, в частности переход к президентской форме правления, а в 2016 г. ушел в принудительную отставку.

12 декабря 2019 г. А. Давутоглу инициировал создание партии «Геледжек», вслед за ним в партию вступило достаточно большое количество бывших членов ПСР. «Геледжек» уже опубликовала свою программу, основными пунктами которой являются разработка новой конституции и возвращение в парламентской системе. В целом в программе партии бросаются в глаза громкие лозунги без каких-либо обещаний и решений. Примечательно, что А. Давутоглу сравнивает себя с М. К. Ататурком [7].

Два мэра

Одним из возможных кандидатов в президенты Турции от «стола» является нынешний мэр Анкары Мансур Яваш (р. 1955) [13] Он закончил юридический факультет Стамбульского университета, после работал адвокатом частной практики. С юности занимался политикой (ПНД). Периодически избирался муниципальным главой ильче Бейпазары от той же партии. В 2014 г. перешел в НРП, так как ПНД решила не выставлять своего кандидата на пост мэра Анкары. Не был избран и сразу же покинул НРП. Был избран мэром Анкары от НРП, набрав чуть более 50% голосов избирателей, и вступил в должность в апреле 2019 г. Программа М. Яваша нацелена на социальную помощь нуждающимся семьям. Во время своего пребывания на посту мэра Стамбула ему удалось провести в жизнь некоторые нововведения. Так, теперь передают в прямом эфире все заседания Анкарского парламента, общественный транспорт стал бесплатным во время всех праздников, а не только религиозных, введен запрет использовать проблесковые маячки всем кроме полиции, пожарных и скорой помощи. Также М. Яваш активно занимается помощью бездомным животным.

Какие препятствия могут встать на пути М. Яваша? Во-первых, это его прошлые связи с ПНД. Из-за них его закономерно не поддержат курды Турции, в целом можно также исключить весь электорат ПДН и Селяхаттина Демирташа. Кроме того, в Турции много этнических турок, которые отрицательно относятся к турецкому националистическому движению. Во-вторых, М. Яваш победил на выборах мэра Анкары, получив 50,93% голосов избирателей, т. е. его победу нельзя назвать без-

оговорочной. Однако стоит признать, что, находясь на посту мэра, он сумел упрочить свои позиции. Согласно исследованию, проведенному в августе 2021 г. агентством AREA, его поддерживали на посту мэра уже 62% избирателей.

Нынешний мэр Стамбула Экрем Имамоглу (р. 1970) [6] также считается вероятным кандидатом в президенты Турции. Э. Имамоглу сейчас является одним из самых «раскрученных» политиков Турции. Так, рекламная продукция, выпущенная во время его предвыборной гонки в 2019 г., получила ряд международных наград [11]. Будущий мэр родился в небольшом поселке неподалеку от Трабзона. Три факта его биографии существенно повышают его престиж в разных слоях турецкого общества: во-первых, в детстве он посещал школу чтения Корана, во-вторых, его дед был ветераном национально-освободительной борьбы, в-третьих, в юности он занимался гандболом и футболом, а с 2002 г. занимал пост управляющего футбольным клубом «Трабзонспор». Э. Имамоглу закончил факультет менеджмента Стамбульского университета. Как характерно для для турецкой молодежи, он стал интересоваться политикой в студенческие годы: сперва примкнул к ПО, однако вскоре посчитал, что его взгляды ближе идеологии НРП. В 2009 г. Имамоглу занял пост муниципального главы района Стамбула Бейликдюзу и достаточно быстро добился значительных успехов. Он пробовал баллотироваться на пост мэра Стамбула в 2017 г., но сумел добиться его только в июне 2019 г. в результате скандальных перевыборов. Популярность Э. Имамоглу на посту мэра Стамбула за последние годы только росла. Однако весной 2022 г. его команда организовала турне с целью проведения ряда митингов в регионах Турции. Население страны неоднозначно отнеслось к такой инициативе. Так, согласно результатам исследования, проведенного агентством AREA в мае 2022 г., 44% опрошенных отнеслись к этой идее отрицательно [25; 31].

Необходимо очертить круг основных проблем нового оппозиционного альянса. Во-первых, в союз вступила только одна левоцентристская партия (НРП). Во-вторых, очевидно, что практически все акторы альянса могут передумать и выставить свою кандидатуру в президенты вместо общей. Наталкивают на такие мысли постоянные заявления лидеров партий друг против друга. Так, Г. Уйсал заявил, что кандидат в президенты «не должен быть запятнан в связях или работе с ПСР за последние 20 лет». При этом и А. Бабаджан, и А. Давутоглу являлись

чуть ли не первыми лицами в правящей партии и совсем недавно покинули ее [8]. 27 апреля 2022 г. А. Бабаджан заявил, что и он, и его партия будут участвовать в выборах под своими брендами и эмблемами, что вызвало слухи о роспуске «стола»; однако вскоре он опроверг свое сообщение [4]. Лидер «Саадет» Т. Карамоллаоглу заявил, что ДП и «Ийи» составляют очевидную коалицию, и что «Саадет» тоже неплохо было бы войти в тройственный союз, который бы действовал в рамках «Национального взгляда» («Саадет», «Геледжек» и «ДЕВА»). Затем он взял свои слова обратно, сказав, что его неправильно поняли [12]. В свою очередь, главные действующие лица за «столом» (М. Акшенер и К. Кылычдароглу) вообще воздерживаются от каких-либо замечаний и заявлений. Они занимаются только тем, что успокаивают других участников и предлагают собраться и обсудить все еще раз. При этом не вполне ясно, что конкретно они обсуждают на собраниях, потому что ни перед собранием, ни после него не делается никаких громких заявлений. Наконец, у основных предполагаемых кандидатов от нового альянса нет программы (так как официально они кандидатами не являются); их разработанные программы касаются в основном городов, которыми они управляют в данный момент.

Заключение

В последний год перед выборами в Турции было создано достаточно большое количество новых партий, что в целом типично для турецкой политической системы. Сейчас мы можем наблюдать раскол как в стане турецких националистов, которые в данный момент представлены тремя основными партиями (ПНД, «Ийи» и «Зафер»), так и среди представителей политического ислама и правящей элиты Турции, находящейся у власти уже более 20 лет. К исламским партиям помимо ПСР можно отнести «Саадет», а также недавно созданные «ДЕВА», «Геледжек» и партию Фатиха Эрбакана «Обновленная Партия Благоденствия»²². Таким образом, к традиционной кемалистской оппозиции добавилась оппозиция исламская, однако в связи с тем, что она представлена целым рядом партий и лидеров, можно с большой долей уверенности говорить о вероятном распылении голосов электората. Последнее утверждение касается и турецких националистов.

Что касается традиционной оппозиции, представленной старейшей турецкой партией НРП и недавно созданной «Мемлекет», то можно ска-

²² Тип. *Yeniden Refah Partisi*.

зять о продолжающемся кризисе в рядах кемалистов. К. Кылычдароглу не является харизматичным лидером, в котором уже давно нуждается партия, но не покидает свой пост. В свою очередь, М. Индже достаточно грамотно проводит свою политику, однако его популярность после неудачи на выборах 2018 г. растет достаточно медленно.

Какие шаги могла бы предпринять сейчас вступившая в альянс турецкая политическая оппозиция? Во-первых, ей необходимо как можно скорее определиться с единым кандидатом в президенты, причем сделать это с оглядкой на ПДН и С. Демирташа. Во-вторых, грамотным политическим ходом можно было бы считать присоединение к альянсу альтернативных оппозиционных сил (прежде всего М. Индже). Очевидно, Р. Т. Эрдоган будет предпринимать попытки перетянуть на свою сторону «Саадет», в свою очередь, и А. Бабаджан, и А. Давутоглу являются опытными политиками и, безусловно, могут покинуть альянс и действовать независимо. Оппозиции также не стоит забывать о важности парламентских выборов, ведь в случае уверенной победы можно будет вернуться к парламентской форме правления решением ВНСТ (460 голосов) или инициировать организацию всенародного референдума по этому вопросу (300 голосов).

Литература:

1. Adil Seçim Platformu özür diledi // Anadolu Ahansı [Электронный документ]. 27.06.2018 — URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/adil-secim-platformu-ozur-diledi-/1188966> (Проверено: 18.06.2022).
2. Ahmet Davutoğlu. Özgeçmiş [Электронный документ]. 27.05.2022 — URL: <https://gelecekipartisi.org.tr/ozgecmis/ahmet-davutoglu> (Проверено: 18.06.2022).
3. Ali Babacan [Электронный документ]. 27.12.2019 — URL: <http://www.alibabacan.com.tr> (Проверено: 18.06.2022).
4. Ali Babacan'dan cumhurbaşkanı adaylığı açıklaması // Cumhuriyet. [Электронный документ]. 20.05.2018 — URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/turkiye/ali-babacandan-cumhurbaskani-adayligi-aciklamasi-1937842> (Проверено: 18.06.2022).
5. CHP'de asansör krizi // Milliyet [Электронный документ]. 07.05.2018 — URL: <https://www.milliyet.com.tr/siyaset/chpde-asansor-krizi-2663940> (Проверено: 18.06.2022).
6. Ekrem İmamoğlu Kimdir [Электронный документ]. 22.05.2022 — URL: <https://www.ekremimamoglu.com/hakkimda> (Проверено: 18.06.2022).

7. Gelecek Partisi. Program [Электронный документ]. 22.05.2022 — URL: <https://gelecekkpartisi.org.tr/partimiz/program> (Проверено: 18.06.2022).
8. Gültekin Uysal'dan cumhurbaşkanı adayı açıklaması // Sözcü. [Электронный документ]. 13.04.2022 — URL: <https://www.sozcu.com.tr/2022/gundem/gultekin-uysaldan-cumhurbaskani-adayi-aciklamasi-7072857/> (Проверено: 18.06.2022).
9. Halkaların Demokratik Partisi Tüzüğü [Электронный документ]. 22.06.2014 — URL: <https://hdp.org.tr/tr/parti-tuzugu/10/> (Проверено: 18.06.2022).
10. İmamoğlu'nun Anadolu'da Toplumsal Karşılığı Var // Gazete DUVAR [Электронный документ]. 22.04.2022 — URL: <https://www.gazeteduvar.com.tr/demirtas-imamoglunun-anadoluda-toplumsal-karsiligi-var-galeri-1560101?p=5> (Проверено: 18.06.2022).
11. İmamoğlu'nun kampanyası dünyada yılın en iyisi seçildi // Sözcü [Электронный документ]. 26.02.2020 — URL: <https://www.sozcu.com.tr/2020/gundem/imamoglunun-kampanyasi-dunyada-yilin-en-iyisi-secildi-5643376/> (Проверено: 18.06.2022).
12. Karamollaoğlu'nun “üçüncü ittifak” açıklaması ne anlama geliyor, Millet İttifakı'nda dengeleri değiştirir mi? // Cumhuriyet [Электронный документ]. 14.04.2022 — URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/karamollaoqlunun-ucuncu-ittifak-aciklamasi-ne-anlama-geliyor-millet-ittifakinda-dengeleri-degistirir-mi-1925945> (Проверено: 18.06.2022).
13. Mansur Yavaş [Электронный документ]. 18.06.2022 — URL: <http://www.mansuryavas.com.tr> (Проверено: 18.06.2022).
14. MemleketPartisi. Genel Başkan. [Электронный документ]. 18.06.2022 — URL: <https://www.memleketpartisi.org.tr/genel-baskan> (Проверено: 18.06.2022).
15. Muharrem İnce: Seçim ikinci tura kalırsa Kemal Kılıçdaroğlu'nu desteklerim // Cumhuriyet [Электронный документ]. 07.05.2022 — URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/turkiye/muharrem-ince-secim-ikinci-tura-kalirsas-kemal-kilicdaroglunu-desteklerim-1933736> (Проверено: 18.06.2022).
16. Muharrem İnce, 2023 seçimlerinde aday olacağını açıkladı // TRTHaber [Электронный документ]. 15.09.2021 — URL: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/muharrem-ince-2023-secimlerinde-aday-olacagini-acikladi-609102.html> (Проверено: 18.06.2022).

17. Muharrem İnce'nin Kayıp Saatleri // Sözcü [Электронный документ]. 29.06.2018 — URL: https://www.sozcu.com.tr/2018/yazarlar/saygi-ozturk/muharrem-incenin-kayip-saatleri-2493191/?utm_source=yazardetay&utm_medium=free&utm_campaign=dahafazlahaber (Проверено: 18.06.2022).
18. Saadet Partisi [Электронный документ]. 27.04.2022 — URL: <https://saadet.org.tr/tr/anasayfa> (Проверено: 18.06.2022).
19. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası [Электронный документ]. 27.04.2017 — URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.2709.pdf> (Проверено: 18.06.2022).
20. T. C. Yüksek Seçim Kurulu. Karar No: 952 [Электронный документ]. 04.07.2018 — URL: <https://www.ysk.gov.tr/doc/karar/dosya/77779/2018-952.pdf> (Проверено: 18.06.2022).
21. T. C. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru. 96/C [Электронный документ]. 04.07.2018 — URL: <https://www.ysk.gov.tr/doc/dosyalar/docs/24Haziran2018/KesinSecimSonuclari/2018MV-96C.pdf> (Проверено: 18.06.2022).
22. T.C. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru. 96/D [Электронный документ]. 04.07.2018 — URL: <https://www.ysk.gov.tr/doc/dosyalar/docs/Milletvekili/1Kasim2015/KesinSecimSonuclari/96-D.pdf> (Проверено: 18.06.2022).
23. Türkiye Büyük Millet Meclisi Milletvekilleri Dağılımı [Электронный документ]. 18.06.2022 — URL: <https://www.tbmm.gov.tr/SandalyeDağılimi> (Проверено: 18.06.2022).
24. Türkiye Geneli Siyasi Partilerin ve Bağımsızların Kazandıkları Milletvekili Sayıları [Электронный документ]. 18.06.2022 — URL: <https://www.ysk.gov.tr/doc/dosyalar/docs/2007MilletvekiliSecimi/turkiye/milletvekilisayisigrafik.pdf> (Проверено: 18.06.2022).
25. Türkiye Siyasi Gündem Araştırması. Mayıs 2022 [Электронный документ]. 18.06.2022 — URL: <http://www.areaarastirma.com/files/turkiye-siyasi-gundem-arastirmasi-2022-mayis.pdf> (Проверено: 18.06.2022).

К. А. Жуков

**«Я спросил электрика Петрова...».
О подлинности и авторстве
«Слова о полку Игореве»**

Аннотация: Автор критически оценивает ряд недавних работ, опубликованных представителями так называемой «скептической школы», которые подвергают сомнению подлинность «Слова о полку Игореве» и выдвигают на роль автора новых возможных мистификаторов в первую очередь российского поэта XVIII в. Василия Петровича Петрова. Автор статьи прослеживает проявления средневековых эстетических представлений в тексте памятника и рассматривает их как свидетельство в пользу подлинности «Слова...». По его мнению, такие проявления находятся в явном противоречии с каноническими правилами классической русской одической поэзии второй половины XVIII в.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», проблема авторства, текстология, лексические совпадения, средневековые эстетические представления, М. М. Бахтин.

К. А. Zhukov

**“I asked electric guy Petrov...”. On the authenticity
and authorship of “The Lay of Igor’s Campaign”**

Abstract: The author criticizes some recent works published by representatives of the so-called “skeptical school” which questioned the authenticity of “The Lay of Igor’s Campaign” and put forward new potential hoaxers — Vasilij P. Petrov, Russian poet of the 18th century, in the first place. The author traces representations of the medieval aesthetic ideas in the text and regards them as an evidence in favor of the authenticity of “The Lay...” In his opinion, such representations obviously contradict the canonic rules of the Russian classical ode of the second half of the 18th century.

Key words: “The Lay of Igor’s Campaign”, the problem of authorship, textology, lexical coincidences, medieval aesthetic ideas, Mikhail M. Bakhtin.

В основном в данном сообщении речь пойдет о ряде моих наблюдений относительно методов работы некоторых современных «специалистов-слововедов», в первую очередь, из лагеря так называемого «скептического» направления.

После некоторого затишья, имевшего место на рубеже веков, в последние годы появилась масса публикаций, посвященных знаменитому памятнику отечественной словесности — «Слову о полку Игореве». В некоторых из них не оспаривается подлинность этого произведения и вновь и вновь предлагаются кандидатуры на роль автора «Слова...». В этом списке возможных кандидатов, по мнению современных исследователей, в первую очередь выделяются такие исторические личности, как, например, киевский зодчий Кузьмище Киянин [3], а также игумен Выдубицкого Киевского монастыря Моисей [22; 4], встречаются и другие имена.

Вместе с тем оживилась публикационная активность «скептиков», отрицающих подлинность «Слова о полку Игореве» и считающих его литературной мистификацией, подделкой второй половины XVIII в. На роль возможных мистификаторов выдвигаются различные фигуры. Одной из особенностей этого направления является предположение о существовании неких тандемов, состоявших из автора-мистификатора и позднейшего редактора-мистификатора. В качестве таких тандемов толкователями-скептиками предложены, например, такие пары: В. К. Тредиakovский (при участии Иоилия Быковского) и А. И. Мусин-Пушкин (с возможными соредакторами в лице И. П. Елагина и И. Н. Болтина) [15: 405], а также В. П. Петров (в качестве автора) и Н. М. Карамзин (в качестве редактора) [9].

По мнению скептиков, идейную подоплеку создания такого рода мистификации надо усматривать в области русско-турецких отношений XVIII столетия. В первом случае усматриваются исторические параллели между неудачным походом против половцев князя Игоря в 1185 г. и неудачным Прутским походом Петра I против турок в 1711 г. Обе военных экспедиции, однако, не закончились полной катастрофой для их организаторов: князь Игорь бежал из плена, а царь Петр пленения сумел избежать. В русле таких рассуждений сочинение «Слова о полку Игореве» как литературной мистификации относится «скептиками» к периоду, предшествующему русско-турецкой войне 1768–1774 гг., и рассматривается как своего рода призыв россиян на ратный подвиг «за

раны Петровы» [15: 271]. Во втором же случае утверждается, что причиной этой мистификации был заказ придворному библиотекарю поэту В. П. Петрову, поступивший от самой Екатерины II уже после завершения войны. Согласно этой версии, «Слово о полку Игореве» — это особая редакция «Задонщины», созданная в назидательных целях как художественно-историческая реконструкция древнего лиро-эпического произведения о походе удельного князя Игоря [10: 48]. «Педагогическое значение “Слова...” сомнений не вызывает и, скорее всего, входило в первоначальный замысел императрицы, заботящейся о воспитании своих внуков — великих князей Александра и Константина Павловичей», — пишет один из разработчиков этой гипотезы [11: 34–35].

Подробный критический разбор ряда работ так называемых «скептиков» представлен в монографии А. А. Бурькина [3: 20, 238–279], что дает нам возможность дополнить этот разбор своими замечаниями в адрес авторов тех статей, в которых настойчиво проводится мысль о возможном авторстве известного поэта екатерининской эпохи В. П. Петрова (1736–1799). В этой связи в первую очередь речь пойдет о многочисленных статьях Д. Г. Демидова, некоторые из которых были им опубликованы в соавторстве с С. В. Власовым. Пытаясь обосновать вышеуказанную идею, в одной из своих публикаций Д. Г. Демидов проводит лексический анализ ряда стихотворных произведений Петрова, с одной стороны, и «Слова о полку Игореве» — с другой и затем объявляет, что в ходе этого сопоставительного анализа им выявлено более 80 лексических совпадений, в том числе в точных словоформах и близких образных контекстах [8: 61]. В результате на основании приведенного в статье статистического материала исследователь делает «определенный вывод» о тесной связи стихотворений В. П. Петрова 1766–1793 гг. и «Слова о полку Игореве» [8: 70].

Закономерен вопрос: насколько в принципе можно полагаться на статистический метод в лингвистическом и литературоведческом анализе в целом и в частности насколько он применим в данном конкретном случае. Перед тем, как ответить на этот вопрос, сделаем два предварительных замечания. Прежде всего нам представляется совершенно очевидным, что при сравнении текстов поэтических описаний батальных сцен, принадлежащих авторам давно прошедших веков, по понятным причинам весьма частотными в них будут такие выражения, как «звон/блеск сабель/доспехов», «треск копий», «гром щитов/орудий» и т. п.,

будь это в стихотворных одах Петрова или в кадансированной прозе автора «Слова о полку Игореве». Представляется, таким образом, что полагаться исключительно на сухие математические подсчеты лексических совпадений в данном случае не совсем корректно. Надо сказать, что этот факт в общем плане вполне осознается Д. Г. Демидовым. В его другой «скептической» статье, опубликованной в соавторстве с С. В. Власовым и посвященной критике лингвистических штудий «Слова о полку Игореве», принадлежащих академику А. А. Зализняку, читаем: «Из всех рассуждений А. А. Зализняка следует один очень важный урок: если исследовать текст, пренебрегая его поэтикой, ритмикой, семантикой и прочими “нелингвистическими” или просто несистемными характеристиками, то, в конце концов, при своеобразно понятой лингвистике, можно прийти к заключению, что это текст, возникший в XII веке» [6: 10].

Иными словами, текст надо исследовать комплексно. Получилось ли это у самого Д. Г. Демидова? Думаем, что нет. Проиллюстрируем свое заключение одним, но как представляется, очень важным и показательным примером. Пример этот таков. В числе вышеозначенных «более 80 лексических совпадений» Д. Г. Демидов вносит в свой список глагол *трещать* и приводит три случая [8: 69] словоупотребления из следующих петровских од: «На приобретение Крыма» (1784); «На взятие Очакова декабря 6 дня 1788 года» (1789); «На взятие Измаила декабря 11 дня 1790 года» (1791):

Но ты без грозных брани тресков, / Без молний, жрущих строи, блесков [17]; Глава (Днепра) трясется тростеносна; / Трещит под тяжким богом лед [18]; Летят, родяще трески громки [19]; Приступа треск поывый слухом [19].

Что касается «Слова о полку Игореве», то в нем глагол *трещать* встречается три раза. Один раз в форме *трещатъ*: «...grimлють сабли о шеломы, трещать копиа харалужныя» [21: 64–65] и два раза в форме *тресну*. Случай 1: «Суть бо у ваю желѣзныи паробци подь шеломы латиньскими. Тѣми тресну земля» [21: 84–85], т. е. «от них (от их тяжелой поступи. — К. Ж.) треснула земля».

Формально в вышеприведенных случаях мы можем усмотреть лексические параллели с вышеназванными петровскими одами, однако, отметив при этом явную «нераритетность» (термин Д. Г. Демидова. — К. Ж.) данных словоупотреблений (они вполне могли встречаться в рус-

ском языке разных эпох). Вопрос, однако, заключается в том, дают ли что-нибудь в содержательном плане *все три* отмеченные Демидовым формальные совпадения? Если применить комплексный подход, и принять во внимание фактор полисемантической, то ответ будет негативный. Поясним нашу мысль на примере второго случая употребления глагола *трецать* в форме *тресну* в тексте «Слова о полку Игореве». Итак, случай 2:

На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла —
По Руской земли прострошася половци,
аки пардуже гнѣздо.
Уже снесесе хула на хвалу;
Уже тресну нужда на волю...

В переводе на современный русский язык, выполненном академиком Д. С. Лихачевым, читаем:

На реке на Каяле тьма свет покрыла —
По Русской земле простерлись половцы,
точно выводок гепардов.
Уже пал позор на славу;
уже ударило насилье на свободу... [21: 74–75].

Перевод этот с полной заменой оригинальных глаголов (вернее его назвать толкованием), на наш взгляд, должен быть признан не только традиционным, но и устоявшимся, ибо с незначительными вариациями его придерживаются авторы новейших работ о «Слове о полку Игореве». Например, у А. А. Бурькина читаем: «Уже пала хула на хвалу, уже набросилась нужда на волю» [3: 303]. Однако, как нам представляется, этот перевод все же должен быть признан неверным, ибо сделан он без учета поэтики средневекового литературного памятника.

Констатируем последнее, поскольку в аллегорических строках «Уже снесесе хула на хвалу; уже тресну нужда на волю», характеризующих победу сил зла над силами добра, мы усматриваем яркое проявление народной культуры средневековья, для мировидения которой исключительно органичным компонентом было, как в свое время писал М. М. Бахтин применительно к творчеству Франсуа Рабле, «материально-телесное начало жизни: образов самого тела, еды, питья, испражнений, половой жизни» и т. п. [1: 30, 192–194]. И действительно, парное сочетание в данном отрывке глаголов, выражающих действия, характерные

для функционирования репродуктивной (*снести* — ‘отложить яйца’) и, в определенном контексте, выделительной системы живого организма (*треснуть* — ‘издать звук/треск’), на наш взгляд, дает полное основание для подобного вывода. Понятно, что такая грубоватая («площадная») образность находится абсолютно в сфере бытования народной смеховой культуры средневековья и совершенно не сочетается с классическими эстетическими канонами русской одической поэзии второй половины XVIII в. Ну, и конечно, вряд ли возможно представить содержащую такие компоненты некую особую редакцию «Задонщины», сотворенную с педагогическими целями для воспитания великих князей.

Таким образом, определив использованные для выражения смысла рассмотренного выше отрывка языковые средства как манифестацию присущей средневековью народной смеховой культуры, мы получаем очередное надежное свидетельство в пользу подлинности «Слова о полку Игореве». Следует, наверное, также напомнить, что еще одним из таких свидетельств является наличие в тексте «Слова о полку Игореве» более четырех десятков «ориентализмов», в первую очередь — тюркизмов (в «Задонщине» их гораздо меньше) [12; 20]. Это факт, значение которого часто не оценивается в должной мере.

Итак, мы продемонстрировали, на наш взгляд вполне убедительно, имманентную ограниченность метода, примененного Д. Г. Демидовым. Шаткость заявленной общей позиции, похоже, в последнее время начинает осознавать уже и сам автор. В одной из своих недавних публикаций Д. Г. Демидов пишет: «Полное введение “Слова...” в литературный контекст конца XVIII в. позволит либо отказаться от гипотезы позднего происхождения этого архаизированного произведения русской словесности и авторства В. П. Петрова, либо внести уточнения в наши представления о литературном процессе предпушкинской поры, включив в него “Слово о полку Игореве”» [11: 38].

Полагаем, что первое («отказаться от гипотезы») было бы правильным выбором, причем еще и потому, что В. П. Петрову в XXI в., надо сказать, не очень везет. И не только благодаря С. В. Власову и Д. Г. Демидову. Например, известный литературовед А. Л. Зорин в своей популярной монографии «Кормя двуглавого орла...» изобразил этого русского поэта своего рода разоблачителем всемирного масонского заговора против России, при этом также опираясь на одно из литературных произведений Петрова, а именно на его «Оду ее Императорскому Величе-

ству Екатерине Второй на заключение с Оттоманскою Портою мира» (1775 г.) [14: 70–94; 23: 28–31].

Вольные методы обращения с источниками, в настоящее время при- сущие некоторым облеченным учеными степенями авторам, отнюдь не безвредны. Процветание так называемого «скептического направления» характерно не только в области исследований «Слова о полку Игореве». Нам уже приходилось обращаться на это внимание в связи изучением творчества Антиоха Кантемира [13]. Безусловно, такое положение дел в современном литературоведении искажает реальную картину истории русской литературы XVIII в.

И, наконец, «взятые под подозрение» русские писатели былых вре- мен уже давно пребывают в состоянии электрика из популярного «не- детского» стихотворения Олега Григорьева, однако, как нам представ- ляется, эта объективная писательская **безответность** ни в коей мере не должна являться индульгенцией для нынешней субъективной литерату- роведческой **безответственности**.

Литература:

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средне- вековья и Ренессанса. — М.: Эксмо, 2015. — 640 с.
2. Богданов, В. М., Носов, Н. В. «Слово о полку Игореве» — великая мистификация. — СПб.: Нева, 2005. — 281 с.
3. Бурькин, А. А. «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. — Санкт- Петербург: Петербургское Востоковедение, 2017. — 414 с.
4. Василик, В. В. «Слово о полку Игореве» и его автор: эпифаническая связь событий (Размышления над книгой А. Н. Ужанкова «Слово о полку Игореве и его автор»). — РУСИН. — 2021. — № 66. — С. 283–306.
5. Власов, С. В. Некоторые материалы к опыту сравнительного анализа военных образов в «Слове о полку Игореве» и в оде В. П. Петрова «На взятие Измаила» (1790) // Язык и социальная динамика: Спец. выпуск «Ценности социума». — Красноярск, 2013. — С. 169–181.
6. Власов, С. В., Демидов, Д. Г. Что могут сказать современные лингви- сты о времени создания «Слова о полку Игореве»? (Критические за- метки по поводу книги А. А. Зализняка «“Слово о полку Игореве”: взгляд лингвиста») // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. — 2014. — 4. — С. 6–37.

7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. — СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
8. Демидов, Д. Г. Поэзия В. П. Петрова и «Слово о полку Игореве» // Вестник Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. — 1 (17). — 2018. — С. 61–72.
9. Демидов, Д. Г. Поэт В. П. Петров и историк Н. М. Карамзин как автор и редактор «Слова о полку Игореве» // Вестник ф-та рус. яз. и лит. Ун-та китайской культуры (Тайбэй, Тайвань). — 2019. — Вып. 19. — С. 99–120.
10. Демидов, Д. Г. Настоящее и будущее в исследовании «Слова о полку Игореве» // Вестник Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. — 2 (26). — 2020. — С. 41–51.
11. Демидов, Д. Г. Новые данные о В. П. Петрове как авторе «Слова о полку Игореве» (кровать у В. И. Майкова и в «Слове...») // Вестник Бурятского государственного университета. — Филология. — 2020. — № 4. — С. 32–39.
12. Жуков, К. А. Ориентализмы и «темные места» в «Слове о полку Игореве» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. — 1995. — Вып. 15. — С. 108–123.
13. Жуков, К. А. Девятая сатира Антиоха Кантемира. Взгляд историка // Петербургская библиотечная школа. — 2018. — № 4 (65). — С. 50–61.
14. Зорин, А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 416 с.
15. Костин, А. Г. Слово о полку Игореве — подделка тысячелетия. — М.: Алгоритм. 2014. — 432 с.
16. Петров, В. Выбор Максима Амелина. Оды. Письма в стихах. Разные стихотворения. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2016. — 402 с.
17. Петров, В. П. На приобретение Крыма. 1784 // В. Петров. Выбор Максима Амелина. Оды. Письма в стихах. Разные стихотворения. — М.: «Б.С.Г. – Пресс», 2016. — С. 151–155.
18. Петров, В. П. На взятие Очакова декабря 6 дня 1788 года. 1789 // Там же. — С. 156–169.
19. Петров, В. П. На взятие Измаила декабря 11 дня 1790 года. 1791 // Там же. С. 185–198.

20. Поппе-младший, Н. По поводу гипотез «скептиков» о тюркских лексических заимствованиях в «Слове о полку Игореве» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2007. — С. 52–56.
21. Слово о полку Игореве / Вступ. ст., ред. текста, досл. и объяснит. пер. с древнерус., примеч. Д. С. Лихачева. — М.: Детская литература, 1975. — 221 с.
22. Ужанков, А. Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. — М.: Согласие, 2020. — 488 с.
23. Цымбурский, В. Л. Рецензия на книгу Андрея Зорина «Кормя двуглавого орла...» // *Поэтика геополитики: статьи 2001–2009 гг.* — Т. 2. — С. 25–42 [Электронный документ]. 16.05.2022. URL: <https://politconservatism.ru/upload/iblock/04c/04c514d533e39d5ce173270aedc7b842.pdf?ysclid=I30onbu4y8>
24. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 тт. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.

Ш. Н. Камалова

Прилагательные в функции определения в языке древнетюркских рунических памятников

Аннотация: В статье рассматриваются определительные модели в древнетюркских рунических памятниках, анализируется синтаксическая функция имен прилагательных в предложении.

Ключевые слова: тюркские языки, древнетюркские рунические памятники, определительная модель, синтаксическая функция имен прилагательных в предложении.

Sh. N. Kamalova

Adjectives in the function definition in the language of ancient Turkic runic monuments

Abstract: The article deals with the definitive models in the ancient Turkic runic monuments, analyzes the syntactic function of adjectives in a sentence.

Key words: Turkic languages, ancient Turkic runic monuments, determinative model, syntactic function of adjectives in a sentence.

Предметом настоящего исследования являются определительные модели в языке древнетюркских рунических памятников. Под определительной синтаксической моделью В. Г. Гузев понимает такую форму, «в которой отражена и обобщена связь предмета или действия с приписываемым ему или констатируемым у него признаком» и представлена в виде единства двух ее компонентов — абстрактных образов: определение (признак) + определяемое (обладатель признака) [4: 269].

В функции определения могут выступать прилагательные, существительные, причастия, числительное, местоимения и т. д. Самым типичным средством выражения определительных отношений в тюркских языках являются прилагательные.

Об имени прилагательном как о грамматической категории написано было еще в одной из первой тюрко-татарской грамматике А. Казым-Бека [5]. Часть ученых полагает, что в тюркском праязыке прилагательные не имели особых морфологических показателей и само существование их как самостоятельного лексико-грамматического разряда имен вызывает большие сомнения.

Известно, что А. М. Щербак, отмечая отсутствие имен прилагательных в тюркском праязыке, высказал мнение, что унификация прилагательных происходила при семантико-функциональной трансформации существительных, а также при сложении автономных морфологических систем, характеризующихся отграничивающими признаками, которые выражались на уровне не только исходных, но и производных форм [10: 109].

Э. В. Севортян, рассматривая формы прилагательных в древнетюркских памятниках V–VIII вв., описывает развернувшийся в ту эпоху процесс формирования имен прилагательных и имен существительных. Формирование имен прилагательных в тюркских языках, как и во многих других, происходило за счет различных форм, появляющихся постепенно и в разное время. Одни из этих форм были непродуктивными уже в древности, другие сохранили свою продуктивность до настоящего времени и даже повысили ее степень. Некоторые формы были общими как для имен существительных, так и для имен прилагательных, другие же были свойственны лишь именам прилагательным, однако они не получили дальнейшего развития [8: 58–68].

По мнению Н. А. Баскакова, специфика семантико-формальных и функционально-формальных показателей имени прилагательного позволяет выделить его как самостоятельную часть речи. При этом автор отмечает связь синхронного соотношения частей речи с их диахронным развитием [2: 149–172].

Рассматривая части речи в современных тюркских языках, Н. А. Баскаков отмечает, что имя существительное, имя прилагательное и наречие не были самостоятельными частями речи, а входили в состав единой части речи «существительного-прилагательного-наречия». Она объединяла все имена предметов, статических признаков предмета, признаков признака и представляла собой функциональные грамматические формы одной общей части речи: а) субстантива, из которого образовалось имя существительное, б) атрибутива определительного, развившегося в имя прилагательное, и в) атрибутива обстоятельного, перешед-

шего в самостоятельную лексико-грамматическую категорию — наречие [2: 158].

Далее рассмотрим, какова роль определения в предложении и чем оно может быть выражено в языке древнетюркских рунических памятников. Определение, являясь одним из второстепенных членов предложения, обозначает признак и качество предмета или же определяет члены предложения по какой-либо особенности. Определение может определять любой член предложения (подлежащее, выраженное существительным и прилагательным, именное сказуемое, дополнение, образованное от существительного, обстоятельство).

Определение может пояснять сказуемое (именное сказуемое), а дополнение и обстоятельство — подлежащее (подлежащее, выраженное инфинитивом и причастием). Второстепенные члены предложения могут также пояснять, дополнять друг друга. Так, определение может относиться к дополнению и обстоятельству, дополнение — к определению (выраженному причастием) и обстоятельству (выраженному деепричастием), а обстоятельство — к определению (выраженному причастием), дополнению (выраженному инфинитивом и отглагольным существительным), а также к другому обстоятельству [3: 282].

А. Н. Кононов отмечает, что определительные отношения бывают двух родов: 1) собственно-характеризующими, определяющими предмет и лицо; 2) обстоятельственно-характеризующими, определяющими действие [6: 212].

Придерживаясь концепции А. Н. Кононова, под определительными конструкциями мы будем понимать следующие конструкции, в которых определения выражены:

1. прилагательными (определяют предмет и лицо);
2. обстоятельственно-определительными формами (определяют глагол). Эту форму можно называть определительно-обстоятельственной формой либо адъективно-адвербиализованной формой (ААФ).

Каждый язык располагает относительно небольшим числом «образцов», опираясь на которые, говорящие на нем люди строят бесконечное множество самых разнообразных фраз. В научном описании их представляют формулами моделей, в которых фиксируются все необходимые и достаточные компоненты правильных фраз и отношения между ними [9: 6].

Необходимо понимать, что всё многообразие конкретных определительных высказываний в речи сводится к абстрактной модели, со-

стоящей из двух компонентов — определения и определяемого. Таким образом, схема любого определительного высказывания может быть изображена в виде условных знаков Det. — determined (определяемое) Def. — definition (определение). Таким образом, в языке ДТРП мы определили две определительные модели:

Первая модель: **Det_{adj} + Def_n**

1) *Üzä kök täñri asra jayız jir qılıntuqda... (Ktb1) — Когда наверху было сотворено голубое небо, а внизу буряя земля...»;*

2) *Sämiz buqa, turuq buqa, tijin, bilmäz ärmis (T6) — Он не может (не способен, не знает) назвать (в отдельности которых) жирный бык (и которых) мощный бык;*

3) *Bödkä körigmä bäglär (K11) — беки, подчиняющиеся престолу;*

4) *Tinäsi oyly jatyuma tayqa tägmis (T47) — Он достиг горы, на которой обитал Тинеси оглы;*

5) *Jäti jüz kisig udizyuma uluyı şad ärti (T 4-5) — Старший из них, кто заставил следовать (к нам) семьсот человек, был шадом;*

6) *İl birigmä täñri (Ktb 25) — Небо, дарующее эль.*

А. Н. Кононов считал, что аффиксы *ума*, *-gma* (*-γ*, *-g* — аффиксы вторичной глагольной основы — понудительный залог + *-ma*, *-mä* — имя действия) образует отглагольное имя прилагательное. В составе предложения оно служит базой развернутым определениям [6: 110].

Вторая модель: **Det_{aaf} + Def_v**

1) *Üč qarluq jablaq saqınır tezä bardı [Mč11] — Уч карлуки, задумав дурное /дурно, бежали.*

2) *Jok çıyan budunıñ kop kobartım, çıyan budunıñ baı kilim, az budunıñ üküš kiltim [Ktm 10] — Я вполне поднял погибший, неимущий народ, неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным.*

В этом примере слова “*jok*”, “*çıyan*”, “*az*” являются определениями к слову “*budunıñ*”. Слова “*bay*”, “*üküş*” образуют с глаголом “*kiltim*” смысловое единство и являются определением действия. В. М. Насилов такую форму назвал «предикативным определением» [7: 71].

Как мы видим, ученые по-разному называют определительную форму, которая определяет глаголы.

Как можно отличить эту форму от определительной и обстоятельственной формы? ААФ определяет качественную или количественную сторону признака в определяемом компоненте. Например:

1) İlgärü Şantıj jazıka täqi sülädim, taluıka **kiçik täqmädim**, birgärü Tokuz ärsänkä täqi sülädim, Tüpütkä **kiçig tägmädim** (3) — *Вперед (т. е. на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунской равнины, немного не дошел до моря; направо (т. е. на юг) я прошел с войском вплоть до «девяти эрсенов», немного не дошел до Тибета.*

Слово “kiçik” — «малый», «младший», «молодой», становясь определительным компонентом при глаголе “täqmädim”, адвербиализуется и приобретает качественно-количественное значение «немного», «мало».

2) on oq buduny qalysyz tasyqmıys tır (T 30) — *Народ «Десяти стрел» без остатка выступил, говорит.*

Слово “qalysyz”, являясь адъективом, адвербиализовано в примыкании к слову “tasyqmıys”.

О. С. Ахманова и Г. Б. Микаэльян пишут: «Прилагательное, значением которого как части речи является обозначение признака, легко вступает в атрибутивную связь и выступает в роли определения. Напротив, существительные, обозначающие предмет, и обстоятельственные наречия по самому своему значению, естественно, имеют тенденцию к более самостоятельному положению в предложении, вступают в более свободную, комплетивную связь с другими словами: комплетивная связь наиболее приспособлена для выражения предметных и обстоятельственных отношений [1: 148].

В отношении русского языка еще академик Л. В. Щерба высказывал мнение, что так называемые «обстоятельства образа действия», обозначающие качество процесса и выражаемые с помощью качественных наречий, неправомерно причисляются к категории обстоятельства и представляют собой по своему характеру особый вид определений [1: 151].

Обстоятельство образа действия резко отличается от таких типичных обстоятельств, какими являются обстоятельства времени и обстоятельства места и, напротив, объединяется с определениями.

В отличие от обстоятельственных наречий, такие наречия способны регулярно занимать положение непосредственно перед определяемым глаголом, т. е. положение, характерное и для приименных определений [1: 151].

Например, в азербайджанском языке “*yaхşı yazar, yaхşı yazar*” первое слово “*yaхşı*” перед существительным — определение, а второе “*yaхşı*” перед глаголом — адъективно-адвербиальная форма.

Итак, обстоятельства образа действия, стоящие в препозиции по от-

ношению к глаголу, в предложении по своей роли очень близки к прилагательным, определяющим существительное, и должны быть причислены к категории определения.

Определительные словосочетания разделяются на простые и сложные. Простые словосочетания, когда сочетания состоят из определения-атрибута и определяемого-существительного и глагола; “*çŷan bodun*” — «бедный народ», “*baz kiltim*” — «принудил к миру».

Сложный тип определительных словосочетаний — это, когда определение и определяемое могут состоять из группы или цепочки примыкающих определений, иногда достаточно длинной:

1) *Jaşyl ügüz Şantun jazyka täqi* (Ktb 17) — *Шаньдунская равнина, (по которой протекает) Желтая река;*

2) *ädgü bilgä kisig, ädgü alp kisig jorïtmaz ärmis* (Ktm6) — *Хороших и мудрых людей, благодарных героев народ табгач и их сторонники не (могли) сдвинуть (с истинного пути).*

Слова в первичном значении “*ädgü*” — «добро», «благо», слова “*alp*” — «герой» составляют сложное определительное словосочетание. В сложном словосочетании, если имеется несколько определений, выражающих главные и второстепенные особенности определяемого, имеется определенный порядок их следования. Определения, обозначающие главные, основные особенности определяемого, стоят непосредственно впереди определяемого, а определения, обозначающие второстепенные или малозначительные особенности определяемого, стоят впереди главных определений.

В языке ДТРП уже достаточно стабилизировались три типа словосочетаний, которые продолжали дифференцироваться в ходе исторического развития многочисленных тюркских языков: примыкание, управление и согласование. Примыкание — композиция слов в их основной форме без аффиксального обозначения грамматических отношений.

В языке ДТРП примыкание как тип подчинительной связи в определительных группах используется шире, чем в большинстве памятников последующих веков и в современных тюркских языках [6: 212].

Üzä kök täŋri asra jayiz jir kilintukda (Ktm1) — *Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурая) земля.*

Поскольку, как было отмечено выше, в тюркских языках субстантивные понятия могут переходить в адъективные и наоборот, а также возможны превращения субстантивно-адъективных понятий в адверби-

альные, то сфера распространения примыкания очень широка. Примыкание представляет определительную или обстоятельственную композицию слов.

Tört bulundakı budunıy kop baz kiltım, jayısız kiltım (Ktb30) — *По четырем углам (т. е. сторонам света) народы я все принудил к миру и сделал их не враждебными (себе).*

В этом примере слово “baz” — «мир», выражая признак, становится адъективной категорией. Слова “jayısız”, буквально означающее «не имеющий врагов», характеризуя признак, трансформируется семантически в «не являющейся врагом». В словосочетания “baz kiltım”, “jayısız kiltım” определение определяет глаголы.

Таким образом, в настоящее время ученые не пришли к общему мнению в вопросе, рассматривать ли имя прилагательное как самостоятельную часть речи в текстах древнетюркских рунических памятников. По нашему мнению, прилагательные в текстах древнетюркских рунических памятников следует рассматривать как недифференцированное имя с предметно-качественным значением. Имена прилагательные являются наиболее типичным средством выражения определительных отношений в тюркских языках. В тюркских языках определительные модели могут быть двух типов: **Det_{adj} + Def_n** и **Det_{aaf} + Def_v**. Определительную форму, которая определяет глаголы, следует называть определительно-обстоятельной формой либо адъективно-адвербиализованной формой (ААФ).

Литература:

1. Ахманова, О. С. Современные синтаксические теории / О. С. Ахманова, Г. Б. Микаэльян. — М., 2013. — 168 с.
2. Баскаков, Н. А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология (Части речи и словообразование). — Ч. 1. — М., 1952. — 543 с.
3. Грамматика азербайджанского языка (фонетика, морфология и синтаксис) / Под общей ред. М. Ш. Ширалиева и Э. В. Севортыана. — Баку, 1971. — 416 с.
4. Гузев, В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. — СПб., 2015. — 320 с.
5. Казем-Бек, А. Общая грамматика турецко-татарского языка. — Казань, 1846. — 459 с.
6. Кононов, А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. — Л., 1980. — 255 с.

7. Насилов, В. М. Язык Орхоно-Енисейских памятников. — М., 1960. — 86 с.
8. Севортян, Э. В. Из истории прилагательных в тюркских языках // Тюркологические исследования. — М.; Л., 1963. — С. 58–68.
9. Черемисина, М. И. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири / М. И. Черемисина, А. А. Озонова, А. Р. Тазранова; отв. ред. Е. К. Скрибник. — Новосибирск, 2008. — 205 с.
10. Щербак, А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. — Л., 1977. — 191 с.

Ш. Н. Камалова

Произведения современных азербайджанских писателей, переведенные на русский язык

Аннотация: Целью данной статьи является знакомство с некоторыми современными азербайджанскими писателями, произведения которых переведены на русский язык и опубликованы в Азербайджане или в России.

Ключевые слова: современная азербайджанская литература, переводная литература, писатели-переводчики, современные азербайджанские писатели.

Sh. N. Kamalova

The works of modern Azerbaijani writers, translated into Russian language

Abstract: The purpose of this article is to get acquainted with some modern Azerbaijani writers, whose works have been translated into Russian and published in Azerbaijan or Russia.

Key words: modern Azerbaijani literature, translated literature, writers-translators, modern Azerbaijani writers.

Культурные связи между Азербайджаном и Россией существуют уже много столетий. Судьбы азербайджанского и русского народа не раз пересекались. Интерес к азербайджанской культуре, в частности к литературе, в России имеет глубокую историю.

История перевода с азербайджанского на русский язык восходит к первым десятилетиям XIX в. Известный российский востоковед, писатель польского происхождения Осип Иванович Сенковский (1800–1858) в произвольной форме перевел «с татаро-азербайджанского наречия» сказку «Деревянная красавица» и в 1825 г. опубликовал ее в ежегодном альманахе «Полярная звезда». Эта публикация справедливо считается одной из первых переводческих работ с азербайджанского на русский язык в русской периодической печати [2: 428].

Неоднократно поэмы, газели, стихотворения великого азербайджанского поэта Низами переводились на русский язык. В 1833 г. в московском журнале «Телескоп» вышла статья русского поэта, переводчика, фольклориста Д. П. Ознобишина (1804–1877) о немецкоязычной книге русского востоковеда, немецкого происхождения Ф. И. Эрдмана, посвященной Низами Гянджеви. Это первый стихотворный перевод Низами в России, выполненный не с оригинала [7: 65].

В 1920–30-х годах русские переводчики и исследователи дали русским читателям определенное представление о творчестве Низами. С 1947 г. появляются первые полные издания.

Одним из ярких примеров в истории азербайджанской литературы и в литературной жизни Москвы считается публикация перевода поэмы М. Ф. Ахундова «На смерть Пушкина» в журнале «Московский наблюдатель» (1837, № XI). Прозаический перевод поэмы был осуществлен самим автором, который стремился передать все смысловые оттенки оригинала [2: 430].

В 1939 г. в Москве была опубликована книга «Антология азербайджанской поэзии», в которой было опубликовано более 40 переводов. Одним из наиболее заметных переводчиков азербайджанской литературы был Константин Симонов, который писал: «Я люблю в поэзии мужество, и это мужество я нашел и в поэзии Видади, и в поэзии Вагифа и в некоторых, особенно полюбившихся мне стихах Самеда» (Самед Вургун. — *К.Ш.*) [7: 2]. Благодаря переводам К. Симонова русские читатели могут познакомиться со значимыми поэтическими образцами народного фольклора, классической и советской поэзией Азербайджана.

В 1962 г. в Москве вышла книга «Поэты Азербайджана» [8]. Данная книга создавала яркое представление у русскоязычного читателя о развитии классической азербайджанской поэзии XI–XX столетий. В 1988 г. выпустили коллективный поэтический сборник «Ветка чинары», охвативший период азербайджанской поэзии с XI по XX вв. [4].

После распада СССР какое-то время азербайджанскую литературу на русский язык не переводили, не публиковали.

В 2015 г. в Москве была опубликована «Антология современной азербайджанской литературы» [1].

Традиция перевода азербайджанской литературы на русский язык продолжается и по сей день. Современные азербайджанские поэты и прозаики переводятся и публикуются на русском языке. Их произведе-

нии публикуются как на бумажном носителе, так и в электронном виде. В наше время, когда электронные публикации доступны, азербайджанские писатели используют эту возможность и публикуют свои произведения на русских сайтах и порталах.

Целью данной статьи является знакомство с некоторыми азербайджанскими писателями современности и их произведениями, которые переведены на русский язык и опубликованы в Азербайджане или в России.

Атагам (Гасанлы Азер Сафияр оглы, род. 1963) окончил Санкт-Петербургский Политехнический университет и Университет иностранных языков в Баку. Работал инженером и педагогом. После распада СССР начал заниматься журналистикой. В настоящее время работает консультантом в отделе Ближнего Востока и Северной Африки британской организацией Оксфам.

Рассказ «Палестинец и воробы» — это история о страданиях молодого палестинца из сектора Газа, который оказался как «кот Шредингера в ящике с бомбой и ядовитым газом, в моральном плену у больших политических игроков, как Хамас, Израиль, Иран и Египет» (перевод этого рассказа на сайте: https://www.proza.ru/2016/11/14/2225?fbclid=IwAR0NIWOJk0LvB4BmVD4bnTlCiX5nscD8SpTV_8tiP1FMS9U7_8hcDIJXBII).

Рассказ «Крылатый мост» — история любви молодого доктора, влюбившегося в жену другого человека. События происходят в родном городе автора в последние дни оккупации города армией соседней страны в 1993 г. (перевод этого рассказа на сайте: https://www.proza.ru/2016/08/24/1442?fbclid=IwAR0O44i_-C17p0IQr5eBCw87CF12XI0EZDvsaGx9yqQOgLvZws_RsDDBtA).

Азад Гарадерели (Велиев Азад Вели оглу, род. 1954) окончил педагогический институт, работал учителем в школе. После оккупации армянами родного села и всего района (1993) его семья переехала в Баку. 15 лет работал на радио. Автор книг «Чистые воды», «Завывание», «Белизна снега», «Здесь мужчины есть?», «Дети войны» и др. В Турции была выпущена книга «Молочные реки».

Рассказы писателя были переведены и опубликованы в журналах и на интернет-сайтах на русском, английском, турецком, польском языках. Азад Гарадерели является победителем конкурса на лучший рассказ, проводимый радио «Азадлыг» («Свобода») в 2011 г. и дипломантом на лучший рассказ о Польше в 2012 г. Основатель и главный редактор ли-

тературного журнала «Yazi». С творчеством Азада Гарадерели можно познакомиться на сайте: <https://proza.ru/avtor/azadqaradereli>.

Афаг Масуд (Велиева Афаг Масуд кызы, род. 1957) — писатель, драматург, Заслуженный деятель искусств Азербайджана, действительный член Петровской Академии Наук и Искусств (ПАНИ), председатель правления Центра перевода Азербайджана. Главный редактор журнала мировой литературы «Хазар». Известна как автор романов и рассказов, автор пьес «У порога», «Меня он любит», «В пути», «Роль на прощание», «Кербела», «Мансур Халладж».

Книги А. Масуд переведены и изданы в разных странах мира. У Афаг Масуд есть одна поразительная особенность. В своей прозе, затрагивающей многие острые проблемы современности, она как будто угадывает многое из того, что еще не проявилось в реальности, не воплотилось в жизни и судьбах людей, но чему предстоит непременно случиться [6].

За заслуги в развитии театрального искусства неоднократно награждалась медалью ТЮРКСОЙ. В 2015 г. стала победителем «Международного конкурса сценических произведений», учрежденного Министерством культуры Турции, ТЮРКСОЙ и Союзом писателей Евразии.

С творчеством Афаг Масуд можно познакомиться на сайте: <https://www.afaqmesud.az/ru>.

Вагиф Султанлы (Вердиев Вагиф Солтан оглы, род. 1958) — ученый, литературовед, писатель. В. Султанлы рано начал заниматься литературным творчеством. Его первый рассказ «Аромат полыни» вышел в свет в студенческие годы. Он является автором романа «Человеческое море», повести-иллюстрации «Смертельный сон», десятков рассказов, миниатюр, приключений, эссе и произведений, написанных в других жанрах. Художественные поиски писателя собраны в таких книгах, как «Погасшие звезды» (1988), «Человеческое море» (1992, 2014), «Невольничий рынок» (1999), «Смертельный сон» (2002), «Долина ничтожности» (2010), «Война в пустыне» (2015).

Поиски автора, связанные с литературной критикой и литературоведением, который помимо художественного творчества занимается и вопросами теории и эстетики профессии, отразились в монографических исследованиях, приведенных ниже: «Литературный мир Мамед Эмин Расулзаде» (1993), «Путник тяжелого пути» (1996), «Горизонты свободы» (1997), «Азербайджанская миграционная литература» (1998), «Литературно-теоретические иллюстрации» (2000), «Берег спасения жизни» (2004).

В настоящее время В. Султанлы является редактором журнала «Проблемы современной литературы». Одновременно занимается научной деятельностью, и его научные статьи переводятся и публикуются в России, в Турции и в европейских странах. Он перевел на азербайджанский язык книги Ярослава Гашека, Эрвина Штитматтера, Решад Нури Гунтекин, Сергея Житомирски и т. д.

В. Султанлы — член Союза писателей Азербайджана, Союза журналистов Азербайджана. Он является членом Международного общества исследований эпоса (Китай), Международной Ассоциации писателей (США), Европейского Общества сравнительной литературы (Франция).

С творчеством Вагифа Султанлы можно познакомиться на сайте: <https://proza.ru/avtor/vaqifsultanli>.

Варис Елчиев (Елчиев Варис Муса оглы) — известный азербайджанский писатель, сопредседатель литературного совета Ассамблеи народов Евразии, член комиссии Союза писателей Азербайджана, Союза писателей России, Интернационального Союза писателей. Писатель года 2018 по версии литературного журнала «Российский колокол» (Россия), а также по версии Союза писателей Великобритании (ARPIA).

В. Елчиев пишет рассказы, повести, романы. Работает преимущественно в жанрах драмы и триллера. Романы писателя, взятые из реальной жизни, отличаются драматической и неожиданной сюжетной линией, а также своеобразной повествовательной манерой. Он — автор 11 бестселлеров. Его книги издавались за счет издательств Азербайджана, Турции, Узбекистана, России, Америки; вошли в фонды самых больших библиотек Европы.

Бестселлер «Надежда умирает последней» попал в историю Азербайджана как самая продаваемая книга. Кроме того, его книги «77-ой день», «Последнее письмо» очень известны в Азербайджане и в Турции. Бестселлер «Последнее письмо» попал в рейтинг Top-50 самых популярных книг современности престижного литературного портала Турции (<https://1000kitap.com>).

Рассказы В. Елчиева «Изверги, дедушка и смоковница», «Снежные лавины на юге», «Нельзя душе отказывать» и др. очень известны среди русскоговорящих читателей.

С произведениями Вариса Елчиева можно познакомиться на сайтах: <https://www.proza.ru/avtor/nedr777>; <http://stihistat.com/pr/avtor2/nedr777>.

Мушфиг Хан (Ферзиев Мушфиг Фузули оглы, род. 1982) — известный азербайджанский писатель, обладатель многочисленных национальных и международных премий, в том числе Winner of Competition Nomination “Textbook of Year” of the 10th International Book Exhibition-Fair and Scientific Conference “Book — Way of Collaboration Progress” (Туркменистан, г. Ашхабад, 23 сентября 2015 г.).

В 2017 г. в Азербайджане детективный роман «Любовь без адреса» стал самой продаваемой книгой в Kitabevim.az.

Его детективные романы: «Волк-одиночка», «Последний подарок», «Некролог убийце», «Таинственное письмо», «Убийство при свете гирлянд», «Любовь без адреса», «Загадочный пожар» и др.; «Медовый месяц одиночества» (любовно-психологический роман); «5.45» и «Запоздавший реквием» (сборники рассказов) изданы на русском и азербайджанском языках и готовятся к изданию на английском и турецком языках. Писатель, книга которого впервые была издана в 2010 г., является одним из самых востребованных авторов среди читателей разного поколения. Ведь каждый его роман — потрясающее смешение различных жанров.

В 2018 г. номинирован на литературную премию «Наследие 2018» и «Писатель года 2018». Мушфиг Хан является членом Союза писателей Азербайджана. Его книги можно посмотреть на сайтах:

https://ridero.ru/books/zapozdavshii_rekviem/

https://ridero.ru/books/medovyi_mesyac_odinochestva/

https://ridero.ru/books/poslednii_podarok/

https://ridero.ru/books/nekrolog_ubiice/

https://ridero.ru/books/the_late_requiem/

https://ridero.ru/books/ubiistvo_pri_sвете_girlyand/

<https://proza.ru/avtor/musfigkhan>

Сеймур Байджан — азербайджанский писатель, публицист, обозреватель. Его роман «Гугарк» переведен на русский язык и опубликован в Баку [3]. Сюжет романа заключается в следующем: азербайджанский писатель и общественный деятель Сеймур приезжает в молодежный лагерь Гугарк в Армении на конференцию, влюбляется в армянскую девушку Ануш, и она отвечает ему взаимностью. Сеймур уезжает в Баку, и после недолгой переписки прекращает отношения, продолжение которых требует от него решительных действий (перемены места жительства, новых объяснений с родными и друзьями

ми относительно его позиции в армяно-азербайджанском конфликте и т. д.), т. е. его любовь гибнет, как только сталкивается с препятствиями.

Шамиль Садиг (Садыгов Шамиль Камил оглы, род. 1978) — известный азербайджанский писатель, филолог, доктор философских наук, обладатель многочисленных международных и национальных наград в области науки и литературы. Его романы переведены на турецкий, русский, арабский, английский и немецкий языки. Наряду с художественным творчеством является автором более 30 методических пособий и 50 научных статей.

Его роман «Следами надежд», написанный в соавторстве с Мушфиг Ханом, очень известен в Азербайджане (роман можно прочитать на сайте: <http://shamilsadig.com/category/kitablar/gusca/>).

Кроме того, Ш. Садиг за рассказ «Машина сна» получил награду «Писатель года» в 2018 г. в России (рассказ можно найти на сайте: <http://shamilsadig.com/ktbseb-oxk/ktbupsb/2019/04/Şəmil-Sadiq-Yuxu-maşını-rus-versiya.pdf>)

Камал Абдулла (Абдуллаев Камал Мехти оглы) — азербайджанский ученый, общественный деятель, писатель, драматург, Заслуженный деятель науки (1999), член-корреспондент НАНА (2007), член Совета правления Союза писателей Азербайджана, государственный советник Азербайджанской Республики по межнациональным вопросам, вопросам мультикультурализма и религии.

Пьесы, романы, рассказы, эссе и стихи К. М. Абдуллаева издаются как в Азербайджане, так за его пределами. Его книги переведены на русский, грузинский, английский, французский, немецкий, испанский, польский и др. языки. Его пьесы были поставлены на сценах азербайджанских, грузинских, эстонских и турецких театров.

В историческом романе «Неполная рукопись» (2006) ярко отображен переломный момент в жизни древнего Азербайджана, новая трактовка возникновения классического эпоса «Китаби Деде Горгуд».

Роман «Долина Кудесников» (2010) написан в жанре философской притчи и повествует о необыкновенных событиях в Долине Кудесников, обитатели которой могут управлять пространством и временем. Этот роман для всех, кого когда-то очаровал волшебный мир восточных сказок и кого привлекают богатейшие сокровища суфийской мысли.

Роман «Платон, кажется, заболел...» (2014) — лауреат премии «За верность Слову и Отечеству» имени Антона Дельвига в 2016 г. В этой книге собраны 17 рассказов автора.

29 ноября 2007 г. указом президента Российской Федерации В. В. Путина был награжден медалью Пушкина. В 2007 г. стал лауреатом премии «Хумай», премии 525-й газеты «Роман года». По итогам 2007 г. Мониторинговой группой признан «Лучшим литератором года» [5].

Мубариз Орен (Рафиев Мубариз Гумбат оглы) является автором десяти историй, одного романа и одной повести. Его первая книга «Рыбный смех» была выпущена в серии «Мастера современного искусства» (совместного проекта «Книга ATV» и «Целевые публикации»). Начал серьезно заниматься литературной деятельностью с 2012 г.

Произведения Мубариз Орена переведены на английский, русский и турецкий языки. С творчеством Мубариза Орена можно познакомиться на сайте: <https://proza.ru/avtor/sadomor1967>.

Фахри Угурлу (Алиев Фахри Ага оглы, род. 1968) в 1986 г. поступил на факультет востоковедения Бакинского государственного университета. С 1986 г. публикуется в прессе. Еще в студенческие годы у Фахри Угурлу были изданы три книги: «Одинокое дерево» (1991), «Заблудились мечты» (1992), «Огузнаме» (вместе с проф. Камилем Велиевым, 1993). Затем увидели свет еще четыре книги — «Одно горе трех деревень» (1995), «Песня детей» (1999), «Мовлана Джелаль-ад-дин Руми и его поэма “Месневи”» (2007) и «Рассказы» (2010).

С 1995 г. Фахри Угурлу является членом Союза писателей Азербайджана. В настоящее время — главный редактор журнала «Мультикультурализм». Произведения Фахри Угурлу можно посмотреть на сайте: <https://www.proza.ru/avtor/fexri>.

Фируз Мустафа (Фируз Гадимали оглы Мустафаев) — писатель, драматург, лауреат премии «Джаббарлы» и «Хумай», заведующий сектором драматургии Союза писателей Азербайджана, учредитель журнала «Театр». Работал в редакции газеты «Азербайджан генджерли» («Молодежь Азербайджана»), вел на телевидении популярные передачи «Ильгым» («Мираж») и «Идрак» («Познание»). Его книги переведены на русский, турецкий, английский, французский языки. В 2018 г. только в издательстве «Ridero» опубликованы его книги: «Райский цветок», «Подвал на крыше», «Мир без границ», «Морское кочевье» и др. Рассказы

зы «Душегубы», «Подобно чайке», «Аксакал», «Декретная должность» и др. можно прочитать на портале <https://proza.ru/avtor/firuzmustafa>.

Некоторые азербайджанские писатели, как Чингиз Гусейнов, Чингиз Абдуллаев, Эльчин Сафарли и др., пишут на русском языке, и их книги очень известны в России.

В этой статье нашей задачей было познакомить русскоговорящих читателей с произведениями современных азербайджанских писателей. Конечно же, здесь представлен не полный список.

С современной азербайджанской прозой можно также познакомиться на следующих сайтах:

1) <https://www.rulit.me/books/antologiya-sovremennoj-azerbajdzhanskoj-literatury-proza-download-free-437444.html?fbclid=IwAR19EGuk7IWoh9pwyGKCnTA8gOL6uVtHShFKu-QRmiIBAzkTKBXbcQK-QMc>

2) <http://azeribooks.narod.ru/proza/proza.html>. На этом сайте можно познакомиться с азербайджанской литературой.

3) <http://azeribooks.narod.ru/poezia/poezia.htm>. На этом сайте можно познакомиться с азербайджанской поэзией.

4) <http://azeribooks.narod.ru/beginners/beginners.htm>. Здесь можно найти произведения начинающих писателей и поэтов.

5) <http://azeribooks.narod.ru/history/history.html>. На этом сайте представлены исторические произведения.

Кроме того, есть сайт Kitابخana.net — это виртуальная библиотека, в которой можно найти книги на азербайджанском и русском языке.

Литература:

1. Антология современной азербайджанской литературы. Поэзия. Проза / Сост. Маир Н. Караев, Этимад Мурадлы; под общ. ред. Афаг Масуд. — М., 2015. — 215 с.
2. Багиров, Абузар. История художественного перевода азербайджанской литературы на русский язык в контексте русско-азербайджанского культурного диалога // Преподаватель XXI век. — 2017. — № 3. — С. 427–438.
3. Байджан, Сеймур. Гугарк. — Баку: Ганун, 2014. — 425 с.
4. Ветка чинары. Азербайджанская лирическая поэзия в русских переводах / Сост. Наби Хазри, Александр Лаврин. — М., 1988. — 304 с.
5. Камал Абдулла [Электронный ресурс] // URL: <https://www.livelib.ru/author/152102-kamal-abdulla>

6. Масуд Афаг — прозаик, драматург [Электронный ресурс] // URL: https://www.baku.gu/enc-show.php?c=1752&cmm_id=276&id=61686
7. Новрузов, Р. М. Художественный перевод как форма межнациональных литературных взаимосвязей (на материале русской и азербайджанской литератур века): Дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1983. — 176 с.
8. Поэты Азербайджана. — М.: Советский писатель, 1962. — 424 с.

S. Karabaşev

**Bulgaristan-Rusya ekseninde türkologların
Sabahattin Ali çalışmalarına genel bakış**

С. Карабашев

**Обзор трудов о Сабахаттине Али тюркологов Болгарии
и России**

Ключевые слова: Сабахаттин Али; исследования о Сабахаттине Али болгарских и российских тюркологов; русская классическая литература, литература Запада; Сабахаттин Али и Болгария; родина писателя Эгридере (Ардино); переводы Сабахаттин Али в Болгарии.

S. Karabashev

**Review of works on Sabahattin Ali by Turkologists
of Bulgaria and Russia**

Key words: Sabahattin Ali; studies on Sabahattin Ali by Bulgarian and Russian Turkologists; Russian classical literature, literature of the West; Sabahattin Ali and Bulgaria; homeland of the writer Egridere (Ardino); translations of Sabahattin Ali in Bulgaria.

Yirminci yüz yılın 60-lı yıllarının ilk yarısına kadar Sabahattin Ali'ni Ayvalık'ta dünyaya geldiği sanılıyordu. Bulgaristan'lı Prof. Dr. İbrahim Tatarlı (1925–2013) Sabahattin Ali'nin Eğridere (Ardino) doğumlu olduğunu tespit etti. Sofya Üniversitesi'nin Türkoloji Bölümünde öğretim üyeliği esnasında Türk Edebiyatı üzerinde kapsamlı araştırma ve incelemelerde bulundu. Ana konularından biri Sabahattin Ali'nin yaşamı ve yaratıcılığıydı. 1973 yılında Moskova'da Rusya Bilimler Akademisi'nin Doğu Araştırmaları

Bölümünde “*Sabahattin Ali — Hayatı, Kişiliği ve Eserleri*” başlıklı doktora tezini savunmuştur. Ayrıca Sabahattin Ali ve bazı Rus Klasik Edebiyatı şair ve yazarlarıyla karşılaştırmalı incelemeler yayınlamıştır (*Sabahattin Ali ve Rus Edebiyatı; Sabahattin Ali ve A. S. Puşkin; Sabahattin Ali ve F. M. Dostoyevski; Sabahattin Ali ve İ. S. Turgenov; Sabahattin Ali ve A. S. Griboedov*). Berlin’de 1969 yılında düzenlenen XII. Uluslararası Altaistik Konferansında “Sabahattin Ali ve Batı Edebiyatı” konulu raporunu da sunmuştur. Yaşamının son yıllarında bu ve diğer Sabahattin Ali çalışmalarını Türkçe, Bulgarca ve Rusça olarak “*Türk Edebiyatı ve Dünya Medeniyetleri Bağlantısında Sabahattin Ali*” başlıklı kitabında yayınlamıştır. Slayt sunumu destekli bildirimde İbrahim Tatarlı’nın Sabahattin Ali araştırmalarını ele almayı amaçlamaktayım.

Sankt-Petersburg Devlet Üniversitesi mezunu tanınmış Rus Türkolog Radiy Genadiyeviç Fiş (1924–2000) Sabahattin Ali’yi Bulgaristan’a gelip bizzat doğduğu Eğridere (Ardino) kasabasında araştırmış, incelemelerde bulunmuştur. Bulgar Yazarlar Birliği tarafından, 1979 yılında gerçekleştirdiği ziyaret esnasında, kendisine ünlü Türk yazar Fahri Erdinç refakat etti ve bu satırları kaleme alan, misafirlere ev sahipliği yapma onuru ve şerefine nail olmuştur. Sabahattin Ali konusunu R. G. Fiş ile 1981 yılında Moskova’da misafiri olduğum evinde de ele almıştık. Sabahattin Ali’nin “*Kuyucaklı Yusuf*” ve “*İçimizdeki Şeytan*” romanlarını Rusçaya çevirip, L. Medvedko’nun çevirisiyle “*Kürk Mantolu Madonna*” yı da aynı ciltte yayınlayan R. G. Fiş (Moskova, 1990) kitabın giriş makalesine “*Ardino, Bulgaristan’ın Rodop dağlarında bulununan bu küçük, şirin kasaba 1913 yılına kadar Osmanlı İmparatorluğu’ndaymış ve ona Eğridere diyorlarmış...*” diye başlamış. Ünlü Rus Türkoloğun ayağımıza gelip dünyaca ünlü Şair-Yazar Sabahattin Ali’yi araştırması gurur verici olmasıyla beraber bizim de naçizane araştırmalarımıza ilham kaynağına dönüştü, Sabahattin Ali’ye sahip çıkmamızı manevi açıdan adeta zorunlu kıldı.

Öngörülen süremiz çerçevesinde ele alma imkanımız olursa Sabahattin Ali’nin Bulgaristan’da 70 yıl önceden son yıllara değin süren Bulgarcaya çevirilerine göz atıp kısa değerlendirme yapmayı da amaçlamaktayız.

Ж. Б. Каррыева

К вопросу о подготовке к изданию «Избранных сочинений» академика В. А. Гордлевского (фрагменты из переписки супруги академика В. А. Гордлевского — В. А. Гордлевской — с академиком Б. А. Каррыевым)

Аннотация: Целью статьи является освещение некоторых рабочих моментов, отраженных в письмах супруги академика В. А. Гордлевского — Варвары Александровны Гордлевской — академику Б. А. Каррыеву, при подготовке к изданию «Избранных сочинений» В. А. Гордлевского. В статье приводятся фрагменты из писем 1958–1960-х гг., сохранившихся в архиве семьи Б. А. Каррыева. Письма ярко передают атмосферу того времени, дружеские, доверительные, теплые, и в то же время обязывающие отношения среди ученых 50-х – 60-х годов XX столетия. В статье упоминаются имена известных востоковедов, тюркологов, археологов, историков, общественных деятелей Е. Э. Бертельса, А. П. Поцелуевского, В. М. Жирмунского, В. А. Гордлевского, Н. К. Дмитриева, В. М. Насилова, М. Шенгели, А. Н. Кононова, М. Е. Массона, Н. А. Баскакова, О. К. Дрейера и некоторых других.

Ключевые слова: В. А. Гордлевский, Б. А. Каррыев, академик, востоковедение, тюрколог, супруга, письма, свидетельствовать, талантливый, отношения, избранные сочинения, издание, ученый.

Zh. B. Karryyeva

To the issue of the preparation of “Selected Works” of the academician V. A. Gordlevskiy (fragments from the correspondence between V. A. Gordlevskaya, the spouse of the academician V. A. Gordlevskiy, and the academician B. A. Karryyev)

Abstract: The article is aimed at covering some working moments reflected in the letters of the Academician V. A. Gordlevskiy’s spouse, V. A. Gordlevskaya, to the Academician B. A. Karryyev during the preparation of “Selected Works” of V. A. Gordlevskiy for publishing. The article includes some fragments from

the letters dated by 1958–1960s, which have been preserved in the family archive of the academician B. A. Karryyev. The letters highlight the atmosphere of those years, and friendly, warm, trusting, and, at the same time, responsible relations among the scholars of 1950–1960s of the XX century. The names of the famous orientalists, turkologists, archeologists, public figures Ye.E. Bertels, A. P. Potseluyevskiy, V. M. Zhirmunskiy, V. A. Gordlevskiy, N. K. Dmitriyev, V. M. Nasilov, M. Shengeli, A. N. Kononov, M. E. Masson, N. A. Baskakov, O. K. Dreyyer and some others are also mentioned.

Key words: V. A. Gordlevskiy, B. A. Karryyev, academician, oriental studies, turkologist, spouse, letters, testify, talented, relations, selected works, publication, scholar.

Вопросы, касающиеся развития советского востоковедения и вклада ученых XX в. в сокровищницу мировых знаний, поистине неисчерпаемы и многогранны. Советская наука послевоенного периода развивалась усиленными темпами. Наряду с восстановлением народного хозяйства страны необходимо было двигаться вперед, не отставая, а, напротив, опережая развитые страны Европы и США. Молодое советское государство приложило немало усилий для развития науки во всех республиках и провинциях страны, отбирая наиболее способных молодых людей, обучая их в центральных вузах Москвы, Ленинграда и других крупных городов, создавая им необходимые условия для научной работы в библиотеках и лабораториях рядом с корифеями советской науки. Спустя годы возвращенные ею ученые, в свою очередь, оказывали посильную помощь и содействие в дальнейшем продвижении науки вглубь нашей некогда необъятной Родины. Прошли десятилетия, но остались воспоминания о старейших представителях науки, основателях отечественного языкознания, литературоведения, историографии, культурологии, археологии, этнографии, фольклористики и многих других отраслей знаний. В этом отношении нынешняя Всероссийская научная конференция с международным участием «XXII Ивановские чтения», проводимая кафедрой тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета и посвященная памяти выдающегося ученого С. Н. Иванова, — яркое тому подтверждение.

У туркмен бытует пословица: «Könesi bolmadygyň täzesi bolmaz», которую можно перевести как «У кого нет прошлого (старого), не будет и будущего (нового)», в значении — продвигаясь вперед в желании из-

ведать новое, не следует забывать и о том, что было раньше, об истории, и о тех, кто стоял у ее истоков. Целью нашей статьи является освещение некоторых рабочих моментов при подготовке к изданию «Избранных сочинений» В. А. Гордлевского, а именно — о переписке супруги В. А. Гордлевского — Варвары Александровны Гордлевской — с академиком Б. А. Каррыевым.

Пересматривая архивные материалы, документы, письма известных ученых, писателей, общественных деятелей СССР и союзных республик, в числе которых Е. Э. Бергельс, А. П. Поцелуевский, В. М. Жирмунский, В. А. Гордлевский, Н. К. Дмитриев, В. М. Насилов, М. Шенгели, А. Н. Кононов, М. Е. Массон, Н. А. Баскаков, А. Т. Базиев, Б. Кербабаяев, официальных представителей департамента культурной деятельности ЮНЕСКО 50-х – начала 60-х годов прошлого столетия Л. Гомеса Мачадо, С. Асабуки, Г. М. Барнеса, Мильтона Розенталя и многих других ведущих специалистов академику Б. А. Каррыеву, поражаешься, насколько были открытыми и дружественными связи ученых, объединенных одной целью — продвижением вперед науки и сохранением культуры.

Академик АН Туркменистана, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки и техники, лауреат Международной премии им. Махтумкули, профессор Баймухамед Аталиевич Каррыев (1914–1981) внес весомый вклад в науку и образование Туркменистана и других союзных республик.

В 1938–1940 гг. подающий надежды Б. Каррыев экстерном закончил несколько вузов страны, получив дипломы по специальностям: язык и литература, история, география. Впоследствии он закончил медицинский университет (1939–1945), защитил кандидатскую диссертацию в МГУ им. М. В. Ломоносова (1942), а в 1948 году — докторскую диссертацию в Московском Институте востоковедения АН СССР. Академик АН СССР В. А. Гордлевский назвал докторскую диссертацию ученого «большой монографией», а академик Н. К. Дмитриев (1898–1954) охарактеризовал ее как «полную энциклопедию о Махтумкули» [1: 108]. Всего перу академика Б. А. Каррыева принадлежат более 600 книг, учебников, словарей и научных статей. Под его руководством и при его оппонировании более 120 научных работников из Москвы, Санкт-Петербурга, Средней Азии и Казахстана, Армении, Азербайджана, Грузии, Горно-Алтайска и других регионов защитили докторские и

кандидатские диссертации. Академик АН СССР, доктор филологических наук, профессор В. М. Жирмунский (1891–1971) так охарактеризовал Б. А. Каррыева в своем письме в Президиум АН ТССР от 18 июля 1964 г.: «Профессор Б. А. Каррыев хорошо известен всем специалистам по литературе народов Средней Азии как выдающийся знаток и исследователь классической туркменской литературы и туркменского фольклора. <...> Будучи учеником выдающегося советского востоковеда академика Е. Э. Бартольда, профессор Б. А. Каррыев продолжал его традиции изучения национальной туркменской литературы, древней и новой, в широком сравнительно-историческом плане, привлекая для этого памятники литературного творчества других народов Средней Азии. Широкий научный кругозор и большие знания завоевали его работам всеобщее признание и большой авторитет» [2: 1–2].

Доктор исторических наук, профессор М. Е. Массон (1897–1986) оценил трудолюбие ученого следующими словами: «Друзья и недруги единодушны в признании исключительной трудоспособности и обильной отдачи Баймухамеда Аталиевича...» [1: 114]. Достижения Б. А. Каррыева, возможно, не были бы столь значительными и плодотворными, если бы ему не посчастливилось перенимать знания и опыт, работать плечом к плечу с корифеями советского языкознания, литературоведения, тюркологами, историками, археологами, писателями и поэтами, коими были его знаменитые учителя и чье дело он с упорством и достоинством продолжил. Его наставником был и академик АН СССР, доктор филологических наук, профессор Владимир Александрович Гордлевский.

Один из крупнейших представителей старшего поколения отечественного востоковедения, всемирно известный В. А. Гордлевский (1876–1956) был одним из немногих основоположников советского востоковедения, тюркологом, специалистом по турецкому языку, литературе, фольклору, истории Турции, доктором филологических наук, профессором, членом-корреспондентом АН СССР с 1929 г., академиком АН СССР с 1946 г.

В. А. Гордлевский получил первое высшее образование в 1899 г., закончив Лазаревский институт восточных языков, а впоследствии, в 1904 г., историко-филологический факультет Московского университета. Затем в течение трех лет будущий профессор стажировался в Стамбуле, совершенствуя свои знания турецкого и арабского языков. Более 50 лет В. А. Гордлевский вел научно-исследовательскую работу,

заведовал кафедрой турецкого языка и преподавания языка в различных вузах СССР. Помимо преподавательской карьеры, В. А. Гордлевский занимался переводческой деятельностью, а также собирал рукописи, этнографические материалы, которые в дальнейшем вошли в его «Избранные сочинения». Во время Первой мировой войны Владимир Александрович работал корреспондентом и военным переводчиком. После окончания войны знаток тюркских языков заведовал восточным отделом Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. В 1938–1956 гг. В. А. Гордлевский был старшим научным сотрудником, заведовал сектором языка и литературы стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения АН СССР.

После ухода из жизни академика В. А. Гордлевского в 1956 г. началась подготовка к изданию его «Избранных сочинений». В комиссию АН СССР по изданию «Избранных сочинений» В. А. Гордлевского были включены не только видные советские ученые, но и супруга Владимира Александровича — Варвара Александровна Гордлевская. В. А. Гордлевская всемерно содействовала увековечиванию имени мужа, сохраняя и передавая далее его научные изыскания и идеи и превращая их в достояние народа. Она, совместно с другими членами комиссии, активно занялась распределением материала для включения в «Избранные сочинения» супруга. Немалую роль в подготовке к изданию «Избранных сочинений» сыграл и один из многочисленных последователей В. А. Гордлевского — Б. А. Каррыев, который с 1957 по 1964 гг. работал в должности старшего научного сотрудника Института мировой литературы АН СССР. Возлагая на Б. А. Каррыева большие надежды, Варвара Александровна предоставляла необходимые материалы в комиссию, регулярно общалась по телефону, лично встречалась, вела активную переписку с Б. А. Каррыевым, и другими членами комиссии, о чем свидетельствуют приводимые ниже выдержки из ее писем. Таким образом, постоянная и непрерывная связь Варвары Александровны с членами комиссии, обсуждения на семинарах, переговоры, поддержка и сотрудничество Б. А. Каррыева и В. А. Гордлевской содействовали успешному завершению издания многотомных трудов известного советского востоковеда.

«Избранные сочинения» в 4-х томах академика В. А. Гордлевского были опубликованы в 1960–1968 гг. В первый том (1960) вошли труды, посвященные Средним векам в истории Турции. Второй том (1961)

посвящен вопросам лингвистики и литературы и озаглавлен «Язык и литература». В третий том (1962) вошли работы по истории и культуре. Последний, четвертый том (1968) — «Этнография, история востоковедения, рецензии». Все четыре тома были изданы в Москве в «Издательстве восточной литературы». Известно, что «Избранные сочинения» В. А. Гордлевского представляют только часть его трудов, объединенных в 4 тома по тематическому принципу, каждый из которых насчитывает по 550–600 страниц.

Дабы не быть голословными, приведем выдержки из некоторых писем Варвары Александровны, адресованных Б. А. Каррыеву, которые проливают свет на некоторые рабочие моменты, возникавшие в процессе создания «Избранных сочинений». Письма В. А. Гордлевской, приводимые ниже, как и другая корреспонденция ученых прошлого столетия, и поныне бережно хранятся в архиве семьи академика Б. А. Каррыева.

Из письма Варвары Александровны от 26 ноября 1958 г.:

«Многоуважаемый Мухаммед Аталиевич!

По слухам сегодня Вы читали доклад и я поздравляю Вас с успехом, в котором не сомневалась. Не писала Вам раньше, чтобы не тревожить Вас в Вашей работе, а теперь очень прошу позвонить мне, чтобы сговориться, когда Вам зайти ко мне.

Баскаков был у меня накануне своего отъезда и теперь значит всё в Ваших руках. Есть вопросы, которые надо обсудить.

Сердечный привет, буду ждать Вашего звонка.

В. Гордлевская (подпись)

26.XI.1958 г.»

Следует заметить, что письмо было написано спустя два года после смерти В. А. Гордлевского. Содержание писем подсказывает нам, что работа по собиранию, отбору материала, набору машинисткой и его вычитыванию к тому времени уже была определена комиссией. План дальнейших действий был обговорен Н. А. Баскаковым и В. А. Гордлевской. Поскольку Н. А. Баскаков отправлялся в очередную командировку, то Б. А. Каррыеву, как его заместителю, предстояло воплощать в жизнь намеченный план. Письмо также свидетельствует о той большой связующей роли, которую играла Варвара Александровна во всем издательском процессе.

Второе письмо датировано 20 июня 1959 г. Анализируя и сопо-

ставляя имеющиеся в нашем распоряжении факты, мы можем предположить, что первый том к 1959 г. уже был готов к печати (был опубликован в 1960 г.), а в июне 1959 г. шла активная работа над сбором и постановкой рукописей, иллюстраций, карт и других материалов, которые планировалось включить во второй том «Избранных сочинений» под названием «Язык и литература».

В приводимом ниже письме Варвара Александровна выражает беспокойство по поводу задержки рукописей, переданных машинистке для набора и предназначенных для включения во второй том. Как известно, набранные рукописи далее направлялись для вычитывания, редактирования, а впоследствии корректирования членами комиссии. Известно, что процесс подготовки и опубликования любого издания довольно длительный и кропотливый, к тому же он усугубляется такими обстоятельствами, как уход автора из жизни, солидным возрастом и болезнями супруги Владимира Александровича (на тот момент Варваре Александровне было 83 года), на которой лежала особая ответственность по нахождению рукописей, подготовке для передачи членам комиссии, машинистке и далее по известной цепочке... Следует помнить и о том, что каждый из четырех томов в итоге получился довольно объемным.

Ниже процитируем текст упомянутого письма:

«Дорогой Мухаммед Аталиевич!

Меня очень беспокоит, что я не сдала Вам до сих пор рукописи, которые дали машинистке печатать для II тома. Но я до сих пор ее не получила. Надеюсь, что к первому июля она будет готова. Как вы поживаете? Я здесь оторвана от всего, Баскаков уехал в командировку. Надеюсь что у Вас всё благополучно. Я болела, но сейчас мне лучше, только тоска всегда со мной. Шлю сердечный привет.

В. Гордлевская (подпись)

20.6.59».

Девять дней спустя, 29 июня 1959 г., В. А. Гордлевская отправила Б. А. Каррыеву письмо следующего содержания:

«Дорогой Мухаммед Аталиевич!

Баскаков пропал и когда вернется из командировки — я не знаю.

Обращаюсь к Вам, как к его заместителю [подчеркнуто в оригинале. — Ж.К.]. У меня была вчера Алимo Камилева [неясно написано, скорее всего, А. А. Камилева, имевшая совместные публикации с А. Н.

Баскаковым. — Ж.К.] и от нее я узнала, что в Издательстве неправильно истолковывают мое письмо к Дрейеру [О. К. Дрейер возглавлял «Издательство восточной литературы» при Институте востоковедения с января 1957 г. В 1964 г. «Издательство восточной литературы» объединили с издательством Академии наук и переименовали в «Главную редакцию восточной литературы» издательства «Наука», главным редактором которой стал О. К. Дрейер, проработавший там в общей сложности 35 лет. — Ж.К.], что будто бы я сказала не выдавать никому денег до выхода 1 тома [подчеркнуто в оригинале. — Ж.К.]. Я не имела права такую вещь сделать потому, что в моем договоре стоит об уплате сначала [цифра пропущена мной намеренно. — Ж.К.] проц (после сдачи всей работы). Я так не писала и кто-то исказил мои слова. Я очень прошу Вас выяснить, в чем тут дело.

Другой вопрос: я категорически и неоднократно заявляла о своем желании, чтобы в I томе были иллюстрации, хотя бы 4–5, и не вижу оснований, почему иллюстрации отменены. Подобрать 4 иллюстрации вполне возможно.

Я сегодня же пишу Заходеру [скорее всего речь идет о писателе Б. Заходере. — Ж.К.], что ему стыдно не выполнять своего обещания, ведь он обещал [подчеркнуто в оригинале. — Ж.К.] Баскакову, что карту он даст.

Может быть, я слишком горячо к этому отношусь, но считаю, что с его стороны, это неуважение к памяти Вл. Ал-ча. — Вообще я очень боюсь, что том будет оформлен кое-как, и я очень прошу Вас, дорогой Мухамед Аталиевич, как преданного друга, проверить, что делается в Издательстве и, если нужно, принять свои меры.

Я очень боюсь, что Вы также уехали — сейчас такое время — а если Вы дома, то была бы счастлива, если бы Вы приехали в Луцино!

А вообще из Звенигорода подходят почти к нашей даче (несколько шагов назад) остановка «Голостанция» (?) [неясно написано. — Ж.Б.] дача № [номер дачи не указан мной намеренно. — Ж.К.].

В. Гордлевская (подпись)

29.6.59 г.»

В приведенном письме В. А. Гордлевская сообщает об отсутствии Баскакова в Москве и незнании даты его возвращения из командировки, а также поднимает сразу несколько вопросов: 1) о неправильном истол-

ковании ее письма О. К. Дрейеру, руководителю издательства; 2) о необходимости и возможности включения 4–5 иллюстраций в первый том и непонимании, по какой причине они отменены; 3) о данном Заходером обещании Баскакову о предоставлении карты и невыполнении своего обещания. Варвара Александровна также сообщает Б. А. Каррыеву, что в тот же день напишет Заходеру письмо, в котором пристыдит его.

Данное письмо, в отличие от предыдущих и последующих, разительно отличается стилем изложения и передает крайнюю озлобленность и недовольство Варвары Александровны ходом издательских дел. Она пытается, насколько это возможно, описать сложившуюся ситуацию Б. А. Каррыеву, как заместителю А. Н. Баскакова, и подтолкнуть комиссию к решению задач относительно оформления второго тома. Письмо с самого начала выражает чувство неопределенности, связанное с отсутствием Баскакова, неправильным истолкованием смысла ее письма О. К. Дрейеру, отсутствием иллюстраций, карты, невыполнением некоторыми членами комиссии данных ранее обещаний. Подбор слов и выражений с отрицательным значением и приставкой «не» (пропал, не знаю, неправильно, не имела права, не писала, не вижу оснований, стыдно не выполнять, неуважение к памяти, кое-как), а также неоднократный повтор слова «очень» (выражение «очень прошу» — использовано дважды; «очень боюсь» — трижды), подчеркивание в письме и повтор слова «обещания», употребление слова «искажил» в первой половине письма, и постепенный переход от резкого тона к более мягкому, использованию выражений «хотя бы, почему, вполне возможно, может быть, если нужно» передает смену настроения Варвары Александровны. Далее автор письма, как бы в свое оправдание, признается, что «может быть, слишком горячо отношусь», однако настаивает на своей небезосновательной просьбе к Б. А. Каррыеву «проверить, принять свои меры». Далее тон Варвары Александровны заметно меняется в лучшую сторону, выражая надежду на хороший результат всех стараний, о чем мы также можем заключить из использованных ею слов и выражений: «дорогой, преданного друга, была бы счастлива если приехали».

Четвертое из сохранных писем датировано 26 апреля 1960 г. В нем говорится:

«Дорогой Мухаммед Аталиевич!

Ник. Алекс. [скорее всего, имеется ввиду Николай Александрович Баскаков, о котором В. А. Гордлевская неоднократно упоминала в ран-

нее процитированных нами письмах. — Ж.К.] уехал в Варшаву и вернется к 9 мая. Я знаю, что Вы являетесь его заместителем по Семинару. Я бы хотела знать, какие доклады предполагаются на семинаре 3 Мая? Поэтому очень прошу [подчеркнуто в оригинале. — Ж.К.] Вас позвонить мне, или заехать ко мне, — что для Вас удобнее. Простите, что беспокою Вас. Как здоровье Ваше и Вашей семьи? — Всем мой сердечный привет.

В. Гордлевская (подпись)
26.4.60».

К апрелю 1960 г. первый том уже увидел свет. Скорее всего, Варвара Александровна просила Баймухамеда Аталиевича заехать к ней, чтобы обговорить очередные вопросы, касающиеся последующих томов «Избранных сочинений».

Переписка В. А. Гордлевской с Б. А. Каррыевым является подтверждением искреннего доверия, преданности ученых — продолжателей дел своих наставников, тесных, взаимоуважительных и открытых отношений ученых прошлого столетия, с которых нам, представителям XXI века, следует брать пример.

Владимир Александрович Гордлевский ушел из жизни в возрасте 80 лет. После его кончины, согласно его завещанию, как «свидетельство большого уважения и признания туркменского ученого в научных кругах, является семейная реликвия — золотые часы академика В. А. Гордлевского, посмертно завещанные им своему талантливому последователю — Баймухамеду Каррыеву» [1: 111]. Часы были переданы Б. А. Каррыеву лично Варварой Александровной Гордлевской...

Варвара Александровна Гордлевская (1876–1962) пережила мужа на шесть лет. Она похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве рядом с супругом — великим ученым с мировым именем, академиком В. А. Гордлевским... Светлая им память!

Литература:

1. Ýlma we bilime siňen ömür. (Türkmenistanyň YA-nyň akademigi Baýmuhammet Atalyýewiç Garryýewiň doglan gününüň 100 ýyllygyna bagyşlanýar). Жизнь, посвящённая науке и образованию. (К 100-летию со дня рождения академика АН Туркменистана Баймухаммеда Аталиевича Каррыева). — Аşgabat: Ýlum, 2014. — 240 с.
2. Копия письма В. М. Жирмунского в Президиум АН ТССР от 18 июля 1964 года. (Личный архив академика Б. А. Каррыева).

*М. А. Козинцев,
А. А. Туранская*

Уйгурские ксилографы в Сериндийской коллекции Института восточных рукописей РАН

Аннотация: Статья посвящена обзору ксилографов буддийских сочинений, хранящихся в Сериндийской коллекции ИВР РАН, с точки зрения их «антуража», репертуара и истории бытования. Несмотря на сравнительно небольшой количественный состав, имеющиеся ксилографы представляют собой ценный источник по истории, литературе и культуре уйгуров в XIII–XIV вв. Отмечается их тематическая схожесть и широкое распространение изданных таким способом текстов среди древних уйгуров.

Ключевые слова: Сериндийская коллекция, ксилограф, сутра, древнеуйгурская литература.

*М. А. Kozintcev,
А. А. Turanskaya*

Uyghur blockprints in the Serindia collection of the Institute of oriental manuscripts of the Russian academy of sciences

Abstract: The majority of Old Uyghur blockprints known nowadays, were produced in the era of the Yuan Empire. The analysis has shown that most of them possess the same specific features. Being produced almost at the same time at the same printing house they look much alike in outward appearance. According to the preserved colophons these texts were published in large amounts (up to several thousand copies) in the capital of the Mongol Empire Dadu under the patronage of the emperor's family members. Most of them deal with the important texts of the Mahayāna and Vajrayāna traditions. One may conclude that only important 'canonical' (included into so called Tripiṭaka) and didactic texts that were popular in the Mongolian empire were blockprinted in Old Uyghur. Most of the preserved fragments of the Old Uyghur blockprints incorporate texts that were strongly con-

nected with deities that were highly honored during the Yuan period — Sitātapatrā, Amitāyus, Uṣṇīṣvijayā, Mañjuśrī and Avalokiteśvara.

The Serindia Collection of the Institute of Oriental Manuscripts contains approximately 100 fragments of Buddhist texts, which were blockprinted in China in the Mongol era. These documents being relatively few when compared to those in other collections of Europe are nevertheless a worthwhile research material.

Key words: Serindian Collection, blockprint, sutra, Old Uyghur literature.

Процент фрагментов текстов на раннесредневековом тюркском литературном (уйгурском¹) языке, напечатанных ксилографическим способом, в мировых книжных собраниях крайне незначителен. В Берлинской коллекции хранится порядка 1000 фрагментов (что составляет немногим менее 10 % от общего их числа), в то время как в Институте восточных рукописей РАН на данный момент выявлено всего 106 единиц. Тем не менее дошедшие до наших дней фрагменты ксилографов представляются крайне ценными для изучения истории литературы древних уйгуров, поскольку дают представление не только о поздней книжной традиции, но также о текстах, получивших широкое распространение среди тюркоязычного населения в XII–XIV вв.

Большинство известных на настоящий момент фрагментов ксилографов на уйгурском языке были изготовлены на территории Китая в период монгольской династии Юань (1271–1368). Археографический анализ показывает, что большая часть этих изданий имела схожие черты, что, по всей вероятности, обусловлено использовавшейся техникой печати и книжной традицией этого исторического периода.

Доски, при помощи которых печатались уйгурские ксилографы, практически не сохранились². Однако «антураж» печатных изданий позволяет говорить, что технология их производства ничем не отличалась от той, которая использовалась в китайской, монгольской и тибетской книжных традициях. Для печатания использовались доски, чаще всего из твердых пород дерева, на которых зеркально вырезался текст. На получившуюся рельефную поверхность наносили краску и делали отпечаток. Подобная техника позволяла отпечатать страницу до нескольких тысяч раз. В гротах Дуньхуана П. Пельо также были обнаружены и

¹ В рамках настоящей статьи под термином «уйгурский» подразумевается один из относительно древних языков тюркской группы, зафиксированный в письменных памятниках IX–XIV вв., которые были обнаружены в Восточном Туркестане.

² Одна из наиболее ранних печатных досок с уйгурским текстом (XIII–XIV вв.) была обнаружена П. Пельо в Дуньхуане [3: 367].

«литеры» наборного уйгурского шрифта. Они представляли собой деревянные брусочки, с вырезанными словами, падежами и пунктуационными знаками (в настоящее время хранятся в Национальной библиотеке Франции в Париже). Однако ни в коллекции ИВР РАН, ни в Берлинской коллекции на настоящий момент не выявлено ни одного текста на древнеуйгурском языке, отпечатанного наборным шрифтом [5: 59].

Сравнительный анализ фрагментов ксилографов, хранящихся в ИВР РАН, позволяет сделать вывод о том, что большинство печатных текстов на уйгурском языке издавались в формате так называемых «гармоник». Подобный формат, крайне удобный в использовании, был заимствован из китайской книжной традиции, и, по всей вероятности, является результатом развития и усовершенствования свитка. Для «гармоник» характерно два размера: 25–27 × 10–12 и 13–16 × 8–9 см. Для печати использовалась «тканая» или вержированная (чаще всего 4 вержера на 1 см) тонкая мягкая китайская бумага, хорошо впитывающая краску. Оттиски с досок склеивались в одну полосу (включая до 20 листов³), которые потом складывались рядами соразмерных складок. На получившейся таким образом странице находились от четырех до шести строк текста (чаще всего пять).

Значительно реже уйгурские ксилографы изготавливались в формате *потхи*, традиционной индийской книги на пальмовых листьях. В ИВР РАН хранится лист такого ксилографического издания (SI 1681 (Kг III/13)) — уйгурского перевода буддийского сочинения *Юаньцзюэ цзин* (кит. 圓覺經, букв. «Сутра полного освобождения»)⁴. Этот лист, практически не имеющий повреждений, позволяет говорить о том, что уйгурская книжная традиция имела существенные отличия от традиций других народов Центральной и Восточной Азии. Характерные повреждения (утраты бумаги, разрывы) внутри декоративного круга вокруг отверстия для шнура указывают на то, что ксилограф в формате «пальмового листа» скреплялся веревкой (в то время как у большинства книжных традиций этого периода круги имели скорее декоративную функцию).

Сведения о процессе, целях и задачах, инициаторах, донаторах и

³ Об этом свидетельствует китайская нумерация, маркировавшая не порядок «листок» книги, а деревянных досок, с которых она печаталась.

⁴ Подробнее об этом листе см.: [11]. В формате *потхи* была издана ксилографическим способом *джатака* о парамите даяния *Vessantara jātaka*. Это одно из немногих ксилографических изданий на уйгурском языке, декорированное миниатюрами [9].

обстоятельствах того или иного ксилографического издания текста сохранились в колофонах сочинений. Известно, что они издавались по инициативе членов монгольской императорской семьи в столице династии Юань Даду (кит. 大都, уйг. Taudu balık). Об этом свидетельствуют как прямые упоминания их в качестве инициаторов перевода, так и многочисленные благопожелания благоденствия потомков «Золотого рода».

Более того, издание буддийских текстов на уйгурском языке, по всей видимости, было частью «единого проекта» распространения буддийского учения среди народов, включенных в империю Юань. Упоминания об этом в текстах на уйгурском языке отсутствуют, однако обнаруживаются в колофонах тибетских сочинений. В качестве примера можно привести колофон тибетского перевода сутры «Созвездия Большой медведицы» (кит. 佛說北斗七星延命經, уйг. Yitikän sudur, тиб. sMe bdun zhes bya ba'i skar ma'i mdo), в котором описывается процесс последовательного перевода этого сочинения. В нем сказано, что переведенный на китайский язык известным буддийским монахом Сюань-цзаном (кит. 玄奘, 602–664) в первый год правления (1328) восьмого императора династии Юань Вэнь-цзуна (кит. 天曆) этот текст был переведен на монгольский язык переводчиком Пряджняшри (санскр. Prajñāśrī, ?–1332) и издан ксилографическим способом тиражом 2000 экземпляров. Затем он был переведен на уйгурский язык известным ученым, переводчиком исторических записей на монгольский язык Алын Тэмуром (уйг. Alın Tämür, XIV в.), а отпечатанные 1000 экземпляров раздавались в качестве религиозных подношений. В последнюю очередь, в 1337 г., он был переведен на тибетский.

Согласно колофонам, издательская деятельность при Юанях была крайне масштабной. Отпечатывались тексты в количествах от одного до десяти тысяч экземпляров. По-видимому, это было обусловлено не столько необходимостью в тех или иных буддийских текстах, сколько тем, что спонсирование издания сочинений считалось великой добродетелью (санскр. puṇya), и чем больше был тираж, тем больше религиозных заслуг он должен был принести своему инициатору-донатору.

Стоит отметить, что анализ репертуара изданных в эпоху династии Юань ксилографов на уйгурском языке показывает, что издавались (причем, как правило, не один раз) в первую очередь тексты, посвященные буддийским божествам, культы которых были популярны среди членов императорской семьи — бодхисаттве милосердия и покровителю Ки-

тая Манджушири (Mañjuśrīnāmasaṃgīti), будде долгой жизни Амитаюсу (Ārya-aparamitāyur-jñāna-nāma-mahāyāna-sūtra), женскому божеству-защитнице Ситатапатре (Sitātapatrā-dhāraṇī), богине долгой жизни Уш-нишавиджае (Ārya-sarva-durgati-pariśodhana-uṣṇīṣvijayā-nāma-dhāraṇī). С другой стороны, издавались тексты ярко выраженной дидактической направленности, живо и понятно проповедующие догмы буддийского вероучения, — истории-джатаки о предыдущих рождениях будды Шакьямуни, «Сутра золотого блеска» (Suvaṇṇaprabhāsoṣattama sūtra), «Алмазная сутра о запредельной мудрости» (Vajracchedikā prajñāpāramitā)⁵.

Несмотря на довольно незначительное, как было упомянуто выше, количество фрагментов ксилографических изданий, Сериндийская коллекция довольно полно отражает тексты, получившие широкое распространение среди уйгуров.

Наибольшее число фрагментов приходится на крайне популярный буддийский текст Ārya-sarva-tathāgata-uṣṇīṣa-sitātapatrā-apaṛājītā-nāma-dhāraṇī (букв. «“Белозонтичная” богиня, защищающая своих последователей от [всех видов] зла»), по всей вероятности, более известный среди уйгуров под названием Vidyārājñī-sitātapatrā-sūtra (уйгур. Arvišlar eligi sitātapatṛi sudur). Популярность текста, вероятно, связана с включенными в него различными заклинаниями-дхарани, призванными защитить его читателей от всех видов болезней и неблагих обстоятельств. На него приходится около 20 фрагментов, которые хранятся под шифрами SI 4502 (инв. 4558 (M/5)), SI 4571 (инв. 4627 (MA/10)), SI 4565 (инв. 4621 (MA/7)), SI 1676 (инв. 1676 (Kr. III 8)) [2; 1: 220]. Про этот текст известно, что он издавался в Даду не менее двух раз⁶. Инициатором издания, по крайней мере, тысячи экземпляров этого сочинения в 1296 г., вероятнее всего, выступала Булуган-хатун (монг. Buluḡan qatun), жена императора династии Юань Олдзейту-хагана (монг. Öljei-tü qaḡan, 1265–1307 (правил в 1294–1307)) [6: 124].

Пятнадцать идентифицированных на настоящий момент фрагментов ксилографов, которые хранятся под шифрами SI 1674 (инв. 1674 (Kr III/7)), SI 1677 (инв. 1677 (Kr III/9)), SI 1703 (инв. 1703 (Kr III/18-1)), SI 1704 (инв. 1704 (Kr III/18-2)), SI 1705 (инв. 1705 (Kr III/18-3)), SI

⁵ Более подробно обо всех известных на настоящий момент ксилографических изданиях на уйгурском языке см.: [10; 4].

⁶ Профессор П. Циме был первым, кто заметил, что фрагменты этого текста, хранящиеся в Берлине и включенные в Сериндийскую коллекцию ИВР РАН, относятся к разным изданиям [8: 171].

1707 (инв. 1707 (Кг III/18-5)), SI 1708 (инв. 1708 (Кг III/18-6)), SI 1709 (инв. 1709 (Кг III/18-7)), SI 1711 (инв. 1711 (Кг III/18-8)), SI 1712 (инв. 1712 (Кг III/18-9)), SI 1716 (инв. 1716 (Кг III/18-13)), SI 1718 (инв. 1718 (Кг III/18-15)), SI 1721 (инв. 1721 (Кг III/20)), представляют собой части Āgya-aparamitāyur-jñāna-pāma-mahāyāna-sūtra (уйг. Amitayuši sudur). Этот текст, посвященный будде Амитабхе (санскр. Amitābha) и его чистой земле Сукхавати (санскр. Sukhāvati), был скорее всего переведен с тибетского сочинения с аналогичным названием (тиб. ‘Phags pa tshes dang ye shes dpaḡ tu med pa zhes bya ba theg pa chen po’i mdo) и издан ксилографическим способом в начале XIV в. На это указывают глоссы восточно-туркестанским брахми, которые широко использовались для транскрибирования уйгурских слов в ксилографических изданиях в эпоху Юань. Согласно сохранившемуся в Берлинской коллекции колофону, сутра была отпечатана в количестве 110 экземпляров по указанию Буян Кая Сал (уйг. Buyan kaya sal), сестры жены Кунчук-идыкута (уйг. Köñçök idokkut) [8: № 40].

В Сериндийской коллекции ИВР РАН находятся также по меньшей мере четыре фрагмента ксилографического издания Āgya-sarva-durgatipariśodhana-uṣṅṅaviḡayā-nāma-dhāraṇī (под шифром SI 4565 (инв. 4621 (МА/7)), посвященного богине долгой жизни Ушнишавиджае, культ которой был крайне популярен в эпоху Юань. В колофоне этого текста, который хранится в Берлине, сказано, что текст был издан тиражом десять тысяч экземпляров.

Столько же идентифицированных фрагментов являются переводом китайского апокрифического сочинения *Фо шоу тьян ди ба ян цзин* (кит. 佛说天地八阳经, букв. ‘Сутра — божественное заклинание неба, земли и восьми ян, которую проповедовал Будда’, уйг. Säkiz yükmäk yaruk). Хранятся они под шифрами SI 1665 (инв. (Кг III/3-1)), SI 1669 (инв. 1669 (Кг III/3-5)), SI 1678 (инв. 1678 (Кг III/10)). Все эти фрагменты относятся к одному ксилографическому изданию, хотя, согласно японскому исследователю Ю. Оде, этот текст издавался ксилографическим способом на уйгурском языке по меньшей мере дважды.

Фрагмент ксилографа под шифром SI 1725 (инв. 1725 (Кг III/24)) относится в вышеупомянутой Yitikän sudur. Фрагмент ксилографа в формате гармоника SI 1730 (инв. 1730 (Кг III/29)), видимо, можно отождествить с неизвестным традиции махаяны текстом под названием Āṭānāṭikasūtra.

Все остальные фрагменты (практически половина) в настоящий момент не идентифицированы. Нередко это связано с фрагментарностью сохранившегося текста, которая не позволяет провести текстологическое сличение с китайскими и тибетскими оригинальными текстами.

Стоит отметить, что ранее в коллекции были четыре фрагмента ксилографического издания на уйгурском языке Mañjuśrīnāmasaṃgīti. Известно, что хранились они под шифром Rb. 1, поскольку были изданы в транслитерации на уйгурском языке с немецким переводом В. В. Радловым в 1928 г. [7: № 59]. На сегодняшний момент эти фрагменты считаются утраченными.

Литература:

1. Кисть и калам: 200 лет коллекции Института восточных рукописей: каталог выставки. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018.
2. Малов, С. Е. *Sitātapatrā-dhāraṇī* в уйгурской редакции // Доклады Академии наук СССР. — Серия В. — 1930. — № 5. — С. 88–94.
3. Тугушева, Л. Ю. Раннесредневековая уйгурская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока (Очерки). Книга вторая. — М.: Наука. ГРВЛ, 1988. — С. 358–372 (Культура народов Востока. Материалы и исследования).
4. Elverskog, J. The Mongolian Big Dipper Sūtra // *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. — Vol. 29. — No. 1. — 2006 (2008). — P. 87–124.
5. *The History and Cultural Heritage of Chinese Calligraphy, Printing and Library Work* / Ed. by Susan M. Allen, Lin Zuzao, Cheng Xiaolan and Jan Bos. — De Gruyter Saur, 2010. — 251 p. (IFLA Publications 141).
6. Kasai, Y. Die uigurischen buddhistischen Kolophone. — Turnhout: Brepols, 2008. — 388 p. (Berliner Turfantexte XXVI).
7. Radloff, W. *Uigurische Sprachdenkmäler* / Hrsg. von S. E. Malov. — Leningrad, 1928. — 2. — VIII. — 305 с.: 3 табл.
8. Zieme, P. *Buddhistische Stabreimdichtungen der Uiguren*. — Berlin: Akademie-Verlag, 1985. — 247 S.: Mit 244 Faksimiles auf 89 Tafeln (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients; Berliner Turfantexte XIII).
9. Zieme, P. (Çev. A. Kaygusuz). Uygurca Ahşap Basmalardaki Jātaka Resimleri // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı — Belleten*. — 2015. — Vol. 63. — Iss. 1. — P. 7–22.

10. Yakup, A. On The Uyghur Block Prints: Corpus And The Process of Cataloguing // ユーラシア古語文献の文献学的研究, Newsletter. — No. 11. — 2005/9/16. — P. 3–7.
11. Yakup, A. On the St. Petersburg fragment from the Old Uyghur translation of the Chinese apocryphal text Yuanjuejing 圓覺經 // Contribution to the Studies of Eurasian Languages (CSEL). — Series 20. — Diversity and Dynamics of Eurasian Languages: The 20th Commemorative Volume. The Consortium for the Studies of Eurasian Languages. — Tokyo, 2008. — P. 473–484.

И. Р. Лученков

Вопрос турок-месхетинцев в современных политических турецко-грузинских отношениях (1991–2021)

Аннотация: Данное исследование направлено на изучение политико-правовых аспектов месхетинского вопроса в контексте современных политических турецко-грузинских отношений, а также роли Турецкой Республики в репатриации турок-месхетинцев на их историческую родину.

Ключевые слова: Турция, Грузия, турки-месхетинцы, право, международные отношения.

I. R. Luchenkov

The Meskhetian Turks issues within Georgia-Turkey contemporary political relations (1991–2021)

Abstract: The purpose of the study is to investigate the political and legal aspects of the Meskhetian issue within the contemporary political relations between Turkey and Georgia. The research defined the role of the Republic of Turkey in the repatriation of the Meskhetian Turks to their historic native land.

Key words: Turkey, Georgia, Meskhetian Turks, law, international relations.

К 1564 г. Османская империя полностью контролирует бассейн реки Чолоки, выйдя к границам современной Гурии, а к 1578 г. Османы завоевывают у Сефевидов ряд территорий в Западной и Юго-Западной Грузии. Постепенно регионы Аджарии, Месхетии и Джавахетии исламизируются. Первой ислам принимает местная знать, а в городах и крупных поселениях размещаются османские гарнизоны: в Джавахетии они повлияли на этногенез современных турок-месхетинцев, которые по одной из версий могут являться потомками исламизированных, перешедших к XVIII в. на северо-анатолийский диалект турецкого языка месхов — одного из грузинских субэтносов [1: 17]. Согласно же распро-

страненной в турецкой историографии точке зрения, турки-месхетинцы произошли в том числе от хазар и половцев [11: 334], однако эта версия уязвима к критике ввиду недостаточной научной доказательной базы.

Стоит отметить, что в османских источниках данный этноним отсутствовал, а при описании местного тюркоязычного населения использовались экзотонимы *Türk*, *Karapapak* и *Türkmen*, не имеющие определенной географической привязки [8: 112–119]. В современной турецкой историографии с 1960-х гг. используется катойконим *Ahıska Türkleri* [14: 62], образованный от тюркизированного названия грузинского города Ахалцихе, одного из исторических центров расселения тюрко-мусульманского населения региона.

После вхождения региона в состав Российской империи его этноконфессиональная карта стремительно не менялась. Отметим, что выходцы из Месхетии мигрировали в Османскую империю на протяжении всего XIX столетия, однако переселение не носило характер исхода, свойственного черкесскому мухаджирству. Культурное доминирование мусульман на юге Грузии значительно ослабло в 1944 г. в результате депортации во внутренние районы, в основном в национальные тюркские центральноазиатские республики (за исключением Туркменской ССР), СССР 115 тыс. представителей нетитульных народов, из которых около 50 тыс. составляли турки-месхетинцы [3: 104–110]. В большинстве исторических источников совокупное число депортированных ГССР народов в тот год интерпретируется исключительно как турки-месхетинцы.

На сегодняшний день численность данного народа по разным подсчетам составляет от 400 до 600 тыс. человек [17: 13], однако более точные статистические данные привести невозможно, так как зачастую речь идет обо всех лицах, имеющих тюрко-месхетинское происхождение.

Одним из приоритетных проектов Турции на постсоветском пространстве является защита прав турок-месхетинцев и помощь в их репатриации в регион формирования их этнической общности. Данная инициатива не находит поддержки со стороны грузинского правительства, поэтому решение месхетинского вопроса остается предметом будущих дискуссий [12: 142]. Тем не менее стоит выделить основные направления турецкой внешней политики по данному вопросу в контексте двусторонних турецко-грузинских отношений.

С геополитической точки зрения потенциал месхетинского фактора на современном этапе турецкой внешней политики объяснен необходимостью увеличения числа культурных агентов, способных наладить более активную интеграцию Грузии в совместные с Турцией экономико-социальные проекты, в которых в основном участвуют либо грузины-мусульмане, представители аджарского субэтноса [2: 74], либо потомки грузинских мухаджиров, проживающих на территории Турции в большинстве своем в Стамбуле и Ризе. Тем не менее выдвижение проблемы турок-месхетинцев на повестку дня в официальном турецком дискурсе 1990-х гг. не связано с какими-либо реваншистскими или экспансионистскими устремлениями руководства Турецкой Республики в Закавказье, как это часто негативно трактуется российскими политическими экспертами [6: 383–385].

В данном контексте фактором роста заинтересованности турецкой стороны в решении месхетинского вопроса стали события Ферганского погрома мая–июня 1989 г., в результате которого десятки тысяч турок-месхетинцев были вынуждены покинуть Узбекскую ССР, переселившись в большинстве своем на территорию новосозданных постсоветских республик: России (в основном в Краснодарский край и Ростовскую область), Украины (в Донецкую и Луганскую область), и Азербайджана. Небольшая часть беженцев мигрировала в США, образовав компактно проживающую диаспору. На протяжении 1990-х гг. Турция активно отстаивает права месхетинских беженцев на заседаниях Совета Европы, ОБСЕ и Верховного комиссариата ООН по делам беженцев [15: 232].

Также примечателен факт многократного обращения представителей месхетинских землячеств в посольство Турецкой Республики в Москве в течение 1990 г.; 11 октября того же года последовал официальный ответ правительства Тургута Озала о том, что выработка дорожной карты по репатриации турок-месхетинцев в Турцию возможна лишь при достижении необходимой координации с советской стороной [14: 64]. Однако процесс принятия решений был заморожен по объективным причинам: как событиями Августовского путча, так и проведением парламентских выборов в Турции. Лишь в конце ноября 1990 г. турецкая сторона была готова к продолжению работы по выработке общей стратегии, однако это было уже невозможно в связи с полным коллапсом советской государственности.

Во многом из-за поиска скорейшего решения по размещению тюркомесхетинцев 16 декабря 1991 г. Турция одной из первых признала независимость Грузии от СССР, а в мае 1992 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения. 30 июня премьер-министр Турции Сулейман Демирель прибывает в Тбилиси с официальным визитом для подписания Договора об укреплении дружбы и сотрудничества [12: 198–199].

В 1994 г. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı) открывает свой офис в Тбилиси. Хотя вопросы сохранения исторической памяти о депортации тюркомесхетинцев являются важной задачей организации в контексте общественно-политического взаимодействия между Турцией и Грузией, данное подразделение Министерства культуры и туризма Турецкой Республики регулирует и другие сферы двусторонних отношений. При его посредничестве год от года растет число турецко-грузинских проектов в туристической, образовательной, культурной, здравоохранительной и сельскохозяйственной сферах. Организация обращает особое внимание на развитие сельских мусульманских общин регионов юга Грузии, осуществляя проекты по модернизации систем водоснабжения, образовательных и медицинских учреждений и подготовке необходимых специалистов [16: 28–32].

Тем не менее дальнейшие события показали, что разрешение проблемы возвращения тюркомесхетинцев в ареал их исторического обитания, расположенного на 2/3 территорий современных границ края (мхаре) Самцхе-Джавахети и Хулойского муниципалитета Аджарской Автономной Республики не являлось первостепенной задачей для руководства Грузии как в 1990-е, так и в 2000-е гг. Если на первых порах это могло быть объяснено сложной политической ситуацией в стране: краткосрочная гражданская война между сторонниками свергнутого президента З. К. Гамсахурдия и администрации Э. А. Шеварднадзе, эскалация абхазского и югоосетинского конфликтов, то впоследствии грузинское правительство использовало заверения об активной работе над созданием правового механизма по предоставлению потомкам жертв депортации гражданства Грузии ради интеграции в североатлантические и общеевропейские структуры, посредничество при которой взяла на себя Турция. В частности подобную риторику использовала грузинская сторона при вступлении в Совет Европы. Представители

Турецкой Республики рассчитывали, что ПАСЕ будет играть ведущую роль в урегулировании правового статуса турок-месхетинцев, однако начиная с 1999 г. этот вопрос был снят с основной повестки дня этой международной организации.

В 1999 г. Грузия взяла на себя обязательства по возвращению турок-месхетинцев на их историческую родину в качестве главного условия членства в Совете Европы [7: 11]. Пункт 10.i.e. Сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы от 25–29 января 1999 г. под № 209 «О заявке Грузии на вступление в члены Совета Европы» гласит [4: 13]:

«Принять в течение двух лет с момента ее вступления закон, который бы позволил туркам-месхетинцам, депортированным советским режимом, вернуться на родину и слиться с ее населением, включая право на обретение грузинского гражданства, провести консультации с Советом Европы по поводу данного закона перед его принятием, в течение трех лет после ее вступления начать процесс репатриации и слияния, а в течение двенадцати лет с момента ее вступления — завершить репатриацию месхетинского населения».

Подписание Шеварднадзе президентского указа «Об утверждении государственной программы решения правовых и социальных проблем депортированных и репатриированных в Грузию месхов» в декабре 1996 г. действительно санкционировало создание специальной комиссии, чья работа, в отличие от аналогичного органа российской юстиции, полностью нивелировалась дальнейшими постановлениями, принятыми грузинским парламентом с 1997 по 2007 гг. с целью «уточнения определения жертв политических репрессий» [5: 162–163]. Создание нормативно-правовой базы, которая на сегодняшний день обеспечивается законами об упрощении выдачи гражданства жертвам насильственных депортаций и их потомкам, принятыми при активном посредничестве Совета Европы, также не может решить проблему юридического статуса турок-месхетинцев в Грузии в виде создания искусственных бюрократических трудностей для заявителей. Вследствие этого лишь незначительное количество иностранных граждан месхетинского происхождения смогли воспользоваться своим законным правом на получение гражданства Грузии [5: 164].

Противоположная ситуация наблюдается в Турции; уже 2 июля 1992 г. Великое национальное собрание принимает Закон № 3835 «О приеме и расселение турок-месхетинцев в Турции», который был

нацелен на предоставление упрощенного порядка предоставления вида на жительство и последующей натурализации иностранных граждан месхетинского происхождения вне зависимости от страны их прибытия [11: 344]. После переселения первых двухсот семей в провинцию Ыгдыр было установлено квотирование на количество лиц, которых турецкая сторона может размещать ежегодно. Помимо Стамбула, Анкары, Измира и Бурсы, основными центрами месхетинской диаспоры стали в том числе крупные города мраморноморского региона, такие как Ыылдырым, Чанаккале, Гюрсу и Инегель [14: 70].

С увеличением числа месхетинских эмигрантов в начале 2000-х гг. правительство Турции принимает Постановление № 10856, согласно которому все турки-месхетинцы, приехавшие в страну и получившие вид на жительство до 01.04.2000 г., автоматически получили турецкое гражданство [15: 233]. Впоследствии принимающая сторона распространяла действие данного акта и на следующих переселенцев, так, согласно Закону № 5838 от 18 февраля 2009 г., было установлено, что все лица месхетинского происхождения, имеющие вид на жительство на момент 10 января 2009 г., имеют гарантированное право подать в течение последующих трех месяцев заявление на получение гражданства в Турецкой Республике [13]; также соответствующим образом решались вопросы эквивалентности дипломов о высшем и профессиональном образовании для заявителей-месхетинцев.

К 2010-х гг. миграция турок-месхетинцев в Турцию не носила массового характера, однако ситуация несколько изменилась с началом боевых действий на востоке Украины. В результате по инициативе Реджепа Тайипа Эрдогана в 2015 г. несколько тысяч украинских граждан месхетинского происхождения были размещены на территории провинции Эрзинджан, главным образом, в городе Узюмлю [15: 234]. По причине длительного бездействия грузинской стороны в решении месхетинского вопроса в 2017 г. правительство Турции приняло решение о предоставлении исключительных прав на получение турецкого гражданства лицам месхетинского происхождения. Согласно данным официальной статистики с 1992 по 2012 гг., около 28 тыс. турок-месхетинцев получили гражданство Турецкой Республики, а к 2019 г. их число превысило 40 тыс. [7: 11].

При поддержке турецкого правительства был сформирован Всемирный союз турок-месхетинцев (Dünya Ahıska Türkleri Birliği — ДАТУБ),

координирующий деятельность месхетинских землячеств Турции, России, США, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана [17: 12–14]. Представители ДАТУБ проводят регулярные встречи с официальными лицами Турции и Грузии по вопросу реализации грузинской стороной Закона о репатриации и выдвигают программные требования по различным социальным вопросам. Данная НКО, хоть и считается организацией гражданского общества, но по своей сути является одним из инструментов политики турецкой мягкой силы в закавказском регионе, в ряде исследований именуемой неоосманизмом [2: 72–73].

Несмотря на все сложности и нежелание грузинского правительства выполнять взятые на себя обязательства, руководство Турции продолжает прилагать усилия по возвращению турок-месхетинцев в Грузию, считая эту проблему одной из важнейших стратегических задач внешней политики турецкого государства, но принимая во внимание тот факт, что оказание давления на Грузию в этом отношении может привести к серьезному ухудшению отношений между двумя странами. Тем не менее не так давно министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу сделал заявление о том, что страна продолжит отстаивать права братского турко-месхетинского народа [9].

Поддержание турецко-грузинских отношений на высоком уровне жизненно необходимо для укрепления турецко-грузино-азербайджанского сотрудничества в энергетической сфере, в котором Грузии отводится роль государства-транзитера, в рамках долгосрочной внешнеполитической стратегии являющейся связующим звеном в перенаправлении ключевых евразийских газоносных энергетических магистралей в обеспечении единого экономического пространства между Европой, Турцией, Закавказьем и Центральной Азией.

Подводя итог, важно отметить, что, несмотря на всю сложность политико-правовой проблематики отношений между основными международными акторами данного региона, в которых месхетинский фактор может являться лишь очередной составляющей масштабной геостратегической игры, наиболее важной проблемой является вопрос культурной и национальной идентичности турок-месхетинцев, лишенных своей родины и рассеянных по всему постсоветскому пространству. В этой связи стоит отметить, что их интеграция в грузинское общество фактически невозможна ввиду главного тезиса современного грузинского внутринационального курса, базисом которого является тезис, выдвиг-

нутый в 1860 г. И. Г. Чавчавадзе о трех столпах грузинской идентичности: общая территория, язык и религия [10: 198–199].

Литература:

1. Абашидзе, А. Х. Аджария: История, дипломатия, международное право. — М.: РАУ — Университет, 1998.
2. Алексенян, Л. М. Политика мягкой силы Турции в отношении Грузии // Вестник МГИМО — Университета, — 2016. — № 47. — С. 72–79.
3. Бугай, Н. Ф., Мамаев, М. Турки-мехетинцы: Грузия, Узбекистан, Россия, США / Н. Ф. Бугай, М. Мамаев. — М.: МСНК-пресс, 2009.
4. Совет Европы. Парламентская Ассамблея. Сессия 1999 г. (Первая часть). 25–29.04.1999. — URL: <https://rm.coe.int/adoptedtext1999january/16809837c2> (Проверено 05.05.2022).
5. Усманов, А. О. К вопросу о конституционно-правовой реабилитации мехетинских турок: политико-правовой аспект // Гуманитарные и юридические исследования. — 2017. — № 3. — С. 159–165.
6. Цибенко, В. А. Обыкновенный неоосманизм: Османские очаги и янычары дворца // Арабские маршруты в азиатском контексте / Отв. ред. М. И. Василенко, П. И. Погорелский. — СПб.: МАЭ РАН, 2016. — С. 381–390.
7. Ahıska Sürgünü ve Sürgünün Son Tanıkları / Ed. E. E. Gönüllü, U. D. Öncel. — Ankara: T. C. Kültür ve Turizm Bakankağı, 2020.
8. Badem, C. Çarlık Yönetiminde Kars, Ardahan, Artvin. — İstanbul: Aras Yaıncılık, 2018.
9. Bakan Çavuşođlu: Ahıska Türklerini ne yurt dışında ne Türkiye’de yalnız bırakırız [Электронный документ] 10.12.2021. — URL: <https://www.gazetevatan.com/amp/siyaset/bakan-cavusoglu-ahıska-turklerini-ne-yurt-disinda-ne-turkiyede-yalniz-birakiriz-2007471> (Проверено 05.05.2022).
10. Chkhartishvili, M. Georgian Nationalism and the Idea of Georgian Nation // Codrul Cosminului. — 2013. — № 19. — P. 189–206.
11. Devrişeva, K. Ahıska Türklerin Bitmeyen Göçü // SUTAD. — 2019. — № 45. — S. 333–352.
12. Özbay, R. D. Gürcistan: Sosyo-Ekonomik Yapısı Dünya ve Türkiye ile İlişkileri. — İstanbul: İstanbul Ticaret Odası, 2014.
13. Resmi Gazete. 5838/18.02.2009 [Электронный документ] 28.02.2009. — URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2009/02/20090228M1-1.htm> (Проверено 05.05.2022).

14. Topçu, D. Türkiye'deki Ahıska Türklerinin Sosyolojik Görünümü: İnegöl İlçesi Örneği / D. Topçu, K. Kaya // Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi. — 2020. — № 50. — S. 60–76.
15. Tugay, B. Sorunlu Türk Bölgelerine Yönelik Türk Dış Politikası: Uygur, Ahıska Türkleri ve Kırım Türkleri Örnekleri // XVIII. Türk Tarih Kongresi. Ankara: Türk Tarih Kurumu Başkanlığı. — 2018. — S. 223–241.
16. Turkish Cooperation and Coordination Agency: Annual report 2014 / Ed. by A. Bıçaksız, T. Hrynick. — Ankara: TİKA Press Unit Anatolian Agency (AA), 2014.
17. Üren, M. Çıkar ve Güç Dengesi Kısılacındaki Ahıska Türkleri Sorunu // Üsküdar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — 2016. — № 2. — S. 1–39.

Г. А. Мухаммедов

«Караманнаме» как исторический источник по истории Крестовых походов

Аннотация: В государстве Сельджукидов были написаны книги по истории государства. Эти книги вышли под названием «Сельджукнаме». Впоследствии они явились примером для создания подобного рода книг в других государствах, в том числе, у Караманидов, которые составили книгу «Караманнаме».

Успешная борьба Караманидов против крестоносцев способствовала их политической активизации. Победа над крестоносцами-франками укрепила доверие султана, и он пожаловал Караманидам Эрменек. Все эти события изложены в «Караманнаме».

Ключевые слова: «Караманнаме», Караманиды, франки, Эрменек, Крестовые походы, Румский султанат, Киликия.

G. A. Mukhammedov

“Karamanname” as a historical source on the history of the Crusades

Abstract: Books on the history of the state were written in the Seljukid state. These books were published under the name “Seljukname”. Subsequently, they became an example for the creation of such books in other states, including the Karamanids, who compiled the book “Karamanname”.

The successful struggle of the Karakhanids against the Crusaders contributed to their political activization. The victory over the Crusading Franks strengthened the sultan's trust, and he granted Ermenek to the Karamanids. All these events are described in the “Karamannam”.

Key words: “Karamanname”, Karamanids, Franks, Ermenek, Crusades, Rum Sultanate, Cilicia.

20-е годы XIII в. в истории малоазиатских государств были очень сложным периодом. На востоке началось монгольское нашествие, на западе продолжались Крестовые походы европейских стран против му-

сульманских государств. Эти исторические события сильно повлияли на международную обстановку в Малой Азии: ослабел Румский султанат и на его территории появились новые туркменские бейлики, в том числе караманидский. Представители караманидов до XIII в. жили в Самарканде, Мерве, Серахсе и других областях Средней Азии [1: 268–290]. В 20-е гг. XIII в. в результате монгольского нашествия они мигрировали из Средней Азии через Муганскую степь и Ширван в Анатолию. Как сообщается в «Караманнаме»: «они [карамани] потомки Огуза, из Ширвана» [3: 101]. Сельджукский султан Алаеддин Кейкубад поселил их в Эрменеке, на границе Киликии, с условием защищать имперские границы. В 40-х гг. XIII в. в результате ослабления Румского султаната они получили относительную независимость.

Караманиды создали свое государство, как *уч бейлик*, которое было образовано в 1256 г. на юге Малой Азии. Караманиды вели долгую войну против монголов, крестоносцев и османов. Они конкурировали с османами за гегемонию в Малой Азии и восстановление единого туркменского государства. Однако соперничество закончилось победой османов: в 1483 г. Караманидское государство вошло в состав Османской империи.

В государстве Сельджукидов были написаны книги по истории под названием «Сельджукнаме», впоследствии ставшие примером для создания подобного рода книг в других государствах. Среди подобных произведений «Салтукнаме», «Данешменднаме», «Батталнаме» и др. Их примеру последовали и караманиды, оставившие книгу «Караманнаме».

Миграция караманидов в Малую Азию датируется 20-ми гг. XIII в. (примерно 1228 г.) [2: 240]. Эта дата совпадает с началом Шестого крестового похода. Сельджукский султан Алаеддин Кейкубад посетил их в Эрменеке, в ответ караманиды были обязаны защитить имперские границы от походов со стороны Киликии.

Крестовые походы, повлияли на всю историю человечества и нашли свое отражение во многих исторических трудах, среди них представляет значительной интерес книга «Караманнаме». Этот источник содержит в себе драгоценные данные по истории Караманидов и соседних стран, их географическое местоположение, а также важнейшие события международных отношений, в том числе и Крестовые походы.

Согласно «Караманнаме», «в то время Горкес, Искендерун, Пайас и Анталлийе были в руках франков. После чего шестьдесят тысяч фран-

ков напали на Конью. Узнав об этом, Клыч Арслан мобилизовал свою армию, развернул их обратно в сторону Аксарай и совершил поход против кафиров (еретиков)» [3: 101].

Многие ученые считают, что появление Караманидов на политической арене связано с ослаблением Румского султаната в результате монгольского завоевания. Это один из факторов, повлиявших на политическую активизацию Караманидов. Однако существует еще одно историческое условие, способствовавшее образованию и развитию бейлика: это успешная борьба против крестоносцев. В результате они смогли вернуть Анталию, Горкес и некоторые другие крепости. Все эти события изложены в «Караманнаме».

В 1228 г. армянское государство Киликия при помощи крестоносцев завершило поход против Сельджукидов, отвоевав и заняв несколько крепостей. Чтобы освободить свои земли, султан Алаеддин Кейкубад отправил против них Караманидов. Победа над крестоносцами-франками укрепила доверие султана, и он пожаловал Караманидам Эрменек.

В «Караманнаме» говорится, что возросшее могущество караманидов вызвало беспокойство у султана Алаеддин Кейкубада. Правитель караманидов Нуретдин-бей был вызван в Конью. Во время встречи султана с Нуретдином крестоносцы напали на их земли [3: 101].

В источнике автор не придерживался определенной хронологии при описании событий. Борьба Караманидов против франков, совпадает с правлением Нуретдин бей. В этот период крестоносцы начали Седьмой Крестовый поход (1248-1254). В книге крестоносцев называют «франками», «латинами» или «кафирами». По словам автора, «франки одевались в железные латы, напоминающее стальную реку». [3: 101] Эти слова подтверждают участие европейских рыцарей в Крестовых походах.

Литература:

1. Атаев, Х. Туркмени-салары (салыры) Китая. Очерки о туркменах Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Турции и Китая // Туркмены зарубежного востока. — Ашгабат: Туркменистан, 1993. — С. 268–290.
2. Sewim, A. Türkiye tarihi / A. Sewim, Y. Yücel. — İstanbul: Türk Tarih kurumu basımevi, 1990. — 240 p.
3. Şikârî. Karaman Tarihi / Çev: Mesud Koman // Millet Kütüphanesi. — № 458. — Konya, 1946.

Г. А. Набиуллина, Г. Н. Галимова

Коммуникативные ценности гармоничного общения в татарских и турецких поговорках

Аннотация: В настоящее время, несмотря на имеющийся фактический материал и наличие научных публикаций, рассматривающих отдельные аспекты коммуникативной культуры, лингвокультурологическое исследование, посвященное вопросам этнокультурных особенностей речевого поведения отдельных тюркских народов, является актуальным в современном языкознании. В рамках данной статьи исследование велось на материале паремиологических единиц татарского и турецкого языков. В ходе исследования были выявлены типичные, а также специфические характеристики этнокультурных стереотипов, выражающие уникальность татарской и турецкой речевой культуры. Наиболее значимыми категориями гармоничного общения татар и турок являются скромность, сдержанность, вежливость, открытость, душевность и уважение. Анализ стереотипов коммуникативного поведения показывает, что, несмотря на принадлежность к разным этнокультурам, татары и турки остаются верными соблюдению народных обычаев и специфических речевых культур.

Ключевые слова: этнокультурный стереотип, коммуникативное поведение, речевая культура, татарская этнокультура, турецкая этнокультура паремиологический фонд.

G. A. Nabiullina, G. N. Galimova

Communicative values of harmonious communication in Tatar and Turkish proverbs

Abstract: At present, despite the available factual material and the availability of scientific publications dealing with certain aspects of communicative culture, linguocultural research on the issues of ethno-cultural features of speech behavior of individual Turkic peoples is relevant in modern linguistics. In the framework of this article, the study was conducted on the material of paremiological units of the Tatar and Turkish languages. The study identified typical and specific characteristics of ethno-cultural stereotypes that express the uniqueness of the Tatar and Turk-

ish speech culture. The most important categories of harmonious communication between Tatars and Turks are modesty, restraint, politeness, openness, sincerity and respect. The analysis of stereotypes of communicative behavior shows that despite belonging to different ethnic cultures, Tatars and Turks remain faithful to the observance of folk customs and specific speech cultures.

Key words: ethno-cultural stereotype, communicative behavior, speech culture, Tatar ethno-culture, Turkish ethno-culture paremiological foundation.

Коммуникативная культура является важным элементом духовной культуры народа. В основе коммуникативной культуры лежат общепринятые нравственные требования к коммуникативному поведению этноса. Коммуникативное поведение определяется ценностями, национальными правилами поведения, присущими каждой этнокультуре. Проблемы изучения коммуникативного поведения, коммуникативной культуры включают в себя много вопросов, связанных с межкультурной коммуникацией и языковой компетентностью народа.

За последнее время в современном языкознании возрос интерес к исследованиям национальных особенностей языковых способов выражения коммуникативных норм и поведения [8]. В тюркологии в последние десятилетия появился ряд монографических исследований социолингвистического, этнолингвистического и лингвокультурологического плана, лингвистическое изучение стереотипов речевой культуры [1; 2; 3; 4]. Особый интерес представляют сравнительные исследования стереотипов речевого общения тюркских народов, поскольку этнокультурные стереотипы в данном ракурсе ранее в науке не изучались. Цель нашего исследования — изучение коммуникативных ценностей гармоничного общения татар и турок, представленных в паремиологическом фонде. Материалом исследования являются татарские и турецкие пословицы [5; 6]. На наш взгляд, исследование коммуникативного поведения на материале паремий позволяет выявить общие правила коммуникативного поведения этноса, которые оказываются намного богаче, разнообразнее и точнее многих современных основополагающих концепций эффективной передачи информации [7]. Именно пословицы являются средством выражения стереотипа, отражающие в своей семантике культуры народа, передают национальный характер, исторический и культурный колорит [7].

Актуальность исследования обусловлена тем, что этнокультурологическое исследование коммуникативных ценностей гармонично-

го общения татарского и турецкого народов позволяет переосмыслить коммуникативную культуру этноса в современном контексте и выявить типичные и специфичные характеристики коммуникативной культуры татарского и турецкого народов.

Этнокультурные стереотипы коммуникативного поведения татар и турок тесно связаны с их ментальными и культурными ценностями. Татары независимо от вероисповедания, национальности и социального положения собеседника относятся к нему по-доброму, уважительно и дружелюбно. К основным ментальным качествам татар относятся также терпимость и толерантность. А турки очень вежливы и обходительны. При встрече они всегда приветливы и радушны, этикету придают большое значение. Все эти основные черты этносов нашли отражение в речевой культуре.

Культура гармоничного общения и этикет играют важную роль в коммуникативном поведении татар и турок. В культуре общения проявляется воспитанность, ум человека, уважительное отношение к собеседнику.

Умение вести беседу во все времена считалось наивысшим искусством. Умение говорить, слушать, слышать и понимать речь собеседника является основой культуры общения. Нужно отметить, что в татарской и турецкой лингвокультурах оценивается умение выслушать собеседника, запрещается перебивать речь человека: *Белмичә сөйләгәнче, белгәннең сүзен тыңлау яхшы* (досл. Лучше слушать речь того кто знает, чем говорить не зная.); *Үзең ишетәсе килмәгән сүзне кешең сөйләмә* (Тот, кто говорит всё, что хочет, услышит то, чего не хочет); *Sözü söyle alana, kulağında kalana* (Слово говори тому, кто слушать будет); *İstediğini söyleyen istemediğini iştirir* (Тот, кто говорит всё, что хочет, услышит то, чего не хочет) и т. д.

В татарской лингвокультуре умение правильно начать разговор, задавать вопросы являются ценными качествами речевой культуры: *Ничек эндәшсәң, шундый җавап* (Какой привет, такой ответ); *Соравына күрә җавабы* (Какой вопрос, такой ответ); *Жеп турында сөйләгәч, энәсеннән башлау хәерле* (досл. Если разговор о нити, нужно начать с иголки) и т. д.

Нужно отметить, что в татарской лингвокультуре юмор должен соответствовать ситуации, а в турецкой лингвокультуре предпочтение отдается серьезному разговору. Если собеседник решил шутить, то его шутка должна быть уместной и тактичной: *Үен сүзгә мәгънә кирәк* (*Шут-*

ка должна быть со смыслом); *Уйнап әйтсәң дә уйлап әйт* (досл. Если говоришь в шутку, говори обдуманно); *Gülme komşuna gelir başına* (Не смейся над соседом, с тобой такое же может случиться); *Şakanın sonu kaka* (Последствия шутки могут быть плохи) и т.д.

Категория вежливости является одной из главных коммуникативных категорий гармоничного общения татар и турок. Под вежливостью понимают умение уважительно и тактично общаться с людьми, найти компромиссы. Стереотип вежливости связан с такими качествами, как воспитанность, тактичность, обходительность и мудрость: *Акыллы кеше сүз әйткәндә, әйтер сүзен чамалар* (Умный человек знает что говорить); *Әдәп башы — тел* (Воспитанный умеет разговаривать); *Инсафлының теле саф* (Воспитанный человек всегда вежливо говорит); *Açırma kutuyu, söyletme kötüyü* (Не вынуждай открывать коробку, не заставляй говорить (припоминать) плохое); *Tatsız çorbaya tuz, akılsız kafaya söz kâr etmez* (Бесполезны соль в невкусный суп и слово для глупого человека) и т.д.

В татарской лингвокультуре высоко оценивается доброе, хорошее, ласковое, толковое слово: *Яхшы сүз балдан татлы* (Доброе слово слаще меда); *Татлы тел тимер капканы да ачар* (Сладкие слова откроют и железные ворота); *Жайлы сүз жан зрәтә* (Толковое слово душу греет); *Жылы сүз — жан азыгы* (Теплое слово — духовная пища). С точки зрения турецкой коммуникативной культуры человек должен говорить «вкусно и сладко»: *Tatlı dil yılanı deliğinden çıkarır* (Букв.: Сладкое слово змею из норы выманит); *Tatlı ye, tatlı söyle* (Ешь сладкое, говори сладко); *Tatlı söz dinletir, tatsız söz esnetir* (Сладкое слово заставит слушать, несладкое — зевать) и т.д.

В разговоре татары и турки стараются проявлять уважение, не обидеть собеседника: *Сыйларга сыең булмаса, сыйпарга телең булсын* (Если нечем угостить, угощай приятными словами); *Buğday ekmeğin yoksa buğday dilin de mi yok* (Если у тебя нет ржаного хлеба, приятного слова тоже нет что-ли?); *Cebinde para bulunmayanın, hiç değilse dilinde bal bulunmalı* (Если нет денег, то хотя-бы на языке мед должен быть) и т.д.

Таким образом, тактичность, обходительность, уважительность, любезность и доброжелательность являются главными качествами в коммуникативном поведении татар и турок.

Такие качества, как **открытость, искренность, душевность** являются главными критериями эффективного и гармоничного обще-

ния в татарском и турецком речевом поведении: *Тел — күңел көзгесе* (Язык — зеркало души); *Йөрәктән чыкмаган йөрәккә җитмәс* (Слово, которое не идет от сердца, не доходит к сердцу); *Yürekten çıkmayan söz insanı yarı yolda bırakır* (Слово, которое не идет от сердца, оставит человека на пол-пути) и т. д.

Достаточно значимыми для речевой культуры являются такие черты, как прямота и правдивость: *Телнең зиннәте — тугры сүз* (Правдивое слово — украшение языка); *Туры сүзгә ант кирәкми* (досл. Правдивому слову клятва не нужна); *Doğru söyleyenin bir ayağı üzengide gerek* (У того, кто говорит правду, одна нога должна быть в стремени); *Dost acı söyler* (Друг скажет горькую правду) и т. д.

Анализ паремий позволяет сделать вывод, что в пословичных системах обеих культур одинаково представлены этнокультурные стереотипы коммуникативного поведения. Наиболее значимыми категориями гармоничного общения татар и турок являются скромность, сдержанность, вежливость, открытость, душевность и уважение. Отдается предпочтение правде перед ложью, молчанию перед болтливостью, делу перед словом. Тем не менее речевая культура каждого этноса многообразна, неповторима и уникальна. Татарская коммуникативная культура отличается простотой, неофициальностью, эмоциональностью, татарам свойственно умение поддержать разговор, уважать собеседника. Турки в коммуникативном поведении очень вежливы и обходительны, всегда приветливы и радушны, этикету придают большое значение.

На наш взгляд, системное изучение и описание этнокультурных стереотипов коммуникативного поведения татарского и турецкого народов в синхронии и диахронии было бы перспективно в сфере интересов лингвистики, лингвокультурологии, этики и культурологии.

Литература:

1. Абдуллин, А. А. Этические выражения в современном татарском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Казань, 2006. — 25 с.
2. Исина, Г. И. Стереотипы и национальная языковая картина мира: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — Алматы, 2008. — 55 с.
3. Кузнецов, А. В. Вербальные средства этикетного общения в чувашском языке: опыт компаративного, контрастивного и этнолингвокультурологического изучения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Чебоксары, 2004. — 25 с.

4. Сайфуллина, Э. Р. Когнитивная сфера русских и татарских паремий: «образ языка» и нормы речевого поведения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2009.
5. Татар халык ижаты. Мәкальләр һәм әйтемнәр. — Казан: Татгосиздат, 1987. — 590 б.
6. Aksoy, Ö. A. Atasözleri ve deyimler sözlüğü. Atasözleri sözlüğü. — İstanbul: İnkılâp Kitabevi Yayın Sanayi ve Ticaret AŞ, 2014. — 486 s.
7. Mugtasimova, G. R. Paremiological fund of the Tatar people in the ethno-linguistic aspect / G. R. Mugtasimova, G. A. Nabiullina, E. N. Denmukhametova // Life Science Journal. — 2014. — Volume 11. — Issue 11. — P. 409–412.
8. Wierzbicka, A. Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. — New York: Oxford University Press, 1992.

О. А. Нурьева

Деепричастия в языке «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского

Аннотация: В статье исследуются морфологические единицы, в частности употребление деепричастий в произведении «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского. Нами выявлено, что в языке указанного произведения часто употребляются деепричастные формы на *-ur/-ip* и *-a/-e*. В предложении они обозначают действие, означающее определенное значение по отношению к основному действию.

Собранные факты при исследовании языка «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского свидетельствуют о наличии богатейшего материала для изучения истории туркменского языка.

Ключевые слова: деепричастия в туркменском языке, деепричастные формы.

O. A. Nuryyeva

Participles in “Kutadgu bilig” language of Yusuf Balasagunsky

Abstract: The article examines morphological units, in particular, the use of gerunds in the work “Kutadgu bilig” of Yusuf Balasagunsky. We have found that in the language of this work, participle forms in *-ur/-ip* and *-a/-e* are often used. In a sentence, they denote an action that has a certain meaning relative to the main action.

The facts collected during the study of the language “Kutadgu bilig” by Yusuf Balasagunsky testify to the presence of the richest material for studying the history of Turkmen language.

Key words: gerunds in Turkmen language, gerund forms.

Язык «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского весьма богат морфологическими единицами. При исследовании языка «Кутадгу билиг» в историческом аспекте нами выявлено употребление деепричастий, дающее богатый материал для изучения истории туркменского языка.

Деепричастия, как правило, в предложении относятся к глаголам и выполняют функцию обстоятельства. Они имеют специальные формообразующие аффиксы. Деепричастия также выступают в роли сказуемого в придаточной части сложноподчиненного предложения. В грамматиках туркменского языка дается определение деепричастиям. «Выступая в предложении в роли обстоятельства, деепричастия синтаксически приближаются к наречиям. В туркменском языкознании для обозначения этой функционально-грамматической категории глаголов используется термин *хал ишилиги*. Как правило деепричастия кроме грамматически выражения времени и принятия личных окончаний глаголов заключают в себе все особенности глаголов как части речи: из их лексического значения осознается движение, процесс, который требует от имени, относящемуся к нему, склоняться в определенном падеже; сохраняют свойство переходности и непереходности, могут употребляться с аффиксами категории наклонения глаголов, имеют отрицательную и положительную форму и т. п.» [3: 425].

Деепричастные формы образуются с помощью различных аффиксов. В языке произведения «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского высока частотность употребления деепричастной формы на *-yp/-ip*. Эта форма в языке «Кутадгу билиг» дается арабской графикой. Деепричастная форма на *-yp/-ip* с долгими гласными приводится в словах с **اب, يب**, а в словах с краткими гласными с **وب**. Деепричастная форма на *-yp/-ip* в туркменском языке употребляется в четырех формах: *-yp/-ip*, *-up/-ür*.

Древней формой деепричастия также является *-yban/-ibän*. Форма *-yp/-ip* также является древней формой деепричастия и сохранилась до наших дней. Она до сих пор активно употребляется в современном туркменском языке. В языке проанализированного нами письменного памятника высока частотность употребления деепричастной формы на *-yp/-ip*. Например:

Tutup çaldy (توتوب خالدى) ýerke agur ig gelip [КБ, 88] ‘Тяжёлая болезнь приды, свалила его наземь’.

Geçip bardy (كجيب بردى) öd gün ýawalyk bile [КБ, 39] ‘Проведя время впустую’.

В языке «Кутадгу билиг» деепричастная форма на *-yp/-ip* выполняет в предложении функцию действия, протекающего перед главным. Например:

Ölürin bilip (اولورن بليب) kylmyş özke itig [КБ, 31] ‘Узнав, что умрет, делал другим добро’.

Ýunup tang namaz kyldy (يونوب تنك نماز قيلدى) tatty aşa [КБ, 416] ‘После омовения совершил намаз (молитву), попробовал пищу’.

В анализируемом письменном памятнике есть случаи употребления деепричастной формы на *-yp/-ip*, обозначающей действие, происходящее перед основным действием, когда оно включает в себе некоторые смысловые оттенки. В этом случае эта деепричастная форма означает причину, условие, время действия.

В языке «Кутадгу билиг» действие, выраженное деепричастной формой на *-yp/-ip*, предшествующее основному действию, означает время. В этом случае деепричастная форма передает значение времени через конструкцию *-andan / -enden soň*, выражающей время [2: 68]. Деепричастная форма, выраженная таким образом, встречается в языке анализируемого письменного памятника. Например:

Akytty gözün ýaş kör oglyň görüp (كوروب) [КБ, 95] ‘Слепой, увидев сына, пролил слезы’.

В языке анализируемого письменного памятника деепричастная форма, выражающая действие, предшествующее основному действию, указывает на причину возникновения основного действия. Например:

Küsäp geldim (كوساب گلديم) emdi tapugka küçün [КБ, 70] ‘Приобретя силу, пришел я теперь, жажда увидеть’.

В языке «Кутадгу билиг» деепричастная форма, выраженная перед основным действием, указывает причину его возникновения. В этом случае действие, с которым связана деепричастная форма, имеет форму будущего времени. Туркменский ученый А. Аннануров отмечает, что после логической последовательности между двумя действиями возникает значение условности. Он подчеркивает, что обозначение деепричастной формы времени — это результат его последовательного увязывания с основным глаголом [2: 68]. Такая деепричастная форма встречается в языке анализируемого памятника. Например:

Ýaraglyg ýaragsyzny titrú körüp (تترو كوروب) [КБ, 35] ‘Вооружённый, увидев безоружного, стал трястись (от страха)’.

Однако в некоторых случаях деепричастная форма на *-yp/-ip*, обозначающая действие, предшествующее основному (действию), передает противоположное основному действию значение. Происходит противоречие между действиями, выраженными деепричастием и основным действием. Глаголы, обозначающие основное действие и имеющие деепричастную форму, содержат в себе слова-антонимы или, если

деепричастие стоит в утвердительной форме, то основное действие бывает в отрицательной форме, или наоборот. В языке «Кутадгу билиг» деепричастная форма, выраженная таким образом, встречается редко. В качестве примера приведем следующее:

Tüni boldy ýulça ýitip (يَتِيْب) bolmady [КБ, 426] ‘Невозможно осознать, что ночь длится как год’.

В языке анализируемого памятника глагол *diýmek* ‘говорить’ выступает в деепричастной форме на *-yp/-ip*. Он выполняет связующую функцию в предложении и помогает установить связь между автором и слушающим. Такая структура с деепричастной формой редко встречается в языке «Кутадгу билиг». Например:

Jefa kyldy tip (تِيْب) sen ilenme maňa [КБ, 90] ‘Ты меня не ругай за то, что я намучился’.

В языке анализируемого памятника деепричастная форма на *-yp/-ip* выражает действие, которое происходит вместе с основным (действием). Возникновение такого рода действия редко встречается в языке «Кутадгу билиг». Например:

Turup çykty (توروب چقتى) andyn sakynçyn tügük [КБ, 92] ‘Встав, вышел оттуда со сморщенным лицом, с чувством беспокойства’.

В языке бывают случаи, когда значение деепричастной формы на *-yp/-ip* выступает после основного действия. Но такие случаи употребления деепричастной формы на *-yp/-ip* в «Кутадгу билиг» не зафиксированы.

Деепричастная форма на *-yp/-ip* встречается и в языке других древних письменных источников, а также в диалектах туркменского языка. Например:

Alçakdan ýüje ýerlere çapub çykdy [ГА, 26-5] ‘Доскакав с углубленных мест до возвышенности’.

Tany:p ‘зная’, *oku:p* ‘читая’ (северный говор йомудского диалекта, диалект сурхы), *barlap* ‘проверив’, *işläp* ‘проработав’ (в диалектах чегес, кырач, мукры) и т. д. [1: 365–366].

Наидревнейшей деепричастной формы на *-yban/-ibän*, а также отрицательных форм деепричастия на *-madan*, *-maýun*, *-ma:n*, *-maýur*, *-ma:p* в языке анализируемого письменного памятника нет.

В языке «Кутадгу билиг» употребляется деепричастная форма на *-a/-e*. Деепричастная форма на *-a/-e*, как и деепричастная форма на *-yp/-ip*, имеет свое значение. В предложении она выступает в роли обстоя-

тельства и обозначает ситуацию. Действие, обозначаемое этой формой деепричастия, происходит одновременно с основным (действием) и даже раньше.

В языке «Кутадгу билиг» деепричастная форма на *-a/-e* указывает на ситуацию основного действия. Эта деепричастная форма обладает дополнительным действием, выступая в роли обстоятельства, указывает на обстоятельство происходящего основного действия. Деепричастная форма на *-a/-e*, выступая в роли обстоятельства, имеет несколько значений.

В языке «Кутадгу билиг» деепричастная форма на *-a/-e* обозначает действие, происходящее одновременно с основным (действием). Например:

Aça birsü (اجا بيسو) tengri köni edgü ýol [КБ, 418] ‘Открывая Тенгри прямые, кривые дороги’.

Ýatu gördi (يتو كوردى) ança usy gelmedi [КБ, 426] ‘Лёг, попробовав уснуть, но не смог’.

В языке исследуемого памятника деепричастная форма на *-a/-e* обозначает действие, происходящее перед основным действием. Такая форма деепричастия в языке «Кутадгу билиг» встречается редко. Действие в предложении, выраженное деепричастной формой на *-a/-e*, происходящее перед основным действием, бывает либо далеким, либо близким по времени. Например:

(تورو ايتلو) Turu etlü (برغای) bargaý kamug işleriň [КБ, 423] ‘Сделав все дела’.

Деепричастная форма на *-a/-e* в предложении обозначает условие, возникающее для совершения основного действия. Эта форма падежного глагола также редко встречалась в языке исследуемого письменного памятника. Например:

Kaly (سوزلايو بيلسا) sözleyü bilse uç bu tilim [КБ, 81] ‘Если б смог промолвить это мой язык’.

Деепричастная форма на *-a/-e* использовалась и в более древних письменных источниках. Например:

Bunça kazganur akaňym kagan yt ýyl onunç aý alty otuzka uça barty [БК, go-10] ‘Столько завоевав, мой отец-каган в год собаки, в десятом месяце, в двадцать шестой день помер’.

Деепричастная форма на *-a/-e*, употребляемая в языке анализируемого письменного памятника встречается и в диалектах туркменского языка. Например:

“Doklugy[^]götere[^]vilmä:n öla:masak” di:di ‘Сказал: “Так и умрём, не осознав сытости”’ (диалект эрсари).

Использование деепричастной формы на *-a/-e* в письменных памятниках и в диалектах туркменского языка характеризуется историческим явлением.

Деепричастная форма на *-uñça/-inçä* в исследуемом письменном памятнике встречается редко. Эта историческая форма деепричастия в современном туркменском языке имеет форму *-ýañça/-ýänçä*. Например: *gelyänçä* ‘пока придет’, *alýañça* ‘пока возьмет’, *barýañça* ‘пока дойдет’.

Деепричастная форма на *uñça/-inçä* в исследуемом письменном памятнике встречается редко. В качестве примера можно привести:

Ýaşy *ýetmeginçe* (يتماكينچا) *ýoçumaz kylam* [КБ, 33] ‘Пока не достиг (определенного) возраста, не будет предопределена судьба’.

Таким образом, в языке «Кутадгу билиг» высока частотность употребления деепричастных форм на *-yp/-ip* и *-a/-e*. Возможно, эти формы деепричастия были более активны в литературном языке XI в.

Источники:

Бк — Памятник Билге кагану. go-10.

ГА — Книга моего деда Горкуда. 26-5.

КБ — Кутадгу билиг. Наманганская рукопись. — Анкара: Турк дил курумы, 2015. — 226 с.

Литература:

1. Amansaryýew, J. Türkmen dialektologiyasy / J. Amansaryýew. — Aşgabat: Türkmenistan, 1970. — 380 s.
2. Annanurow, A. Türkmen dilinde hal işlik formalary (taryhy aspektde) / A. Annanurow. — Aşgabat: Ylym, 1974. — 197 s.
3. Türkmen diliniň grammatikasy. Morfologiýa / Türkmen diliniň grammatikasy. Morfologiýa. — Aşgabat: Ruh, 2000. — 601 s.

O. Orazov

**Burhânü’ş-şerîa Mahmut B. Ahmed’in “El-Vikâye”
adlı eserinin türkçe tercümelere¹**

Orazsaxet Orazov

**Переводы «Ал-Викая» на турецкий язык,
принадлежащие Бурханушшариа Махмуду ибн Ахмеду**

Orazsakheth Orazov

**Translations of “Al-Vıqaya” in Turkish
by Burhanushsharia Mahmud İbn Ahmed**

Hanefi mezhebinin muteber metinleri arasında yer alan *Vikâyetü’r-rivâye fî mesâili’l-Hidâye* adlı eser, şerh, muhtasar, talik, risale türü muhtelif çalışmalara konu olmuştur. Burhanüşşerîa Mahmut b. Ahmed’in (ö. VII/XIII) Arapça telif etmiş olduğu sözkonusu eseri Türk ve Fars dillerine de tercüme edilmiştir.

Burada, *Vikâye*'nin tercümelere konusuna geçmeden önce, eserin önemi, zamanında yaygınlık kazanmış olması, *Vikâye* ve üzerine yapılan çalışmalara dikkat çekmek bakımından şunları belirtmek yararlı olsa gerek. Nitekim genel olarak tespit edebildiğimiz kadarıyla Türkiye dışındaki nüshaları da dâhil, dolaylı veya doğrudan *Vikâye* üzerine Arapça esas ve ağırlıklı olmakla beraber sözü edilen üç dilde yapılan çalışmalar, tekrarlarıyla 1443 adet olup, bunlardan sadece 127 tanesi biri diğerinden farklı müstakil eserlerdir. Bu 127 teliften de sadece 42'si doğrudan *Vikâye* hakkındaki çalışmalar olup, geriye kalanları Burhânüşşerîa'nın torunu Sadruşşerîa'nın *en-Nükâye* ve *Şerhu'l-*

¹ Bu makale *Burhânü’ş-Şerîa ve Vikâye Adlı Eseri* [(Uludağ Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü) Bursa, 2001] ismiyle yazarın hazırlanmış olduğu yüksek lisans tezinden yararlanarak hazırlanmıştır.

Vikâye'si ve bu ikisi dışındaki bazı şerh ve reddiyelere yazılan haşiye veya risale türünden eserlerdir.

Türkiye çapındaki kütüphane fişlerinde kayıtlı bulunan *Vikâye* nüshaları toplam 293 adet olup, bunlardan 51 tanesi tercümedir. Söz konusu 293 nüshadan 112'si Süleymaniye kütüphanesinde bulunmaktadır. Bu 112 nüshanın da 24'ü Türkçe tercümedir. Buna göre Süleymaniye dışındaki tüm Türkiye kütüphanelerinde 154 adet *Vikâye* metni ve 27 adet tercüme bulunmaktadır.

Vikâye tercümelerinin birisi Farsça, dördü ise Osmanlıca olmak üzere beş ayrı tercümesi günümüze kadar ulaşmıştır. Bu çalışmada Kurt Efendi diye bilinen Muhammed b. Ömer Tatarpazarcık (996/1558) ve Devletoğlu Yusuf el-Balıkesîrî'nin (ö. IX/XIV) *Vikâye* tercümelerinin özellikleri hakkında bilgi verilmeye çalışılacaktır.

Д. А. Пестовская

Анализ некоторых материалов РГИА по Карсской области в составе Российской Империи в 1878 году – начале XX века

Аннотация: Приграничные территории время от времени являлись объектом разногласий между государствами и в одно и тоже время объектом сплочения среди народов со своей историей, культурой, бытом и традиционным укладом жизни. Исключением не был и Южный Кавказ, ставший предметом споров между Османской и Российской империями с конца XIX в.

В данной статье на основе материалов РГИА (отчетов генерал-губернаторов Карсской области за период с 1881 по 1902 гг.) описываются и анализируются особенности правления и постепенного установления порядков местной административной властью Российской Империи на территории региона с 1878 г. по начало XX в.

Ключевые слова: Российская Империя, Османская Империя, Южный Кавказ, Карсская область, Карсский регион, Всеподданнейший отчет, генерал-губернатор, территория, общественное благоустройство, население, вероисповедание, образование, здоровье.

D. A. Pestovskaia

The analysis of some materials of (the) RSHA on the Kars region as a part of the Russian Empire from 1878 and till the beginning of XX century

Abstract: The paper considers the description and analysis of some materials of the RSHA on the Kars region from 1878 and till the beginning of the 20th century. These materials include such chapters as territory, population, duties, taxation, public health, education, etc.

Key words: the Russian Empire, the Ottoman Empire, the South Caucasus, the Kars region, the All-region-(around) report, the Governor-General, territory, public improvement, population, faith (creed), education, health.

На протяжении многих лет Карсская область являлась камнем преткновения, в первую очередь, для таких великих держав, как Османская и Российская империи. Историческая и культурная особенности описываемого региона заключаются в том, что он переходил из рук в руки в разное время то к одному, то к другому государству. Тем самым были вызваны резкая смена административной власти, разномастность населения, насильственный полилог культур и прививание русской культуры в частности и т. д.

В основу данного доклада легли основные отчеты губернаторов Карсской области за период 1878–1902 гг.

Согласно правилу составления и оформления всеподданнейших отчетов губернаторами, этот официальный документ содержал в себе следующие разделы: «Территория и население», «Производительные силы области и экономическая деятельность населения», «Подати и повинности», «Народное здравие и общественное призрение», «Общественное благоустройство и благочиние», «Народное просвещение» и «Заключение».

На протяжении всех отчетных лет подчеркивается сложное географическое расположение Карсской области, характеризующееся труднодоступностью и тяжелыми условиями для строительства инфраструктуры (шоссейных дорог, железнодорожных путей и т. д.) ввиду чрезвычайно горной и скалистой местности, обилием ландшафтов разных уровней, климатическими условиями с резкими перепадами температур в разное время года.

Так, говоря о вопросе населения, следует отметить, что оно было разномастным по своему составу: в первую очередь, это были турки, которые с течением времени мигрировали в Османскую Империю; следовательно, их количество из года в год уменьшалось. За турецким населением в количественном измерении следовали армяне, которые, как и турки, в основном занимались земледелием и торговлей [13: 8]. Однако, как неоднократно указывает военный губернатор Карсской области генерал-майор Одинцов, существовала необходимость добровольного и насильственного отправления армян на родину. В случае, если армяне отказывались ехать за границы Карсской области, приказом им была назначена депортация и собрание необходимых денежных и/или иных материальных средств, необходимых на первое время: «По симь соображеніямь Главнначальствующий счель <...> ходатай-

ствовать передъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ объ облегченіи возвращенія въ Турцію тѣхъ армян, которые изъявлять на это согласіе, съ наступленіемъ же весны выдворить принудительно всѣхъ переселенцевъ, съ пособіемъ изъ собранныхъ для нихъ пожертвований» [15: 22].

Что касается курдов, туркменов и карапапахов, то они были искусными скотоводами. При этом курдам и карапапахам удавалось держать местное население в страхе, так как именно их представители занимались зачастую грабежами, побоями и разжиганием распрей; поджигали дома и были вовлечены в разбои и убийства. Так, например, у курдов ярко проявлялась такая черта в поведении, как месть. Эта месть являлась кровной, поэтому местные жители, опасаясь за собственную жизнь и жизни своих родственников, не решались обратиться к местной полиции, которой, в свою очередь, зачастую не удавалось следить за курдскими преступниками, постоянно незаконно пересекавшими государственные границы Османской и Российской империй. Вследствие этого были приняты меры предосторожности: из нескольких губерний были направлены военные отряды на границы Карсской области. Согласно отчету губернатора Карсской области за 1900 г., «въ настоящемъ своемъ составе и организациіи стража представляетъ достаточную силу въ рукахъ администраціи для успешной борьбы съ хищниками и поддержанія порядка и спокойствія въ населеніи» [19: 22]. Позднее губернатор Карсской области генерал-майор Самойлов в отчете за 1901 г. отмечал, что «введенный согласно утвержденному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, 24 Мая 1899 г., временному положенію, институтъ земской полицейской стражи, въ составѣ <...> инспектора, 4 офицеровъ и 600 нижнихъ чиновъ, въ достаточной мѣрѣ обезпечиваютъ безопасность и спокойствіе сельскаго населенія области» [17: 34 об.]. Однако, как отмечал губернатор, ситуация в городах и поселках была обратная: недостаток полицейского штата являлся большой проблемой для местного населения, поэтому губернатор самостоятельно разработал проект и попросил императора сформировать и организовать новый полицейский корпус [17: 34 об.].

В противопоставление неподобающему поведению курдов, турки (и армяне) были самой скромной категорией населения, отличались тихими манерами в поведении, не устраивали ссор на публике, их женщины также были немногословны и скромны, уважительно относились к старшему поколению.

Помимо турок, армян, греков, курдов и карапахов на территории Карсской области проживали сосланные туда духоборы и молокане — сектанты в рамках православной церкви. С течением времени молокане и духоборы стали снисходительнее и с меньшей агрессией относиться к другим представителям местного населения, в первую очередь, к русским [15: 47]. Молокане назывались именно так потому, что в большей степени их пищевой рацион составляли молоко и молочные продукты. В дальнейшем между самими молоканами и духоборами происходил постепенный раскол в мировоззрении [15: 47].

Заселение территории Карсской области православными русскими началось в 1899 г. [19: 22].

Основными занятиями в экономической жизни населения являлись огородничество и садоводство; скотоводство; коневодство; кустарные промыслы; пчеловодство. Необходимо отметить, что из года в год количественные и качественные показатели урожая резко менялись, ввиду «суровых климатических условий и неблагоприятных атмосферных явлений в Карсской области <...> [19: 20]». Лишь в отчете за 1902 г. губернатор отмечает, что «урожай хлѣбовъ въ отчетномъ году былъ довольно благоприятный во всѣхъ мѣстностяхъ Карсской области, кромѣ Ардаганскаго округа» [18: 2]. Кроме того, местные жители не знали, как прививать растения, а лишь использовали их и пожинали их плоды. Так, в Журнале Карсского областного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в протоколе заседания от 8 января 1903 г. отмечалось, что «населеніе незнакомо съ системой сѣвооборота и травосѣянія; не знаетъ культуры корнеплодовъ, кормовыхъ и промышленныхъ растений; не обладаетъ никакими научными знаніями по веденію сельскаго хозяйства, за отсутствіемъ въ области сельскохозяйственныхъ школъ, образцовыхъ фермъ, опытныхъ и показательныхъ полей <...>» [20: 15]. С течением времени в Карсской области, преимущественно в городе Карс, встал вопрос о необходимости открытия училищ, где было бы возможным обучать новоиспеченных студентов основам огородничества и садоводства.

Что касается кустарных промыслов, здесь то бурили местные соли; пчеловодство в городах и селениях было слабо развито: в основном, часть населения, занимавшегося производством меда, само его и потребляло [13: 12]. Следует отметить, что даже в начале 1900-х гг., «кустарные промыслы находятся въ зачаточномъ состояніи» [20: 16].

Несмотря на сложное географическое расположение и трудное материальное положение Карсской области, со временем началось постепенное развитие и усовершенствование инфраструктуры. Так, когда Карсская область была еще только присоединена к Российской Империи, не было ни шоссейных дорог, ни мостов; в отчетах губернаторы призывали российского императора к прокладке различного типа дорог и путей сообщения, в особенности между городами и селами, с целью облегчения перемещения местного населения между населенными пунктами; доставки водных и пищевых ресурсов; в частности, возможностью добираться до местных кладбищ.

Так, уже к 1900-м годам в городе Карс за счет городских денежных средств были проложены шоссейные дороги, производился ремонт улиц и мостов, было осуществлено благоустройство базарной площади и трех скверов; улучшение Гельбашинской канавы, что способствовало меньшему загрязнению воды и меньшему распространению антисанитарных условий. В свою очередь, в других городах не было замечено в первые годы XX в. резких улучшений по инфраструктуре, ввиду малочисленности населения и отсутствия денежных средств [19: 20–21 об.]. Стоит также отметить строительство казарм в 1900 г. в городах Карс и Сарыкамыш для размещения «пъхотныхъ частей войскъ» [17: 33 об.].

Здоровье населения

Вследствие отсутствия надлежащих условий для благоприятной жизни населения (резкие смены климатических условий, отсутствие гигиены и антисанитария; загрязненная и нефильтруемая вода из Карс-чая, нехватка медицинского персонала и денежных средств на обеспечение более здорового образа жизни) здоровье местных жителей находилось в плачевном состоянии. В основном были распространены такие болезни, как сифилис и другие венерические заболевания; корь; заболевания дыхательных путей и органов и т. д. «Въ общемъ, организацію врачебнаго дѣла въ области нельзя признать удовлетворительною» [19: 23].

Вследствие того, что было невероятно малое количество врачей (один врач на 68 тыс. человек (отчет Комитета)) и в основном это были мужчины, то, разумеется, женщины исламского вероисповедания стеснялись обращаться за медицинской помощью. Поэтому, на одном из заседаний, было принято решение о расширении медицинского штата работников в Карсской области путем включения в него фельдшера-медсестры или акушерки [16: 33 об.].

Народное образование

Еще в 1898 г. военный губернатор Карсской области генерал-майор Одинцов отмечал, что первостепенной задачей должно быть открытие прогимназий и постройка для них зданий, для того чтобы образование могли получать как можно больше детей из разных семей; кроме того губернатор подчеркивал необходимость открытия сельскохозяйственных училищ и духовных заведений [19: 23–24 об.].

Как отмечал губернатор Карсской области генерал-майор Самойлов в отчете за 1901 г., ввиду незнания иноземными жителями Карсской области русского языка, «таже причина лишает возможности имѣть въ селлахъ, преимущественно же съ мусульманскимъ населеніемъ, общественныхъ должностныхъ лицъ, въ желательной мѣрѣ отвѣчающихъ своему назначенію» [17: 35].

Необходимо отметить, что позже, на заседании от 20 января 1903 г. Комитетом было принято удовлетворить одно из следующих прошений касательно образовательной реформы: «для проведенія въ жизнь покореннаго 25 лѣтъ тому назадъ туземнаго населенія началъ русской государственной жизни и органическаго слянія его съ новымъ ихъ отечествомъ необходимо прежде всего вывести туземцевъ изъ инертнаго и невѣжественнаго состоянія, обязаннаго своимъ происхожденіемъ тяжелому многовѣковому турецкому игу. Достигнуть этой благой цѣли возможно лишь путемъ распространенія въ населеніи знанія русскаго языка и грамоты. Въ этихъ видахъ Комитетъ признаетъ чрезвычайно важнымъ и необходимымъ открытіе прежде всего въ области наивозможно большаго числа народныхъ школъ» [20: 26–27 об.].

Ввиду непосильных для мусульманского населения налогов поступали прошения об их переселении в Турцию [17: 35 об.]. В отчете за 1902 г. в разделе «Стремленіе мусульманъ къ выселенію въ Турцію» отмечается, что «вопросъ о возраставшемъ въ послѣдніе годы стремленіи мусульманскаго населенія къ оставленію области и переселенію въ предѣлы сосѣдней единовѣрной Турціи нынѣ можетъ считаться вполне урегулированнымъ въ виду воспослѣдовавшаго въ отчетномъ году Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, въ силу коего мѣстныя начальства обязаны принимать всѣ зависящія мѣры къ успокоенію означеннаго населенія и разъясненію ему послѣдствій переселенія на основаніи выработанныхъ Особымъ совѣщаніемъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ предположений.

Точное исполнение таковой Высочайшей воли и неуклонное при-
мѣненіе ограничительныхъ правилъ Совѣщанія и установленныхъ имъ
формальныхъ условий имѣеть своимъ результатомъ замѣтное ослабленіе
броженія умовъ и прекращеніе среди мусульманъ массоваго движенія,
имѣвшаго почву главнымъ образомъ въ политическихъ и религіозныхъ
тенденціяхъ» [18: 8–9].

Заключение

На основе некоторых проанализированных материалов за период с 1878 г. по начало XX в. следует отметить, что за годы пребывания Карсской области в составе Российской Империи к началу XX в. были предприняты попытки провести целый ряд реформ, которые время от времени были увенчаны успехом со стороны правящей администрации в регионе. Так, началось открытие большего открытия школ для мальчиков и девочек, профессиональных училищ, духовных семинарий для того, чтобы население осваивало основы тех родов деятельности для улучшения жизни, в котором так нуждался народ, проживающий в описываемом регионе. Кроме того, были проложены основные шоссейные пути между городами Карс, Ардаган, Кагызман и др. Была начата языковая реформа, идея которой заключалась в обучении всех народов, проживавших на территории Карсской области, русскому языку с целью объединения населения и уменьшения революционных настроений. В области здравоохранения началось расширение штата медицинских работников, ввиду неутрахающих эпидемий и заболеваний среди местного населения.

Несмотря на все трудности, с которыми сталкивались местные власти во время пребывания Карсской области в составе Российской Империи, необходимо отметить, что администрация стремилась к улучшению жизни населения в регионе в целом, предпринимая попытки уладить конфликты и недовольства со стороны народов, проживающих на этой территории.

Список использованных материалов РГИА СПб:

1. Отчет военного губернатора Карской обл. Александру III о состоянии области за 1881 г. // РГИА СПб. — Фонд 932. — Опись 1. — Дело № 306. — 38 л.
2. Ведомость о вновь созданных в 1882 г. русских, армянских и греческих поселениях в Карсской обл. // РГИА СПб. — Фонд 932. — Опись 1. — Дело № 298. — 9 л.

3. «Всеподданнейший» отчет губернатора о состоянии Карсской обл. за 1883 год // РГИА СПб. — Фонд 1284. — Опись 223. — Дело № 113. — 80 л.
4. Отчет губернатора Карсской обл. за 1884 год // РГИА СПб. — Фонд 1284. — Опись 223. — Дело № 13. — 75 л.
5. Отчет губернатора Карсской обл. за 1885 год // РГИА СПб. — Фонд 1284. — Опись 223. — Дело № 45. — 4 л.
6. Отчет губернатора Карсской обл. за 1886 год // РГИА СПб. — Фонд 1284. — Опись 223. — Дело № 124. — 149 л.
7. Отчет губернатора Карсской обл. за 1887 год. // РГИА СПб. — Фонд 1284. — Опись 223. — Дело № — 136. 94 л.
8. Отчет губернатора Карсской обл. за 1888 год // РГИА СПб. — Фонд 1284. — Опись 223. — Дело № 180. — 163 л.
9. Отчет губернатора Карсской области за 1889 год // РГИА СПб. — Фонд 1284. — Опись 223. — Дело № 123. — 105 л.
10. Отчет губернатора Карсской обл. за 1890 год // РГИА СПб. — Фонд 1284. — Опись 223. — Дело № 200. — 55 л.
11. Отчет губернатора Карсской обл. за 1891 год // РГИА СПб. — Фонд 1284. — Опись 223. — Дело № 169. — 96 л.
12. Отчет губернатора Карсской обл. за 1892 год // РГИА СПб. — Фонд 1284. — Опись 223. — Дело № 148. — 213 л.
13. Всеподданнейший отчет губернатора Карсской области за 1893 год // РГИА СПб. — Фонд 1284. — Опись 223. — Дело № 227. — 112 л.
14. «Всеподданнейший» Отчет губернатора о состоянии Карсской обл. за 1894 год // РГИА СПб. — Фонд 1284. — Опись 223. — Дело № 197. — 118 л.
15. Всеподданнейший отчет губернатора Карсской области за 1897–1898 год // РГИА СПб. — Фонд 560. — Опись 26. — Дело № 86. — 77 л.
16. Отчет о состоянии Карсской обл. за 1899 г. // РГИА СПб. — Фонд 1282. — Опись 3. — Дело № 372. — 51 л.
17. Всеподданнейший отчет губернатора Карсской области за 1901 год // РГИА СПб. — Фонд 1282. — Опись 3. — Дело № 545. — 109 л. — С. 8 (л. 35 об.).
18. Дѣло съ копіею всеподданнѣйшаго отчета о состояніи Карсской области за 1902 г. // РГИА СПб. — Фонд 1284. — Опись 194. — Дело № 92. — 15 л.

19. Дѣло по канцеляріи министранвнутреннихъ дѣлъ по Всеподданнѣйшимъ отчетамъ о состояніи губерніи: Елисаветпольской, Казанской, Калишской, Орловской и Ставропольской и Карсской области за 1900 г. // РГИА СПб. — Фонд 1282. — Опись 3. — Дело № 539. — 61 л.
20. Дело по Высочайшей отметке во всеподданнейших отчетах о состоянии Бакинской губернии и Карсской области. Началось 3-го марта 1900 года // РГИА СПб. — Фонд 741. — Опись 2. — Дело № 37. — 68 л. — С. 1–2 (л. 26 об. – 27).

A. O. Pobedonostseva Kaya

12 Eylül 1980 askeri darbeden 12 Eylül 2010 anayasa değişiklik referandumuna Türkiye’de medya siyaset ilişkisi

Аннотация: Bu çalışmada kanuni değişikliklerden ziyade siyasi değişim süreci ele alınmıştır. Türk siyasi tarihinde, iktidar ve basın ve medyanın ideolojik yapısı çoğunlukla paralel bir gelişme göstermektedir. Bunun en temel nedeni her iktidarın kendi medyasını oluşturma çabasının yanı sıra medyayı kontrol altına alma arzusundan kaynaklanmaktadır. 12 Eylül 1980 yılından 12 Eylül 2010 yılına kadar toplamda 30 yılı Türk medyasının siyasetle hep içli dışlı olduğunu görülmektedir. Bu ilişkiler bazen işbirliği şeklinde devam ederken, 28 Şubat sürecinde olduğu gibi bazen de çatışma haline aldı. Bu çatışma ve işbirliğinin temelinde ideolojik etkenlerden ziyade ekonomi sebepler bulunmaktadır.

Ключевые слова: Türkiye, Türk Medyası, 12 Eylül 1980 Askeri Darbe, 28 Şubat 1997 Süreci, 12 Eylül 2010 Türkiye Anayasa Değişiklik Referandumu.

Angelika O. Pobedonostseva Kaya

The relationship between media and power in Turkey from the 12 September 1980 Turkish Coup d’état until the 12 September 2010 Turkish Constitutional Referendum

Abstract: The paper considers the process of political developments in Turkish media landscape rather than legal changes. In Turkish political history, the ideological foundations of the ruling elite and media were evolving mostly concurrently. The main reason for this is the desire of those in power to control the media as well as the efforts done by every government to create its own media. From the 12 September 1980 Coup d’état to 2010 Constitutional Referendum, through the entire period of 30 years, Turkish media have always been in tune with politics. While these relations took sometimes the form of cooperation, they included also several conflicts as in the case of 1997 Military Memorandum. However, conflicts and cooperation stem mostly from economic reasons rather than ideological factors.

Key words: Turkey, Turkish Media, the 12 September 1980 Turkish Coup d’état, 1997 Turkish Military Memorandum, 2010 Turkish Constitutional Referendum.

Türk siyasi tarihinde, iktidar ve basın ve medyanın ideolojik yapısı çoğunlukla paralel bir gelişme göstermektedir. Bunun en temel nedeni her iktidarın kendi medyasını oluşturma çabasının yanı sıra medyayı kontrol altına alma arzusundan kaynaklanmaktadır. Türkiye’de medya siyaset ilişkisi hep tartışmalara neden olmuştur.

12 Eylül darbesinden sonra Türkiye’de Anayasa rafa kaldırılmıştı. 7 Kasım 1982’deki halk oylaması ile 1982 Anayasası, yüzde 91.37 ‘evet’ oyuyla kabul edilerek 9 Kasım 1982 tarihinde yürürlüğe girdi.

1982 Anayasasından sonra 11.11.1983 tarihinde 2954 Sayılı “Türkiye Radyo Ve Televizyon Kanunu” çıkartılmıştır. Bu Kanunla radyo ve televizyon ile tüm medya araçlarından yapılan yayınların düzenlenmesine ve özerkliği ve tarafsızlığı Anayasada hükme bağlanan Türkiye Radyo-Televizyon Kurumunun kuruluş, görev, yetki ve sorumluluklarına ilişkin esas ve usullerini belirlemek amaçlanmıştır. 2954 Sayılı bu Kanun kurulduğu yıldan itibaren 16 kez güncellenerek günümüze kadar gelmiştir [1: 387–404, 397].

Bu çalışmada kanuni değişikliklerden ziyade siyasi değişim süreci ele alınmıştır. 28 Şubat sürecinde Türk Basının büyük bir çoğunluğu iktidar karşıtı yayın yaptığı açık bir şekilde görülmektedir. 28 Şubat süreci dışında incelediğimiz bu 30 yıllık süreçte genel olarak, özellikle merkez medyanın iktidar ile iyi ilişkiler içinde olduğu görülmektedir. 28 Şubat sürecinde medya iktidara müdahale ederken, diğer zamanlarda iktidarın medyaya müdahale etmek istediği açık bir şekilde görülmektedir.

12 Eylül dönemi ile alakalı kaynak taraması yaparken, o dönemle ilgili hazırlanmış tez ve akademik çalışmalardan yararlanırken, 28 Şubat dönemi ve 2000 sonrası yılları ile ilgili değerlendirmeler için, özellikle yazılı basın arşivlerine sıkça başvuruldu. Zira basının yayın politikasını en iyi gazetenin içeriğinden, haber başlıkları ve attığı manşetlerden anlaşılabilir. Zira basının yayın politikasını en iyi gazetenin içeriğinden, haber başlıkları ve attığı manşetlerden anlaşılabilir.

12 Eylül 1980 tarihinde Türkiye’de asker ihtilal yaptı. Halk 12 Eylül günü saat 04.00 Genelkurmay Başkanı Orgeneral Kenan Evren’in TRT okuduğu bildiri ile askeri bir darbe yapıldığını öğrenmiş oldu. Evren okuduğu bildiri de askeriye yönetime el koyduğunu belirterek yeni bir emre kadar sokağa çıkmanın yasaklandığını ilan etmişti.

Daha önce de, 27 Mayıs 1960 ve 12 Mart 1971 tarihinde de askeriye demokrasiyi müdahale etmişlerdi. Fakat bu 12 Eylül darbesinde daha farklıydı. Tüm sosyal alanlarda olduğu gibi basın üzerine büyük baskılar yapılmıştı. 12 Eylül askeri müdahale öncesinde toplumda yaşanan ideoloji ve kutuplaşma basına da yansımıştı. Basın fazlasıyla politize olmuştu. Fikir gazeteleri hem

içerik hem de sayı bakımından özellikle 1970 ve 1980 yılları arasında önemli derecede artmıştı. Askeri müdahalesinin ardından basın üzerinde yoğunlaşan baskılar dolayısıyla gazeteler siyasi haber yapmak yerine magazin haberciliğine yönelmiş ve böylece darbe sonrası gerek toplum gerekse basın, 1980 öncesindeki aşırı politizasyona bir tepki olarak apolitik konuma getirilmiştir [6: 465–477].

12 Eylül hareketi ülkedeki tüm muhalif sesleri susturmuş, özellikle basın kuruluşları sıkıyönetim esasları çerçevesinde görev yapar hale gelmişti. Anılan dönemde yapılan baskılar nedeniyle, basının siyasi nitelikli haberlerden uzaklaşarak, tirajı belli bir seviyede tutmak ve ekonomik olarak ayakta durmak adına magazin habere ve ayrıca insanoğlunun en temel içgüdüğü olan cinsel ağırlıklı konulara yönelmesi söz konusu olmuştur.

12 Eylül 1980 yılında yapılan askeri darbe, Türkiye Cumhuriyet tarihi çerçevesinde değerlendirdiğimizde, basının en fazla baskıya maruz kaldığı dönemlerden biri olarak, tarih sayfalarında yer almıştır. Bu dönemde yargılanan 400 gazeteci için toplam 4 bin yıl hapis cezası istenmişti. Gazetecilere toplam 3 bin 315 yıl 6 ay hapis cezası verildi. Gazeteler 300 gün yayın yapamadı. 39 ton gazete ve dergi imha edildi [3: 127].

12 Eylül 1980 tarihinde gerçekleşen ve Türk siyasi hayatının dönüm noktalarından biri olarak anılan ve demokrasinin kesintiye uğradığı bu süreçte, basının haber verme ve kamuoyunun da haber alma hakkı ciddi şekilde zedelenmiştir. 12 Eylül yönetimi ilk günden itibaren basına getirdiği kısıtlamalar, cezalar, yaptırımlar ve sansür uygulamalarıyla özgür ve bağımsız bir basın olgusunu ortadan kaldırmıştır. Askeri yönetim basın üzerinden darbeyi ve darbe yönetiminin icraatlarını meşrulaştırmak amacıyla, basını baskı altına almıştır. [Dündar 2016: 127]

Aşağıda 1980–1983 yılları arasında Milli Güvenlik Konseyi (MGK) yönetiminde toplam 3 yıl boyunca basına yönelik, verilen kapatma ve diğer cezaları yer alıyor [7: 153–155]:

1. Bazı gazetelerinin kapatılması: Aydınlık, Demokrat ve Hergün gazetesi 12.09.1980’de süresiz kapatıldı; Yeni Sözcü Dergisi 06.05.1981’de kapatıldı;

2. Kısa süreli yayınların durdurulması: 1924 tarihinden beri Türkiye’de günlük olarak yayımlanan Cumhuriyet gazetesi 11.01.1981’de Güneydoğu’da 5 gün süreyle ve daha sonra 03.04.1981’de Ankara, Kastamonu ve Çankırı illerinde iki gün yasaklandı;

Yerel bir gazete olan Bursa’nın Sesi Gazetesi 25.09.1980’de 10 gün sü-

reyle kapatıldı; Gırgır Mizah Dergisi¹ 17.07.1981’de 4 hafta süreyle yasaklandı; Türkiye Gazetesi 08.12.1982’de İstanbul’da basımı, dağıtımı, bulundurulması ve taşınması yasaklandı; Cumhuriyet Gazetesi 24.01.1983’de 1. Ordu ve Sıkıyönetim Bölgesinde basımı, yayımı, dağıtımı, bulundurulması ve taşınması 24 günlük süresinde yasaklandı;

Hürriyet Gazetesi 12.12.1982’de Donanma ve Sıkıyönetim Komutanlığına bülgeye girişi, 01–07.12.1983 arası yayını durduruldu;

3. Toplatılan gazete ve dergiler: 1971’de yayına başlayan ve haftalık siyasi aktüel dergi olan Yankı Dergisi 20.01.1981’de toplatıldı; 21 Şubat 1981 itibaren Bülent Ecevit tarafından Ankara’da yayınlamaya başlanan Arayış Dergisi 08.04.1981’de Bülent Ecevit’in yazısı nedeniyle toplatıldı.

Türkiye, yaklaşık 3 yıllık bir askeri yönetim ardında, 6 Kasım 1983 tarihinde yapılan seçimlerle Parlamenter demokrasiye yeniden geçiş yapmıştır. Ancak bu süreç öncesi yaşanan seçim yasakları ile bazı adayların seçime katılmasının engellenmesi bu seçimlerin tam bir özgürlük havası içinde yapılmadığı tartışmasını yaratmıştı. Seçim sonucunda Turgut Özal Anavatan Partisi genel başkanı olarak başbakanlık koltuğuna oturmuş ve böylece Türkiye’de 17 Nisan 1993’e, yani Özal’ın Cumhurbaşkanı olarak vefat ettiği tarihe kadar sürecek olan Özal devri başlamıştır.

3 yıllık askeri darbe döneminde askıya alınan 24 Ocak tarihli ekonomi kararlar, Turgut Özal iktidara geldikten sonra tekrar uygulamaya başlandı. Türkiye artık liberal bir ekonomi yönetimle dışa açılıyordu. Bunun sonucu basında gelişme gösteriyor ve dış dünya özellikle de Avrupa’dan etkileniyordu.

Turgut Özal döneminde medyada özellikle basın, telekomünikasyon ve televizyon yayıncılığı alanında yaşanan önemli gelişmeler dikkat çekiciydi. Bu gelişmeyi TRT’nin 2. kanal yayınına 6 Ekim 1986’da başlatması takip etmiş ve böylece TRT’nin televizyon yayınları Ekim 1986 yılı itibariyle, tek kanal ve siyah beyaz olma gibi bir tekdüzelikten kurtularak izleyiciye kısıtlı da olsa seçme şansı veren bir nitelik kazanmıştır.

Basın alanında 1985 yılında, ortaya çıkan gelişmeler açısından önemli bir yıl olmuştur. O sene, basın sektöründe 2 gelişme dikkat çekiciydi ve bunlardan ilki, renkli bir bulvar gazetesi olarak ortaya çıkan Tan gazetesi, diğer yanda bir bölgesel gazete olan ve Ege bölgesinde çıkan Yeni Asır’ın sahibi Dinç Bilgin tarafından İstanbul’da çıkartılmaya başlanan Sabah gazetesidir.

¹ O dönemde darbe rejiminin baskısı nedeniyle eleştirel yayınlar yapmak çok zordu. Bir karikatür dergisi olan Gırgır dergisi çizdiği karikatürlerle eleştiriler yaparak çok popüler hale gelmişti..

Tan gazetesi masa başında ürettiği asparagas haberlerle okurun ilgisini çekmeye çalışırken 1 milyon satış rakamına ulaşmıştır, diğer yandan Sabah ise, gazetenin hazırlanma aşamasında pikaj ve montaj işlemlerine gereksinim duymaksızın bilgisayarlı sistemle gazetenin hazırlanması ve basılması konusunda Türkiye’de ilk uygulamayı başlatarak bu alanda önemli bir atılımın da liderliğini yapmıştır [6: 465–477].

Turgut Özal’ın iktidara gelmesiyle devlet basın ilişkilerinde yeni bir uygulama dönemi başladı. 1960-70’lerde haber ajansı gibi daha çok mesleki yan kuruluşlara doğru yayılma eğilimi gösteren, basın kurumları, 1980’lerden itibaren ticari nitelikli yapıların yan kuruluşları haline dönüştüler. [5: 75]. Turgut Özal döneminde televizyon yayıncılığı adına özel sektörün önü açılması çok önemli bir gelişme olarak değerlendirilebilir.

“1990 yılı başında Cumhurbaşkanı Turgut Özal, ABD gezisinde yaptığı bir açıklamada, yurtdışından Türkçe yayın yapılmasını engelleyen bir kural olmadığını, bir kanal kiralayana Türkiye’ye yayın yapabileceğini belirterek, tecimsel kuruluşların önünü açtı. Aynı dönemde, Rumeli Holding’in sahibi Uzan ailesinin, İsviçre’de kurdukları Magic Box (MBI) şirketi aracılığıyla Almanya’dan Türkiye’ye yayın yapmak üzere Eutelsat uydusundan 2 kanal kiraladığı ortaya çıktı. Böylece, ‘Türkiye’nin ilk özel televizyonu’ Star-1, 1 Mart 1990 tarihinde deneme yayınlarına başladı” [4: 10].

Özel Televizyon kanallarını yayına başlaması Türk basın tarihi için önemli bir adımdı. Televizyon yayıncılığın ekonomi getirisi basın alanına da yansdı. Basın ekonomisinin güçlenmesi ile birlikte medyada holdingleşme dönemi başladı.

1980 yılların en dikkat çekici gelişmelerinden bir de, basında bazı ailelerin güçlenmesi. Aile işletmesi konumunda olan gazeteler 1990 sonrası daha da güçlendi. 1979 yılında Milliyet gazetesi genel yayın yönetmeni Abdi İpekçi’nin öldürülmesi, Aydın Doğan Milliyet gazetesini satın alarak basın sektörüne girmiş ve uzun süre Türkiye’nin en büyük medya patronu olarak anılmıştır. Medya sektörü dışında gelen Doğan 90’lı yıllarda her geçen gün medya sektöründe daha da güçlendirdi. Aydın Doğan mart 2018 yılında medya şirketlerini Demirören grubuna satıncaya kadar, Türkiye’de en büyük medya patronu olarak biliniyordu.

Diğer güçlü olan bir aile de Nadir ailesiydi. Kıbrıslı işadamı Asil Nadir’in yurtdışından Türkiye’ye gelerek bazı basın kuruluşlarını satın aldı. “Asil Nadir önce 1988 Haziran’ında Günaydın Gazetesi ile Veb Ofset grubunu satın aldı. Günaydın, Tan ile birlikte Ulus, Sakarya ve Yeni Meram gazetelerinin

sahibi oldu. Ardından, aynı yıl, Güneş Gazetesini yayınlayan Güçlü Gazetecilik, Yayıncılık ve Matbaacılık A.Ş. 'nin bağlı olduğu Gün Holding'i satın aldı. Asil Nadir, 1989, yılının başlarında önemli bir adım daha atacak, Gelişim Yayınlarını Ercan Arıklı'dan satın almış ve böylece Asil Nadir'in sahibi olduğu yayınlar önemli ölçüde artmıştır: Nokta, Ekonomik Panorama, Gelişim Spor, Bando, Ev Kadını, Kadınca, Erkekçe, Marie-Claire, Mimarlık, Turist-Pasaport, Beyaz Dizi, Hıbrı' [8: 76].

Gazeteci bir aileden gelen Dinç Bilgin grubu da Basın sektöründe iddialı bir şekilde her geçen gün büyüyordu. Yeni Asır gazetesi ile başlayan Bilgin, Tan ve Sabah gazetesi ile her gün güçleniyordu.

1990'lı yıllara geldiğimizde, Türk basınında, promosyon savaşları başlamıştı. 1980 öncesi hakim olan fikir gazeteciliği ve politik düşünen okur kitlesi yerine, 12 Eylül darbesi sonrası magazin gazeteciliği ön plana çıkmıştı. 1990'lı yıllara geldiğimizde ise, gazeteler bilinçli okur kitlesini kaybetmiş gazeteciğe tamamen ticari olarak bakılıyordu. Basın kuruluşları ihale takibi için birer silah hükmündeydi.

Türkiye'de basın işletmeleri, bu işletmeleri ellerinde bulduran sermayelerin sahip oldukları başka sektörlerdeki işletmeler ve özellikle de bankaları aracılığıyla elde ettikleri büyük finansal güçle önemli birer güç haline dönüşmüşlerdi. 1990'lı yıllarda Türkiye'de medya sektörünün %80'i bu grupların (Aydm Doğan, Dinç Bilgin ve Uzanlar) kontrolünde bulunuyordu. Ayrıca bu grupların sektör dışı faaliyetleri de genellikle benzer alanlarda oluşuyordu. Bu alanlar başta finans olmak üzere enerjiden, inşaat ve ticarete kadar uzanmaktaydı. Yaşanan yoğun rekabette ise grupların ellerinde bulundurdukları medya gücü onların en büyük destekçisi durumundaydı.

Bu dönemde medya sahipleri sektörün her alanında faaliyet göstermeye başladılar. Gazete sahibi aynı zamanda televizyon kanalı ve radyo da kurdu. Dergi ve internet alanı dışında dağıtım şirketi de kurdular. Bu gelişmelerle Türk Basın sektöründe kartelleşme ortaya çıktı. Türk basın ve medyası 2-3 grubun elinde toplanmıştı.

O dönemin diğer bir medya patronu da Dinç Bilgin'di. Bilgin Tasarruf Mevduatı Sigorta Fonu (TMSF) ye devredilen Etibank ile ilgili yürütülen soruşturma kapsamında gözaltına alınan, bankanın eski sahibi Dinç Bilgin çıkarıldığı DGM tarafından tutuklandı ve tüm mal varlığına el konuldu. TMSF önce Turgay Ciner'e ait olan Ciner grubuna daha sonra da 2008 de Ahmet Çalık'ın sahibi olduğu Turkuaz grubuna sattı. Dinç Bilgin'e ait tüm kuruluşlar şuan Çalık'ın elinde bulunmaktadır.

Doğan Gruba ve Dinç Bilgin'e ait medya kuruluşları:

Doğan Grup	Dinç Bilgin
GAZETELER	
Posta, Fanatik (Spor), Hürriyet, Milliyet, Referans (Ekonomi), Vatan, Radikal, Daily News (İngilizce Gazetesi)	Sabah, Yeni Yüzyıl (1994-2000), Takvim Yeni Binyıl (2000-2001), Fotomaç, Yeni Asır, Bugün, Ateş
TV KANALLARI	
Kanal D, Teleshopping, CNN Türk, Fix TV, Cartoon Network, TNT, D-Smart, STAR TV* (*Uzan grubuna aitti. TMSF el koyduktan sonra Doğan grubu 2005 yılında satın aldı.)	ATV, ATV Avrupa, Yeni TV, Prima TV, Kiss TV
RADYO	
Radyo D, Slow Türk, CNN Türk Radyo, Radyo Modò	Kiss FM, Radyo Sport, Şık FM, Yeni Radyo, Romantik
DERGİ	
Tempo, Doğan Burda, Doğan Egomont, Bravoo	Aktuel, Para, Şamdan, Oto Haber, Plus, Borsa, Transport, Market
HABER AJANSI	
DHA	SHA
DAĞITIM ŞİRKETİ	
Yay Sat	Birleşik Dağıtım
BASIM	
Doğan Printing, Doğan Ofset	Birleşik

1990'lı yıllarda Türk Basınının % 70'ini elinde bulunduran Doğan ve Bilgin grubun yanı sıra, bağımsız kuruluşlar ve cemaat ve vakıflara ait bazı medya kuruluşları da bulunuyordu. Bunlarda % 30'unu oluşturur ve kamuoyu oluşturması üzerine oldukça sınırlı bir etkiye sahiptiler. Fikir gazeteleri, Parti gazeteleri, Dini gazeteler ve ideoloji gazeteleri bu % 30'luk bölüm için de yer alırdı.

3 Kasım 2002 yılında yapılan genel seçimde Ak Parti tek başına iktidara geldi. Ak Parti iktidar olduğu zaman Türkiye'de büyük ekonomi ve siyasi

kriz yaşanıyordu. Her ne kadar Recep Tayyip Erdoğan biz İslamcı değil muhafazakarız, Refah Partisi'nin ideolojisi olan "Milli Görüş" gömleğini çıkar-dık dese de, yine şüphe ile bakılıyordu.

2002 genel seçimlerinde Türk medyasının büyük bir çoğunluğu İsmail Cem yönetimindeki Yeni Türkiye Partisi'ni destekliyorlardı. Ak Parti yönetimi Prof. Dr. Necmettin Erbakan'ın öğrencileriydi. Refah Partisi'nin kapatıl-masından sonra Kurulan Fazilet Partisinden ayrılarak yeni bir parti kurmuş-lardı. Türkiye'de gerek Asker gerekse de Medya böyle bir yönetime taham-mül edemiyordu. Zaten daha önce 28 Şubat sürecinde asker medya işbirliği ile hükümeti istifaya zorlamışlardı. Yapılan baskılar sonunda Refahyol hü-kümeti dağılmış Prof. Dr. Necmettin Erbakan istifa etmek zorunda kalmıştı.

Ak Parti yönetimi bunu gayet iyi biliyordu. O dönemin Başbakan Recep Tayyip Erdoğan'ın söylediği; "İktidarız ama muktedir değiliz" sözü bu duru-mu gayet iyi açıklıyordu. Erdoğan muktedir olması için medyanın desteğini alması gerektiğini gayet iyi biliyordu. Zira 28 Şubat sürecinden ders almışlar-dı. Ak Parti döneminde medya siyaset ilişkileri anlamak için 28 Şubat süreci-ni anlatılması gerekirdi. Çünkü 28 Şubatta hükümeti istifaya zorlayan medya asker işbirliği Ak Parti döneminde de benzer planlar yapıldı. Daha sonra ki yıllarda bunlar ortaya çıkarak sorumlular mahkeme önüne çıkartıldı.

28 Şubat 1997 yılında yapılan Milli Güvenlik Kurulu (MGK) toplantısı tarihe Postmodern darbe olarak geçti. 28 Şubat Postmodern darbeyi kısaca sivil ve askeri bürokrasinin medya ve iş çevrelerinin de desteğini alarak Nec-mettin Erbakan başbakanlığındaki Refahyol hükümetini ve arkasındaki top-lumsal ve ekonomik desteği yok etme stratejisi olarak tanımlayabiliriz. Bu dönemde yükselen islami hareket karşısında laik kesimin rahatsızlığı ve ortak işbirliği ile o süreç yaşandı.

Askeri Yönetim ve Laik çevre Refah Partisinin asıl amacının Türkiye şer-riyat getirmek olduğu iddiasını medya vasıtasıyla kamuoyuna aktarmaya ça-lıştı. O dönemde şeriat geliyor şeklinde yorumlanan tüm haberlerin sonra da medya tarafından yapılan asparagas haberler olduğu ortaya çıktı. Aczimendi Tarikatı² lideri Müslüm Gündüz ve Ali Kalkancı'nın sürece katkı sağlayan planlamış aktörler olduğu anlaşıldı.

O dönemde hükümet aleyhinde atılan gazete manşetleri dikkat çekiciydi. Tüm gazetelere haber askeriye-den geldiğinden dolayı gazete manşetleri

² Aciz Kullar Tarikatı anlamına gelir, Müslüm Gündüz tarafından kurulmuş olup kendilerini Nur cemaati olarak tanıımıyordu, fakat diğer Nur cematlarından çok farklıydı. Elllerinde asaları, siyah uzun cüppe ve başlarında sarıkları ile laik devlet düzeni kabul etmediklerini söyleyerek şeriat istediklerini söyleyerek, o yönde çalışmalar yapıyorlardı.

birbirine çok benziyordu. Ne manşet atılacağı askerler tarafından belirleniliyordu. 28 Şubat Sürecinde bazı gazete manşetleri 1 Şubat 1997’de böyle çıktı: ‘Refaha 3 Uyarı’ [14: 01.02.1997], ‘Ordudan 4 Uyarı’ [9: 01.02.1997], ‘Başkente RP Gerilimi’ [11: 01.02.1997], ‘Özel Korumalar İçin RP’ye Uyarı’ [10: 01.02.1997].

Normal demokratik ülkelerde 4. Güç olması gereken basın bu dönemde askeriye den sonra 2. Güç durumuna gelmişti. Tüm medya grupları iktidar aleyhinde birleşmiş, askerle ittifak halindeydi. Bağımsız birkaç gazete ve tv kanallarının istisnayı oluştursa da yaptıkları muhalif da çok cılız kalıyordu.

Yukarıdaki manşetlerde de görüldüğü üzere gazetelerin merkezi bir yerde yönlendirildiği şeklinde yorumlayabiliriz. Zaten sonra yapılan itiraflarda da bu kabul edildi. Nitekim döneminim medya patronu Dinç Bilgin Star Gazetesine “28 Şubat döneminde askeri bürokrasi, yargı ve basın rejimin üç ayağı olmuştur. Ben de dönemin egemenlerindim. Çok büyük kabahatlerimiz oldu” [15: 04.01.2010], diyerek medyanın 28 Şubat sürecinde üstlendiği rolü kabul edecektir.

Türk Basın Tarihi’nin önemli isimlerinden rahmetli Mehmet Ali Birand, (28 Şubat sürecini desteklemediği için yapılan baskılar sonucu gazeteden istifa etmiş, yazılarına son verilmişti) 10.05.2011 tarihli Posta gazetesi köşe yazısında Alper Görmüş’un ‘Ergenekon Haberciliği’ kitabından bahsederek o dönemi şöyle anlatıyor: Alper Görmüş, özetle “...Merkez medya darbele ri hep destekledi ve 28 Şubat’ın gerçekleşmesinde de anahtar rol oynadı... Adeta genlerindeki darbecilikle hareket ettiler...” diyor. Görmüş’ün, benim de aralarında bulunduğum “merkez medya’nın büyük bir kesimi hakkında yaptığı bu saptama son derece doğru” [12: 10.05.2011].

Star Gazetesi yazarı Ergün Babahan da, Askerin gazetecileri ve yargı mensuplarını Genelkurmay Başkanlığı’na çağırıp brifing verip gazeteleri kargahtan yönettiğini ifade ediyor [15: 10.12.2011].

28 Şubat sürecini İstanbul Büyükşehir Belediye başkanı iken, okuduğu bir şiir yüzünden görevden alınarak hapse konulan Erdoğan ve Ak Parti hükümeti elbette o günleri çok iyi biliyordu. Muktedir olabilmek için medyanın desteğini alması gerekiyordu.

Ak Parti hükümeti 2002 yılında iktidar olduğu zaman, bazı gazete patronları 28 Şubat sürecinde finansal kurumlarının devlete olan borcu yüzünden gözaltına alınmış ve tüm mal varlıklarına el konulmuştu. Dinç Bilgin, Cem Uzan ve Erol Aksoy’un tüm basın kuruluşları TMSF tarafından el konulmuştu.

Hükümetin el koyduğu Medya kuruluşlarını kendine yakın işadamlarına satılması ile Türkiye’de medyanın ideolojik yapısı değişti. Böylece Yandaş Medya Kavramı ortaya çıktı. Ak Parti hükümet yanlısı yayın yapan kuruluşlara yandaş medya denildi. TMSF tarafından el konulan medya kuruluşların kime satıldığına bakılırsa günümüzde medyanın siyaset ile ilişkisini biraz daha iyi anlaşılacaktır.

Dinç Bilgi’nin tüm kuruluşları Ahmet Çalık’ın sahip olduğu Çalık grubuna ait Turkuaz Medya’ya satıldı. Bu satış gazetelere şöyle yansdı: “*İşadamı Ahmet Çalık’a ait Çalık Holding’in medya şirketi Turkuaz Radyo Televizyon Gazetecilik ve Yayıncılık A.Ş. 1.1 milyar dolarlık ihale bedelini TMSF’nin Ziraat Bankası’ndaki hesabına yatırarak ATV-Sabah Ticari ve İktisadi Bütünlüğü’nün sahibi oldu*” [13: 23.04.2008].

Bu satışla Çalık grubu, ATV Televizyonu, Radyo City, Sabah, Takvim, Günaydın, Yeni Asır ve Pas Fotomaç gazeteleri, Bebeğim ve Biz, Sinema, Sofra, Home Art, Şamdan Plus, Yeni Aktüel, Para, Global Enerji, Transport, Hukuki Perspektifler dergileri ile Turkuaz Dağıtım’ın sahibi oldu.

Ahmet Çalık’ın satın almak için kullandığı paranın Devletin bankalarından kredi alması ve Başbakanın damadı Berat Albayrak’ın Turkuaz Grubu başkanı olması tartışmaya neden olmuştu. Turkuaz grubu şu an tüm yayınları ile iktidar yanlısı yayın yapmaktadırlar.

Cem Uzan’a ait kuruluşlardan Star TV Doğan grubuna satıldı fakat dergi ve gazeteler işadamı Ethem Sancak’a satıldı. Ethem Sancak daha sonra Kanal 24’ü de kurarak şuan hem tv kanalı hem de gazetesi ile hükümet yanlısı yayın yapmaktadır.

Ayrıca Ak Parti hükümetine muhalefeti ile bilinen Tuncay Özkan’ın televizyon kanalı Kanaltürk televizyonunu hükümete yakınlığı ile bilinen işadamı Akın İpek³ satın aldı. Akın İpek daha sonra birde haber kanalı olan Bugün TV’yi de kurdu ayrıca birde Bugün gazetesini de satın alarak medya sektörüne girdi.

12 Eylül 2010 Anayasa referandumunda hükümet yanlısı ve karşıtı gazeteler net bir şekilde tarafını belli etti. Bir taraftan hükümetin desteklediği “Evet” kampanyasına destek veren gazeteler, diğer taraftan muhalefetin savunduğu “Hayır” kampanyasına açık bir şekilde destek veren gazeteler mevcuttu.

“Anayasamızın 20’den fazla maddesinde değişiklik öngören Anayasa Değişikliği Paketi, halkoyuna sunulurak 12 Eylül 2010 tarihinde kabul

³ O dönemde Ak Parti hükümetine yakın olan İpek grubu, Cemaat iktidar kavgasında cemaat yanlısı olduğu iddiası ile tüm mal varlığına el konuldu.

edilmiştir. İlk olarak 6 Mayıs 2010 tarihinde TBMM’de kabul edilen paket halkımızın geniş bir katılımı ile yer aldığı halkoylaması sonunda benimsenmiş ve daha demokratik bir Anayasanın oluşturulması yolunda önemli bir adım atılmıştır” [2].

Referandum sürecinde “Evet” yada “Hayır” kampanyasını yürütme ile ilgili olarak mevcut Türk basını hükümet yanlısı ve hükümet karşıtı olmak üzere iki grupta ele alındı. MedyaTava sitesi 10-16 Ağustos 2010 haftalık tiraj rapor verilerinden istifade ederek, gazetenin yayın politikasına göre iki grupta yer alan gazete ve tirajları aşağıda verilmektedir [16: 05.12.2011]:

İktidar Yanlısı Gazeteler (Evet)	Tirajı (toplam)	Muhafif Gazeteler (Hayır)	Tirajı (toplam)
Zaman, Sabah, Star, Bugün, Yenişafak, Türkiye, Taraf, Milligazete, Takvim, Yeni Asya, Vakit, Today’s Zaman, Yeni Asır, Yeniçağ		Posta, Hürriyet, Sözcü, Milli-yet, Habertürk, Akşam, Vatan, Güneş, Radikal, Cumhuriyet, Şok, Aydınlık, Ortadoğu, Yeni Mesaj, Birgün, Evrensel, Daily News	
14 gazete	2 100 235	17 gazete	2 054 554

“Evet” ve “Hayırcılar” dışında, ağırlıklı Kürt medyasının başını çektiği demokrasi yanlısı basın kuruluşları da; “Evet ama yetmez” kampanyasını yürütüyorlardı. Bunlar anayasanın değişmesini destekleyerek “Evet” diyorlardı, ancak bu değişikliğin yeterli olmadığını, 12 Eylül darbe anayasasının tamamıyla değişmesi gerektiğini savunuyorlardı. Bunlar her ne kadar iktidar gibi “Evet” deselerde, hükümet yanlısı olmadığı için yukarıdaki tabloya yer almamıştır.

Elbet hiçbir basın kuruluşu iktidar yanlısı veya karşıtı yayın yaptığını kabul etmez. Hepsini de objektif olduklarını savunurlar. Yapılan yayınlar doğrultusunda biz öyle bir ayrıma gittik. 2010 tarihli yayın politika ve verileri değerlendirilerek, yukarıdaki tabloya baktığımızda hükümet yanlısı yayın yapan gazetelerin tirajının daha yüksek olduğunu görüyoruz.

28 Şubat sürecinden iyi bir ders alınmış olup sağ siyaset kendi medyasına oluşturmuştur.

12 Eylül 1980 yılından 12 Eylül 2010 yılına kadar toplamda 30 yılı kapsayan bu kısa çalışmada, Türk medyasının siyasetle hep içli dışlı olduğunu görülmektedir. Bu ilişkiler bazen işbirliği şeklinde devam ederken, 28 Şubat sürecinde olduğu gibi bazen de çatışma haline aldı. Bu çatışma ve işbirliğinin temelinde ideolojik etkenlerden ziyade ekonomi sebepler bulunmaktadır.

Medya siyaset ilişkisinde ekonomi çıkarlar ve devlet ihalelerinden pay alma en belirgin etken olarak karşımıza çıkmaktadır. Medya gücünü bir silah olarak kullanan medya patronları iktidardan istediği ihaleleri almak için tehdit unsuru olarak kullandı. Siyaset de medyanın kitleye ulaşma etkisi ve propaganda aracı olarak kullanmak için besledi. Tabii burada 28 Şubat sürecin tecrübelerinden kaynaklanıyor olacak ki, bazı dönemlerde siyasetin medyada çekindiği ve karşısına almak istemediğini görüyoruz.

Türk toplumu devletçi bir yapı olması hasebiyle devlet ve askeri kavramlar tarih boyunca çok önemli iki kavram ve değer olmuştur. Bu düşünce yapısını basının yayın politikası ve medyanın haber dilinde de açık bir şekilde görüyoruz. Bundan dolayı çoğunluk itibarı ile Türk Basını iktidara karşı her zaman askeriyeyi savunmuştur. Türkiye’de meydana gelen bütün darbe ve darbe teşebbüslerinde basın askeriyenin yanında yer almıştır. Bunu sadece devletçi bir yapının olmasına bağlamak da doğru olmaz elbet, burada askeriyenin otoritesi müdahale korkusunun da etkisi var.

Sonuç olarak basın ve siyasetin karşılıklı birbirlerine ihtiyacı olduğu için daima bir iletişim içinde bulunmak zorundalar.

Kaynakça:

1. Baran, Sinan. Türk Basın Kanunlarının Genel Görünümü // Erciyes İletişim Dergisi. — Temmuz 2018. — Sayı 4.
2. Davutoğlu, Ahmet. Sayın Bakanımızın 12 Eylül 2010 tarihinde düzenlenen referanduma ilişkin açıklaması. — <http://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimizin-12-eylul-2010-tarihinde-duzenlenen-referanduma-iliskin-aciklamasi.tr.mfa> (28.04.2019).
3. Dündar, Lale. 12 Eylül 1980 Darbesinin Basına Etkileri // Uluslararası Tarih ve Sosyal Araştırmalar Dergisi. — 2016. — Sayı: 16.
4. Kejanlioğlu, D. Beybin. Türkiye’de Medyanın Dönüşümü. — Ankara: İmge Kitabevi, 2004. — 495 s.
5. Koloğlu, Orhan. Medya-devlet ve Sermaye // Birikim Dergisi. — Ocak, 1999.

6. Özgen, Murat. 1980 Sonrası Türk Medyasında Gelişmeler ve Magazinleşme Olgusu: 2nd International Symposium, Communication in the Millenium: A Dialogue between Turkish and American Scholars. — Vol. 2. — İstanbul, 2004.
7. Sucu, Mehmet. 12 Eylül Yasakları. Cumhuriyet Kitapları. — İstanbul: 2. Baskı, 2010. — 200 s.
8. Topuz, Hıfzı. Basında Tekelleşmeler. İstanbul: TÜSES ve İLAD Ortak Yayını, 1989. — 100 s.
9. Cumhuriyet Gazetesi.
10. Hürriyet Gazetesi.
11. Milliyet Gazetesi. — <http://gazetearsivi.milliyet.com.tr> (28.04.2019)
12. Posta Gazetesi.
13. Radikal Gazetesi.
14. Sabah Gazetesi. — <http://arsiv.sabah.com.tr> (28.04.2019).
15. Star Gazetesi.
16. Yaysat ve Turkuaz dağıtım.
17. www.medyatava.com.

А. И. Пылев

Ахмед-Заки Валидов (Тоган) и русская прогрессивная печать в годы Первой мировой войны

Ключевые слова: востоковедение, тюркские народы, печать, Первая мировая война, национализм

A. I. Pylev

Ahmed Zaki Validov (Togan) and Russian progressive periodicals in the period of the 1st world war

Abstract: The paper considers the formation of the scientific and political concepts of A.-Z. Validov (Togan), the prominent orientalist of Bashkir ethnical background, and their appearance in the Russian progressive-democratic periodicals in the period of the 1st World War. The article states that Russian revolutionary democratic ideas of that period helped A.-Z. Validov to create a progressive view on the history of Turkic peoples.

Key words: orientalism, Turkic peoples, periodicals, 1st World War, nationalism.

Личность Ахмет-Заки Валидова (в эмиграции — Тоган Ахмет Заки Велиди, 1890–1970) — востоковеда, политического и общественного деятеля башкирского происхождения — довольно противоречива, прежде всего, с точки зрения его политических взглядов, которые, в свою очередь, влияли на его позицию как ученого-историка. Оценивая его изданные в эмиграции работы по истории Туркестана, советская историография утверждала, что в его научных работах, посвященных политической истории тюркских народов СССР, господствовала националистическая трактовка событий, описывавшихся с «фальсификаторских» позиций. Однако беспристрастное знакомство с работами (научными, публицистическими, мемуарными) как самого А.-З. Валидова, так и его современников, других представителей политической эмиграции из Советской России, позволяет утверждать, что его политические взгляды и научные концепции претерпевали заметные изменения.

Как отмечал сам А.-З. Валидов, его становление как политика произошло во время двух научных командировок в Туркестан (1913 и 1914 гг.). Однако политическое кредо А.-З. Валидова в тот период не могло быть описано, как он сам косвенно подтверждал, в однозначных категориях: в нем сосуществовали борьба за освобождение тюркских народов России и Туркестанского края из-под власти России и необходимость полноправного участия так называемых «иногородцев» в государственном строительстве в составе России. Трактовка истории тюркских народов, в которой, по мнению Валидова, отсутствовало господство одной этнической группы или племени над другими, где не играла определяющей роли религия, акцент на общности культурных традиций, быта, интерес к национально-освободительным выступлениям тюрков, находившихся сначала под властью Великого Монгольского Улуса, затем и Российской империи, встречают позитивный отклик со стороны мэтров русского востоковедения — В. В. Бартольда, А. Н. Самойловича, В. В. Радлова. За применение подобных подходов ратовали учредители сборника общественно-политического и философского содержания «Вехи», изданного рядом известных научных и общественных деятелей России в 1909 г. Но их никак нельзя считать «националистическими». Идеи национального переустройства России в пользу «покоренных народов», в частности тюрков и родственных Валидову башкир, сам А.-З. Валидов обсуждает с представителями русской прогрессивной общественности. Одновременно Валидов договорился о выпуске газеты на двух языках «Туркестанский голос», которая проповедовала бы идеи национального равенства и равенства в правах местного населения и русских переселенцев в пределах Туркестанского края.

Работа в Государственной думе IV созыва в качестве представителя Бюро мусульманской фракции в годы Первой мировой войны, подготовка текстов выступлений предполагали постоянное общение с общественными деятелями и публицистами и появление публикаций в периодической печати. Работая в Государственной думе, А.-З. Валидов общается с социалистом-революционером А. Ф. Керенским, лидером российских эсеров В. М. Черновым. Формирование политических взглядов Валидова, позднее, в 1917 г., вступление его в партию СР происходит под влиянием периодической печати, выражавшей взгляды либералов и революционеров (в частности, газеты «Знамя труда», печатного органа социалистов-революционеров). Заметное влияние на Валидова

как политика оказал и идейно близкий радикально-революционному и национальному движению в России известный писатель-публицист и общественный деятель М. Горький. Последний привлек Валидова к подготовке сборника «Российские мусульмане», содержащего материалы о духовной культуре мусульманских народов России.

Отзывы современников, пришедшиеся на ранний период научной и политической деятельности А.-З. Валидова, т. е. на годы, предшествовавшие Первой мировой войне, и сами годы войны (когда он работал для мусульманской фракции Государственной думы IV созыва), позволяют утверждать, что общественно-политические взгляды А.-З. Валидова в тот период не были однозначно националистическими. Данные отзывы нашли отражение в мемуарах А.-З. Валидова и в российской периодической печати либерального направления, с которой Валидов тесно сотрудничал. Его научные концепции повлияли на формирование прогрессивной для начала XX в. концепции истории тюркских народов, изложенной А.-З. Валидовым в научных работах и статьях. Подобные свидетельства представляют интерес для современной российской востоковедной науки, нуждающейся в объективной оценке научного наследия А.-З. Валидова.

М. Равшанов

Категории квантитивности существительных староузбекского языка (на материале произведений Алишера Навои)

Аннотация: В статье анализируются категории квантитивности староузбекского языка и их перспективы на современном этапе. Категория квантитивности в произведениях Алишера Навои встречается в заимствованиях из арабского языка, таких как: *мамлакаты, фикрат, луготит, лугатайн, маданият, вилоят* и др. Известно, что все заимствования из арабского языка на окончание *-ит* или *-ат* должны иметь смысл множественности. До сих пор в этих словах категории квантитивности остаются спорными.

Ключевые слова: квантитивность староузбекского языка, Алишер Навои.

М. Ravshanov

Categories of quantifiability of nouns of the Old Uzbek language (based on the works of Alisher Navoi)

Abstract: The article analyzes the categories of quantitativeness of the Old Uzbek language and their prospects at the present stage. The category of quantitativeness in the works of Alisher Navoi is found in loanwords from the Arabic language such as: *mamlakat, fikrat, lugotit, lugatain, madaniyat, viloyat*, etc. It is known that all borrowings from the Arabic ending *-it* or *-at* must have the meaning of plurality. Until now, in these words, the categories of quantitativeness remain controversial.

Key words: quantitativeness of the Old Uzbek language, Alisher Navoi.

Творчество великого поэта, просветителя и государственного деятеля XV в. Алишера Навои — замечательный вклад узбекского народа в сокровищницу мировой культуры. Как справедливо отмечает С. Н. Иванов, «...гений Алишер Навои был почти универсален: поэт, ученый, музыкант, большой знаток и покровитель архитектуры, живописи и художественных ремесел. Но главная заслуга Навои, ставящая его в один

ряд с великими классиками мировой литературы, состоит в том, что он явился основоположником узбекской литературы и создателем узбекского литературного языка».

В течение длительного времени на всем Переднем Востоке ведущим языком художественной литературы был таджикско-персидский. Этот же язык преобладал и в литературной жизни эпохи Тимуридов. Но в то же время, когда Навои начинал свою литературную деятельность, высшие достижения таджикско-персидской классической поэзии, расцвет которой относится к X–XIII вв., были уже в прошлом. Были в эту эпоху и крупные поэты, как например, друг и наставник Навои — Абдурахман Джамии, но число заурядных стиховорцов было несравнено выше.

Навои, писавший также и на таджикско-персидском языке, прекрасно владевший современным ему искусством стихосложения и сам отдавший дань увлечению стихотворной техникой, не мог не видеть тех разрушительных тенденций, которые приводили и к измельчанию литературы. Начав свою литературную деятельность с таджикско-персидских стихов, Навои со временем все отчетливее осознает необходимость создания литературы на языке своего родного народа.

Навои стал первым поэтом, создавшим на узбекском языке не только огромное количество первоклассных лирических стихов, но и дерзнувшим приступить к сочинению на родном языке «Пятерицы» — цикла поэм, который сложился как жанр в творчестве великих поэтов, писавших на таджикско-персидском языке. Эта задача была блестяще разрешена Навои: права узбекского языка оказались прочно утвержденными, а его достоинства — общепризнанными. Так были заложены основы узбекской классической литературы и узбекского литературного языка.

Навои не только практически решает эту задачу, но и обосновывает ее теоретически в знаменитом трактате «Суждение о двух языках» (1499). «Богатство тюркского языка, — пишет в этом сочинении Навои, — подтверждается многими доказательствами, и нужно было бы, чтобы появившиеся из среды народа даровитые люди приложили бы способности и дарования свои к собственной речи, а не проявляли бы себя в иных языках и не стремились бы к этому делу. А раз уж у них есть способности писать на обоих языках, им надо было бы больше писать на своем языке...»

В «Суждении о двух языках» Навои подвергает глубокому анализу свой родной язык и, сравнивая его с таджикско-персидским, утвержда-

ет, что словарное богатство его неисчерпаемо. Он проводит многочисленные примеры разветвленной синонимии узбекского языка и перечисляет такие возможности, которые отсутствуют в других языках.

Категория квантитативности является одной из основных категорий мышления человека, поскольку все виды и формы материи характеризуются количественной определенностью старобузбекского языка (эпоха Навои). Количественная определенность вещи может относиться как к внешним ее признакам, т. е. к величине, так и характеризовать внутреннюю природу вещей. Сами объекты действительности могут быть представлены как единичным количеством, так и во множестве. Логико-мыслительная категория количества объективируются в языке как языковая понятийная категория квантитативности, которая может проявляться как в грамматическом, так и в лексическом строе языка.

Понятийные категории в языке не существуют изолированно. Они взаимодействуют на разных уровнях языка, поэтому важно описать не только отдельную логико-мыслительную категорию квантитативности, но и выявить возможные способы взаимодействия признаков различных логико-семантических категорий. Данная статья посвящена анализу процессов взаимодействия единиц языкового и мыслительного планов в актах объективации и репрезентации логико-мыслительной категории квантитативности на материале старобузбекского языка.

В лингвистике много исследований было посвящено автономному анализу грамматической категории числа как регулярного способа выражения количественных отношений. Однако богатый языковой материал не мог быть полно и системно проанализирован лишь с помощью одного грамматического метода. Квантитативность должна рассматриваться, с одной стороны, как продукт лингвокреативной деятельности сознания, сформировавшейся в ходе исторического развития, и, с другой стороны, как средство обозначения квантитативных и неквантитативных понятий в контексте. Данным требованиям наиболее соответствует концепция морфологического анализа.

Особый семантический класс составляют имена «количественных определителей», класс квантитативных словесных знаков, ядром которого в каждом языке являются имена числительные. Последние, в силу высшей степени абстракции своего значения и совмещения в себе формальных признаков двух различных частей речи, представляют большое своеобразие и издавна выделяются в отдельную часть речи. Квантита-

тивность в номинативных единицах обозначается как числительные. Для идеографического определения категория количественности нами классифицирована по следующим типам:

Во-первых, количественность прикладного характера: сюда входят все виды числительных. Количественность теоретического характера: алгебра отношения и теория чисел, множеств. Все обобщенные математические моделирования на теоретическом уровне требуют количественные категории для научно-технической энтропии. Математическая лингвистика (Р. Пиотровский и др.) изучает все теоретические количественные концепции и принципы. Не следует отождествлять количественную лингвистику с математической лингвистикой.

Во-вторых, количественность абстрактного характера: как логико-грамматическая категория включает грамматические числа: единственное, множественное (в некоторых языках существует двойственное число).

На формирование словарного состава значительное влияние оказывает процесс взаимоотношения языков, отсчет которого идет уже с античного периода. Например, до великого мыслителя Востока А. Навои в тюркоязычных странах все научные работы, делопроизводство и другие юридические документы велись на арабском языке. В арабском языке, как и в других индоевропейских языках, грамматические числа наделены:

- 1) единственным числом — лугатун (один язык);
- 2) двойственным числом — лугатайн (два языка);
- 3) множественным числом — лугатит (языки).

Алишер Навои в «Пятирицах» («Хамса») употребляет слово «фикрат» во множественном числе. Контекст также подтверждает, что это слово употреблено во множественном числе [1: 7–36]. Например:

*Фикрати мезон булиб,
«Хамса» санж.*

Следовательно, А. Навои обращается к своим предшественникам, которые писали произведения в циклах — «пятирицах», т. е. к Низами Ганджави, Хосрову Дехлеви и Абдурахману Джами. Поэт писал:

*Их идеи были измерением,
В критериях «Пятирицы» [1: 9–36].*

В «Толковом словаре узбекского языка» (Новая редакция) слово

«фикрат» толкуется в единственном числе. Категория количественности в когнитивно-познавательной сфере языка занимает особое место.

При определении количественности на смысловую концепцию слова влияет как контекстуальное содержание, так и диахроническое основание.

Методика морфологического анализа позволяет проследить переход логико-мыслительного содержания в языковое, т. е. выявить этапы, а не результат процесса объективации мыслительных понятий на разных уровнях языковой системы.

Категория количественности является одной из важнейших онтологических категорий, пронизывающих все человеческое бытие, а также представляет собой ментальное явление, результат познания человеком количественной определенности реального мира и активной классифицирующей деятельности человеческого мышления, результат отражения и сознания объективного количества, его концептуальный аналог.

Изучение категории количества восходит к античной философии, и впервые она была представлена в работах Аль-Фараби. Он, развивая традиции античности, определяет понятие величины, меры и интенсивности, которые принадлежат категории количества и получают свое распространение не только в философии, но и в лингвистике.

Следует разделять терминологически близкие понятия: количество, количественность и количественность. Количество подразумевает возможность исчисляемости и измерения, количественность — свойство, на основе которого категории взаимодействуют, количественность — это логико-семантическая категория, актуализирующая представления о комплексе понятий количественного содержания (количество, число, множество, кратность и т. д.) на различных объективациях.

Количественный смысловой компонент может быть репрезентирован разноуровневыми лексико-грамматическими средствами: именами числительными (*беш* — пять, *юз* — сто), количественными местоимениями (*иккови* — двое), наречиями (*уч марталаб* — трижды), прилагательными (*икки марта* — двукратный), количественными существительными (*учлик* — тройка), глаголами (*иккилантирмоқ* — удвоить).

Для комплексного разноуровневого исследования категории количественности нами использован морфологический анализ, с помощью которого можно проследить поэтапное формирование и взаимодействие глубинных признаков языковой единицы и взаимосвязь логико-семанти-

ческих категорий в составе синтагмы, трансформирующейся в процессе языковой объективации в морфологию. В рамках морфологического подхода языковая единица представляет собой двухаспектный объект исследования: с одной стороны, изучается ее семантическая структура как объективирующей единицы, с другой стороны, объектом анализа является семантическая структура языковой единицы как репрезентативной на уровне контекста.

В процессы грамматикализации синтагма каждого числового обозначения претерпевает ряд изменений. На уровне частеречной категориальной форматизации происходят процессы субстантивации, адъективации, адвербиализации. Базовый квантитативный признак определенного количества становится мотивационным в морфологических единицах субстанциональности, акциональности, квалитативности, темпоральности, локальности. Группы языковых единиц, объективирующих параметры квантитативности, классифицируются следующим образом: квантитативно-субстанциональный характер (*иккиланиш* — двойня), квантитативно-акциональный (*иккилантирмоқ* — удвоить), квантитативно-темпоральный (*ўн йилларча* — десяток (лет), *беш кунлик* — пятидневка), квантитативно-локальный (*ўнталик* — десятина).

Пространство — категория, существующая объективно и познаваемая зрительно при помощи ориентиров или объектов внутри него, а также при помощи измерений расстояний. Количественные характеристики расстояния, длины, ширины, высоты, объема и площади в исторических художественных текстах служат целям организации художественного пространства староузбекского языка, где происходят события произведения.

Нами выявлены три разновидности отрезков, репрезентирующих пространственную протяженность с помощью категории квантитативности в художественных текстах староузбекского языка: расстояние между двумя статичными точками в пространстве, расстояние между статичным объектом и персонажем, осуществляющим движение по направлению к данному объекту, и дистанция между динамичными точками.

Анализируя пространственные отношения, следует подчеркнуть основные лексические единицы, которые соотносятся с измерениями пространства и взаимодействуют с категорией квантитативности: длина, высота, ширина. Благодаря значению единиц мер на уровне представления у человека возникает соображение об определенной протяжен-

ности пространства. Категория количественности используется в пространственных отношениях для указания конкретного места жительства или месторасположения предмета (человека), для описания объема или площади какого-либо предмета.

В зависимости от вида множества и способа его расположения в пространстве, от взаимодействия логико-категориальных признаков в этих группах выделяются следующие подвиды:

1) Множество, определенным образом расположенное в пространстве.

Множество поделено на некоторое количество условных компонентов, локализованных на небольшом расстоянии друг от друга. Для выражения местоположения объекта используются лексемы *орасида* — между, *олдида* — возле, *ёнида* — около.

2) Ограниченное в пространстве множество выражается лексемами: *бог* — сад, *ёрмон* — лес, *гулзор* — цветник. Также в текстах сатароузбекского языка встречаются другие лексемы подобия.

Таким образом, можно утверждать, что количественность проявляется в языке как самостоятельный и как косвенный, дополнительный логико-семантический признак. Количественность как логико-семантическая категория проходит дифференцированные процессы объективации и репрезентации, что происходит благодаря наличию большого количества параметров данной категории.

Литература:

1. Навоий, А. Хамса. — Т.: Фафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, — 1986.
2. Баскаков, Н. А. Каракалпакский язык. — Часть первая. — М., 1952.
3. Буранов, Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. — М.: 1983. — 226 с.
4. Кононов, А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.; Л., 1960.
5. Севортян, Э. В. Из истории прилагательных в тюркских языках // Тюркологические исследования. — М.; Л., 1963. — С. 58–68.
6. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. — Алма-Ата, 1966.
7. Сравнительная грамматика русского и туркменского языков. — Ч. 1: Фонетика и морфология. — Ашхабад, 1964.

М. М. Репенкова

Творческая биография современной турецкой писательницы Айше Кулин

Аннотация: В статье рассматривается творческая биография Айше Кулин — одной из самых читаемых турецких прозаиков последних двадцати лет, чьи произведения отмечены многими национальными и международными премиями. Доказывается, что в целом творчество А. Кулин, развиваясь в русле массовой литературы, несет в себе и отдельные признаки беллетристического кода. Доминантными жанрами ее романистики являются романы-биографии и автобиографии, что во многом определяется читательскими пристрастиями и модой. При этом романы А. Кулин не лишены психологической разработки образов и социальной проблематики.

Ключевые слова: Айше Кулин, турецкая массовая литература, биографический и автобиографический романы, «Ее имя Айлин», «Фюрейя», «Прощание».

Maria M. Repenkova

Literary biography of contemporary Turkish author Ayşe Kulin

Abstract: This article details the literary biography of Ayşe Kulin, one of the most popular Turkish prose writers of the last two decades, whose works have won multiple national and international prizes. The author argues that in general, the work of A. Kulin, although developing within the framework of mainstream literature, features certain signs of the belletristic code. The dominant genres of her novels are biographical and autobiographical, which is largely defined by reader preferences and the current fashion. Yet her novels also feature a certain psychological element and also elaborate on current social issues.

Key words: Ayşe Kulin, Turkish mass literature, biographical and autobiographical novels, “Fureya”, “Aylin”, “Farewell”.

Айше Кулин — известная турецкая журналистка, сценаристка, режиссер театра и кино — является к тому же одной из самых читаемых наци-

ональных прозаиков последних двадцати лет, чьи произведения отмечены многими литературными премиями. По романам и рассказам А. Кулин неоднократно писались сценарии, снимались фильмы и сериалы.

В целом ее творчество развивается в русле массовой литературы, но в то же время оно несет в себе и отдельные признаки беллетристического кода, что позволяет причислить А. Кулин к числу турецких беллетристов рубежа XX–XXI вв. (Ахмет Умит, Зюльфию Ливанели, Джанан Тан, Туна Киремитчи, Севиль Атасой и др.). Несмотря на известность имени данного автора, творческая биография А. Кулин и сами ее произведения изучены недостаточно. В российском туркологическом литературоведении к анализу ее творчества обращались Л. В. Софронова и М. М. Репенкова [1; 3; 4; 5]. В статьях Л. В. Софроновой А. Кулин рассматривается как представитель «турецкой женской прозы», а ее романы исследуются в ракурсе жанрово специфических черт национальной массовой литературы. М. М. Репенкова делает акцент на беллетристической составляющей в произведениях писательницы (ярко выраженная авторская позиция, психологическая разработка образов, социальная проблематика). В турецком литературоведении и критике А. Кулин посвящены небольшие по объему и дескриптивные по сути исследования (главным образом разделы в книгах), описывающие темы, сюжеты и образную систему ее романов [7; 9; 10]. Турецкие критики считают, что прозу А. Кулин (романы, повести и рассказы) отличает автобиографизм, плавность стиля, «приверженность к нарративному типу повествования» [9: 510].

Писательница родилась 26 августа 1941 г. в Стамбуле в районе Бейазит. Вскоре ее родители переехали в Анкару, где и прошло детство девочки. При этом каждое лето ребенка отправляли к стамбульским родственникам. Для А. Кулин особенно запоминающимися оказались дачные сезоны на острове Бургаз, что расположен близ Стамбула в Мраморном море. Здесь собиралось все ее шумное семейство, проводя время в атмосфере дружбы и любви.

Род девочки со стороны отца Мухитина Кулин — инженера-гидравлика — происходил от богатых боснийцев-мусульман, которые на рубеже XVIII–XIX вв. переехали в столицу Османской империи. Мужские представители рода верой и правдой служили турецким султанам, занимая высокие государственные посты. В XX в. семья потеряла все свое состояние, но образование детей всегда оставалась для нее при-

оритетным. А. Кулин рассказывает: «Я из такой семьи, в которой на протяжении пяти-шести поколений даже женщины имели возможность учиться, конечно, в пределах допустимых норм. Мой дед был доктором медицины, а прадед и прапрадед — государственными служащими. Поэтому пристрастие к чтению заложено у меня в генах» [6].

Служба родовитых и состоятельных боснийцев при дворе султанов и их жизнь в роскошных особняках на берегу Босфора со своими многочисленными семействами были нередкими явлениями в Османской империи. Эта тема даже нашла отражение в современной турецкой беллетристике. Так, в романе З. Ливанели «Дом Лейлы» (Leyla'nın Evi, 2006) описывается трагическая история старинного аристократического боснийского рода Абдуллаха Авни-паши, внуку которого в начале XXI в. незаконно выселяют из садовой пристройки для прислуги, где она прожила всю свою жизнь, после того, как старинный особняк семьи вместе с садом были проданы за долги.

Мать А. Кулин Хатидже Ситаре-ханым имела черкесское происхождение. Родословная ее семьи также была весьма богата интересными фактами. Ситаре-ханым — внучка последнего министра финансов Османской империи Решат-бея, у которого было трое дочерей: бабушка Айше Леман, Сабахат и Суат. Суат, выйдя замуж за фотографа, получила имя Сойдан. Сабахат влюбилась в молодого армянина и вскоре они поженились. История ее любви с немусульманином, отъезд из дома, годы скитаний отразилась в качестве основной сюжетной линии в историко-биографическом романе А. Кулин «Тяжело дыша» (Nefes Nefese, 2002). Писательница наделяет свою двоюродную бабушку Сабахат вымышленным именем Сельва Ортачлы. Сельва — дочь бывшего османского визиря — влюбляется в бедного еврейского юношу и, преодолев сопротивление собственной семьи, выходит за него замуж. Молодые уезжают во Францию, спасаясь от осуждения стамбульского общества. Там у них рождается сын. Но в начале 1940-х гг. Францию оккупирует фашистская Германия. Последующие скитания Сельвы и ее мужа связаны с попыткой спастись от гестапо и вернуться на родину. В романе «Тяжело дыша» жизнь семейства Ортачлы прорисовывается А. Кулин на протяжении почти четырех десятилетий. Линии судьбы Ортачлы пересекаются с трагической историей мужественной борьбы турецких дипломатов во Франции, спасавших евреев от геноцида в период Второй мировой войны, с репрессиями против демократических сил в период правления

Демократической партии в 1950-е гг., с военным переворотом 27 мая 1960 г. и т. п. В 2006 г. роман «Тяжело дыша» был переведен на английский язык и опубликован стамбульским издательством «Эверест» под названием «Последний поезд в Стамбул» (Last Train to Istanbul). 30 июня 2016 г. в Риме А. Кулин была удостоена за этот роман престижной итальянской литературной премии “Premio Roma” в номинации «лучший иностранный роман». Впоследствии роман «Тяжело дыша» переводился на многие языки мира — итальянский, французский, немецкий, испанский, португальский, китайский, голландский — и публиковался в 34 странах. В США было продано свыше 200 тысяч экземпляров этой книги.

По линии матери родственники А. Кулин являлись крупными государственными деятелями. У них было много недвижимости в Стамбуле. Однако со временем, особенно в республиканский период, семья обеднела. Так, в год рождения Айше старинный особняк Решат-бея в стамбульском районе Бейазит пришлось продать, а членам семьи — перебраться в многоквартирный дом в районе Нишанташи. Формальной причиной переезда было стремление родственников жить поближе к лучшему другу семьи — Ахмеду Решид-бею. Но истинная причина смены места жительства была намного прозаичнее — материальные трудности, не позволявшие семейству содержать огромный особняк.

После окончания анкарской начальной школы, в которой А. Кулин особенно хорошо давались иностранные языки, она поступила в ТЕД-колледж. Там она познакомилась с ныне не менее известными, чем она сама художниками слова — Пынар Кюр и Омером Чавушоглу. Затем последовало возвращение в Стамбул и продолжение учебы в престижном Американском женском колледже в Арнавуткёе, где по семейной традиции постигало знания не одно поколение семейства Кулин. В этом колледже произошло ее знакомство с еще одной известной в будущем турецкой писательницей-постмодернисткой Назлы Эрай. По признанию А. Кулин, в колледже она начала писать рассказы. Ее вдохновляли на это романы Диккенса и рассказы Незихе Мерич [6].

После окончания колледжа в 1961 г. А. Кулин осуществила первые пробы пера в области журналистики. С 1967 г. она занималась журналистикой уже активно, став редактором известного автомобильного журнала. В 1977 г. А. Кулин перешла на работу в крупнейшую турецкую газету «Джумхурийет», где проработала до 1982 г. Вслед за этим последовала работа в газетах «Дюнья» и «Сабах», «Миллийет».

Писательскую карьеру А. Кулин начала в 1980-е гг. Тогда, в период ее работы в газете «Миллийет», где она вела собственную рубрику, молодой колумнист впервые выступила в качестве новеллистки. По признанию самой А. Кулин, она смогла «найти издательство, которое решилось напечатать ее первые книги, только через двадцать пять лет после того, как она впервые взялась за перо» [6]. Первый новеллистический сборник А. Кулин «Поверни свое лицо к солнцу» (Güneşe Döb Yüzünü) увидел свет в 1984 г. в издательстве «Йазко». По одному из рассказов этого сборника «Гюлизар/Розовощёкий» (Gülizar) его же был написан сценарий для фильма «Сломанная кукла» (Kırık Bebek). Снятый по этому сценарию фильм был награжден в 1986 г. премией Министрства культуры Турции. За работу над телесериалом «Айашлы и их квартиранты» (Ayaşlı ve Kiracıları) в качестве режиссера и продюсера А. Кулин получила премию Союза театральных деятелей страны «Лучший режиссер года». Рассказ А. Кулин «Фотографии “Фото Сабах”» (Foto Sabah Resimleri, 1996) был удостоен сразу двух престижных премий в области новеллистики — в 1996 г. премии имени Халдуна Танера, в 1997 г. премии имени Саида Фаика. Позднее А. Кулин подчеркивала, что именно эти две премии оказались для нее «важнейшим стимулом для дальнейшей работы, укрепили в ней уверенность в себе» [6]. Рассказ «Фотографии “Фото Сабах”» дал название новеллистическому сборнику, вышедшему в 1997 г.

В 1998 г. А. Кулин опубликовала сборник повестей «Бесконечное настоящее время» (Geniş Zamanlar)¹. В повести функция настоящего времени на -уог заключается в усилении ощущения трагизма происходящего, в драматизации действия. Настоящее время словно бы «втягивает» в себя прошлое, замещает его собой, преподнося прошедшие события в трагическом ракурсе сегодняшнего дня. В форме того же времени на -уог подаются и события, которые, как представляет себе героиня повести, произойдут с ней в будущем. Они также овеяны атмосферой безысходности и тоски. Настоящее время, таким образом, аккумулирует в себе остальные времена и приобретает параметры бесконечно продолжающегося времени: кроме настоящего нет ничего, что и подчеркивается названием.

В 1990-е гг. А. Кулин обращается к романистике, в основном к жанру

¹ Дословный перевод повести, давшей название всему сборнику, звучит как «Множество времен» или «Бесконечное количество времен». Но поскольку он не передает адекватно идею произведения, то заменяется нами на «Бесконечное настоящее время».

романа-биографии. А. Кулин утверждает, что «биографический роман — это выбор не ее, а самого читателя, который интересуется фактами жизни реальных людей. Этот выбор и подталкивает писателя к данному жанру» [6]. Чаще всего в романах А. Кулин рассказываются истории реальных людей (даже членов ее собственной семьи). Как справедливо отмечает Л. В. Софронова, жанр романа-биографии и автобиографии «стал популярным в турецкой современной литературе во многом благодаря активной творческой деятельности Айше Кулин» [5: 56], которую, как уже отмечалось, исследовательница относит к представителям массовой литературы. По мнению Л. В. Софроновой, «эксплуатация этого жанра массовой литературой связана с тем, что рассказ о жизни реального лица благодаря документальному послышу придает всему сказанному ореол достоверности, позволяет навязать манеру поведения в определенных ситуациях исподволь, избежав прямой назидательности. Современная биография — это не биография жизни, а биография успеха, так как в современной жизни успех ставится во главу и ценится выше моральных ценностей» [Там же].

В 1996 г. А. Кулин пишет свой первый роман-биографию «Очаровательное душевное спокойствие» (*Bir Tatlı Huzur*), в котором повествует о жизни знаменитого турецкого музыканта XX в. Мюнира Нуреттина Сельджука, о ступенях его славы в качестве композитора и исполнителя национальных песен.

В 1997 г. А. Кулин за роман-биографию «Её имя Айлин» (*Adı Aylin*, 1997) была удостоена звания «Писатель года». Эта книга обеспечила ей признание в широких кругах турецких читателей. Однако Л. В. Софронова считает, что художественный уровень романа не является высоким и с этим трудно не согласиться: «Роман представляет собой историю жизни родственницы писательницы и безоговорочно может быть отнесен к разряду женской прозы, являясь в большей степени любовным романом, чем собственно романом-биографией» [Там же]. Действительно под вымышленным именем Айлин Девримель скрывается одна из троюродных сестер А. Кулин, о чем свидетельствует не только ее происхождение из рода знаменитых пашей (в романе имя основателя рода тоже вымышленное — Гиритли Мустафа Наили-паша — прадед главной героини), но и факты ее реальной биографии (служба в армии США, загадочная смерть). Как признавалась А. Кулин, «Айлин я знала очень хорошо. Я с ней вместе выросла, мы жили в одном доме и ходили

в одну школу. К тому же жена моего дяди по отцу была ее родной тетей со стороны матери <...> Одно время я даже планировала сделать с ней для известного журнала большое интервью, в котором бы она подробно рассказала о своей жизни. Но ее внезапная смерть зачеркнула все планы» [6]. В 2007 г. этот роман был переведен на английский язык и вышел в издательстве «Ремзи Китапэви».

В 1999 г. А. Кулин публикует роман «Фюрейя» (Füreya), описывающий в подробностях яркую жизнь первой турецкой женщины — мастера по керамике Фюрейи Корал (1910–1997). Образ Фюрейи в романе — это образ эмансипированной, сильной, одаренной личности, которую создала кемалистская революция. Героиня служит стране своим искусством и символизирует собой всю творческую интеллигенцию республики с обостренным ощущением нравственности и гражданского долга. В то же время этот образ несколько схематичен, поскольку акцент в нем делается исключительно на положительные качества героини, выражающиеся в ее поступках. Отмечается заштампованность и в описаниях внешности героини, свойственная для массовой литературы.

В этом же году выходит роман А. Кулин «Севдалинка»² (Sevdalinka), отмеченный премией факультета управления Стамбульского государственного университета. В романе повествуется о сложном периоде в жизни боснийцев, проживавших на территории бывшей Югославии. Отношение к боснийцам со стороны сербских властей представлено А. Кулин как геноцид. В этом ракурсе и описываются в романе ужасы войны в Косово, распад некогда единой Югославии, любовь боснийской тележурналистки и серба из Белграда, которая выливается в их непростую семейную жизнь. Повествование ведется от лица главной героини, ее глазами воспринимаются мировые социально-политические катаклизмы последних 25 лет.

В 2001 г. публикуется не совсем обычный для творчества А. Кулин документальный роман «Мост» (Köprü). Роман посвящен судьбам людей — жителей восточных районов Турции. Писательница пытается вскрыть исторические причины трагического существования жителей «богом забытых» «медвежьих углов» страны. Главные герои романа молодой человек Мевлут и его возлюбленная Эльмаз проживают в городе Эрзинджане. Они любят друг друга, но между ними стоит непреодоли-

² Слово «севдалинка» означает «старинный боснийский народный романс». Это слово происходит от турецкого «севда», т. е. «любовь». Поэтому название романа может быть переведено и как «Любовь».

мое препятствие — они исповедуют разные веры. Несчастливая любовь героев развивается на фоне непростой политической обстановки на востоке страны: строительство моста, саботирование стройки местными подрядными фирмами и нападения террористов, борьба честного губернатора с коррупцией в регионе и т. п. В 2006–2008 гг. по роману снимается телесериал, показанный на канале «Стар».

Роман «Ночные голоса» (Gece Sesleri, 2004) А. Кулин посвятила судьбе женщины из семейства Эгели. Жизненные перипетии героини раскрываются на фоне сложной, накаленной внутривосточной обстановки в Турции в период пребывания у власти Демократической партии в 1950-е гг. В 2008–2009 гг. по роману был снят сериал, демонстрировавшийся на канале «Шоу ТВ». В период с 2005 по 2017 гг. из пера А. Кулин вышли семнадцать книг, среди которых сборник рассказов «Было ли, не было ли» (Bir Varmış Bir Yokmuş, 2007), детские сказки «Сказки бабушки Сит» (Sit Nene'nin Masalları, 2008), сборник очерков «Каменная стена, открытое окно» (Taş Duvar Açık Pencere, 2009), романы «Прощание» (Veda, 2008), «Надежда» (Umut, 2008), «Тюркан» (Türkan, 2009), «Жизнь — сорок лет в моем бинокле (1941–1964)» (Hayat — Dürbünümde Kırk Sene (1941–1964), 2011), «Тоска — сорок лет в моем бинокле (1964–1983)» (Hüzün — Dürbünümde Kırk Sene (1964–1983), 2011), «Путник тайных моментов» (Gizli Anların Yolcusu, 2011), «Книга Боры» (Bora'nın Kitabı, 2012), «Возвращение» (Dönüş, 2013), «Мечта» (Hayal, 2014), «Хандан» (Handan, 2014), «Плененное солнце» (Tutsak Güneş, 2015), «Птицы со сломанными крыльями» (Kanadı Kırık Kuşlar, 2016), «Гордиев узел» (Kördüğüm, 2017).

По мнению Л. В. Софроновой, одним из наиболее успешных произведений А. Кулин является роман «Прощание». Действие романа происходит в оккупированном войсками Антанты Стамбуле. В нем повествуется о жизни семьи прадедушки писательницы — министра финансов в последнем османском правительстве. Жанр этого произведения, имеющего документальную основу, Л. В. Софронова характеризует как семейную мелодраму, в которой большое внимание уделяется деталям, бытописанию, историческим подробностям последних лет существования Османской империи: «По своей сути это произведение является историко-бытовым романом, имеющим биографическую подоплеку и документальную основу. Большое значение придает А. Кулин деталям, бытописанию; картины стамбульской жизни начала XX в. расцвете-

ны яркими сочными красками, они пронизаны любовью и уважением к истории Турции и к частной жизни конкретного человека» [3: 284]. В 2009 г. роман был переведен на английский язык и опубликован в издательстве «Эверест».

А. Кулин, которая на протяжении последних десяти лет входит в пятерку самых издаваемых авторов Турции, создала автобиографическую трилогию: «Жизнь — сорок лет в моем бинокле (1941–1964), «Тоска — сорок лет в моем бинокле (1964–1983), «Мечта». В романе «Жизнь» А. Кулин описывает семейную жизнь с первым мужем Мехметом Сарпером и рождение сыновей — Мете и Али. В романе «Тоска» писательница освещает свою жизнь во втором браке с Эреном Кемахлы и рождение сыновей Керима и Селима. Роман «Мечта» посвящен литературной деятельности А. Кулин, начиная с 1983 г. по настоящее время.

В 2014 г. А. Кулин опубликовала собственную версию романа «Хандан», автором которого в 1912 г. стала классик турецкой литературы Халиде Эдип Адывар (1882–1964). А. Кулин продолжила поиск ответа на поднятый в свое время Х. Эдип вопрос о возможности счастья для одинокой женщины в Турции [8: 18–19]. Исследователь творчества Халиде Эдип А. Т. Сибгатуллина считает, что «А. Кулин делает прямые отсылки к книге и к личности Адывар. Героиня носит имя Хандан, данное ей бабушкой после прочтения романа Халиде Эдип; да и ее судьба напоминает жизнь Хандан и Халиде: находясь в состоянии глубокого психологического кризиса, от одиночества доходя до умопомешательства, героиня перечитывает роман Халиде Эдип и делает выбор в пользу жизни» [2: 87].

Литература:

1. Репенкова, М. М. Поэтика повести Айше Кулин «Бесконечное настоящее время» // Вестник Московского ун-та. — Серия 13. Востоковедение. — 2018. — № 3. — С. 16–25.
2. Сибгатуллина, А. Т. Непреклонная Халиде. Жизнь и творчество турецкой писательницы Халиде Эдип Адывар. — М., 2018. — 183 с.
3. Софронова, Л. В. Историческая тема в современной турецкой прозе: традиция и новаторство // Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета: Сб. статей / Под ред. Н. Н. Телицина, Й. Н. Шена. — СПб., 2016. — С. 278–285.
4. Софронова, Л. В. К вопросу о развитии жанра литературной био-

- графии в современной турецкой прозе // Вопросы тюркской филологии. — Выпуск XI: Материалы Дмитриевских чтений / Отв. ред. Д. М. Насилов, Е. А. Оганова. — М., 2016. — С.330–343.
5. Софронова, Л. В. Массовая литература как продукт глобализации (размышления о жанровом многообразии прозы Турции) // Вестник РУДН. — Серия Литературоведение. Журналистика. — 2012. — № 2. — С. 55–56.
 6. Birgölge, M. Gazeteci tarafından gerçekleştirilmiş olan Ayşe Kulin Röportajı // URL: <https://www.biyografi.info/kisi/ayse-kulin> (дата обращения 04.02.2019)/
 7. Çelik, Yakup. Roman 1920–1960 // Türk Edebiyatı Tarihi. — 4. Ankara, 2000. — S. 283, 369.
 8. Erkol, T. Handan, Handan'a Karşı // İncir Çekirdeği Dergisi. — 2015. — Sayı 11. — S. 18–19.
 9. Gündüz, Osman. Cumhuriyet Dönemi Türk Romanı //Yeni Türk Edebiyatı 1839–2000. — Ankara, 2007. — S.407, 409, 510.
 10. Işık, İhsan. Encyclopedia of Turkish Authors. — 2. — Ankara, 2005. — S. 693.

М. М. Репенкова

Субжанр альтернативной истории в современной турецкой литературе

Аннотация: В статье рассматриваются художественные особенности фантастических романов современных турецких писателей Г. Дайыоглу «Сумеречные птицы» (2005) и Х. Какынча «Купол земли» (2015). Цель исследования — доказать, что указанные романы по своим художественно-эстетическим признакам относятся к новому для турецкой литературы субжанру альтернативной истории, входящему в жанр научной фантастики. Для реализации поставленной цели используются следующие задачи: кратко охарактеризовать турецкую фантастическую литературу 1990–2000 гг., рассмотреть творческие биографии Г. Дайыоглу и Х. Какынча, привести содержание романов «Сумеречные птицы» и «Купол земли», выделить их основную проблематику, систему образов. Доказать, что сюжетообразующим элементом обоих романов становятся легенды (в том числе и городские), которые по мере развития действия обретают фантастические черты, облекаясь в форму альтернативного исторического развития для земной цивилизации. В итоге делаются выводы о том, что фантастика в романах неразрывно связана с достижениями научно-технического прогресса, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на научные работы в текстах произведений. Кроме того, фантастика актуализирует важнейшие социально-политические проблемы нашего времени, что позволяет писателям сформировать особую эстетику, выводящую произведения за рамки массовой литературы.

Ключевые слова: турецкая фантастическая литература, жанр научной фантастики, субжанр альтернативной истории, Халит Какынч, «Купол земли», Гюльтен Дайыоглу, «Сумеречные птицы».

Maria M. Repenkova

Alternative history subgenre in Turkish modern literature

Abstract: This paper reviews the artistic features of science fiction novels *The Dome of the Earth* (2015) and *Birds of the Twilight* (2005), by H. Kakinç and G. Dayioğlu, the modern Turkish writers. The purpose of the study is to prove that the aesthetics of the novel adheres to the genre of alternative history, a subtype

of science fiction that is new to Turkish literature. The research objectives are following: to characterize briefly Turkish science fiction from 1990 to 2000, to review the creative journeys of G. Dayıođlu and H. Kakinç, to review the plot of the novels *The Dome of the Earth* and *Birds of the Twilight*; to highlight its narrative-shaping motifs, main problems and systems of imagery. To single out urban legends as the novel's main narrative-shaping element; as the plot develops, the legends become more and more fantastical, laying the groundwork for an alternative history about the development of civilization on Earth. Overall, the conclusions are following: fantastical aspects of the novel are inextricably linked with scientific and technological progress, as evidenced by the numerous references to the scientific works in the text. Moreover, science fiction actualises the most important socio-political issues of our time, allowing the writer to form his own special aesthetics, taking the novel beyond pop literature.

Key words: Turkish fiction literature, science fiction genre, alternative history subgenre, Halit Kakinç, *The Dome of the Earth*, Gülden Dayıođlu, *Birds of the Twilight*.

В современной турецкой массовой литературе с 2000-х гг. наблюдается прямо-таки «взрыв» фантастических жанров, которые имеют четкую дифференциацию. Научно-фантастическую литературу представляют произведения Кутлухана Кутлу, Гюльбике Берккам, Хакана Балджи, Севги Сайгы, Гюркана Улучхана, Мехмета Берка Йалтырыка, Али Асланкана, Бельмы Фырат и др. [1: 34]. Из научной фантастики выделяется субжанр альтернативной истории, представителями которого являются Халит Какынч и Гюльтен Дайыоглу. Интенсивно развивается фэнтези, также разграничивающаяся на субжанры. К фэнтези «меча и волшебства» принято относить произведения Барыша Мюстеджаплыоглу, Оркуна Учара, Альпа Араса, Гектуга Джанбаба, к «городской фэнтези» — романы Садыка Йемни, Гюндюза Огюта, Ахмета Азиза Чонгарлы, Фунды Озлем Шеран, Гюльшан Эликбанк, Догу Юджеля, к «темной фэнтези» — романы Сайгына Эрсина [2: 237–256; 3: 691–697; 7: 337–338; 9: 5–15; 8: 133–154]. Появился и первый роман в жанре антиутопии «Последний остров» (Son Ada, 2008), который написал известный турецкий беллетрист Омер Зюльфю Ливанели [2: 59].

В данной статье характеризуется новый для турецкой массовой литературы фантастический субжанр альтернативной истории на примере романов Гюльтен Дайыоглу «Сумеречные птицы» (Alacakaranlık Kuşları, 2005) и Халита Какынча «Купол земли» (Yerkubbe, 2015). В этой романной форме изображается «реальность, которая могла бы быть,

если бы история в один из своих переломных моментов пошла по другому пути. Фабульные изменения хода истории могут быть связаны как с широко известными историческими событиями или историческими личностями, так и с малозначительным. В результате таких изменений происходит “разветвление” истории — события начинают развиваться по другому пути... В некоторых произведениях вместо или вместе с сюжетом перемещения во времени используется идея параллельных миров — “альтернативный” вариант истории реализуется не в нашем мире, а в параллельном, где история идет другим путем» [4: 10].

В романах Г. Дайыюглу и Х. Какынча альтернативные пути развития земной цивилизации представлены в параллельных мирах (у Г. Дайыюглу в космосе, у Х. Какынча под землей). И в том, и в другом произведении в эти миры попадают ученые, исследуют их с целью последующего применения опыта других живых существ (людей, птиц) на земле ради спасения современной человеческой цивилизации от вымирания в связи с ростом количества оружия массового поражения и угрозой мировых войн. В параллельных мирах ученые сталкиваются с необычными явлениями, которые они пытаются объяснить с научной точки зрения. В романе Г. Дайыюглу это таинственная энергия чудо-птиц Акилопанта, которую пернатые черпают из космоса. Птицы стремятся передать эту энергию людям, чтобы сделать их свободными и независимыми от всего, даже от земного притяжения, чтобы каждый человек мог, превратившись в птицу, летать в космос. А в романе Х. Какынча ученые сталкиваются с чудесами голограммной техники, которая в демократических условиях Нового Рима служит на благо народа. Жители Нового Рима не стремятся донести сведения о своей цивилизации до современных людей земли. Поэтому при возвращении ученых на землю руководители Нового Рима стирают из их памяти все те события, которые происходили с исследователями в параллельном мире.

Гюльтен Дайыюглу — известная турецкая детская писательница. Она родилась 15 мая 1935 г. в ильче Эмет (Кютахья). В 1956 г. закончила в Стамбуле женский лицей имени Ататюрка. Поступила на юридический факультет стамбульского университета, но завершить обучение ей не удалось. В 1962 г. она закончила педагогическое училище Чапа, после чего в течение 15 лет работала преподавателем начальной школы. В 1977 г. ушла с должности и начала писать прозу для детей. Занималась проблемами эмиграции турок в Германию (в частности детей турецких

рабочих-эмигрантов), писала статьи на эту тему в газеты «Джумхурийет» (1965–67), «Миллийет» (с 1967). С 1980 г. писала книги и для немецкого книжного рынка. Среди наиболее известных ее произведений для детей встречаются рассказы: «Отпрыск» (Döl, 1965, премия имени Юнуса Нади), «Оставшиеся позади» (Geride Kalanlar, 1975), «Вернувшиеся назад» (Geriyе Dönenler, 1986); повести: «Летающий мотоцикл/мотор» (Uçan Motor, 1965), «Аист остался в снегу» (Leylek Karda Kaldı, 1979, премия Аркын за лучшую сказочную литературу для детей), «Воздушный змей» (Uçurtma, 1984); романы: «Фадиш» (Fadiş, 1971), «Они были четырьмя братьями» (Dört Kardeşiler, 1971), «Воробы Суны» (Suna'nın Serçeleri, 1974), «Я тосковал по родине» (Yurdumu özledim, 1977), «Как только я вырасту» (Ben Büyüyünce, 1979); книги путешествий: «Путешествие за гору Каф» (Kaf Ardına Yolculuk, 1987, премия министерства культуры и туризма за лучшую детскую книгу 1987 г.), «Совершенно другая страна. Путешествие в Америку» (Bambaşka bir Ülke. Amerika'ya Yolculuk, 1990), «Путешествие за океаны» (Okyanuslar Ötesine Yolculuk, 1990) и др. У писательницы есть несколько произведений, которые можно отнести к детской фантастике: «Умные блохи» (Akıllı Pireler, 1982), «Дети возраста излучения/света» (Işın Çağı Çocukları, 1987), «Тайна Мо» (в трех книгах: Мо'nun Gizemi; 1999, 2011, 2012), «Сумеречные птицы» (Alacakaranlık Kuşlar, 2005), «Цветы Светопреставления» (Kıyamet Çiçekleri, 2010), «Тайная сила Йады» (Yada'nın Gizli Gücü, 2011).

Г. Дайыоглу была удостоена многих национальных наград в области литературы. Она — член Синдиката писателей Турции, Общества литераторов, Пен-клуба, Общества изданий для детей. Исследователь Кемаль Аташ защитил в Анкаромском университете диссертацию по творчеству Г. Дайыоглу.

Сюжет романа «Сумеречные птицы» сводится к тому, что некая вымышленная организация, а именно Международный научный совет при ООН, объявляет конкурс на лучшую исследовательскую работу, которая смогла бы спасти человечество от угрозы войн, распространения химического оружия и самоистребления. Команда молодых турецких исследователей, среди которых находятся ученые-военные (капитан Сюмер, старший лейтенант Раман) и гражданские ученые (орнитологи Эльбей и Тан, специалист по лазерным технологиям Ата, девушки-ученые Эдже, Дефне и Гюнеш) начинают разрабатывать проект, связанный с таин-

ственными птицами Акилопанта или Птицами с ушами. Эти птицы в виде светящихся прозрачных шаров упали на военную базу (она одновременно является и научным центром) в Хаккари, находящуюся на востоке страны, а затем, освободившись от прозрачных оболочек, улетели в неизвестном направлении. Начальство военной базы (генерал и полковник) поручили сотрудникам базы (перечисленным выше молодым людям) заняться разработкой этих птиц. Возможно, открытие новых пернатых смогло бы помочь стране выиграть международный конкурс. Молодые ученые объездили множество стран по всему миру в поисках необыкновенных птиц. Самих птиц они не увидели, но увидели места их гнездовий (птицы выдалбливали гнезда в гористых местностях, а выходы из гнезд делали в виде конусообразных башен). Узнали много легенд об Акилопанта: у многих народов эти птицы стали священными, они неоднократно спасали людей от несчастий и смерти. Наконец, услышали легенду о том, что эти птицы могут принимать человеческий облик. Как выяснилось впоследствии, орнитолог Тан был не настоящим человеком, а птицей. Он специально проник в среду исследователей, чтобы выяснить их истинные намерения. Узнав, что эти намерения добрые, он стал для них проводником в мир Акилопанта. Позднее из Австралии к команде ученых присоединился настоящий орнитолог Тан, с которым Тан-птица активно общался. С птицами Акилопанта ученые встретились на родине, на горе Сюпхан. Тан-настоящий и Раман зашли в птичьи гнезда на горе. Обнаружили в них подземные ходы. Спустились по ним под землю. Обнаружили там птиц и птичьи яйца. С помощью Тана-птицы набрались от пернатых таинственной энергии. Слетали в космос на Сумеречную планету, где встретились с другими птицами Акилопанта и с совершенно иной птичьей цивилизацией. На этой планете был источник таинственной энергии, неизвестной на Земле [5: 289]. Эта планета, находящаяся в другой галактике по отношению к Земле, была одной из трех планет, вращающихся вокруг собственного маленького солнца. Планету окутывал толстый слой атмосферы, состоящей из разных газов, выделявшихся из раскаленной магмы. Лучи маленького солнца, проходя через атмосферу, распались и превращались в фиолетовые лучи. Поэтому на планете круглые сутки было темно. На планете было много растений, но они были желтоватого цвета.

Тан и Раман посредством Тана-птицы узнали от находившихся там птиц Акилопанта, что на эту планету птицы попали после Потопа. Они

не успели сесть на Ковчег Ноя, и пророк указал им дорогу на небо и под землю. Часть птиц спрятались от Потопа под землей, а часть улете-ла в космос. Но на этой планете молодые птицы не могли откладывать яйца. Поэтому в один из дней они вернулись на Землю, где встретились со спрятавшимися от Потопа своими сородичами. Теперь раз в три года эти молодые птицы летают на Сумеречную планету, где встречаются со своими не улетевшими оттуда предками (старыми родителями). Возможность делать такие космические перелеты питается силой тайной энергии, находящейся на планете. На Земле же эта энергия черпается ими из грибов в пещерах, где они гнездятся. Энергией они наполнили колонии грибов.

От пророка Ноя, а затем и пророка Сулеймана птицы получили наказ помогать людям и в определенное время передать им таинственную энергию, которая сделает людей сильными и независимыми. Сейчас птицы думают, что время это пришло (так как мир стоит на грани катастрофы и спасти его может только таинственная энергия), поэтому они и пошли на контакт с молодыми учеными посредством лже-Тана. Вернувшись на землю, Тан и Раман рассказали все другим исследователям. Также они описали будущее, как Турция выиграет международный конкурс ООН благодаря открытию и использованию таинственной энергии птиц Акилопанта (они мысленно присутствовали на заседании Научного совета ООН). Сказали об одной оговорке, которую передали через них людям птицы с Сумеречной планеты: такую энергию смогут получать только добрые люди, которые направят ее во благо человечества. Затем все члены команды пошли на гору Сюпхан, к птичьим гнездам и пропали там на какое-то время, превратившись в птиц. Военное начальство посчитало их погибшими. Но через несколько дней молодые ученые вновь обернулись людьми к радости генерала и полковника.

Члены команды молодых ученых описаны очень подробно. О старшем лейтенанте Рамане Хасанкейфли рассказывается: «Он был одним из самых эффективно работающих ученых в Научно-исследовательском центре Хаккари. Он был единственным ребенком семьи Хасанкейфли. Члены его семьи были разнорабочими в Бельгии. В Бельгии он получил хорошее образование. Изучил английский, французский, русский языки. Получил высшее образование в области ядерной физики, защитив диссертацию, приехал в Турцию для прохождения военной службы.

С одной стороны, он участвовал в исследовательской работе Научного центра, а с другой, служил в армии» [5: 13].

Приводится подробная биография девушек-исследователей: «Эдже — одна из членов научной команды — получила высшее образование в России. Она училась там в университете, специализирующемся на изучении космоса, областью ее интересов являлась космология. Кроме того, три года работала в космическом центре в Казахстане. В это время совершила семидневный полет в космос на многофункциональном спутнике. Наблюдения и опыты, которые она провела во время полета, внесли важный вклад в космическую науку. Поэтому, хотя она еще и не достигла тридцатилетнего возраста, но уже была удостоена профессорского звания.

Дефне училась астрофизике в Швеции. И она была возраста Эдже. Прежде она работала исследователем в известных астрофизических центрах мира. Участвовала в некоторых важных экспериментах, проводимых в Австралии и Антарктике. В этих экспериментах были получены бесценные сведения относительно астрофизики. Оценив эти сведения, она создала три новые астрофизические теории. Эти теории были благоприятно встречены мировым научным астрофизическим сообществом. Дефне в молодом возрасте была удостоена научных наград.

Гюнеш заняла место в команде исследователей. Эта молодая девушка была инженером-атомщиком. Она заставила мировое научное сообщество говорить о себе благодаря своим книгам, которые опубликовала, и работам, которые провела по этому вопросу. Поэтому работая в НАСА, получила право занять место среди избранных ученых, исследовавших частицы грунта, привезенные с Марса. По причине исследований, которые она проводила в связи с колебанием энергии в ядрах атома, она была выбрана НАСА молодым исследователем года.

Эти три молодых исследователя были приглашены в Турцию министерством обороны на стадии создания Научно-исследовательского центра в Хаккари. И они это предложение с радостью приняли, получив разрешение от тех организаций, где они работали, приехали в страну, помогли в создании научного центра. Потом продлили свои разрешения и присоединились к работам по открытию химической силы против биологического оружия. Но когда встал вопрос об операции, связанной с птицами Акилопанта, они ушли из первого проекта и добровольно заняли место в Операции Акилопанта» [5: 34–35].

В фантастическом романе Г. Дайыоглу используются элементы конспирологического романа: некая группа людей (группа молодых исследователей) пытается спасти мир от угрозы самоуничтожения. Присутствуют апокалиптические мотивы: показывается, что ждет человечество в обозримом будущем, если с помощью таинственных птиц ученым не удастся спасти мир. Кроме того, как и в фэнтези, приводятся различные легенды, сказки и чудесные истории, связанные с таинственными птицами Акилопанта. На основании легендарных повествований (якобы, когда-то, в стародавние времена отцы, деды и прадеды видели этих птиц собственными глазами) даются описания таинственных птиц Акилопанта. Например, девяностодвухлетний крестьянин Сары Деде из якутской деревни рассказывает: «Вот она старость! Многие вещи я стал уже забывать. Настоящее название этих птиц Акилопанта. Кроме того, Акилопанта для нас считаются священными птицами. В шаманских молитвах про них говорится. Но эти птицы у нас здесь известны как Птицы с ушами. С двух сторон головы у них находятся уши наподобие наших, только в свернутом состоянии. Эти уши раскрываются и разворачиваются в стороны только тогда, когда птицы поднимаются в воздух и летят. Когда они возносятся в небо, вокруг появившихся ушей становятся видны толстые волоски. Эти волоски, как и тонкое оперение на конце их крыльев, при взлете начинают быстро вращаться как вертлюг, а потом вытягиваются в ту сторону, в которую летят птицы. Я вам уже говорил, что головы Птиц с ушами похожи на головы людей с красивыми, улыбающимися лицами?» [5: 59].

Краснокожая женщина-индианка из Мексики рассказала: «Акилопанта — друзья человека. Это священные птицы, которые приносят счастье. У них много особенностей, которые поражают человека. Например, они летают не как другие птицы, при полете они не машут и не хлопают крыльями. Любят летать в ночном мраке. Избегают людей. Их оперенье серебряного цвета. Головы напоминают человеческие. С двух сторон головы, когда они летают, раскрываются уши. На конце крыльев и вокруг ушей вращающееся оперенье и волоски...» [5: 210–211].

Водитель из местных жителей с острова Мадагаскар рассказал исследователям: «Судя по тому, что рассказывали старейшины в моей семье, Птицы с ушами, вот так просто, всем не показываются. Они видны только тем, кто достоин их увидеть. Те, кто их не достоин увидеть, будь то даже священник, никогда их не увидят. А вот от детей они

не скрываются. Мой прадед, когда ему было восемь лет, тайно увязался за священниками, которые пошли приветствовать Птиц с ушами. Чтобы посмотреть церемонию, он, поднявшись на верхушку одного из деревьев на берегу реки, начал ждать» [5: 116]. Далее последовал рассказ о том, как в сумерках утра птицы прилетели к реке попить воды, увидели на дереве мальчика, одна из птиц села на то дерево, протянула к нему крыло, улыбнулась. Мальчик проникся к птице бесконечной любовью. Внезапно он очутился в своей кровати, у себя дома.

Волшебник с того же острова рассказывает ученым, что эти птицы бессмертны, что их род никогда не закончится, что живут они со времен Адама и Евы, что несут они в себе души предков и это придает им силу: «Наши старожилы говорили, что они не только летают без единого взмаха крыльев, но и временами оборачиваются людьми, живя среди народа. Может быть, и в настоящее время одна из таких птиц находится среди нас... Вам не стоит бояться Птиц с ушами. Они со дня основания мира помогали роду людскому. Если вы в своем мозгу создаете о них хорошие мысли, может они перед вами и появятся. Будете думать плохо, питать плохие намерения, они от вас удалятся» [5: 121].

Местный проводник, который сопровождал команду ученых в Самарканде, поведал им: «Вам это может показаться сказкой, но в наши дни есть все еще такие люди, которые верят, что эти птицы могут менять свой внешний вид, превращаясь в людей, животных, насекомых. Особенно верящих в это немало в сельской местности. Согласно их вере, Птицы с ушами одним рывком оборачиваются красавицей девушкой-пери. Или одним рывком превращаются в змею, льва, голубя или бабочку» [5: 187–188].

Старик из Южной Африки описывал следующим образом таинственных птиц: они всегда помогали его предкам особенно в борьбе против европейских колонизаторов. Он говорил, что его дед был прорицателем, который мог строить мысленную связь с этими птицами. По рассказам деда птицы помогали тем народам, которые оказывались несправедливо побежденными завоевателями, они принимали вид воинов и участвовали в сражениях, обеспечивая тем самым победу несправедливо униженным [5: 124].

Старая монахиня из Японии рассказала: «Птицы с ушами священны. Они могут делать то, что не могут делать другие священные живые существа. Наши предки верили, что эти птицы иногда превраща-

лись в людей и жили среди народа. Даже иногда направляли на путь истинный кровавых тиранов королей, приняв облик человека и попав к ним во дворцы. Эти птицы для людей друзья, они как ангелы. Такими глазами наши предки смотрели на них. По мне, так вам лучше ими не заниматься» [5: 160]. Далее она продолжила, что согласно очень старым легендам, эти птицы могут перелетать между нашим миром и другими мирами [5: 161].

Множество легенд, которые ученые услышали в разных странах, гласили: птицы наказали жадного торговца, обманывавшего бедных эскимосов; птицы предупредили индейцев о готовящемся американцами ядерном взрыве и спасли индейцев в пещере; птицы спасли крестьян от налетевшей бури; птицы спасли умирающего от холода ребенка, закрыв его перьями своих крыльев и т. п. Чудеса с птицами происходили и в команде ученых. Птицы им явно помогали. Гюнеш от укуса змеи спасла белая бабочка, в которую превратилась одна из птиц. Ата, падающего со скалы, подхватила птица. Таинственным образом нашлись и дорогие очки Ата, которые тот потерял в пустыне и без которых не мог вести дальнейшее исследование. В Тунисе за учеными следили правительственные силы безопасности. Однако преследовавшие их солдаты сил безопасности отравились в пещере каким-то неизвестным газом и не смогли арестовать ученых. Наконец, ученые узнали, что один из них — орнитолог из Австралии Тан — ненастоящий человек, что он птица, посредством которой ученые входили в контакт с Акилопанта. На острове Борнео ученые попали в плен к дикому племени. Старейшины соглашались отпустить ученых и их охранников, только если те победят борцов племени в поединке на площади. В схватке преимущество было за охранниками ученых. Но дикари пошли на хитрость, стали незаметно пускать в охранников ядовитые стрелы, лишаящими людей сил. После того, как птицы появились в небе, старейшины племени признали, что борьба велась нечестным образом, и отпустили ученых и охраняющих их людей.

Ученые полагали, что у этих птиц есть таинственная энергия, которая дает им силы летать без взмаха крыльев, достигать уровня святости, превращаться в человека. Ученые поставили своей целью выявить источник и качество этой энергии и поставить ее на службу человеку. Посредством Тана-птицы ученые овладели данной энергией, чтобы направить ее во благо человечества.

Фантастика проявляется особенно явно в тех главах, в которых рассказывается, как Тан-настоящий, Раман и Тан-птица летят на Сумеречную планету и общаются посредством Тана-птицы со старейшинами птиц Акилопанта, как те раскрывают людям свои знания о таинственной энергии, выделяемой магмой планеты, обещают поделиться этой энергией с людьми. С помощью Сумеречной планеты описывается альтернативная цивилизация, параллельный космический мир необычных птиц. Далее фантастика проявляется в тех главах, где Раман и Тан мысленно представляют, как в будущем будет проходить заседание в Мировом научном центре, где турецкие ученые будут рассказывать об открытии таинственной энергии, как Турция победит в международном научном конкурсе, как огненные птицы будут передавать людям свою энергию и те будут взлетать к звездам. На земле начнется другая эра, другая жизнь.

Вторым представителем субжанра альтернативной истории в современной турецкой литературе является Халит Какынч, выступивший с романом «Купол земли». Х. Какынч родился в 1952 г. в Анкаре. Начальную школу он закончил в Измире. Затем была средняя школа в Германии и лицей в Австрии. После окончания Высшей школы политических наук, он защитил магистерскую диссертацию в Стамбульском университете на факультете экономического менеджмента. Диссертация доктора наук (степень PhD) была им защищена в области международных отношений. Многие годы Х. Какынч занимался журналистикой, работал в газете “Star”. Он был членом попечительского совета и членом исполнительного комитета Университета Бильги.

Перу Х. Какынча принадлежат романы, которые по большей части носят историко-биографический характер — «Султангалиев» (Sultangaliev, 2011), «Струма» (Struma, 2012), «Любовь черкеса» (Çerkes Aşkı, 2013), «Красная кираса — Рискулов» (Kızıl Cebe — Riskulov, 2013). Особняком стоит его фантастический роман «Купол земли» (Yerkubbe, 2015). Х. Какынч — автор семи исторических исследований на тему тюркского мира, национальных лидеров этого мира.

Одним из типологических признаков жанра альтернативной истории, как уже отмечалось, является то, что сюжеты произведений, относящихся к данному жанру, опираются на различные легенды, в том числе и городские. Это роднит жанр альтернативной истории с «городской фэнтези», в которой мотивы и образы городских легенд также являются жанрообразующими. В романе Х. Какынча «Купол земли» в основе сю-

жета лежат легенды о том, что под Стамбулом расположено множество туннелей, вырытых якобы в разные времена (в том числе византийские). Автор романа ссылается не только на устные легенды, но и на якобы существующие книги средневековых и современных авторов, в которых приводятся сведения об этих туннелях (Джованни Сконьямильо, Джон Стефонос и др.) [6: 29–30]. В книге левантийца из Стамбула Джованни Сконьямильо «Тайны Стамбула» и в книге неизвестного автора «Семь чудес Стамбула» рассказывается о самом знаменитом из туннелей, вход в который расположен под водами древнего (VI в. н. э.) водохранилища Цистерны-базилики «Йеребатан», находящейся в центре города, в его европейской части, в районе Султанахмет. Туннель проходит под рынком Капалычарши, где якобы тоже есть в него вход, далее он идет одним из своих ответвлений под Босфором в азиатскую часть города, в район Юскюдар. А другим ответвлением по дну Мраморного моря достигает острова Кыналыада, расположенного в 12 км от Стамбула в том же Мраморном море. Легенды гласят, что вход в туннель в цистерне-базилике «Йеребатан» находится в ее северо-западной части, около двух колонн, в основании которых находятся каменные головы Медузы Горгоны. По преданию колонны с головами Медузы остались от еще более древней постройки, которая была расположена на этом месте — от Базилики Илиуса, поэтому цистерна имеет и второе название «базилика».

Главный герой романа Синан Герчекер, тридцатидвухлетний геолог и спелеолог, вместе с командой друзей-исследователей пещер (Октай Джансу, Ферди Чошкун, Эрдал Шимшек, Гюль Тезкан, Элени Папакоста, Инге Майер), получив разрешение от соответствующих органов, отправляется в экспедицию в «Йеребатан», чтобы найти знаменитый туннель. Руководит экспедицией геолог с мировым именем, доктор наук Октай Джансу, который набирает в свою команду профессионалов и любителей, прекрасно разбирающихся в спелеологии, знающих иностранные языки, в том числе древнегреческий и латинский.

Команда Октая Джансу, спустившись под воду базилики-цистерны, попадает через Черную дыру и Туннель червя в параллельный мир, расположенный под землей. Это Республика Новый Рим, в которой люди живут счастливо, в гармонии с природой и с самими собою. При внешней схожести с Древнем Римом (тоги, туники, воинские плащи, надетые на жителей необычной республики, латинский язык, на котором все разговаривают) жизнь фантастической страны наполнена новейшими тех-

нологиями, которые еще даже не разработаны на Земле (голограммные телевизоры, телефоны, планшеты, нано-технологии, квантовые телепортации, роботы-киборги, летающие люди и т. п.).

Команду исследователей из Стамбула встречают в параллельном мире радушно, знакомят с необычной жизнью Нового Рима и его научными достижениями. Показывают больницы, оснащенные новейшими информационными технологиями (создание органов из стволовых клеток; умные рубашки, сообщающие о риске сердечного приступа; специальные вилки, считающие, сколько съедено калорий и т. п.), органы управления республикой (Совет министров, Сенат, Совет ученых). Дают возможность побывать на обрядах-мистериях митраистов¹, знакомят с учением александрийского священника Ария². Арианство, как и митраизм, пропагандируется в Новом Риме, жители которого толерантны вообще к любой религии. Стамбульским ученым рассказывают, что предки жителей Нового Рима, которые были сторонниками Ария, после II Вселенского Собора (381 г.), созванного императором Феодосием I, на котором Арий был проклят, а потом отравлен, спрятались в пещеры, спасаясь от властей, и прошли через Черную дыру и Туннель червя, как и сами ученые, попав в эти места, т. е. в параллельный мир. С ними же сюда ушли и митраисты [б: 74].

В Новом Риме Синан Герчерлер знакомится с принцессой Марией де Санта Круз, которая является министром в правительстве республики. С помощью голографического изображения Мария представляет ученым из Стамбула всю историю Нового Рима, с момента того, как 1600 лет назад в параллельный мир пришли жители Древнего Рима и образовали здесь новую республику. Синан влюбляется в Марию. Они женят-

¹ Митраизм (учение Митры) — одна из религий античности, духовное учение о развитии человека-борца за высокие нравственные идеалы, пришло с Востока. Распространено в Римской империи в период II–V вв. Митра — божество индоиранского происхождения, связанное с дружественностью, согласием, солнечным светом. Оно иногда равно солнцу. Это учение использовалось римскими императорами для укрепления своей власти в отход от демократических принципов: император — наместник божества. Кроме того, митраизм был распространен в армии, в которой было много выходцев из Азии. Митраизм сошел со сцены с распадом Римской империи, вытесненный христианством.

² Арианство — одна из ранних ересей в христианстве IV–VI вв. Пресвитер Арий (ум. 336 г.) отрицал учение о Троице. Сын Божий Иисус не равен Богу-Отцу. Он получает бытие от Отца, как и прочие творения. Иисус не единосущен Ему. Оппонентом Ария был епископ Александрийский Александр. Арий был осужден I Вселенским Собором в Никее (325 г.), созданным императором Константином I.

ся, пройдя через митраистский обряд обручения. Но проходит время и исследователям нужно возвращаться назад, в Стамбул. Правительство Нового Рима и Совет ученых решают депортировать их с помощью квантовой телепортации, предварительно стерев из их памяти все, что касается увиденного и узнанного в Новом Риме, и переодев их в прежнюю, современную одежду. С этим приходится согласиться и Марии де Санта Круз. Она скрывает от Синана, что ждет от него ребенка и прощается навсегда с возлюбленным, понимая, что он не сможет вернуться к ней назад.

После успешной квантовой телепортации команда исследователей попадает в пещеру Ярымбургаз, которая находится в 22 км от Стамбула. У них снова на руках начинают работать электронные часы, и они узнают, что пробыли в экспедиции с 21 ноября 2014 г. по 15 апреля 2016 г. Но они не помнят, что с ними было. Синан женится на своей невесте, враче Инджи Коч, которая все это время преданно ждала его и не верила сообщениям прессы о том, что экспедиция погибла. Синан дарит Инджи серебряный браслет, который перед телепортацией надела ему на руку Мария. Герой не помнит, как у него на руке появился этот браслет.

Альтернативный вариант истории в романе Х. Какынч подразумевает, что придуманный писателем фантастический Рим развивается не по пути христианского католицизма, а по пути еретического учения Ария, которое становится государственной религией под землей, в параллельном мире. Портреты Ария висят по всему фантастическому городу. Это является примером того, что писатель для создания иной, альтернативной истории использует не слишком значительную историческую личность александрийского священника. Последнее, в свою очередь, вписывается в типологические черты исследуемого жанра. Кроме того, к типологическим особенностям жанра альтернативной истории, проявляющимися в романе Х. Какынча, можно отнести и связь фантастики с достижениями научно-технического прогресса. Писатель старается придать роману максимально наукообразную форму: обилие латинских слов и выражений, которые в сносках переведены на турецкий язык и к которым даны лингвистические комментарии; названия частей романа (эпилог 1, пролог, фабула, эпилог 2), ориентирующих на литературоведение; подробное объяснение различных физико-математических явлений в самом тексте романа (например, голограммных, лазерных технологий [6: 70, 78], квантовой телепортации [6: 170–173], принципа

неопределенности Гейзенберга в квантовой механике [6: 161]) и приведение физических и математических уравнений, формул [6:162]; сноски на работы выдающихся философов, физиков и математиков, таких как американский философ Лорен Слейтер, американский физик-теоретик Митио Каку, английский физик-теоретик Стивен Хокинг, британский философ Джордж Беркли, британский и южноафриканский космолог, специалист по теории относительности Джордж Эллис, шведско-американский космолог и астрофизик Макс Тегмарк, датский физик квантовый физик Юджин Ползик, физик-теоретик и создатель теории относительности Альберт Эйнштейн и др. [6: 103, 111, 122, 123, 124, 145, 157, 171].

С другой стороны, в романе Х. Какынча проявляется связь фантастических явлений с социально-политическими проблемами наших дней. Толерантное, «полностью демократическое» [6: 77] общество Нового Рима противопоставляется писателем нашему современному обществу, характеризующемуся бесконечными войнами, этническими и религиозными конфликтами. Руководитель экспедиции Октай Джансу делится со своими товарищами впечатлениями о Новом Риме: «Эти люди намного раньше, чем мы достигли того уровня зрелости, который называется толерантность. Наша же толерантность на той, другой стороне, увы, пока приближается к нулю. Даже наши комментарии, связанные с религией, все еще в высшей степени эгоцентричны... Наши люди во имя этого самым безжалостным образом убивают друг друга» [6: 174].

В структурном отношении роман построен так, чтобы выделить пласт событий, относящийся к параллельному миру, показать его как доминантный, и отодвинуть то, что происходило с командой спелеологов в Стамбуле на второй план (их подготовка к экспедиции, рассказ о каждом из участников). На это настраивают «Пролог» и «Эпилог 1», которые приводятся в начале романа и в которых нарушается хронологическая последовательность изложения событий. Роман начинается с «Эпилога 1». В нем описываются последние часы перед разлукой принцессы Марии де Санта Круз с Синаном и его уход из параллельного мира. Далее следует «Пролог», в котором Арий со своими сторонниками идет по улицам древнего Константинополя ко дворцу императора и падает на землю, скорчившись в невыносимых муках от яда, подсыпанного ему в пищу противниками его учения, и умирает.

В разделах «Фабула» и «Эпилог 2» события излагаются в хронологической последовательности. Вводя очередного нового героя в по-

вестование, автор использует разные приемы. Чаще всего это сухие, объективированные, прямо-таки анкетные данные описываемого лица. Например, вот как характеризуется члены команды спелеологов: «Они вошли по одному. Председатель Общества по исследованию пещер доктор Октай Джансу. Тридцать восемь лет. Геолог. Говорил на четырех иностранных языках, включая древнегреческий и латинский. Он — ученый с мировым именем. Особенно последние пять лет он участвовал практически во всех важных исследованиях по спелеологии. Не женат.

Ферди Джошкун. Сорок лет. В полном смысле слова он был идеалистом. Посвятил свою жизнь спелеологии. Жил на небольшое наследство, оставшееся от родителей, и этого ему с лихвой хватало. Деньги, которые он получал от сдачи недвижимости, тратил исключительно на спелеологические изыскания. Увлекался фотографией и видеосъемками. Приблизительно три года назад он разошелся с женой. Знал английский и латинский.

Эрдал Шимшек до безумия был влюблен в спелеологию. Тридцать пять лет. Но выглядел очень молодо. Застарелый холостяк. Владел английским и латинским языками» [6: 31–32].

В противоположность сказанному выше портрет Марии де Санта Крус дается в субъективной манере, глазами влюбленного в нее Синана. Этот портрет полон поэтических тропов, почерпнутых молодым человеком из произведений древних поэтов: «Синан поднял голову и посмотрел в лицо женщины с томными глазами, чувственным ртом и станом словно кипарис. Перед ним была луноликая, самая красивая женщина, которую он видел в своей жизни до сегодняшнего дня. Слово римские поэты в своих произведениях отсылали именно к ней. Что говорил знаменитый римский поэт Овидий в своих любовных стихах: “Красота — это божий дар... Но сколько есть женщин, способных испытывать гордость от своей красоты? Большинство из вас совершенно точно не смогло воспользоваться тем, что пришлось на вашу долю от этого драгоценного дара...” Да, Овидий был прав. Эта женщина не оставляла никаких шансов на красоту другим женщинам. Она одна получила сполна весь божий дар. Это была самая прекрасная женщина, которую он видел в своей жизни... Он вспомнил другого римского поэта Марка Валерия Марциала: “Женщина прячет свою красоту в банку с драгоценностями. Лицо, которое она показывает людям, не соответствует тому, что она скрывает”. А эта красавица-принцесса не скрывает

своей неповторимой сути, ее драгоценная красота налицо. Как будто бы другой ученый и мыслитель Насир ад-Дин Туси, описывая 700 лет тому назад красавицу, брал ее в качестве образца: “Волосы, брови, ресницы и глаза черные-пречерные. Язык, губы, щеки красные... Рост, нос, пальцы длинные-предлинные... Рот, кисти рук, ступни и уши малюсенькие... Лицо, глаза, запястья обволакивающе мягкие...” Синан сходил с ума от чувств. Вздогнул» [6: 68–69].

Подводя итог, следует сказать, что оба романа описывают параллельные миры, внеземные цивилизации. У Г. Дайюглу это цивилизация человекоподобных птиц Акилопанта в космосе, у Х. Какынча — цивилизация Нового Рима под землей. В романе Г. Дайюглу акцент делается не на параллельном мире, а на том, что происходит с учеными на земле. В романе Х. Какынча, наоборот, акцентируется именно параллельный мир, земное существование отодвигается на второй план. Оба романа включают в себя большинство типологических признаков, которые свойственны произведениям об альтернативной истории. Сюжетообразующим элементом романов становятся разного рода легенды (включая городские), которые по мере развития действия обретают фантастические черты, облекаясь в форму альтернативного исторического развития в рамках иной цивилизации. Фантастика в романах фундируется отсылками к современным научным изысканиям в области математики, физики, лингвистики, философии. Кроме того, фантастика неразрывно связывается с социально-политическими проблемами, актуальными для нашего времени, что позволяет писателям сформировать свою особую эстетику, выводящую произведение за рамки массовой литературы.

Литература:

1. Репенкова, М. М. Турецкая литература на рубеже XX–XXI веков: основные парадигмы. — М.: Наука; Восточная литература, 2016. — 231 с.
2. Репенкова, М. М. Турецкие писатели переходной эпохи. Литературные портреты. — М.: Наука; Восточная литература, 2020. — 327 с.
3. Репенкова, М. М. У истоков современной турецкой фэнтези // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — № 3. — С. 691–697.
4. Черняк, В. Д. Массовая литература в понятиях и терминах. Учебный словарь-справочник / В. Д. Черняк, М. А. Черняк. — М.: Флинта; Наука, 2018. — 192 с.

5. Dayıođlu, G. Alacakaranlık Kuşları. — İstanbul: Altın Kitaplar Yayınevi, 2005. — 317 s.
6. Kakinç, H. Yerkubbe. — İstanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi, 2015. — 198 s.
7. Özlük, N. Türk Edebiyatında Fantastik Roman. Doktora tezi. — İstanbul: İstanbul Üniversitesi, 2010. — 404 s.
8. Uđur, V. Türk Edebiyatında Fantastik Roman // Türk Dili Ve Edebiyat Dergisi. — İstanbul: İstanbul Üniversitesi, Edebiyat Fakóltesi. — 2011. — S. 133–154.
9. Yeşilyurt, Ş. Barış Müstecaplıođlu'nun Şamanlar Diyarı dizisi üzerine fantastik bir inceleme // Dergi Karadeniz. — 2016. — № 2. — S. 5–15.

У. Ф. Сатторов

Мифы и легенды тюркских топонимов в произведениях Алишера Навои

Аннотация: Изучение жизни и творчества выдающего писателя и мыслителя Алишера Навои в научно-критическом анализе с объективной точки зрения бесспорно способствует раскрытию причин двойственного восприятия, противоречивого толкования творчества поэта, обогатившего мировоззрение человечества, поднявшего более высокий уровень художественный мир тюркских народов. Кроме того, сведения источников периода жизни Навои имеют больше ознакомительный характер, во многих случаях материалы и мотивы мифов и легенд недостаточно изучены в сравнительном аспекте.

Ключевые слова: мифы, легенды, мотивы, произведения А. Навои, тюркские топонимы, легенды о тюркских топонимах.

U. F. Sattorov

Myths and legends of Turkic toponyms in the works of Alisher Navoi

Abstract: The study of the life and work of the outstanding writer and thinker Alisher Navoi in scientific and critical analysis from an objective point of view undoubtedly contributes to the disclosure of the causes of dual perception, contradictory interpretation of the poet's work that has enriched the worldview of humanity, raised the artistic world of the Turkic peoples to a higher level. In addition, the information in the sources of the period of life of Navoi is more informational in nature, in many cases the materials and motives of myths and legends have not been studied sufficiently in a comparative aspect.

Key words: myths, legends, motives, works of A.Navoi, Turkic toponyms, legends about Turkic toponyms.

Творчество Алишера Навои по сегодняшний день вызывает интерес во всем мире, о чем свидетельствуют переводы произведений великого поэта на разные языки мира. Многие ученые мира сравнивают заслуги

А. Навои в возвышении статуса и развитии тюркского (узбекского) языка с заслугами великих просветителей, свершивших коренной поворот в культуре нации, как Ж. дю Белле и М. В. Ломоносов. В разное время изучением жизни и творчества Навои занимались как ученые Востока, так и Запада, к примеру, русские исследователи И. Н. Березин, М. Никитинский, А. Крымский, В. В. Бартольд, А. А. Семенов, Е. Э. Бертельс, Л. Климович, С. Н. Иванов и др., азербайджанские ученые А. Гасанзаде, Х. Арасли, Дж. Нагиева, турецкие Мехмед Фуад Кёпрюлю, Агях Сырры Левенд, афганский Мухаммад Яькуб Жужжоний, иранский Али Асгар Хикмат и др.

Благодаря творчеству А. Навои тюркский язык вошел в число мировых. Алишер Навои был первым поэтом, написавшим на узбекском языке произведение в крайне популярном в те времена, сложном стиле «Хамса» («Пятерица»). Он подразумевает создание пяти разножанровых поэм, объединенных одним идейным содержанием. Среди поэм А. Навои, входящих в «Хамсу», «Фархад и Ширин» по своему социально-философскому содержанию отличается от других. В этом произведении А. Навои характеризует являющегося венцом всего сотворенного человека в образе принца Фархада. А. Навои в лице Фархада комментирует человека как обладающего неиссякаемой энергией личности, существом, которому присуща глубокая любовь, бесконечное умение и могущество.

Несмотря на то, что Алишер Навои представляет своего героя как разумного и нравственно богатого человека; личностью, помогающей людям, дающей жизнь иссохшим землям, он становится жертвой мелко-го коварства. Главные герои произведения «Фархад и Ширин» из разных стран. Фархад из Китая, Ширин из Армении. Их объединяет благотворительный труд Фархада ради своей любви. Следовательно, про Китай и Армению есть комментарии топонимических исследований, которые восходят к легендам названия по разным мотивам.

Произведем этимологический анализ некоторых слов и названий, встречающихся в произведениях писателя. *Армения* — название известно с VI в. до н. э. Другое имя народа «хай» упоминается в хеттских источниках XIX в. до н. э. Армянские предания рассказывают об Армянаке, сыне Хайка, как родоначальнике армян. Удовлетворительной этимологии нет. Этноним возник далеко на юге, где в древности отмечен документально, оттуда перенесен в Закавказье. *Китай* — в России название этой страны пришло при посредничестве народов Азии, в его

основе этноним «кидани» — народ в Средней и Центральной Азии, известный в V–XIII вв. и владевший Северным Китаем в X–XI вв. То же название в XIII в. Марко Поло привез в Западную Европу (употреблялось также в форме Хотай). Но в большинстве европейских стран его вытесняло название Хина (China), привезенное в XVI в. португальцами из Индии, куда оно пришло через Индокитай. Хина — государство Чин (или по имени династии Цинь, правившей в III в. до н. э., или из Жинань — «на юге от солнца»). Португальцы, не имея в своем языке звука «ч», передали его в названии государства через «ch», прочитанное в других европейских государствах как «х» — Хина.

Также в произведении А. Навои «Фархад и Ширин» встречаются топоним Эльбрус.

Қилиб гар хамла Албуруз узра бир гурз,
Бўлуб гаду чикиб гардунга Албуруз (*Фархад и Ширин*).

Эльбрус — самая высокая вершина Кавказа. По одной из версий название происходит из иранского *Айтибарес* — «высокая Гора», более вероятно — иранское «сверкающий, блестящий» (как и Эльбрус в Иране). Грузинское название *Ялбуз* — от тюркского *ял* — «буря» и *буз* — «лёд». Армянское *Альберис* — вероятно, фонетический вариант грузинского названия, однако не исключена возможность связи с общеиндоевропейской основой, к которой восходит топоним «Альпы».

В произведении «Садди Искандарий» встречаются топонимы «Гуржа» (Грузия).

Тутуб Чаркасу Гуржа сори йўли,
Бўлиб барча гуржую чаркас кули (*Садди Искандарий*).

Грузия — в I тыс. до н. э. западная часть Грузии называлась *Колхида* (по имени народа колхи); по государству иберов страну стали называть Иберией, и это название позже было усвоено в России: грузин называли иверы. На Востоке же этот народ называли гурз, гурдж (этимология неизвестна), из этого названия в России образовался этноним гурзин, с перестановкой звуков превратившийся в грузин. Самоназвание народа — картвелы, страны — Сакаргвело.

Топонимы «Осу Рус» (Осетия и Россия) встречаются также в произведении «Садди Искандарий».

Чу озим бўлуб, жонобу Осу Рус,
Бўлуб юзлари ваҳмидан сандарус (*Садди Искандарий*).

Часто встречаются топонимы и гидронимы *Аму дарья* и *Сыр дарья* в произведениях Алишера Навои «Хазойинул-маоний». И об этих топонимах имеются легенды и мифы народов мира.

Англамон Жайхунда ул ой кема бирла сайр этар,
Ё хилолу меҳр аксини эл кўрар Жайхун аро (*Хазойинул-маоний*).

Сырдарья — *Яксарт* — *Силис*. Древнее название Сырдарьи — *Яксарт* этимологизируется на древнеиранском языковом материале как «истинный жемчуг» [7].

В рунических надписях оно встречается как *Иенчу-утуз* — Жемчужная река [3]. Другое его же название Силис впервые зарегистрировано на рубеже нашей эры у Плиния Старшего: «Реку Яксар, которую скифы зовут Силисом, Александр и его воины приняли за Танаид» [1].

С. Г. Кляшторный слово «сыр» этимологизирует как «сир об», словосочетанием в смысле «полноводие, обилие воды», бытующим во многих таджикских и узбекских говорах [11]. Хотя более приемлемой является этимология К. Омиралиева, он предлагает видеть в слове «силис» синоним жемчуга [8], опираясь на языковые данные тюркских народов. Намного более подробную этимологию дает Ш. Камолитдин в своей работе «Древнетюркские топонимы Средней Азии».

Арабские варианты названий Амударьи и Сырдарьи — Джайхун и Сайхун — могут отражать самодийские или обско-угорские прототипы *johan* (хант.) — река, и *sioha* (ненец.) — «проточная река».

В средние века Сырдарья называлась также «рекой Шаша», «рекой Узганда», «рекой Худжанда» и т. д.

Как видно из первоисточников, происхождение тюркских топонимов сходится к мифам и легендам носителей данного языка. Дошедшие до нас топонимы под влиянием некоторых факторов подвергались фонетико-морфологическим изменениям и приняли современную форму употребления.

Литература:

1. Абдрахманов, А. А. Вопросы топонимики Казахстана // Топонимика Востока. — М., 1962.
2. Навои, А. Хамса. — Ташкент: Изд. Литературы и искусства имени Г. Гуляма, 1986 (на русском языке). — 447 с.
3. Акынжанов, М. Б. Казактын теп туралы. — А., 1957.

4. Бартольд, В. В. Мир Али Шир и политическая жизнь // Мир Алишер. — Л., 1928.
5. Березин, И. Н. Описание Турецко-татарских Рукописей // Журнал Министерства народного просвещения. — Т. 54 — СПб., 1847.
6. Бертельс, Е. Э. Навои и Джами // Избранные труды. — М.: Наука, 1965.
7. Граков, Б. Н. Скифы. — М., 1971.
8. Древние авторы о Средней Азии. — Ташкент, 1940.
9. Караев, С. К. Древнетюркские топонимы Средней Азии // Советская Тюркология. — 1985.
10. Кашкари, М. Девону лугот-ит турк. — Т. 1. — Тш., 1960.
11. Кляшторный С. Г. Яксарт-Сыр-Дарья // Советская этнография. 1953. — №3. — С. 189.

Л. В. Софронова

О роли заимствований в турецком политическом дискурсе (на материале предвыборной речи Реджепа Тайипа Эрдогана)

Аннотация: В статье анализируется роль заимствований из арабского и западно-европейских языков в политической предвыборной речи президента Турции (2018). Рассматривается процесс деархаизации арабизмов, активно протекающий в наше время и вводящий в политический обиход ряд архаично окрашенных лексем с определенными политическими целями. Заимствования освещаются в контексте реализации предвыборных стратегий, преимущественное внимание уделено категории «свои — чужие» в стратегии борьбы за власть. Затрагиваются характерные черты речевого имиджа Р. Т. Эрдогана.

Ключевые слова: заимствования, арабизмы, деархаизация, коммуникативные стратегии, категория «свои — чужие», предвыборная речь президента Турции, речевой имидж политика, общественно-политический дискурс.

L. V. Sofronova

The role of lexical borrowings in Turkish political discourse (based on the election speech of Redgep Tayip Erdogan)

Abstract: The article analyzes the role of borrowings from Arabic and Western European languages in the election speech of the President of Turkey (2018). The process of de-archaisation of Arabic words in the Turkish language, which actively goes on in our time, and a number of words of archaic appearance used in politics for the certain political goals, are considered in the article. Borrowings are considered in the context of electoral strategies, a special attention is paid to the category of “friend — enemy” in the frame of the strategy of struggle for power. Some characteristic features of Erdogan’s image created by his manner of speaking are also under consideration.

Key words: lexical borrowings, Arabic words, de-archaisation, communicative strategies, category of “friend — enemy”, the election speech of the President of Turkey, image of politician, political discourse.

Обновление лексического состава общественно-политического дискурса (ОПД) турецкого языка происходит весьма интенсивно в силу специфики его функционирования. Наиболее распространенным способом пополнения лексического арсенала по-прежнему является заимствование. Вследствие активной роли в мире англоязычных средств массовой информации велико их влияние на другие языки. Турецкий язык не является исключением. Российский тюрколог Е. Г. Володина, анализирувшая в своем исследовании функционирование английских заимствований в турецком языке, приходит к следующему выводу: «Причиной такого широкого распространения англицизмов можно назвать не только ориентацию Турции на США и страны Европы, но и общую вестернизацию образа жизни в мире» [1: 25].

Наряду с заимствованием для турецкого ОПД характерна и деархаизация в качестве способа пополнения лексического состава. Роль архаизмов в турецком языке обусловлена исторически. На протяжении долгого времени интенсивно протекал инициированный государством процесс замены в литературном языке арабо-персидских заимствований на исконно турецкие лексемы, функционировавшие в разговорном языке или же созданные Турецким лингвистическим обществом на основе тюркских корней слов. В настоящее время мы являемся свидетелями противоположного явления — деархаизации, или привнесения в лексический состав ОПД преимущественно архаично окрашенных арабизмов, в меньшей степени — фарсизмов, из староосманского языка. Характеризуя процесс деархаизации, необходимо подчеркнуть неоднозначность восприятия архаичности арабизмов, ныне присутствующих в ОПД. Во-первых, общественно-политическая лексика включает арабизмы, которые существуют в турецком лексическом поле давно и не воспринимаются архаично окрашенными, так как синонимы, образованные от тюркских корней, не получили широкого распространения и не смогли их вытеснить из коммуникации, например: *'istikrar'* — стабильность; *'tepki'* — реакция; *'heyet'* — делегация. Во-вторых, имеется группа арабизмов, фигурирующих на равных с синонимами тюркского происхождения или заимствованиями из других языков, например: *'millet'* — *'ulus'* (нация); *'teklif'* — *'öneri'* (предложение); *'siyaset'* — *'politika'* (политика); *'prensip'* — *'ilke'* (принцип); *'tedbir'* — *'önlem'* (мера). Подразумевая две выше перечисленные разновидности арабских заимствований, российский тюрколог А. В. Штанов утверждает, что «они стали неотъемлемой

частью когнитивного поля турецкого языка, не вступая при этом в противоречие и не создавая ситуации конкуренции с исконными лексическими единицами или другими заимствованиями» [4: 343]. В-третьих, нельзя игнорировать набирающий в наши дни обороты процесс введения архаично воспринимаемой арабской лексики в ОПД с определенными целями, например: *'vesayet'* (опека), *'temayül'* (тенденция), *'haysiyet'* (достоинство). Это явление характерно для дипломатического и политического дискурса и в частности для речей некоторых политиков, например президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, активно обращающегося к подобному приему.

Мы выбрали для рассмотрения и анализа текст первой предвыборной речи президента Турции Р. Т. Эрдогана, произнесенной им 24 апреля 2018 г. на собрании парламентской группы Партии справедливости и развития и давшей старт президентской избирательной кампании 2018 г. [5]. Выбор именно этого материала обусловлен тем, что основные идеи, подходы и аргументы были изложены здесь кандидатом на пост президента наиболее полно, а в его последующих выступлениях получили свое дальнейшее развитие. Эта речь характеризуется политической четкостью и однозначностью, прагматичностью и целенаправленностью, не оставляющими у слушателя сомнений в политических воззрениях, симпатиях и антипатиях оратора. Ценность каждого слова, его продуманность в стратегическом плане определены важностью задачи воздействия на адресата, поэтому представляют особый интерес для исследования.

Прежде чем приступить к конкретному анализу лексического состава выше обозначенной речи, следует отметить, что президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган является выдающимся и опытным оратором, умеющим увлечь за собой массы. В его арсенале есть ряд традиционных формул обращения к аудитории, которые не использует никто иной, например свою речь он обычно начинает так: «Сердечно приветствую вас с любовью и томлением. Молю Господа, чтобы собрание парламентской группы Партии справедливости и развития (ПСР) служило добру во имя нашей партии и нашей страны».

“Sizleri en kalbi duygularımlla, *hasretle, muhabbetle* selamlıyorum. AK Parti Türkiye Büyük Millet Meclisi Grup Toplantısının *partimiz* ve ülkemiz için *hayırlara vesile olmasını Rabbimden niyaz ediyorum*”¹.

¹ Здесь и далее во всех цитатах из речи курсивом выделяются арабо-персидские и западно-европейские заимствования.

Обращение построено на архаично окрашенных арабизмах, не используемых в повседневном обиходе, но отчасти характерных для религиозного (мусульманского) дискурса. В течение всего выступления в критические моменты и в его заключительной части оратор взывает к Богу: «Еще раз выражаю сердечную благодарность всем моим друзьям, служащим нашей стране под крышей ПСР с 2002 года до сегодняшнего дня. Мы добрались сюда благодаря вам, вашим усилиям, эффективности, вашей борьбе и преданности... Еще раз я благодарю отдельно каждого из вас. Да поможет нам Бог!»

“2002 yılından bugüne kadar AK Parti çatısı altında ülkemize hizmet veren tüm arkadaşlarıma bir kez daha en kalbi şükranlarımı sunuyorum. Sizlerin varlığıyla, gayretleriyle, üretkenliğiyle, mücadelesiyle, sadakatiyle buralara kadar geldik... Ben bir kez daha her birinize ayrı ayrı teşekkür ediyorum. *Rabbim* yar ve yardımcımız olsun”.

Президент Турции Р. Т. Эрдоган во всех своих предвыборных речах, кроме боснийской и победной «балконной» речи, обращаясь к Богу, называет его ‘*Rabbim*’ — «Всевышний», «Господь», а не самым распространенным именем Бога, принятым у мусульман — ‘*Allah*’. Тем самым оратор взывает не только к мусульманам, а ко всем избирателям, гражданам Турции, вне зависимости от их вероисповедания. В своем выступлении в Боснии и Герцеговине президенту было важно подчеркнуть ее включенность в исламский мир, поэтому Всевышний был назван Аллахом, как и в «балконной» речи, где по горячим следам триумфа акцентируется тот факт, что победа на выборах — это победа происламской партии ПСР и всех мусульман.

Переходя к коммуникативным стратегиям, реализуемым в предвыборной речи политика, заметим, что в рассматриваемом выступлении Р. Т. Эрдогана воплощены разнообразные стратегии, характерные для предвыборных политических речей: манипулятивная, агитационная, аргументативная стратегии; стратегия убеждения; интерпретационная информативная стратегия; стратегии формирования эмоционального настроя адресата, удержания власти, самозащиты, нападения, дискредитации, борьбы за власть, самопрезентации [2: 13]. Перечисленные коммуникативные стратегии взаимно обусловлены и дополняют друг друга. На наш взгляд, определяющей в данной речи является стратегия борьбы за власть, которая реализуется в частности через тактику оппозиционирования по модели «свой — чужой». Эта модель реализуется обычно

в выступлениях президента Турции через противопоставление властей страны и их противников: сторонников Фетуллаха Гюлена или террористов. В избирательной кампании эта конфронтация тоже имеет место, но основной пафос обличения направлен против оппозиции, так как по большому счету речь идет о борьбе за власть в стране. Обличая недостойные с точки зрения Р. Т. Эрдогана действия оппозиции в лице ее лидера Кемалья Кылычдароглу, президент называет его архаично окрашенным словом 'zat' (персона), тем самым подчеркивая свою отстраненность от этого образа, его инакость. Определения, которыми выступающий наделяет политического противника, таковы: «персона, изыгающая свою злобу на все ценности, историю и культуру нашего народа» ('*milletimizin tüm değerlerine, tarihine, kültürüne husumetlerini kusan bu zat*'); «персона, возможно, разделяющая те же чувства, говорящая на одном и том же языке с фракциями, начиная от армянских бандитов до сепаратистов и приверженцев Ф. Гюлена, которые суетятся, чтобы очернить Турцию» ('*Ermeni çetecilerinden bölücülere ve FETÖ'cülere kadar Türkiye'yi karalamak için çırpınan tüm kesimlerle aynı dili konuşan, muhtemelen aynı hissiyatları paylaştan bu zat*'); «персона, на днях снова впав в конфессиональные заблуждения, клеветает на османов» ('*Bu zat geçtiğimiz günlerde yine mezhepçi saplantılarına yenik düşerek Osmanlı'ya iftira attı*') и кульминационный метафорический образ: «Образ мышления, который перед лицом всего мира и всей страны принимает за политику оскорбление президента, избранного по воле нашей нации и находящегося под защитой этого волеизъявления, обречен захлебнуться в сточных водах» ('*Milli iradenin tecelligahı olan bir çatının altında milletimizin iradesiyle seçilmiş Cumhurbaşkanına tüm ülkenin ve dünyanın gözü önünde hakaret etmeyi siyaset sanan bu zihniyet kendi çirkefligi içinde boğulmaya mahkumdur*'). В этой борьбе за власть оппозиции противостоит «президент, избранный по воле нашей нации под защитой этого волеизъявления» ('*Milli iradenin tecelligahı olan bir çatının altında milletimizin iradesiyle seçilmiş Cumhurbaşkanı*'). Это определение законно избранного президента, выставляющего свою кандидатуру на выборах, приводится дважды. Полемика с оппозицией в речи Р. Т. Эрдогана решена намеренно в архаичной стилистике и изобилует арабизмами: '*biz bizzat*' (мы лично), '*milli iradenin tecelligahı*' (волеизъявление народа), '*zihniyet*' (менталитет), '*mahkum*' (осужденный), '*hakaret*' (оскорбление), '*iftira*' (клевета), '*mezhepçi*' (конфессиональный), '*edep dışı*' (непорядочный),

'*ahlak*' (нравственность), '*zulmetmekle itham eden*' (обвиняющий в угнетении), '*husumet*' (злоба), '*hissiyat*' (чувства), '*muhtemelen*' (вероятно), '*zatin hezeyanlari*' (бредни персоны). В этой части предвыборного выступления оратор прибегает к таким демагогическим риторическим приемам, как обобщение, гиперболизация, поляризация. Арабские заимствования, ряд из которых носит архаичный характер, призваны подчеркнуть непримиримость к оппозиции, вызванную полным расхождением взглядов, к которым проявляется нетерпимость в силу их опасной ошибочности и антинародности.

Когда мы не читаем, а смотрим и слушаем это выступление в видеозаписи, то осознаем, насколько органичны архаизмы в речи политика, они являются неотъемлемой частью его образа, призванного подчеркнуть связь времен, воплотившуюся в его лице, его приверженность традициям Османской империи, бережное отношение к истории страны, ее славному прошлому, величие которого не затмить и мировое значение не стереть. Интонационный рисунок выступления подкрепляется четко выстроенной жестикуляцией, усиливающей эмоциональный накал речи и расставляющей психологически обоснованные акценты. Вполне справедливо высказывание турецкого исследователя Гекмена Кантара: «Эрдоган в своих речах демонстрирует единство и сплоченность Турции адресно перед лицом общественности в качестве самой крупной гарантии с точки зрения доверия и надежности взамен корпоративного доверия. Поэтому Эрдоган, являя общественности в качестве рекомендаций свою харизму, политический багаж и достижения, использует политический язык, не подлежащий политическому анализу. Общественность в речах, произнесенных на съездах, придает значение не только тому, что Эрдоган сказал, а как сказал, и устанавливает с ним дискурсивную связь» [6: 121].

Следовательно, архаизмы, мастерски введенные в канву текста выступления, характеризуют оратора как последователя османской элиты, говорящего на особом языке, содержащем ряд оборотов речи, не понятных широким массам, тем самым поднимающих выступающего над толпой. Об успешности этого имиджа и несомненном ораторском мастерстве, умении владеть аудиторией и управлять ее эмоциями свидетельствует интонационно сложный рисунок речи, неоднократно прерывавшейся аплодисментами, восторженными криками и скандированием. «Конечно, бредни персоны во главе оппозиции заключаются не только

в этом. В прошлом эта персона, впад в конфессиональные заблуждения, клеветала на османов. Что это за непристойный прием! Мы еще раз увидели в этой связи, насколько далек от нашего народа духовный мир этой персоны, которая обвиняет османов в угнетении туркоманов и юрюков, бывших ключевым созидательным звеном. Ты будешь поставлен на место!» (*'Tabii ana muhalefetin başındaki zatın tek hezeyanı bundan ibaret de değil. Bu zat geçtiğimiz günlerde yine mezhepçi saplantılarına yenik düşerek Osmanlı'ya iftira attı. Yahu bu ne edep dışı yaklaşımdır. Osmanlı'yu, kurucu unsuru olan Yörüklere, Türkmenlere zulmetmekle itham eden bu zatın gönül dünyasının milletimizden ne kadar uzak olduğunu bu vesileyle bir kez daha görmüş olduk. Bir defa haddini bileceksin'*). Этот гневный пассаж изобилует арабо-персидскими заимствованиями, большинство из которых архаично окрашены и призваны демонстрировать силу и мощь оратора, черпающего свои силы из наследия Османской империи, позиционирующего себя как продолжателя ее блистательных побед. Современные политики, меняя стилистику некоторых частей своих выступлений, преднамеренно вставляя либо архаизированную лексику, как в данном случае, либо молодежную из интернет-дискурса, как, например, председатель КНР Си Цзиньпин [3: 89], создают многомерный политический имидж, «заточенный» под определенные прагматические цели. Так, рефреном всей речи Р. Т. Эрдогана проходит гневный и непримиримый посыл к лидеру оппозиции: *'haddini bileceksin!'* — «ты будешь поставлен на свое место», т. е. будешь осажен в результате выборов. Этот рефрен сочетается с неоднократным декларативным повторением даты выборов: «выборы 24 июня», кульминационного дня подведения итогов политической схватки.

Категория «свой — чужой» также интерпретируется и на международном уровне, акцентируется роль Турции под руководством ныне действующего президента как важного политического актора, ведущего непримиримую борьбу с терроризмом на всех фронтах решительно и до полной победы: «Мы никогда не отречемся от нашего добросовестного понимания внешней политики, отстаивающей угнетенных и пострадавших в любой точке мира» (*'Dünyanın her yerindeki mazlumlara, mağdurlara sahip çıkan, vicdanlı dış politika anlayışımızdan asla vazgeçmeyeceğiz'*). Но основная преследуемая цель в этой борьбе — безопасность страны и ее народа. В части выступления, провозглашающей цели политики правящей партии, мы также встречаем много ключевых понятий, вы-

раженных арабизмами: *'taahhütlerimiz'* (наши обязательства), *'hukuk devleti'* (правовое государство), *'refah'* (благополучие), *'huzur'* (мир), *'itibarlı'* (авторитетный), *'adalet'* (справедливость), *'harekatlarımızın tecrübeleri ışığında'* (в свете опыта наших операций), *'icabına göre'* (в соответствии с требованиями). Обращаясь к молодежи, грядущим поколениям, Р. Т. Эрдоган употребляет архаично окрашенное слово *'evlat'* (дети, потомки), часто звучащее в мусульманском дискурсе с оттенком покровительства. Нельзя не заметить и манипулятивную религиозную окрашенность всей речи, особенно в абзацах, посвященных планам на будущее, прогнозам и целям, в них слышны привычные мусульманскому уху, часто используемые в быту религиозные устойчивые обороты фразеологического характера: *'hamdolsun'* (слава богу), *'inşallah'* (бог даст), *'elhamdülillah'* (хвала Аллаху), *'bismillah'* (во имя Аллаха). Они придают весомость словам оратора, взывающего к высшим силам во имя поддержки в праведном деле.

В то же время в речи президента Турции содержится ряд заимствований из западноевропейских языков, среди которых преобладают интернационализмы, такие как: *'sistem'*, *'enflasyon'*, *'demokrasi'*, *'terrorist'*, *'kriz'*, *'reform'*, *'disiplin'*, *'platform'*, *'polemik'*. Количество заимствований из западноевропейских языков в исследуемой речи значительно меньше, чем арабизмов (4% против 15%). Большинство из них относится к разделу, посвященному экономическим целям и перспективам (*'bütçe'* (бюджет), *'kur'* (курс (валютный)), *'rezerv'* (резервы (банковские)), к описанию технических достижений (*'proje'* (проект), *'tünel'* (тоннель), *'rekor'* (рекорд), *'vizyon'* (видение, программа)). Примечательны и тот факт, что основные предвыборные документы названы словами-заимствованиями при наличии весьма широко употребляемых синонимов тюркского происхождения (*'bildiri'*; *'bildirge'* соответственно): предвыборный манифест, содержащий лозунги и предвыборные обещания правящей Партии справедливости и развития, кандидатом от которой является Р. Т. Эрдоган — *'manifesto'*, а собственно предвыборная программа партии — *'seçim beyannamesi'*. Первый термин подчеркивает связь с европейскими демократическими традициями, а второй — османский фундамент, на котором уверенно стоит Партия справедливости и развития.

Таким образом, посредством языковых средств, использованных в выступлении президента Турции Р. Т. Эрдогана, и в частности заим-

ствований, складывается образ политика, достойного лидера нации, с уважением относящегося к истории страны, бережно обращающегося с религиозными ценностями и продолжающего традиции предков (такой речевой имидж создает чрезмерное по сравнению со средне-статистическим употребление архаично окрашенных арабизмов); в то же время это и современный образ руководителя страны, грамотного, владеющего экономической ситуацией, ставящего реальные цели и намечающего конкретные пути их реализации (эту грань имиджа призваны подчеркнуть именно западноевропейские заимствования). Западные европейские заимствования выполняют функцию формирования тех сторон речевого имиджа политического деятеля, которые способны продемонстрировать устремленность всей страны к развитию в условиях глобализованного мира, включенность Турции в международные сообщества, организации и процессы, обозначить значимость страны как важного актора на политической арене. Тем самым в глазах избирателя поднимается авторитет государства, власти и в частности правящей партии, формируется чувство гордости за Турцию, которой уже 16 лет на момент президентских выборов 2018 года правит Р. Т. Эрдоган, снова претендующий в данной избирательной кампании на пост президента с широкими полномочиями, недавно закрепленными в Конституции страны по воле народа, высказанной им на всенародном референдуме.

Литература:

1. Володина, Е. Г. Лексические заимствования из английского языка в современном турецком языке: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. — М., 2007. — 28 с.
2. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика. — М.: ЛКИ, 2007. — 227с.
3. Семенов, А. В. Риторические особенности новогодних речей председателя КНР // Филология: Международный научный журнал. — 2016. — № 4. — С. 87–91.
4. Штанов, А. В. Особенности функционирования арабизмов в современном турецком языке // Актуальные проблемы арабской филологии: Сб. науч. трудов. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 337–359.
5. Erdoğan, Recep Tayyip. AK Parti Grup Toplantısında Yaptıkları Konuşma. 24.04.2018. — [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://>

www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/92474/ak-parti-grup-toplantisinde-yaptiklari-konusma

6. Kantar, Gökmen. Türk siyasetinde politik dil kullanımı: Recep Tayyip Erdoğan'ın 'AK Parti 1. — Ve 3. olağan üstü kongrelerindeki konuşmalarının' içerik ve söylem analizi // Balkan Journal of Social Sciences. — ICOMEP 2017 Özel Sayı. — S. 103–122.

М. А. Таганова

Сергей Николаевич Иванов — один из лучших переводчиков произведений Махтумкули Фраги

Аннотация: В статье говорится о жизни и творчестве великого ученого-тюрколога, доктора филологических наук, профессора, замечательного переводчика тюркоязычной литературы, в том числе произведений классика туркменской литературы, поэта-мыслителя Махтумкули Фраги.

Ключевые слова: поэзия Махтумкули Фраги, Сергей Николаевич Иванов.

М. А. Taganova

Sergey Nikolaevich Ivanov — one of the best translators of the works of Makhtumguly Fragi

Abstract: The article talks about the life and work of the great scholar-Turkologist, Doctor of Philology, professor, great translator of Turkic literature, including the works of the classic of Turkmen literature, the poet- philosopher Magtymguly Fragi.

Key words: poetry Magtymguly Fragi, Sergey Nikolaevich Ivanov.

Махтумкули Фраги — один из выдающихся представителей плеяды мировой поэзии, подлинный мастер поэтического слова. Его бессмертные поэтические творения переведены на многие языки народов мира и продолжают занимать достойное место в умах и сердцах истинных ценителей поэзии. Звучат они и на русском языке.

Многие профессиональные переводчики приняли непосредственное участие в переложении на русский язык стихотворений классика туркменской поэзии: Г. Шенгели, А. Тарковский, С. Иванов, М. Тарловский, Ю. Гордиенко, Ю. Нейман, Н. Гребнев, Т. Спендиарова, В. Ганиев, А. Кронгауз, Ю. Валич, А. Старостин, Н. Лебедев, Л. Пенковский, Т. Страшнева, А. Ревич, С. Ботвинник, А. Зырина, Д. Голубкова и другие [4]. Большинство из них обрели всемирную известность и славу благо-

даря искусным переводам.

Среди лучших переводчиков произведений Махтумкули Фраги особое место занимает Сергей Николаевич Иванов — замечательный переводчик, известный мастер пера, осуществивший наиболее удачные переводы на русский язык многочисленных тюркоязычных произведений, в том числе стихотворений и поэм Махтумкули, поэт, ученый-тюрколог с мировым именем, доктор филологических наук, профессор. Вот, как звучит Махтумкули в переводе Сергея Николаевича:

Не верь тщете счастливых лет:	<i>Daʻyanmañ bagta, ykbala,</i>
Глядь, от тебя простыл и след.	<i>Dolanar ýüz mün hyýala,</i>
Богатству тоже веры нет:	<i>Ygtybar ýok genje, mala,</i>
Похож на сон сей мир забот [2: 219].	<i>Dünyä meñzär düýsümize [6. I: 186].</i>

Сергей Николаевич сначала учился в артиллерийском техническом училище, затем окончил восточный факультет Ленинградского государственного университета, там же учился в аспирантуре. В 1951–1953 гг. преподавал в Бухарском педагогическом институте, с 1960 г. работал доцентом в Ленинградском государственном университете. В 1970 г. получил звание профессора, а с 1972 по 1988 гг. заведовал кафедрой тюркской филологии. До самой смерти (5 апреля 1999) продолжал сеять доброе в стенах своего университета в качестве профессора. Заслуженный деятель культуры Узбекистана и Заслуженный деятель науки, С. Н. Иванов награжден орденом Великой Отечественной войны 2-й степени и удостоен многих других наград.

Было счастьем быть знакомым с Сергеем Николаевичем, который отличался великой любовью к тюркским языкам, слушать его лекции и беседовать с ним. Каждое его слово было для его учеников маяком, указывающим путь в мир науки. Любовь Сергея Николаевича к тюркским языкам была так велика, что иногда даже казалось, что он любит тюркские языки намного больше чем мы — их носители.

Перу Сергея Николаевича принадлежат более двухсот работ. Его вклад в тюркологию огромен. До сих пор работы талантливого ученого не утратили свою ценность и являются наилучшими путеводителями в научном мире для тюркологов. Лингвистические труды С. Н. Иванова посвящены изучению грамматического строя тюркских языков: «Очерки по синтаксису узбекского языка» (1959), «“Родословное древо тюрков” Абу-л-гази-хана» (1969), «Курс турецкой грамматики» в двух

частях (1975, 1977). В своих трудах он обосновал оригинальное теоретическое истолкование многих фактов тюркской грамматики и общих проблем тюркского языкознания.

Большой организатор науки, в 1975–1985 гг. Сергей Николаевич был председателем Ленинградского тюркологического семинара. В период с 1983 по 1992 гг. он возглавляет отдел художественных переводов Ленинградского (Санкт-Петербургского) отдела Союза писателей, публикует ряд статей и книг, посвященных теории художественного перевода, а также работы, посвященные биографиям и творчеству видных ученых-тюркологов, в их числе монография о хакасском языкеводе и этнографе Н. Ф. Катанове (1962). Под его руководством успешно осуществили подготовку и защиту кандидатских и докторских диссертаций В. А. Андреев, Г. А. Дегтярев, Н. Н. Телицын, а также ряд ученых Туркменистана, в том числе и автор этих строк. Я горжусь тем, мне выпало счастье — писать под руководством С. Н. Иванова кандидатскую диссертацию на тему: «Средства выражения итеративности действия в туркменском языке» (1991). До сих пор звучат в памяти слова любимого наставника перед защитой кандидатской диссертации: «Смело идите на защиту. Вы написали хорошую работу. Вашу тему лучше Вас никто не знает. Нос морковкой и вперед!». Эти слова стали для меня своеобразным девизом в жизни в любую трудную минуту.

Особенное место в творчестве Сергея Николаевича занимают его переводы тюркоязычной литературы. Русскоязычные читатели полюбили переводы великолепного произведения XI века Юсуфа Баласунли «Кудатгу билиг» (Благодатное знание), произведения Алишера Навои, Махтумкули, Хафиза Хорезми, Муниса, Камила Хорезми, Талиби, Хатам шахира, Чары Афзала, Иманеддина Несими, Мешреба, Бабура, Хусейна, Юнуса Эмре и многих других авторов, составляющих золотой фонд тюркской литературы, которые вошли в сборник классической тюркской поэзии XIII–XX вв. «Свиток столетий» [3].

Переводы С. Н. Иванова отличаются от работ других переводчиков тем, что он прекрасно знал тюркские языки, поэтому они являются совершенно удивительным явлением, содержащим в себе прекрасную передачу смысла тюркского текста на русском языке с учетом всех художественных особенностей оригинала. Это и определяло характерную особенность его творческих переводов. И хотя сам автор не раз повторял, что «владеет только литературным языком, в разговоре же отнюдь не

силен», в высоком уровне его мастерства владения тюркскими языками нам довелось убедиться не только при чтении его высокохудожественных переводов, но также при непосредственном общении.

Именно из уст ученого из «северной столицы» мы впервые услышали имена легендарных исторических личностей — Огуз хана, Горкут ата, других достойных сынов, прославивших своими деяниями древнюю туркменскую землю. Для нас — филологов-русистов все это явилось подлинным откровением, настоящей сенсацией.

Талантливый педагог на своих содержательных лекциях не раз подчеркивал, что искренне любит тюркские языки, что они по своему лексическому богатству и многообразию выразительных средств ничуть не беднее и не уступают любому другому языку, за что не раз подвергался серьезным притеснениям за эти свои «крамольные» в ту пору взгляды и высказывания. Наставник всегда любил повторять, что тюркские языки очень выразительны и ничем не уступают европейским. При этом всегда подчеркивал, что среди них самым богатым и удивительно красивым является туркменский язык. Стоит ли говорить, сколь высокими университетами стали эти уроки для нас, тогдашних молодых ученых, которым даже на родине не раз приходилось слышать о том, что «туркменский язык бесперспективен, нет никакой необходимости его изучать, вскоре он вообще должен кануть в Лету»!

Удивительно было слушать рассказы ученого о том, как известный тюрколог Э. В. Севортян при составлении своего «Этимологического словаря тюркских языков» в качестве корневой основы в первую очередь использовал именно туркменский материал, чем вызвал нарекания и даже обиды представителей других тюркоязычных народов, но все же настоял на своем, аргументируя свою позицию тем, что считает туркменский язык самым древним среди всех остальных тюркских языков. Отвечая своим оппонентам, Э. В. Севортян говорил, что, детально и глубоко изучив туркменский язык, особенно его диалекты, можно найти ответ на любой вопрос, который возникает в других тюркских языках. Такие слова о своем родном языке, услышанные от ученого иной национальности, маститого литературоведа и мастера художественного перевода, стали для нас апофеозом счастья и вызвали ощущение духовного триумфа. Поэтому, исходя из вышесказанного, отметим, что результаты исследования по туркменскому языкознанию очень полезны для всей тюркологии.

С. Н. Иванов являлся не просто талантливым переводчиком, он стал для всех нас высоким образцом уважения к исконным истокам, любви к древней тюркской земле, духовным устоям, языку и самобытной культуре испокон веков населяющего ее народа.

Высокий уровень творческого переложения определяется, прежде всего, высокохудожественным текстом оригинала. Изначально, как пишет видный петербургский ученый, один из учеников Сергея Николаевича, М. С. Фомкин, «перед переводчиком поэтического текста стоит триединая задача: во-первых, верно передать смысл, адекватно воспроизвести поэтическую мысль подлинника, во-вторых, передать его художественные особенности, т. е. воссоздать его поэтику, и, в-третьих, добиться того, чтобы перевод стал явлением родной национальной литературы, для чего необходима высокая степень эстетического совершенства, т. е. художественного перевода» [5:47]. Все это удавалось учитывать в своих работах Сергею Николаевичу, что и отличает его от других переводчиков.

Вот что пишет об этом сам С. Н. Иванов: «В науке существует понятие так называемого филологического перевода, т. е. перевода, максимально адекватно передающего содержание переводимого произведения и потому с необходимостью носящего информационный характер. Но любое художественное произведение, и в особенности произведение поэтическое, по самой сути своей не ограничивается собственно информационными целями содержательного плана, и потому филологический перевод поэтического произведения являет собою всего лишь квалифицированный подстрочник, лежащий вне каких-либо художественных задач. При чтении подобных филологических переводов всегда остается ощущение недостаточности перевода, «рассыпанности» оригинала, утраты главного, самого существенного — эстетики и художественности оригинала» [1: 533–534].

Есть всему черед

О, сады, где поют соловьи навзрыд,
Соловьи отлетят, — есть всему черед.
С дальних гор, где хребет за туманом скрывает,
Хлынет вниз водопад, — есть всему черед.

Pygan eglenmez

Bilbil hújüm eýlän howaly baglar,
Bilbil senden gider, pygan eglenmez.
Ýaguşly, ýagmyrly, ümürlü daglar,
Siller senden gider, duman eglenmez.

Человек и убог, и умом высок, Разуменьем глубок, рассуждёньем строг, Юность — солнечный день, самый лучший срок! Дни весны отгорят, — есть всему черед.	Adam ýaradylmyş belentli, pesli, Akylyly-pikirli, dälili, usly, Ýigitlik bir göýä baharyň pasly, Bahar senden gider, zaman eglenmez.
Смело в круг выходи, если сила есть, В думах — прям и правдив, помни совесть и честь, Правду щедрой рукой в мир старайся несть, Минет лет быстрый ряд, — есть всему черед.	Gelene garşy çyk, bolsa mejalyň, Ýagşy tutawergil niýetiň-päliň, Dünýä döwranynda açyk tut eliň, Döwür senden gider, döwran eglenmez.
Оплела этот мир суета сует: Что на пользу одним, то другим во вред. Чем приметен сей мир, знайте с юных лет: Грянет гром — будет град, — есть всему черед.	Bu dünýä gowgadyr, bir galmagaldyr, Kimi ber-hä-berdir, kim al-ha-al-dyr, Ýigitler, bu dünýä şuňa mysaldyr, Bark urar asmanda, baran eglenmez.
Погости, если в дом позовет родня, Отдохни, отдышись, ешь и пей три дня. На четвертый, глядишь, приведут коня, — Пятый день не гостят, — есть всему черед.	Bir menzildir, üç gün iýip-içensoň, Ornaşyp, giňrenip, biliň açansoň, Üzeňniň çekerler dört gün geçensoň, Bäs günden ýokary myhman eglenmez.
А настанет твой день — ты могилой взят, Черной тьмою смежит черноокий взгляд. Пусть цветеньем своим не кичится сад: Глядь — уже листопад, — есть всему черед.	Goýnun açar bir gün, ýer seni gizlär, Gara gumdan dolar bu näzik gözler, Adyňa buýsanma, çemenli düzler, Çemen senden gider, seýran eglenmez.
Внятен всем, кто толков, стих Махтумкули: Небеса тем, кто жив, все года сочли. Уготован для всех тесный плен земли, Смолкнет слов твоих лад, — есть всему черед [2: 210].	Magtymguly, aýdar aryp dostuna, Kim galar düşmeyen ajal destine, Pelek bir gün salar ýeriň astyna, Agyz dilden galar, zyban eglenmez [6. I: 338–339].

Творческий почерк С. Н. Иванова полностью соответствует всем вышеуказанным требованиям, с предельной точностью отражая художественные особенности текста оригинала, буквально сливаясь с ним в созвучии творческого стиля и интерпретации. Это качество соотносится, прежде всего, с характером выразительных средств перевода. Труднодостижимая, но все же волшебным образом воплощенная простота — это главная особенность и высший критерий совершенства поэтического почерка Сергея Николаевича. Переводчику удивительно органично удается не просто выстраивать поэтическую конструкцию,

но и восстановить исконное содержание произведения, постичь глубины творческих оттенков и интонаций. Он стремится наиболее полно использовать богатейший словарный запас русского языка, скрупулезно отыскивая в нем отточенные словесные эквиваленты исходного текста. Только такой подход позволяет в полной мере выявить и отобразить в переводе всю красоту, изящество и пластику тюркоязычной поэзии. Используя похожие по структуре лексические эквиваленты, переводчик воссоздает национальный дух произведения, одновременно адаптируя его к лексическим и литературным канонам русского языка. Об этой стороне перевода так написал сам С. Н. Иванов: «... поэтический перевод, если только он не является вольной версификацией подстрочника, осуществляемой вне какого-либо отношения к самому оригинальному тексту, должен представлять собою поэтическое, художественное истолкование текста, т. е. пересоздание не одного лишь содержания, но и поэтики подлинника. Задача эта непомерно трудна, но только она, на мой взгляд, и достойна внимания как серьезная попытка ознакомления читателя с художественными поэтическими ценностями, созданными на неизвестном ему языке» [1: 534].

Вот как звучат в переводе С. Н. Иванова бессмертные мудрые поучительные строки Махтумкули о вечных истинах:

Не верь теще, о прошлом не тужи,	Ömrüne aldanma, ötene ýanma,
Не льстись добром, над скарбом не дрожи,	Malyňa guwanma, mülke daýanma,
Чтоб стыд не обуял, не следуй лжи, —	Munda bet işleme, onda utanma,
Ведь в Судный день узнают, кто — какой!	Hasap günü haýryň alyp bar bile.
[2: 219]	[6: 265]

Знание тюркских языков и глубокое осмысление восточной поэзии позволили С. Н. Иванову более точно передать содержание произведений Махтумкули, глубоко проникнуть в авторский замысел, благодаря чему его стихотворения в переводе этого замечательного переводчика воспринимаются как органичное явление литературы, где не искажается их национальное своеобразие. Им были переведены на русский язык такие произведения Махтумкули Фраги, как «Не могу понять» [2: 96], «В сердце страсть любви вскипела, жжет огнем невзгод меня...» [2: 144], «Затянуло сердце мне туманом мук...» [2: 181], «Увы, друзья, нам знать нельзя...» [2: 196], «Как жаждет сердце в тишине...» [2: 197], «Есть всему черед» [2: 210], «Ты дремлешь, человек, под гнетом зла...»

[2: 219], «Человек! Себя не познав...» [2: 220], «Нельзя» [2: 296], «Чтущий правду джигит — как хмельной, горяч...» [2: 338] и другие.

При всем многообразии творческих стилей, художественного почерка и уровня мастерства многочисленных переводчиков, осуществлявших перевод поэзии Махтумкули на русский язык, их деятельность имеет непреходящую ценность, поскольку они внесли весомый вклад в дело распространения и популяризации во всем мире бессмертных творений великого Фраги, его прогрессивных, глубоко гуманистических идей. Именно русскоязычное переложение послужило основой для перевода этих стихотворений на другие мировые языки. Непревзойденное поэтическое слово выдающегося классика туркменской литературы звучало живо, сочно, удивительно притягательно и актуально, таким образом став еще одной связующей нитью между творчеством прозаиков, поэтов, мыслителей различных поколений. Стихи великого Махтумкули позволили читателям ощутить их силу в качестве могучего духовного светоча, вошли в сердца миллионов людей как явление высшей духовной ценности, одно из ярчайших и значительных достояний мирового культурного наследия. И это благодаря прекрасным и талантливым переводам.

Литература:

1. Иванов, С. Н. О «Благодатном знании» Юсуфа Баласагунского // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. — М.: Издательство «Наука», 1983. — С. 518–538.
2. Махтумкули. Стихотворения. — Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1984. — 383 с.
3. Свиток столетий. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. — 712 с.
4. Таганова, М. А. Русскоязычные переводы стихотворений Махтумкули // Miras (Наследие). Научно-популярный журнал. — № 2. — 2013. — С. 57–70.
5. Фомкин, М. С. Сокровищница восточной мудрости // Юсуф Баласагуни. Благодатное знание. — Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1991. — С. 5–59.
6. Magtymguly. Eserler ýygyndysy. 2 tomluk. — Aşgabat: Ýlym, 2013.

*К. Ж. Турекеев***Тотемистические представления в традициях
каракалпаков***К. J. Turekeev***Totemistic representations
in the traditions of the Karakalpaks**

В повседневной жизни каракалпаков до сих пор сохранились различные представления, связанные с животными: лошастью, быком, овцой, собакой, волком, рыбой, орлом, лебедью. Из них конь и овца имеют особое значение.

Культ коня занимает особое место в представлениях народов Средней Азии. Представления о священности коня, его святости до сих пор бытуют среди каракалпаков. Особенно сильны различные представления, связанные с конской головой. О сакральности конской головы говорит тот факт, что ее, завернув в белую ткань и вложив в нее заклинания, вешали перед входом в дом. Бытуют случаи, когда наездники хоронят голову коня на кладбище [22; 23; 24]. В северных районах Каракалпакстана — Чимбайском, Караузьякском, Кегейлийском, Тахтакупырском — используют в пищу конину, но не употребляют голову. По словам нашего респондента «некоторые наездники в случае, когда умирает конь, хоронят его и при этом соблюдают траур» [17]. Другой информант поведал нам о том, что, когда пал его конь, он похоронил его, завернув в белую ткань так, как хоронят человека [26]. При сборе полевых материалов мы неоднократно видели подвешенные к дому конские головы.

Представления, связанные с конем, часто встречаются в магических обрядах, связанных с бесплодием. Например, бесплодные женщины посещают место, где проводились традиционные игры «ылак ойын» и катаются по земле в тех местах, где есть следы конских копыт. Согласно представлениям, эта земля является священной [22]. В некоторых семьях, чтобы обрести потомство, держат коня [25]. В северных районах Каракалпакстана — Чимбайском, Караузьякском — до конца XX в. был распространен обычай при рождении мальчика завязывать

ему пуповину конским волосом [25]. При первом укладывании младенца в колыбель проводится обряд «*бесик шабыў*». Об этом обряде С. Х. Есбергенова пишет следующее: «В родильном обряде “*бесик той*” прослеживается имитация колыбели как коня, что выражается в следующих действиях: в момент первой укладки ребенка в колыбель пожилая женщина в образе наездницы подходила к каждой из присутствующих женщин, сообщая, что едет издалека и хочет продать раба. Видимо, здесь образ коня символизирует очищение колыбели от злых духов» [10: 41].

Сохранились некоторые архаические элементы, связанные с конем в похоронной обрядности. Ранее у тюркских народов вместе с покойником хоронили и коня. Вот, что пишет по этому поводу Усман Туран: «У тюркских народов покойника хоронили вместе с конем и оружием, так как на нем покойник в ином мире отправляется в рай» [13: 51]. Согласно сведениям информантов, носилки на которых хоронят покойника, называются «*агаши ат*», они станут для покойника последним конем, когда он окажется в мире ином [20]. Информант Багда апа рассказала нам, что для каждого человека готовится один «*агаши ат*», на него садится душа и спасает покойника [15; 20].

Если в древности коня хоронили вместе с покойником, то сейчас у каракалпаков при смерти всадника отстригают гриву его коню. В некоторых местностях подрезают конский хвост [20]. У узбеков, не только подрезали хвост, на этого коня уже никто не садился [4: 22]. У казахов также существовал подобный обычай: «на такую лошадь уже никто никогда не сядет, ее называют овдовевшей (*тулдаган ат*)» [31: 282].

Еще один вид религиозных представлений связан с культом барана, который в легендах упоминается как покровитель детей, символ счастья, а также связан с культом плодородия. По этому поводу каждая семья старалась держать во дворе барана. У хорезмских узбеков, как и у их соседей каракалпаков, казахов, овечья шерсть служила в качестве амулета. У казахов гадание по овечьей лопатке было особенно популярным. Широко распространен был в Хорезме обычай укреплять над входом в жилище рога кочкара, призванные ограждать дом от «*дурного глаза*» [32: 310]. Широко распространенный у всех народов Средней Азии орнамент в виде рогов барана на кошмах, коврах, вышивках, несомненно, имел некогда значение оберега.

Этнографические материалы настоящего времени показывают, что баран является священным и религиозные представления, связанные

с этим, часто встречается в свадебных, в похоронно-погребальных обрядах, а также в религиозных праздниках Курбан Хайит.

Култ барана в древних верованиях многих народов занимает значительное место. Это животное со времени одомашнивания и до сегодняшних дней играет большую роль в религиозной и семейной обрядности у народов Центральной Азии и Кавказа. Изучение культа барана вылилось в большое количество весомых работ, например, ученый Б. А. Литвинский связывает его с культом Фарна [12: 46–47]. Г. П. Снесарев в своих трудах отмечает роль этого культа с похоронным обрядом [32: 115]. В работе казахского ученого К. М. Байпакова отмечается существование у живущих на побережье Сырдарьи кочевых народов культа животных [5: 32–45]. Култ барана встречается в работах каракалпакстанских археологов В. Н. Ягодина и Т. Х. Ходжаева [34: 135–137].

Автор данной статьи хотел остановиться на культе барана, существующем в современных верованиях и представлениях, а также в современной обрядности. Этнографические исследования, проведенные в районах Каракалпакстана, позволяют утверждать, что култ барана по сей день сохраняется повсеместно. Особенно хорошо он сохранился в семейной обрядности, в частности свадебной. В свадебной обрядности каракалпаков существует традиция «*бет ашар*» — знакомство с невестой. При проведении этого обряда невесту представляют собравшимся на свадьбу гостям. В центре, в окружении родственников и гостей, стоит невеста, под ноги ей подстилают баранью шкуру. Согласно сведениям наших информантов, это делается для того, чтобы нрав молодой невесты был такой же кроткий, как у овцы (барана) [16; 29]. Подобный обряд существует у туркмен: «у двери под ноги (келин) стелили шкуру барана, давали отвесть меда, пожелав, чтобы жизнь в доме была удачной, счастливой» [7: 175]. У узбеков существует поверье, связанное с альчиками из бараньих костей. Ферганские узбеки в дом, где есть молодожены, подвешивают бараньи альчики (астргалы), чтобы первенцем у молодой пары был мальчик [1: 132]. В каракалпакской орнаментике существуют узоры, связанные с бараньими рогами [2: 34–35]. Подобные орнаментальные мотивы в вышивке имеются и у туркмен. Эти орнаменты имели не только охранительное значение, но по поверьям были наделены особой силой плодородия [33: 68].

Каракалпаки, как и другие народы, в местах паломничества по сей день приносят в жертву барана, готовят из его мяса угощение. Большинство паломников в святые места составляют бесплодные женщины. Жи-

тельница южного района Каракалпакстана рассказала нам, что бездетные женщины во время паломничества привязывают куски ткани на деревья или другие священные атрибуты, при этом произнося следующие слова: *«Господи, дай мне сына, я тебе принесу в жертву барана»*. Если эта женщина действительно достигнет желаемого, после 40-дневия приносит в жертву еще одного барана [30]. Такого рода обряды существуют и у туркмен [6: 133]. Принесение в жертву барана на местах паломничества имеет распространение у многих народов [3: 49; 8: 295; 14: 74–75; 9: 16]. Представления, связанные с культом барана, сохранились и в погребальной обрядности. Согласно религиозным представлениям нашего народа, баран является проводником человека в ином мире. Существует множество обрядов, связанных с закалыванием барана на похоронах. В северных районах Каракалпакстана в первую ночь, когда тело покойника еще находится в доме, закалывают барана или козу. В народе этот обряд называют *«қонық асы»*. В Ходжейлийском, Шуманайском, Канлыккольском, Кунградском районах закалывают овцу или барана. В южных районах, где узбекское население является преобладающим, при выносе тела покойника из дома также режут барана. Такой же обряд существует у туркмен и казахов, проживающих в Каракалпакстане [18; 27; 28].

Козы реже используется для этих целей: связано это с тем, что на том свете коза, в отличие от барана, много блеет, прося вернуть ей жизнь [11: 363]. Г. П. Снесарев пишет: *«... когда покойника выносят из дома (а за ним якобы следует его душа), чтобы два духа (человека и животного. — Г.С.), две ушедшие жизни соединились и ушли на тот свет»*. Далее он отмечает, что *«душа барана вселяется в умершего человека»* [32: 115]. В южных районах республики нам рассказали, что если при поминках заколоть козу, она будет сильно беспокоить человека, когда он окажется в мире ином, так как это животное много блеет. Другой информант нам поведал *«баран — куран, коза — бес»* [27]. Еще один информант рассказал, что баран райского происхождения, поэтому во время поминок закалывают именно барана [21]. Таким образом, мы видим, что культ барана сохранялся в семейной обрядности до конца XX в., смешавшись с различными религиозными представлениями.

Подобные верования каракалпаков, связанные с домашними животными встречаются и у других тюркских народов. Тотемные животные и сегодня имеют сакральный характер. Сакральные животные, такие как лошадь и овца, до сих пор имеют большое значение в традиционной об-

рядности каракалпаков, а также широко распространены в современных верованиях и представлениях.

Литература:

1. Абдулахатов, Н. У. Фарғона водийси аҳолиси турмуш тарзида зиёратнинг ўрни: Дисс. ... канд. ист. наук. — Тошкент, 2008. — 170 б.
2. Алламуратов, А. Каракалпакская народная вышивка. — Нукус: Каракалпакстан, 1977. — 80 с.
3. Андреев, М. С. Таджики долины Хуф: (Верховья Амударья). — Вып. 1. — Сталинабад, 1953. — 243 с.
4. Аширов, А. Ўзбек халкининг қадимий этикод ва маросимлари. — Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2007. — 276 б.
5. Байпаков, К. М. Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1980. — С. 32–45.
6. Басилов, В. Н. Культ святых в исламе. — М.: Мысль, 1970. — 144 с.
7. Гаджиева, С. Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX – начало XX в. — М.: Наука, 1990. — 216 с.
8. Горшунова, О. В. Узбекская женщина: Социальный статус, семья, религия (по материалам Ферганской долины). — М., 2006. — 360 с.
9. Дзуцев, Х. В. Этнография детства у осетин / Х. В. Дзуцев, Т. З. Бесаева. — Владикавказ, 1994. — 114 с.
10. Есбергенова, С. Х. Конь в верованиях и эпосах народов Приаралья // Общественные науки в Узбекистане. — 2000. — № 2. — С. 40–44.
11. Аўйзеки гўрриңлер // Қарақалпақ фольклоры. — Том 83. — Нөкис: Илим, 2014. — 325–392 б.
12. Литвинский, Б. А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). — Душанбе: Дониш, 1968. — 119 с.
13. Osman Turan. Turk cihan hakimiyeti mefkuresi tarihi. — Cild. 1. — 6 bosk. — Istanbul, 1993. — 203 s.
14. Пещерева, Е. М. Ягнобские этнографические материалы. — Душанбе: Дониш, 1976. — 192 с.
15. Полевые материалы автора (далее — ПМА) № 62. Экспедиция в город Нукус, 2013 г. (информант — Багда Генжебаева. 1943 г. р.).
16. ПМА № 71. Экспедиция в Чимбайский район, 2013 г. (информант — Садикова Мерўерит. 1919 г. р.).

17. ПМА № 89. Экспедиция в Чимбайский район, 2013 г. (информант — 00. 1900 г. р.).
18. ПМА № 58. Экспедиция в Ходжалинский район, 2014 г. (информант — Тажиаков Базарбай. 1948 г. р.).
19. ПМА № 63. Экспедиция в Элликкалинский район, 2015 г. (информант — Жиемуратова Анна. 1937 г. р.).
20. ПМА № 4, 5. Экспедиция в Нукус район, 2016 г. (информант — Бегжанов Базарбай. 1935 г. р.).
21. ПМА № 6. Экспедиция в Нукус район, 2016 г. (информант — Қайыпназаров Низамаддин. 1937 г. р.).
22. ПМА № 72. Экспедиция в Караузякский район, 2016 г. (информант — Қайыпназаров Жиенбай. 1943 г. р.).
23. ПМА № 75. Экспедиция в Караузякский район, 2016 г. (информант — Насиров Аманкелди. 1952 г. р.).
24. ПМА № 78. Экспедиция в Караузякский район, август 2016 г. (информант — Сайымбетов Отеген. 1935 г. р.).
25. ПМА № 83. Экспедиция в Караузякский район, 2016 г. (информант — Салиев Аралбай. 1969 г. р.).
26. ПМА № 84. Экспедиция в Караузякский район, 2016 г. (информант — Айтеков Аманбай. 1957 г. р.).
27. ПМА № 34. Экспедиция в Амударьинский район, 2017 г. (информант — Атаниязов Ахмад. 1936 г. р.).
28. ПМА № 48. Экспедиция в Амударьинский район, 2017 г. (информант — Атаева Инак. 1919 г. р.).
29. ПМА № 57. Экспедиция в Кунградский район, 2017 г. (информант — Султанова Кайыл. 1937 г. р.).
30. ПМА № 63. Экспедиция в Кунградский район, 2017 г. (информант — Гайыпов Мадияр. 1937 г. р.).
31. Радлов, В. В. Из Сибири. — М.: Наука, 1989. — 749 с.
32. Снесарев, Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — М.: Наука, 1969. — 336 с.
33. Теджев, А. Свадебные обряды туркмен-емрели в конце XIX – начале XX в. // Материалы по исторической этнографии туркмен. — Ашхабад: 1987. — С. 55–70.
34. Ягодин, Б.Н., Ходжайов Т.К. Некрополи древнего Миздахкана / Б. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов. — Ташкент: Фан, 1970. — 255 с.

М. С. Фомкин

**Юбилей мастера: Сергей Николаевич Иванов
как поэт-переводчик тюркской поэзии
(К 100-летию со дня рождения)**

Светлой памяти Учителя

Аннотация: Статья содержит описание литературной деятельности С. Н. Иванова, который является выдающимся поэтом-переводчиком тюркской поэзии. Автор статьи анализирует поэтическое наследие переводчика, определяет его роль и место в истории русского поэтического перевода. Статья включает перечень научных работ С. Н. Иванова по теории перевода и комментарии к ним. Автор показывает, что поэтические переводы тюркской поэзии С. Н. Иванова являются принципиально новым явлением в искусстве перевода. Их уникальность заключается в том, что они воссоздают не только смысл, но и поэтику оригинала.

Ключевые слова: классическая тюркоязычная литература, тюркская поэзия, русский поэтический перевод, С. Н. Иванов, Юсуф Баласагуни, «Благодатное знание», «Кутадгу Билиг».

М. S. Fomkin

**Anniversary of the master: Sergey Nikolaevich Ivanov
as a poet-translator of Turkic poetry
(To the 100th anniversary of his birth)**

Abstract: The article contains a description of the literary activity of S. N. Ivanov, who is an outstanding poet-translator of Turkic poetry. The author of the article analyzes the poetic heritage of the translator, determines his role and place in the history of Russian poetic translation. The article includes a list of scientific works by S. N. Ivanov on the theory of translation and comments on them. The author of the article shows that poetic translations of S. N. Ivanov's Turkic poetry are a fundamentally new phenomenon in the art of translation. Their uniqueness lies in the fact that they recreate not only the meaning, but also the poetics of the original.

Key words: classical Turkic literature, Turkic poetry, Russian poetic translation, S. N. Ivanov, Yusuf Balasaguni, “Blessed knowledge”, “Kutadgu Bilig”.

11 апреля 2022 г. исполняется 100 лет со дня рождения С. Н. Иванова.

Сергей Николаевич Иванов — блестящий, никем не превзойденный русский поэт-переводчик древней и современной тюркоязычной поэзии, выдающийся российский ученый-востоковед, профессор восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Востоковед-филолог, историк отечественной тюркологии, педагог, поэт-переводчик — среди этих четырех главных сфер деятельности С. Н. Иванова его работа в качестве поэта-переводчика стала блестящей страницей в истории отечественного искусства поэтического перевода и в жизни отечественной художественной литературы. Эта его деятельность была обращена к широкому кругу русских читателей и позволила им познакомиться с лучшими достижениями многовековой духовной культуры народов Востока. Заслуги Сергея Николаевича на этом поприще воистину велики — он дал новую жизнь уже на русском языке малоизвестным и недоступным прежде шедеврам восточной поэзии, обогатив тем самым родную русскую культуру.

С. Н. Иванов был членом Союза писателей России, коллеги-переводчики избрали его председателем секции художественного перевода Санкт-Петербургской писательской организации. Регулярно на заседаниях этой секции в стенах Дома писателя или Дома ученых он выступал с чтением своих новых переводов и почти всегда на этих чтениях присутствовали также его ученики — студенты и выпускники кафедры тюркской филологии.

Глубокое научное изучение многих тюркских языков, обширные общие познания в области востоковедения — все это явилось той надежной, фактически уникальной основой, на которой раскрылся талант Сергея Николаевича как поэта-переводчика тюркоязычной поэзии. Им опубликованы многочисленные переводы с древних тюркских языков, азербайджанского, татарского, турецкого, туркменского, узбекского и староузбекского, а также с персидского и таджикского языков, составившие два десятка поэтических книг. В истории русского поэтического перевода профессор Иванов впервые воссоздал так называемые туюги — тюркские четверостишия с омонимической рифмой, оставаясь до сих пор никем не превзойденным в этой области.

В своем письменном интервью автору этих строк в 1985 г. Сергей

Николаевич рассказал, что поэтическим переводом он начал заниматься в 1960 г. По его словам, самое значительное место в его переводах занимает классическая узбекская поэзия — произведения Алишера Навои, Гадаи, Атаи, Муниса Хорезми, Лутфи, Хафиза Хорезми, Бабур, Машраба, Фурката, произведения женщин-поэтесс Надиры, Увайси, Дильшод, Зебуннисы, Анбар-атын. В 1969 г. к юбилею Алишера Навои была переведена его замечательная поэма «Язык птиц», составившая 8-й том собрания сочинений этого поэта на русском языке [1]. В этом 10-томном собрании сочинений Алишера Навои большое количество поэтических переводов С. Н. Иванова представлено также в 1 и 2 томе (Ташкент, 1968 и 1969). Это — лирика Навои: туюги, кыта, рубаи, газели. Из азербайджанских поэтов переводчика привлекал Имадеддин Насими, давший, по оценке С. Н. Иванова, выдающиеся образцы лирики. Он говорил также, что большую творческую радость ему приносила работа над переводом прекрасных стихов туркменского поэта Махтумкули.

Классическая и современная узбекская лирика в переводе С. Н. Иванова составила несколько книг и сборников, среди которых — целый цикл работ, посвященных творчеству Алишера Навои — основоположника узбекского литературного языка и классической узбекской литературы. К этому циклу примыкает исследование и перевод лирики узбекских поэтов, творивших на протяжении пяти столетий: «Хамза Хаким-заде Ниязи: Избранные произведения» (Л., 1970) — стихи поэта XX века, «В красе нетленной предстает: Узбекская классическая лирика XV–XX веков» (М., 1977), «Кровное слово: Переводы из узбекской поэзии» (Ташкент, 1981), три книги, изданные АН УзССР в серии «Избранная лирика Востока» и представляющие творчество узбекских поэтесс — «Надира: Избранные стихотворения» (Ташкент, 1979), «Увайси: Избранное» (Ташкент, 1981), «Зебунниса, Дильшод, Анбар-атын» (Ташкент, 1983).

За свою деятельность С. Н. Иванов был удостоен званий «Заслуженный работник культуры УзССР» (1968) и «Заслуженный деятель науки УзССР» (1981).

Свой след Сергей Николаевич оставил и в области детской литературы. Известный татарский поэт Габдулла Тукай является автором поэмы-сказки для детей «Шурале». В 1989 г. в Казани вышел русский поэтический перевод этой сказки с татарского языка, выполненный С. Н. Ивановым [3]. Примечательно, что этот перевод сделан уже на основе новых принципов, которые выработал переводчик (внутренние рифмы

на цезуре) и которые позднее он сформулирует в научных трудах. А русские дети получили чудесную, необычайно благозвучную сказку.

Последняя поэтическая книга С. Н. Иванова, сборник «Алишер Навои: Избранное» вышла в 1996 г. со вступительной статьей самого переводчика [2]. Эта статья имеет самостоятельное научно-теоретическое и прикладное значение. Указанный сборник — особенный: в него вошли новые, не публиковавшиеся прежде переводы 185 газелей Навои, причем перевод этих газелей выполнен на основе новых принципов, которые выработал и сформулировал Сергей Николаевич. Главное в этих новых принципах — наличие в газели внутренних рифм на цезуре. Этот авторский прием не дает разрушаться стиху в русском поэтическом восприятии. В то же время этот прием имеет свое основание и оправдание в том, что многие узбекские — и шире — тюркские газели имеют такие внутренние рифмы. Тюркские поэты таким способом превращали длинный байт-двустиише в привычное для тюркского слуха четверостишие, которое соответствовало тюркскому поэтическому восприятию.

Можно сказать, что в последней книге С. Н. Иванова нашел свое блестящее победное завершение многолетний поиск мастером слова того русского ритмического и интонационного эквивалента, который передает характер и особенности тюркского оригинала, сохраняя высокие художественные качества русского стиха.

В художественном наследии С. Н. Иванова нужно особо выделить его переводы трех эпических поэм — высших явлений классической тюркоязычной поэзии: 1) поэмы XV в. «Язык птиц» Алишера Навои (Ташкент, 1970) [1], 2) поэмы XI в. «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни (М., 1983) [15] и 3) поэмы XIII в. «Сказание о Йусуфе» Кул Гали (Казань, 1985) [12]. Три эти работы, без сомнения, составляют ныне славу отечественного востоковедения и русского переводческого искусства. Патриарх отечественной тюркологии академик А. Н. Кононов в беседе с автором этих строк по поводу названных переводов в 1986 г. заметил, что кроме С. Н. Иванова он не знает никого в мире, кто мог бы перевести эти древние поэтические тексты с такой же филологической точностью и художественным совершенством. Две из этих работ — «Благодатное знание» и «Язык птиц» — изданы Российской Академией наук в серии «Литературные памятники» (соответственно, в 1983 и 1993), в 1990 г. «Благодатное знание» переиздано в Большой серии «Библиотеки поэта».

Многолетняя работа С. Н. Иванова с восточными поэтическими текстами нашла свое научное осмысление в его теоретических трудах, имеющих большое значение для практики, теории и критики художественного перевода. «Поэтический перевод, — отмечал Сергей Николаевич, — не может быть «ползаньем по строчкам» оригинала и элементарной «подстановкой» русских слов. Поэтический перевод — это воссоздание на русском языке не только содержания, но и поэтики оригинала — его художественных и эстетических особенностей. Это увлекательнейшая, но и очень сложная задача. Для тюркоязычной классической поэзии, — подчеркивал ученый, — характерна высокая культура слова, яркая поэтическая образность, афористичность выражения мысли, изощренная техника стиха. Воссоздание названных свойств поэзии в их единстве представляется мне единственно возможным творческим принципом: поэтический перевод — это художественное истолкование текста средствами другого языка» [14: 111]. Такое обязательное воссоздание на русском языке поэтики оригинала особенно ярко и впечатляюще проявилось в переводе поэмы «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни, где переводчик делает невозможное — средствами русского языка воссоздает сложные риторические фигуры арабо-персидской поэтики (подр. см.: [13: 51–52]).

Можно утверждать, что С. Н. Иванов как поэт-переводчик поднял творческую планку в области поэтического перевода классической тюркоязычной поэзии на такую высоту, которая, очевидно, навсегда останется недосягаемой для других переводчиков.

Труды С. Н. Иванова по теории и практике поэтического перевода публиковались в различных изданиях. Они показывают неутомимый творческий поиск ученым-переводчиком научно-обоснованных принципов, способов и приемов перевода тюркской поэзии, которые помогут переводчику наиболее точно воссоздать оригинальное тюркское сочинение на русском языке.

Одним из первых таких трудов можно считать вступительную статью Сергея Николаевича к сборнику произведений Алишера Навои, который был издан в 1965 г. в малой серии «Библиотеки поэта» [5]. Эта работа содержит глубокий и всесторонний анализ литературного наследия Алишера Навои, исследование его поэзии, ее образно-поэтических и формальных особенностей. Такого рода работы и являются той надежной основой, на которой дальше может плодотворно работать поэт-переводчик.

В 1973 г. выходит статья ученого «О переводах произведений Пушкина на узбекский язык (заметки по сопоставительной поэтике)» [6]. В этой статье положено начало научному поиску русского стихотворного размера, который максимально точно передавал бы ритм и архитектонику тюркского стиха.

Некоторые труды С. Н. Иванова напечатаны в периодических сборниках «Мастерство перевода», в частности здесь в 1975 г. появляется имеющая принципиальное значение статья «Поэма Алишера Навои “Язык птиц”: Опыт переводческого истолкования» [7]. В ней находит свое окончательное выражение теоретическое положение переводчика о том, что ритмический эквивалент тюркского стиха следует искать в трехсложных русских размерах.

Свои теоретические взгляды переводчик развивает и в сопроводительной статье «О “Благодатном знании” Юсуфа Баласагунского» [8], и в предисловии к книге «Свиток столетий: Тюркская классическая поэзия XIII–XX веков» [9].

В итоге своего научного поиска Сергей Николаевич выработал новые принципы перевода тюркских газелей, которые сформулированы в тезисах «К вопросу о принципах русского перевода газелей Алишера Навои» [10]. Думается, что будет правильным собрать все эти труды под одной обложкой, тем более что они представляют собой исследования не только по теории перевода, но и по теории и истории классической тюркоязычной литературы, являясь в своей совокупности уникальным учебником в этой области знания.

Некогда существовало мнение, согласно которому тюркоязычная литература подражательна и по самой сути своей будто бы является «младшей сестрой» персидско-таджикской литературы. Лучшим опровержением этого несправедливого мнения являются переводческая деятельность С. Н. Иванова и его теоретические изыскания в области классической тюркоязычной литературы. Они позволили ученому прийти к главному, принципиальному выводу: «Наличие оригинального и весьма развитого эпоса, длительная история лирической поэзии, имеющей черты сходства с персидско-таджикской литературной традицией, но не исчерпывающейся этим сходством и отмеченной собственной эстетической и художественной ценностью, позволяет говорить о значительности и мировом значении тюркоязычного литературного наследия» [9: 6].

Среди предшественников С. Н. Иванова в переводе тюркоязычной поэзии можно назвать такие известные имена, как Л. Пеньковский, В. Державин, Вс. Рождественский, С. Липкин, Н. Лебедев, Н. Гребнев, Т. Спендиарова, С. Сомова и др. Но, заметим, эти поэты в большинстве своем не знали языка, с которого переводили, и работали с подстрочниками, подготовленными для них кем-то другим. Их переводы выполнены вне связи с самим оригинальным текстом, с его поэтической эстетикой. Проявления этой эстетики, особенно в древних текстах, — как формальные, так и содержательные, — можно видеть лишь при тщательном исследовании и абсолютном понимании оригинала, что требует от переводчика огромных специальных и фоновых знаний

С. Н. Иванов счастливо принадлежал к тем поэтам-переводчикам с восточных языков, которые знают, понимают и чувствуют язык, с которого переводят, и это — большая удача для всех любителей восточной поэзии и — шире — для русской переводной литературы в целом.

Поэтический перевод с оригинала в принципе отличается от рифмования подстрочника, особенно, если речь идет о средневековых восточных текстах. В своих трудах С. Н. Иванов показывает, насколько кропотливой бывает работа переводчика по извлечению смысла из тех мест текста, которые «затемнены» для современного читателя вследствие различных причин — из-за непонятности реалий отдаленного от нас времени, из-за трудностей языка, на котором в наши дни уже никто не говорит, из-за ошибок, вкравшихся в текст в результате оплошностей каллиграфов, переписывавших древние рукописи, или вследствие непонимания ими копируемого текста. Сколько может быть одних лишь смысловых ошибок, подчеркивает профессор, при переводе не с оригинала, а с подстрочника! «Трудно предположить, — пишет он, — что во всех случаях составитель подстрочника (а такой работой квалифицированные филологи, как известно, занимаются весьма неохотно) мог достаточно компетентно толковать оригинальный текст и извлекать из него именно тот смысл, который был заложен автором» [11: 338]. Хорошим примером этому может служить перевод поэмы «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни. В поэме есть места, которые прежде не могли понять и перевести даже знаменитые ученые — академики и профессора; это сделал только С. Н. Иванов, который на основе своего огромного опыта проник в символическую образность древних тюрков и дал свое — красивое и убедительное — толкование этих фрагментов поэмы (подр. см.: [13: 47–49]).

Кроме уяснения смысла, перед переводчиком любого средневекового текста встает труднейшая проблема — определение стиля оригинала: стиливой принадлежности его лексики и характерных ритмико-синтаксических конструкций, определение его, как выразался Сергей Николаевич, «основной тональности». Это необходимо и для верной передачи смысла, и для стилистической регистровки перевода, передачи различных стилистических нюансов.

Историческая стилистика тюркских языков до настоящего времени практически не разработана, и ни один словарь не дает стиливых характеристик тюркской лексики средневекового периода. В тюркологии, если отвлечься от трудов С. Н. Иванова, пока даже не ставились проблемы семантического ореола (семантической нагрузки) и стиливой принадлежности стихотворных размеров классической тюркоязычной поэзии. Поэтому решение этой проблемы возможно лишь на основе специальных филологических познаний и развитого языкового чутья, которое появляется только в результате начитанности в подобных текстах. Знание стилистических характеристик подлинника позволяло С. Н. Иванову в своей переводческой практике обоснованно использовать и функционально-стилевое расслоение современной русской лексики, и специальные ритмико-синтаксические приемы, и строго определенные стихотворные метры для воссоздания художественного стиля оригинала. В основе этого воссоздания у Сергея Николаевича всегда лежали профессиональные познания ученого-тюрколога, в частности добытое многолетним опытом знание стилеразличительных признаков, характерных для языка средневековой тюркской поэзии.

Для древней восточной поэзии, которую переводил С. Н. Иванов, в целом характерна очень своеобразная поэтическая эстетика. Как уже говорилось выше, проявления этой эстетики — как формальные, так и содержательные — можно видеть лишь при научном исследовании оригинала и его полном понимании. Именно поэтому попытки создать качественный поэтический перевод путем рифмования подстрочника в этом случае не могут быть творчески плодотворными.

Переводам С. Н. Иванова присущ научно-художественный стиль, основанный на сознательном учете всех формальных и содержательных особенностей оригинала. Но к этому всегда добавляется то, без чего немислим настоящий поэтический перевод — сопереживание, сотворчество переводчика, его эмоциональное проникновение в духовную

биографию автора. Благодаря этому литературные труды С. Н. Иванова представляют собой образцы высокого искусства.

Следует обратить особое внимание на русский язык поэтических переводов профессора Иванова. Русский поэтический язык Сергея Николаевича — это богатейший во всех своих проявлениях язык предельной национальной чистоты, свободный от генетически нерусской лексики. Носитель русского языка и обладатель русского национального самосознания получает глубокое моральное и высокое эстетическое удовлетворение, когда он погружается в живительную купель чистого русского языка поэтических переводов Сергея Николаевича Иванова.

Читателю являются непривычные поэтические образы, непростые философские и религиозные понятия Востока, но при этом нигде и никогда С. Н. Иванов не поступает достоинством русской речи.

Все сказанное позволяет характеризовать художественное наследие Сергея Николаевича Иванова как одно из высших достижений искусства русского поэтического перевода и как уникальное явление в истории русской переводной литературы.

В поэме «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни есть такие строчки:

Рожденные смертны и жизнь быстротечна,
А доброе слово бессмертно и вечно.
Дано человеку наследовать слово,
Богат он стократ от наследства такого [16: 79, бейт 180; 80: бейт 190].

Почти через тысячу лет вдохновенному тюркскому поэту вторит его русский переводчик, посвятивший жизнь служению этой высокой идее: «Приобщение к иноязычным литературным ценностям всегда благодатно», — пишет С. Н. Иванов в одной из статей [8: 538]. Его литературное творчество, показывая многочисленные грани художественно-поэтического слова Востока, являет читателю во всей полноте тюркский образ мира, объемлющий и поэтику, и этику, и историю, и философию, и религию. Это творчество пробуждает интерес и глубокое уважение к культурному наследию тюркских народов, дарит и русскому читателю чудесную возможность наследовать одухотворенное слово тюрков.

Деятельность ученого-востоковеда С. Н. Иванова в качестве поэта-переводчика — это непосредственный выход классического востоковедения в практику, в реальное современное и будущее бытие многих людей; это первоклассная в своем роде популяризация огромного объема

знаний, накопленных современной наукой о Востоке. Сейчас, когда так остро стоит задача возрождения отечественной культуры, такая прямая связь гуманитарной науки с духовной жизнью общества приобретает особую ценность и еще раз подтверждает значимость и высокий смысл литературного творчества С. Н. Иванова.

Говоря о Сергее Николаевиче, нельзя не отметить его прекрасные человеческие качества: высокую нравственность и порядочность, преданность науке, внимательное и чуткое отношение к коллегам, доброжелательность и тактичность в отношениях с учениками. Все, с кем общался Сергей Николаевич, питали к нему неизменные чувства симпатии и глубокого уважения.

Своим студентам Сергей Николаевич рассказывал, очевидно, с воспитательной целью, что он каждый день встает ровно в 5 часов утра, чтобы спокойно поработать в утренней тишине. Он говорил: «Когда с утра удастся что-то сделать, это дает заряд на весь день, создается хорошее рабочее настроение». Он как будто следовал совету Юсуфа Баласагуни: «Пораньше вставай и попозже ложись, встающему рано — все блага дались!». Такая неутолимая жажда работы, любовь к самому ее процессу есть, несомненно, одно из главных объяснений тому, как Сергею Николаевичу удалось столь многое в жизни, в науке, в литературном творчестве.

Русская школа поэтического перевода имеет давнюю, богатую и славную историю. Эту историю составляют поэты-переводчики, работами которых восхищался еще сам А. С. Пушкин, переводчики-орденоносцы и лауреаты различных государственных премий, поэты-переводчики, искусство слова которых оживляет для русского читателя многовековые пласты всей мировой поэзии. И в этой славной истории свое почетное и абсолютно уникальное место занимает выдающийся переводчик великих тюркских поэтов профессор Сергей Николаевич Иванов.

Литература:

1. Алишер Навои. Сочинения в десяти томах. — Т. XIII. Язык птиц / Перевод Сергея Иванова. — Ташкент, 1970.
2. Алишер Навои. Избранное / В переводах Сергея Иванова. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996.
3. Габдулла Тукай. Шурале: Поэма-сказка / Перевод с татарского С. Н. Иванова. — Казань: Татарское книжное издательство, 1989.

4. Гузев, В. Г. С. Н. Иванов — тюрколог, лингвист и переводчик тюркоязычной поэзии / В. Г. Гузев, М. С. Фомкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Серия 2. — Выпуск 4 (№ 26). — СПб., 2000. — С. 96–101.
5. Иванов, С. Н. Алишер Навои // Навои: Стихотворения и поэмы / Вступительная статья, составление и примечания С. Н. Иванова. [Библиотека поэта. Малая серия]. — М.; Л., 1965. — С. 5–50.
6. Иванов, С. Н. О переводах произведений Пушкина на узбекский язык (заметки по сопоставительной поэтике) // Русская литература: Историко-литературный журнал. — 1973. — № 3. — С. 97–104.
7. Иванов, С. Н. Поэма Алишера Навои «Язык птиц»: Опыт переводческого истолкования // Мастерство перевода. — Сборник 10. — 1974. — М., 1975. — С. 135–159.
8. Иванов, С. Н. О «Благодатном знании» Юсуфа Баласагунского // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С. Н. Иванов. [Литературные памятники]. — М.: Наука, 1983. — С. 518–538.
9. Иванов, С. Н. Предисловие // Свиток столетий: Тюркская классическая поэзия XIII–XX веков / Перевод С. Н. Иванова. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. — С. 5–14.
10. Иванов, С. Н. К вопросу о принципах русского перевода газелей Алишера Навои // Тезисы конференции, посвященной 550-летию со дня рождения Алишера Навои. — Ташкент: ФАН, 1991. — С. 5–7.
11. Иванов, С. Н. К переводческому истолкованию поэмы «Язык птиц» Алишера Навои // Алишер Навои. Язык птиц / Перевод Сергея Иванова. [Литературные памятники]. — СПб.: Наука, 1993. — С. 330–358.
12. Кул Гали. Сказание о Йусуфе / Перевод Сергея Иванова. Казань: Татарское книжное издательство, 1985.
13. Фомкин, М. С. Сокровищница восточной мудрости (Вступительная статья) // Юсуф Баласагуни. Благодатное знание. [Библиотека поэта. Большая серия]. — Л.: Советский писатель, 1990. — С. 5–59.
14. Фомкин, М. С. С. Н. Иванов (к 70-летию со дня рождения) // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 1992. — Серия 2. — Выпуск 1. — С. 111.
15. Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С. Н. Иванов. [Литературные памятники]. — М.: Наука, 1983.
16. Юсуф Баласагуни. Благодатное знание. [Библиотека поэта. Большая серия]. — Л.: Советский писатель, 1990.

Р. Г. Хидиров

Узбекско-таджикский билингвизм и его исторические особенности

Аннотация: Республика Таджикистан — страна многонациональная, где представители узбекской национальности являются первыми коренными после таджиков жителями. Узбекско-таджикское двуязычие возникло в глубокой древности на почве узбекско-таджикского языкового контактирования и относится оно к проксимальному типу языкового контактирования. Под влиянием узбекско-таджикского и таджикско-узбекского двуязычия сформировался своеобразный пласт таджикско-персидских слов в лексике узбекского языка, а также пласт тюркско-узбекских слов в лексике таджикского языка, что благоприятно влияет на совершенствование обоих языков и приводит к их обоюдному развитию.

Ключевые слова: узбекско-таджикское двуязычие, древний, смешанный, племена, этап, местный, языковая ситуация, контакт.

R. G. Khidirov

Uzbek-Tajik bilingualism and its historical features

Abstract: The Republic of Tajikistan is multinational country, where representatives of the Uzbek nationality are the first indigenous people after the Tajik nationality. The base of the Uzbek-Tajik bilingualism was formed in ancient times and has a close connection with the concept of mixed, impure, Turkic languages. Uzbek Tajik bilingualism appeared on the base of Uzbek Tajik language contact and belongs to proximal type of language contact. Under influence of Uzbek-Tajik and Tajik-Uzbek bilingualism the peculiar level of Tajik Persian words was formed in the lexicon of Uzbek language, also the level of Turkic Uzbek words was formed in the Tajik lexicon, that favorably influences perfection of both languages and leads to their mutual development.

Key words: Uzbek-Tajik bilingualism, ancient, mixed, tribes, stage, local, language situation, contact.

Наличие и функционирование узбекско-таджикского и таджикско-узбекского двуязычия (билингвизма) в Таджикистане — явление зако-

номерное и естественное. Это объясняется тем, что Республика Таджикистан — страна многонациональная, где представители узбекской национальности являются первым коренным после таджикской национальности населением. Ю. Д. Дешериев, еще до обретения государственной независимости Таджикистаном отмечал, что «Таджикистан, основное население которого составляют таджики, имеет богатое культурно-историческое прошлое, восходящее к древним временам. Еще в середине первого тысячелетия до н. э. рабовладельческие государства Бактрия, Согд, Хорезм образовались на территории современного Таджикистана. В прошлом как литературные языки употреблялись таджикский, узбекский, русский и арабский и некоторые другие...» [5: 302].

Далее Ю. Д. Дешериев отмечает, что «в городах, рабочих поселках, а также во многих сельских местностях представители разных народов живут смешанно и работают, повседневно общаясь между собой, что создает благоприятную обстановку для развития разных типов двуязычия, одним из основных которых является двуязычие с узбекским в функции первого языка» [5: 303].

Почва узбекско-таджикского двуязычия сложилась еще в глубокой древности, что имеет тесную связь с понятием смешанных тюркских языков. Об этом свидетельствует один из выдающихся знатоков тюркских языков XI в. Махмуд Кашгари. Он отмечает, что тюркские языки бывают чистыми и смешанными. К несмешанным тюркским языкам он относит языки (диалекты) племен ягма, печенегов, играк, тухси, чигил, огуз, уйгур, кыпчак, емек, башкир, болгар, а также племен других тюркских народов, обитающих на берегах рек Итиль (Волга), Или, Ямара (приток Иртыша). К смешанным тюркским языкам относятся языки населения городов Тираз, Мадинат ал Байза и др. Эти языки характеризуются тем, что их носители являются двуязычными и говорят по-тюркски и по-согдийски. Носители смешанных тюркских языков проживали на южных территориях Восточного Туркестана, Чуйской и Таласской долин. Населения этих территорий общались на двух языках: таджикском и тюркском [6: 291].

Функционирование нескольких языков в одном регионе или государстве органически связано с так называемой языковой ситуацией, что наглядно и ярко представляется в Республиках Центральной Азии, в том числе в Таджикистане. Под термином «языковая ситуация» понимается совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслужи-

вающих общине в этнической общности [4: 163]. В Таджикистане созданы благоприятные условия для функционирования и усовершенствования языковой ситуации, ярким примером которой является широкое распространение двуязычия разных типов, одним из основных являются узбекско-таджикское и таджикско-узбекское. Узбекско-таджикское и таджикско-узбекское двуязычие в Таджикистане относится к массовому билингвизму, согласно которому говорящие на двух языках составляют большой контингент [2: 14].

Узбекско-таджикское и таджикско-узбекское двуязычие (билингвизм) возникло на почве узбекско-таджикского языкового контактирования и относится оно к проксимальному типу языкового контактирования. Характерным особенностям проксимального языкового контактирования является то, что оно осуществляется непосредственно, в отличие от дистального языкового контактирования. Поэтому узбекско-таджикское двуязычие в Таджикистане является широко распространенным по сравнению с другими типами двуязычия.

В узбекско-таджикском двуязычии как историко-социальном явлении выделяют два этапа развития. Первый этап связан с периодом, когда общение тюркских народов осуществлялось с помощью языков таких иранских народностей и племен, как согдийцы, тохары и др. Второй этап формирования узбекско-таджикского двуязычия совпадает со временем государства Саманидов, когда таджикский язык оказывал влияние на тюркские языки и в словарном составе тюркских-узбекских языков сформировался пласт лексических единиц за счет заимствованных из ирано-таджикских языков [8: 127].

В Таджикистане двуязычие, в котором одним из компонентов является узбекский язык, имеет две разновидности:

- 1) население, для которого родным является узбекский, наряду со своим родным языком владеет таджикским языком;
- 2) население, для которого родным является «местный», таджикский, наряду со своим родным языком владеет и узбекским языком.

Первый тип (разновидность) двуязычия носит характер «таджикско-узбекское», а второй — «узбекско-таджикское».

Республика Таджикистан является многонациональной страной, где можно наблюдать смешение языков разных народов, что создает благоприятные условия для существования не только двуязычия, но и многоязычия, полилингвизма типа узбекско-русско-таджикского (по

отношению к узбекскому населению), татарско-таджикско-русского, кыргызско-узбекско-таджикско-русского и др. Среди них самым широко распространенным и древним является узбекско-таджикское и таджикско-узбекское двуязычие.

Под влиянием узбекско-таджикского а также таджикско-узбекского двуязычия сформировался своеобразный пласт таджикско-персидских слов в лексике узбекского языка, а также тюркско-узбекских слов в лексике таджикского, чем определяется обоюдное развитие узбекского и таджикского языков.

Взаимосвязь и взаимовлияние узбекского и таджикского языков, которые образовались на почве двуязычия (билингвизма), не ограничиваются заимствованными лексическими единицами из таджикского языка в узбекский. В морфемной и словообразовательной системе узбекского языка ныне функционируют таджикско-персидские аффиксальные морфемы словообразовательного и формообразовательного характера, которые заимствованы из таджикского языка в составе лексических единиц [2: 83]. Факты, связанные с заимствованием из таджикского языка аффиксальных морфем в узбекский язык, — одна из актуальных и современных проблем в области морфемики и словообразования современного узбекского языкознания. Все эти положительные социально-языковые явления — результат узбекско-таджикского двуязычия (билингвизма) и связанного с ним таджикско-узбекского языкового контактирования.

Немаловажно отметить, что характерным для узбекско-таджикского билингвизма и контактирования является то, что в лексике обоих языков встречаются и употребляются иноязычные словарные единицы, которые заимствованы из арабского и русского языков (*баён, баёлот, балогат, ваҳм, вакил, ватан, варақ, вазорат, вазир, маҳкама, қози, имом, имон, лутф, вилоят, маҳалла, ҳукумат, маориф, тиб, ҳарф, иқтисод, саноат, шеър, аруз; театр, клуб, драма, жанр, роман, диван, почта, телефон, автобус, телеграф* и т. д.), что не очень характерно для двуязычий других типов в Республиках Таджикистан и Узбекистан.

Узбекско-таджикское двуязычие отражается и в письменной художественной литературе этих народов, что имеет длительную историю. В произведениях таких таджикских и узбекских классических мастеров художественного слова, как А. Дждоми, А. Навои широко и успешно применено узбекско-таджикское двуязычие, чем обеспечено их высокое

художественное мастерство. Традиции двуязычия получили свое дальнейшее развитие и в последующие времена. Основоположник таджикской литературы XX в. С. Айний свой роман «Рабы» написал на двух языках — на узбекском и таджикском. На двух языках писали свои произведения и такие писатели, как Ф. Ниязи, С. Абдулло и др. [7: 76]. Образцовая традиция этих мастеров успешно продолжается и совершенствуется современными писателями и поэтами и ныне.

Узбекско-таджикское двуязычие характерно не только для коренного населения Таджикистана, но и для коренного население других государств, где представители таджикского народа являются не основным, географически «не национальным» населением. Языковая ситуация и таджикско-узбекское, таджикско-кыргызское, таджикско-туркменское, таджикско-казахское и т. д. двуязычия функционируют почти во всех республиках Центральной Азии: в Узбекистане, Киргизии, Казахстане и др.

Литература:

1. Балханов, И. Г. Двуязычие и социализация: теоретико-методологический и социально-философский анализ. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Улан-Удэ, 2002. — 48 с.
2. Бердиалиев А., Ҳозирги ўзбек адабий тили. Лексикология. Фразеология. Лексикография / А. Бердиалиев, Р. Хидиров. — Хужанд, 2013. — 204 б.
3. Бертагаев, Т. А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. — М., 1972.
4. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика. — М.: Просвещение, 1987. — 282 с.
5. Дешериев, Ю. Д. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. — М.: Наука, 1976. — 478 с.
6. Кононов, А. Н. Махмуд Кашгарский о тюркских языках / А. Н. Кононов, Х. Г. Нигматов // История лингвистических учений. Средневековый Восток. — Л.: Наука, 1982. — 396 с.
7. Ниязмухамедов, Б. Б. О взаимоотношении таджикского и узбекского языков // Проблемы двуязычия и многоязычия. — М.: Наука, 1972.
8. Шаропов, Н. А. Пути развития лексики современного таджикского литературного языка. — Душанбе: Дониш, 1988. — 196 с.
9. Шахнарович, А. М. Ранее двуязычие: внутренний и внешний аспекты // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. — М., 1996. — 364 с.

Н. Ш. Шаммаева

Понятие преданности в туркменской поэзии

Аннотация: Преданность — нравственное наследие туркменского народа, воспетое в поэзии. Преданность — положительное духовно-нравственное качество человека, характеризующее приверженность человека кому-то или чему-то, уважение, верность, искреннюю любовь.

Ключевые слова: преданность, поэзия, духовно-нравственные качества человека, уважение, любовь.

N. Sh. Shammayeva

Concept of devotion in Turkmen poetry

Abstract: Devotion is a moral heritage of Turkmen people glorified in poetry. Devotion is a positive spiritual-moral quality of a person, characterizing the adherence of a person to somebody or something, respect, fidelity, sincere love.

Key words: devotion, poetry, spiritual-moral quality of a person, respect, love.

Преданность — нравственное наследие туркмен, воспетое в поэзии. Толковые словари сообщают, что преданность — положительное духовно-нравственное качество личности, характеризующее приверженность человека к кому-то или чему-то, уважение, верность, искреннюю любовь.

Преданность бывает разной, она может касаться дружбы, любви, семьи, родины, профессиональной деятельности, веры и т. д. Преданность присуща не только человеку, но и другим живым существам. Преданные животные, будут верно служить при любых обстоятельствах. Преданность связана с тем, что человек доверяет, — это внутреннее качество, которое помогает оставаться верным. В данной статье мы проанализируем туркменскую поэзию сквозь призму преданности: 1) преданность родине, 2) преданность семье; 3) преданность любви:

1. Преданность родине. Язык стихов Махтумкули очень своеобразный, простые слова мастерски использованы для выражения глубоких чувств любви и ненависти, верности и предательства. Стилистические средства, такие как метафора, метонимия, ирония и эпитеты основыва-

ются на образах, взятых из жизни туркменского народа. Великий поэт Махтумкули Фраги, преданный своей родине, видя страдания народа от набегов врага, пишет стихи полные отчаяния и горечи, терзаясь от безысходности:

Mertler namart boldy, namart mert boldy,
Gurtlar peşe boldy, peşe gurt boldy,
Ýurtlar weýran boldy, zyndan ýurt boldy,
Şum pelek leşgerin saldy, neýläýin?

Махтумкули жил в XVIII в., в беспокойное для туркменского народа время. Смелые джигиты защищали родину от набегов кызылбаши и других приграничных врагов. Оплакивая защитников родины в своих элегиях, “Zarlar içinde”, “Çowdur han için”, “Çowdur han”, “Döwletalynyň”, “Sen soltany, Abdylly” и др., Махтумкули пишет душераздирающие строки.

Çowdur han, görejim, göwün diregim,
Sen wepat bolup sen zarlar içinde.
Gökleñde pälwanym, ile geregim,
Halky goýup gitdiň narlar içinde (“Zarlar içinde”).

Sansyz ile serkerdedir, soltandyr,
Jeň ýerinde jellat, belki, arslandyr,
Menzili – metjittir, öýi – diwandyr,
Gijesi-gündizi Döwletalynyň (“Döwletalynyň”).

Saňa zardyr Arabystan, Hindistan,
Nagraňdan titirär oldy Türküstan,
Ýollady köp sowgat dagly Gürjüstan,
Owgan halypanyň rany, Abdylly (“Sen soltany, Abdylly”).

В стихах нашего современника Керима Гурбаннепесова находим емкую строку в которой помещается глубокий смысл жизненно важной темы нравственности, преданности родине и верности любви.

Ýürece girmemiş ýüregin aýan,
Ýürek aýan - bermez iline peýan.
Gapdalyňda barka bir tebip aýal —
Ýürek işlä. Ýalňyz syrdaşyň besdir.

Обратим внимание на глубокий смысл данной строки: *Ýürece girmemiş ýüregin aýan* — букв. «береженное сердце не найдет отклика в душе другой»; следующая строка: *Ýürek aýan — bermez iline peýan* —

букв. «кто бережет сердце, не жди от него преданности родине»; или другая строка: *Gapdalyňda barka bir tebiþ aýal — Ýürek işlär. Ýalňyz syrdaşyň besdir.* — (букв. «Если рядом женщина целитель — Сердце стучит. Достаточно верной одной»).

Действительно, если не любить родину душою, то не будет проку от этой лживой любви. Велика вероятность предательства при возникновении малейшей возможности, ибо быть преданным родине — это труд души, потому что это не слово, которое вертится на языке, это — дело, которое украшает твою жизнь, дарит радость и счастье твоим домочадцам, соседям, друзьям и соотечественникам. Делая добро, украшая жизнь, тем самым ты помогаешь процветать своей родине, ибо родина — это земля, на которой ты преданно трудишься, это люди, которых ты окружаешь заботой и любовью. В данном четверостишии два огромных чувства любви, преданность родине и верность супруге переплетаются, и через образ человеческого сердца, поэт объединяет их одной нитью.

Слово *yürek* — «сердце» повторяется четыре раза. В переводе на русский язык в первой же строке *Ýürege girmezmiş ýüregin aýan* — букв. *береженное сердце не найдет отклика в душе другой*; данное слово звучит двояко, сердце как «человеческий орган» и как абстрактное понятие «душа». Объем понятия «сердце» вмещает в себе очень разные значения. Некоторые из них — понятие *mähremlilik* — верность, душевность, преданность. Все эти понятия вменяются в функцию сердце. У туркмен говорят: «где нет любви, верности, духовности, там нет и воспитания, ибо они являются основой хороших манер воспитанного человека. Сила поэзии проявляется в благоприятствовании и способствовании развитию имеющегося в человеческой душе уважения друг к другу, любви и преданности.

Преданность — как наследие нации — проходит красной нитью через поэзию многих поэтов. Они показывают нам трудности жизни без веры и преданности.

Предательство равносильно смерти предавшего человека. Махтумкули в следующих строках пишет о ненадежности хвастливых лжецов, высокомерных глупцов в бое с врагом и подлости таких друзей даже в мирное время.

Il içinde özün öwer,
Dil dumany başdan agar,
Ýagyda nogsany deger,
Namartlar ýoldaş bolmasyn (“Joş bolmasyn”).

Поэзия Махтумкули должна быть настольной книгой каждого думающего человека; она настолько поучительна и проверена жизненным опытом и гением классика, что каждый найдет что-то полезное для себя. В поэзии Махтумкули все время меня заставляет думать, как можно вот так ёмко выразить необъятное, например:

Her ýigidiň aslyn bileý diýseňiz,	<i>Если хотите узнать, кто он таков,</i>
Märekeke otur-turuşyn görüň.	<i>Поведение в людях подскажет, он каков.</i>
Birew bilen aşna bolaý diýseňiz,	<i>Если хотите подружиться с кем,</i>
Owwal ukrarynda duruşyn görüň	<i>Верен ли первому обещанию? Проверь!</i>

(“Отур-туруşyn görüň”).

2. Преданность семье: Махтумкули, любящий сын после смерти отца, Довлетмаммеда Азади не мог смириться и написал много стихов, в которых он изливал душу и горе от потери своего отца, учителя и наставника.

Höwesler ýas boldy, pişäm gam boldy,
 Ýüregim aramy — Azadym kany?

3. Преданность любви: в поэзии Юнуса Эмре есть такие строки:

Yzzat-u erkan kamusy, bulardyr dünýä söýgüsi,
 Meniň jogabym sen aýyt, “Yşka yzzatmydyr baha?”

Уважение — *yzzat-u erkan*. Здесь, поэт задает вопрос — *Yşka yzzatmydyr baha* «Уважение — это ли цена любви?» В данной строке поэт указывает на то, что любовь зиждется на уважении (*yzzat*) и свободе (*erkan*). Естественно, без уважения нет любви, и это еще раз доказывается в вопросе-утверждении.

В лирике Махтумкули встречаются разные образы, и сочетания их с фантастическим полетом мысли создают неповторимые и очень сочные краски в ощущении глубины чувства и нежные нотки любви.

Yşk ataşyn isteyip bir girýany perwana men,	<i>Я превратился в мотылька, тоскуя по</i>
Gähi yşka bolsam duçar, közüne birýana men,	<i>пламени любви;</i>
Mejnun kibi Leyli ýaryň roýuna girýana men,	<i>Встречая любовь, обугливаюсь от</i>
Akly çaşan, bagty ýatan, bir misgin bigäne men,	<i>страсти;</i>
Daga urup dargaýan ummanda lemmer etdiň meni (“Meni”).	<i>Как Меджнун страдаю без своей</i>
	<i>Лейлы;</i>
	<i>Несчастный, безумный, бедный,</i>
	<i>посторонний я;</i>
	<i>Превратил меня в волну океана,</i>
	<i>разлетающуюся в брызги, ударившись</i>
	<i>в горы.</i>

Всю красоту, сочность языка Махтумкули создают стилистические средства, такие как метафора (*Daga urup dargaýan ummanda lemmer etdiň meni*); эпитеты (*gunça dahanlar; gül ýüzli periler*). А в художественном сравнении поэт обращается к арабо-персидским заимствованиям (*kamaty serwi dek* — силуэт как кипарис; *sibi-zenehdanlar — alma kibi ýüzler; simin-zakanlar — kümüş ýaly ap-ak alkymlar*) и т. д.

Kamaty serwi dek nâzik bedenler,
Sibi-zenehdanlar, gunça dahanlar,
Gül ýüzli periler, simin-zakanlar,
Älemde şat bolup güleni bolmaz.

Вышеперечисленные стилистические средства описывая красоту и нежность женщины, перечисляют *bedenler; ýüzler; dodaklar; alkymlar* во множественном числе, тем самым последняя строка *Älemde şat bolup güleni bolmaz* — «во всем мире никогда не смеялись от радости» — указывает на метонимию, где вышеперечисленные *bedenler; ýüzler; dodaklar; alkymlar* используются в роли живого человека.

Особое место в поэзии занимает конь, который является неизменным участником всех традиционных обычаев и церемоний. Конь считается членом семьи, преданным другом джигита.

At alsañ gyr algy, mekrudyr ak ýal,
Kitapda görüner çaman — garagol.
Orta boýly, gyrmançaý-u gara çal,
Şoňa duçar bolsaň, işiň ýol almaz (“Ýol alar”. Ikinji kitap).

Поэзия и яркое слово поэта показывают нам жизненно важную необходимость преданности. Предательство разрушает гармонию в жизни и в душе человека. Какая жизнь может быть без душевного равновесия! Именно верность данному слову, доверие, преданность дает человеку силу в этой жизни. Преданные люди преумножают радость, а их моральный облик является примером поведения для последующих поколений туркмен.

Литература:

1. Babaýew, K. Türkmen diliniň stilistikasy. — Aşgabat: Magaryf, 1989.
2. Galperin, I. R. Stylistics. — Moscow: Higher School, 1977.
3. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка. (Стилистика декодирования). — Л.: Просвещение, 1981.

4. Мередов, А. Магтымгулынын душундиришли созлуги. — Гонбе Д. Кабус, 1997.
5. Aşyrow, A. Magtymgulynyň golýazmalary: ylmy-tekstologik barlaglar. Dil-edebiýat ylymlarynyň doktory diýen alymlyk derejesini almak üçin ýazylan diss. awtoreferaty. — Aşgabat, 1995.
6. Magtymguly. Saýlanan eserler. — Aşgabat, 1978.

А. О. Шенол

**Проблема вестернизации общества,
рассматриваемая сквозь призму семейных отношений
в произведениях «Анна Каренина»
и «Запретная любовь / Aşk-ı memnu»**

A. O. Shenol

**The problem of the westernization of society, viewed through
the prism of family relations in the works “Anna Karenina”
and “Forbidden Love / Aşk-ı memnu”**

В условиях становления и бурного развития информационной цивилизации и глобализации мира возникает острая проблема взаимодействия и взаимовлияния национальных культур при необходимости сохранения их самобытности. Ее решение связано с правильным пониманием исторических корней и традиций этих культур.

На сегодняшний день Россия переживает серьезные перемены, которые требуют осознанного цивилизационного самоопределения. Государство находится на стадии выбора курса для дальнейшего исторического развития. Перемены необходимы обществу для улучшения условий и качества жизни, но все же наследие, оставленное нам от предков, стоит сохранить.

За последние годы российское общество претерпело коренные преобразования, которые привели к основательным изменениям в политическом, экономическом, социальном и культурном планах. Общество стало задумываться, стоит ли принимать модели западных стран за основу дальнейшего развития или же проложить свой путь, никому не известным и мало кому понятным способом.

Западное общество во многих чертах противоположно традиционному российскому обществу, хотя также имеет достаточно глубокие исторические корни. Проникновение в жизнь России западной культуры (или вестернизация культуры) имеет глубокую историческую ретроспективу. Однако внедрение этих образцов культуры и образа жизни контактирует с российским традиционализмом.

В связи с внедрением вестернизации на первый план выдвинулась активная, творческая, преобразующая деятельность человека. Идеалами цивилизации стали постоянное обновление, могучая поступь прогресса. Безусловную ценность приобрело научное познание, существенно расширяющее интеллектуальные силы, изобретательные способности человека, его возможности преобразовывать мир. Но при этом традиции и некоторые ценности оказались под угрозой исчезновения.

Таким образом, «созерцательности» традиционных обществ начало противостоять деятельностное начало западных обществ.

Влияние Запада можно наглядно изучить в произведениях различных писателей, к числу которых относится Л. Н. Толстой. В его романе «Анна Каренина» можно увидеть, как герои постепенно перенимают привычки западного общества, разговаривая, например, на французском языке и используя английские слова, одеваясь по европейской моде и меняя отношение к семейной жизни. И следуя за героями романа, можно увидеть, как вследствие изменения привычек меняется их жизнь. Определенно есть и плюсы в таких переменах, но по большей части становится понятно, что перенимая бездумно чужой образец жизни, не свойственной привычному укладу, можно неизбежно столкнуться с большими проблемами, что и показывается в романе великого писателя.

Под влиянием Запада оказывается не только российское общество, но и общество других стран, например, Турции. Проблемы вестернизации являются причиной, по которой и у турецких авторов возникают произведения со схожей проблемой в качестве главной темы. Например, можно сопоставить роман «Анна Каренина» Л. Н. Толстого с одним из известных в Турции романов Халида Зия Ушаклыгиля «Запретная любовь». Параллель эта представляется интересной в нескольких отношениях: и потому, что роман Халида Зия Ушаклыгиля был написан под влиянием романа «Анна Каренина», и потому, что в обоих романах отразилась проблема вестернизации общества, рассмотренная сквозь призму семейных вопросов.

В обоих романах есть сходство между изображением брака по расчету и его неизбежно негативных последствий в отношениях между супругами. Эти произведения рассматриваются как классические как для русской, так и для турецкой литературы, и в каждом из них по-своему раскрываются проблемы отсутствия любви в браке, что можно рассматривать как часть более общего кризиса семьи, кризиса любви в современном обществе.

Michael Erdman

Copy and paste: Turkish historiographical approaches to indigenous history

Abstract: In Copy and Paste, I provide an overview of contemporary (1970 to the present) Turkish scholarship on the history and culture of the Indigenous peoples of the Americas. In doing so, I problematize the use of tropes, mischaracterizations and blatant projections present within such scholarship, questioning their origins and purposes. I explore how these aspects of the field belie the positionality of the authors within the project of a nationalist historical metanarrative. I conclude by suggesting, briefly, a means of escaping such moulds in the interest of a more inclusive historical science.

Key words: Turkey, Turkish historiography, Indigenous history, positionality, Native American history, racism.

М. Эрдман

Копировать и вставить: турецкие историографические подходы к истории коренных народов

Аннотация: В настоящей статье я даю обзор современных (с 1970 г. по настоящее время) турецких исследований по истории и культуре коренных народов Северной и Южной Америки. При этом я проблематизирую использование тропов, неправильных характеристик и вопиющих проекций, присутствующих в таких исследованиях, ставя под сомнение их происхождение и цели. Я исследую, как эти аспекты данной области исследований противоречат позиции авторов в рамках проекта националистического исторического метанарратива. В заключение я кратко предлагаю способ избежать подобных стереотипов в интересах более всеобъемлющей исторической науки.

Ключевые слова: Турция, турецкая историография, туземная история, позиционность, коренные американцы, расизм.

Racism is a common topic of study both of Turkish academics and in Turkish area studies. On occasion, investigations of race and racially-motivated biases focus upon divisions among Turkish-speakers, without reference

to ethnic differences. In other studies, the question is one of ethnic, linguistic and religious differences, especially the relative status of official and unofficial minorities in the Republic. Such pursuits look at local minorities, including but not limited to the Kurds, Armenians, Greeks, Alevis, Syriacs, Caucasian communities, Roma and peoples of African descent [11]. This work often has anthropological and political dimensions, as it queries the roles and power of these groups in contemporary Turkish society, and looks at the manner in which racist discourse is intended to control, subjugate, and at times eliminate differences within society itself.

In the current paper, I look at a different manifestation of racism; one that has a less-direct impact on the members of Turkish society, but that is no less pernicious. Over the course of this paper, I will explore Turkish historiography's relationship to the history and composition of Indigenous American communities in the late 20th and early 21st centuries. I aim to show that most narratives present in it should be read as texts of an imagined Turkic meta-identity, rather than as serious scholarship on the historical, social and political conditions of the First Nations of the Americas. Such historiography aims to use Indigenous peoples as a new pigment with which to paint an essentialized image of Turkishness, rather than being motivated by the pursuit of categorizable and verifiable information about these communities. I will demonstrate this through a largely chronological overview of major publications related to Indigenous American history and historical anthropology.

To be certain, this particular topic is not one of widespread discussion in Turkish society or academia. Indigenous peoples rarely come up in the mass media or specialist circles in the country, and discourse on the topic is not as sophisticated as it is regarding other ethnic, linguistic and social groups. English-speakers have developed a number of different terms of varying levels of sensitivity for the description of Indigenous people. Turkish discourse, meanwhile, continues to feature the term *kızılderililer*, from the two words *kızıl* “red” and *derili* “skinned” (plus the plural suffix *-ler*), as the most common means of indicating the first peoples of these continents. Alternative terminology in the form of *yerli* (from *yer* “place” and the adjectival suffix *-li*) has been proposed, but it has yet to catch on in a meaningful way [15: 208–216].

I recognize that the most direct gloss of *kızılderililer* is on the highly-offensive end of the spectrum of nomenclatures, and thus do not wish to employ it throughout the course of this paper. I have therefore opted to replace

it with a gloss of *Indian*, cognizant of the fact that this too is offensive in many contexts, and far from ideal as a replacement for an even more insulting word. Nonetheless, I have done so based on the writing of Thomas King and his *Inconvenient Indian* [10: 53–68]. Specifically, I use this word as an indicator of a mythical individual constructed by colonizers, anthropologists, ethnographers and politicians, rather than the people themselves. My intention is not to offend, and where reference is made to identifiable communities in Turkish, I aim to use terminology employed by members of the community themselves. I hope that this will render overt a particular author's usage of language reflective of diversity among Indigenous peoples; of contemporary political and social realities among them; and of their desires for fair and appropriate representation in settler culture and media.

This is, perhaps, the appropriate juncture for me to provide a personal disclaimer; a declaration of my own positionality and my relationship to the two different poles of this research topic. I am neither Turkish (whether in the ethnic or national sense), nor a member of an Indigenous nation. I was born and raised in Toronto and am the product of the public-school system of the Province of Ontario, including its meager and lopsided courses on the First Nations offered during the 1990s. My links to Turkey are perhaps more substantial, as I have been awarded the title of Doctor of Philosophy by SOAS in 2018 for a dissertation focused on race and ethnicity in the Turkish historiography of the 1920s and 30s. I remain immersed in Turkish publishing and academic culture thanks to my work as Curator of Turkish and Turkic Collections at the British Library. This project emerged from my academic and professional interest in Turkish historiography, and my burgeoning awareness of the mischaracterizations and misinformation about Indigenous people inherent in settler culture.

The main purpose of this paper is my desire to continue my earlier investigation of race and ethnicity in historical narratives. I see it as a component of the discussion on Turkish historiography, rather than that of Indigenous history, culture or anthropology. A broader aim of mine is to explore, in a meaningful way, the manner in which the first peoples of the Americas were and are perceived in historical narratives that do not feed into, at least directly, state-sanctioned strategies and ideologies of continued domination and erasure. I hope that this work will be useful to the various First Nations as an insight into Turkish perceptions, while also being an addition to debates around reflection and reflexivity within Turkish historiographical scholarship.

Indigenous people do occasionally come up in Turkish historical research. The country's founder and first President, Mustafa Kemal Atatürk, was particularly keen on investigating connections between ancient Turks and pre-Columbian Americans (Meydan 2014). Indigenous people also appeared in discussions on racial origins, blood types, migration and archaeology during the first two Turkish History Congresses in 1932 and 1937 [2; 8; 18]. These discussions were often based on 19th century European racial anthropology, or on the spurious scholarship of linguists based at the Turkish Language Institute. With the conclusion of the Second World War in 1945, official narratives changed course, reducing their focus on the racial origins of the Turks and replacing it with a greater emphasis on a single, unbroken line of cultural development within Anatolia [17]. This generalized lack of interest in bloodlines also meant a quiet end to interest in Indigenous American links to proto-Turks.

At some point in the late 1970^s or early 1980^s, however, there was a minor revival of interest in such topics. The polemical historian Reda Oğuz Türkkan — known for his racially-motivated works — asked the question “Are the [American] Indians [Asian] Indians, or Jews?” [*Kızılderililer Hindistanlı mı, Yahudi mi?*] in a series of pamphlets entitled *The Great Mysteries of History in the Light of Truths* [*Gerçeklerin Işığında Büyük Tarihi Sırlar*]. Under this heading, Türkkan explored how both the idea of “Indians” (*hintliler*; literally “of India”) and “red-skinned people” (*kızılderililer*) came about, linking the latter, eventually, to ancient Turkic communities. Through citations to articles in the *New York Times*, and vague references to conferences, he posited that the “latest” research (from the late 1960^s) pointed to a Turkic origin for these mysterious peoples [19]. It is interesting that the author found it profitable to make use of the *New York Times* article, but not any of the mainstream American anthropological scholarship or popular literature available at the time relating to theories on Indigenous settlement of the continent or their historical cultural and linguistic development.

Türkkan followed up this series of pamphlets with a monograph, *Kızılderililer ve Türkler: Bir Tarihin, Bir Dramın Hikayesi* (*Indians and Turks: The Story of One History, One Drama*), originally published in 1999. This book provides a broad overview of Indigenous peoples across the Americas. At its best, it turns into a greatest-hits enunciation of the various communities, cultures and civilizations that arose over 10 000 years. At its worst, it lumps all Indigenous people together, a composite for which Türk-

kan feels that he can sketch a piece entitled “The Indian’s Identity”, comprising racial, anthropological, historical and linguistic information in a handy one-page format [20: 53]. At first glance, the work is chaotic in its approach to the peoples of the Americas, respecting neither geographical, linguistic nor chronological boundaries when lumping them together and pulling out generic anthropological or historical conclusions. Whether comparing the (contemporary) Turkish word *gün* (sun, day) to the (Classical?) Maya *kin*, Quechua *kon* and Huron *kon*; agglomerating the various styles of weaving and textile work across time and space; or decontextualizing oral literature and poetry, there is little concern for the deep and complex difference that exist between the historical and contemporary Indigenous societies that existed and exist across the continents.

On closer examination, however, it becomes clearer that the purpose of Türkkan’s work is not to acquaint the reader with Live Indians, as Thomas King would call them, but rather to sketch out *Turkic* history, projecting it onto the peoples of pre-Columbian America. To this end, little contemporary research is employed to substantiate Türkkan’s claims, with most of his writing merely a rehashing of 19th and early 20th century works by European, American and Turkish writers on the same topic, rephrased and emphasized anew to counter criticisms that have arisen over the preceding 50 years.

Türkkan’s goal is not to prove that these individuals were or are pure-blooded Turks, the lost original stock of a Turkic Xanadu, but rather “*relatives*” (emphasis my own) of the present-day Turks. Specifically, “pre-Mongol (proto-Mongoloid) Indians belong to one of the Turks’ two fathers. They are in a position similar to that of one’s ‘cousin.’” [19: 41] This is the reason, according to Türkkan, that there are two different groups among these people: the “locals”, who are remarkably homogenous in their appearance and are known as “Amerindians”; and the “upper classes and mystics of the high-civilization regions”, who are generally “bearded”. This latter grouping includes the Inca, who were originally Turkic migrants arriving in the region 2000 years before Christ, and brought with them important cultural and technological achievements [20: 32]. Turkic-speakers across Eurasia, therefore, can claim the cultural and technological achievements of Indigenous peoples in the Americas, without having to admit racial ties to a dark-skinned, dark-haired group of people.

A corollary of such a desire to read Indigenous people as a mirror or extension of one’s own history often leads to an insistence on their ahistoric-

ity. This, in turn, feeds into a more general interest in them as a repository of timeless, unadulterated folk wisdom and ecological knowledge; neither of which is foreign to settler interest in Indigenous people in the Americas themselves [4: 3–5]. In this vein, Mustafa Karaca's *The Indians, with their Worldviews, Lives and Philosophies* combines both a historical sketch of the various nations with biographical excerpts of famous leaders and proverbs, insisting on historical and genre divisions before then ignoring them [9]. A more recent popular history and guide to the culture of the native peoples of the Western Hemisphere reiterates such perspectives. Written by Müjgan Ergil and entitled *Who are these Indians? (Kim Bu Kızılderililer?)*, the work provides mostly superficial analysis of the culture and history of groups living from the Arctic to Tierra del Fuego, illustrated heavily with the author's own photographs of her travels across the Americas. The start of the book provides an overview of the history and ethno-linguistic breakdown of the Indigenous peoples, relying heavily on the Haluk Cemil Tanju's 1969 *Bronze-skins in the Central Asian Migrations (Orta-Asya göçlerinde tunçderililer)*. Two pages provide "The Thesis of Indians' Turkishness": a lightning fast overview of the philological, historical, archaeological and genetic research that confirms the links between Indigenous nations and the Turkic peoples of the Altay [5: 29–30]. While it does not appear that Ergil has any affiliate to a higher education or research institute, her book has proved popular enough to merit a 9 minute interview on *BengüTürk* television in April 2018 [1].

This is not to say that the historiography of Turkish interest in the Indigenous peoples of the Americas has escaped entirely the critical eye of at least one Turkish academic. In his work *Atatürk ve Kayıp Kıta Mu*, published in two parts in 2005 and 2008, Sinan Meydan explores this topic within the context of Mustafa Kemal Atatürk's interest in Turkish origins, and a broader fascination with the lost continent of Mu [13]. From much of Meydan's work, it becomes painfully clear that the story is one of *linguism* – the search for ethnic or racial affinities based on linguistic ones. Over the course of the two volumes, he examines the *Sun-Language Theory* and its components relating to connections between the Mayan languages of Mesoamerica and Turkish. This story centres largely around Tahsin Bey (who later adopted the last name Mayatepek), a Turkish diplomat, linguist, and historian; and the Turkish leader Atatürk. Atatürk's interest lay in both the collection of Maya linguistic evidence for comparison with Turkish sources, and the peopling of the Americas. On the whole, his motivation was the confirmation of a Tur-

tic origin for the Indigenous peoples of the region, buttressed as it was by dubious linguistic, archaeological and anthropological reasoning.

This might be something to shrug off as the eccentricities of a man who, by the mid-1930s, was becoming more and more withdrawn from the daily demands of public life. However, Meydan's conclusion of the chapter exploring Atatürk's interest in the Indigenous Americans ends with his own descent into similar reasoning. With an examination of the cases of the Turks and Caicos Islands (which he claims to come from *Türk* and *kayık* "canoe") and Piri Reis' map, Meydan is quick to assert the arrival of the Turks in the Caribbean far in advance of Christopher Columbus or other European travelers [13: 62–68]. No mention is made of Indigenous etymologies or sources; indeed, Native peoples are suspiciously absent from the entire narrative. Instead, pride of place in being the first people to "discover" the Americas is at stake, and the prize, we are told, is to be awarded to the Turks. Indigenous history and language are, apparently, important when used to confirm Turkist or Turanist theories of the monogenesis of human civilization in a Turkic heartland, but can also be quietly swept under the rug when a bit of poetic license demands it.

Indeed, Meydan's work exemplifies the lack of reflexivity characteristic of the popular histories and serious research investigated up to this point. All of the authors — Türkkân, Tanju, Ergil and Meydan — make reference to the injustices and cruelties visited upon the Indigenous peoples of the Americas in their writings. While most scorn is saved for the attempts at cultural assimilation or genocide visited upon the First Nations, they also demonstrate their consciousness of the mischaracterizations and blatant lies perpetrated by American settler and European scholars and writers throughout the past five centuries. Yet when coming to their own approaches to the identity, culture and history of Indigenous peoples vis-à-vis the Turks, such sensitivity evaporates.

This is, perhaps, an indication of a desire to use scholarship and narratives about Indigenous peoples as a component of building the identity of the Self in the Euro-Atlantic tradition. This is visible in scholarly writing as late as 2016, such as Pınar Fedakâr's review of literature regarding Native American folk literature. Here, the author provides a comprehensive overview of debates regarding the application of European genres and time categorizations to Indigenous literature [6: 134–136], a hot topic among Indigenous literary scholars as well [12: 6–8]. In spite of this critique of European cultural impe-

rialism, the author ends her comprehensive review of publications relating to Native American folk literature with a short overview of Joseph Greenberg's argument regarding the presence of an overarching historical linguistic family that includes both the Turkic and Native American languages [7]. She does so as a call to arms for greater research of the links between these two groups, without reference to the highly controversial nature of the theory [3], or of the time scales and parameters involved in this suggestion [6: 142–143]. Criticism of the Euro-American academy is thus convenient in marking off Turkish academics as independent of the colonial ivory tower, but only in a way that allows for the duplication of exclusionary means of identity formation that, in the end, deny the object's approach to subjecthood.

Despite this long litany of works that, in my estimation, fail to take into account the diversity and complexity of Indigenous societies in the Americas, there are some examples of authors who buck the trend. Foremost among them is Sibel Özbudun, whose scholarship falls much more in the realm of anthropology than history or historiography. Özbudun writes on a number of progressive and left-wing topics, including feminism and Indigenous struggles, and has taught at Yeditepe University in Istanbul. Although she has, as of late, focused much more on the history of anthropology in Turkey and its uses and misuses by the political class, Özbudun was once active in challenging dominant nomenclatures and narratives about Indigenous people in the Turkish cultural sphere. The monograph *Latin Amerika Yerlileri (Indigenous Peoples of Latin America)*, to which she contributed eight pieces (four in collaboration with the left-wing writer Temel Demirer) is, perhaps, the most important component of this work. Many of the writings seek to localize the struggles of various communities within broader social, economic and political conflicts, rather than placing emphasis on the cultural, linguistic and historical specificities of the particular groups [15; 16].

Nevertheless, two specific pieces within the publication have proven to be invaluable in providing Turkish readers with concise overviews of the history of colonization in the region and its devastating effects on Indigenous peoples. *Yerliler ve Yerlilik Üzerine (On Indigenous People and Indigeneity)* and *Latin Amerika Yerlileri: Yeniden! (Latin American Indigenous Peoples: Again!)* serve different purposes, but both go some distance in adding new views and opinions to the Turkish discussion. The former provides a much more theoretical approach to the concept of indigeneity, as well as an overview of developments in the United Nations and other international forums

over the last fifty years. Özbudun proceeds to sketch out the social conditions and history of the Indigenous peoples south of the Rio Grande, as well as the contemporary challenges and opportunities facing them [15]. The second of the two pieces can be seen as an addendum to the political components of the first. In it, the author provides succinct, detailed information on some of the activist movements that have challenged settler status quos across the region, while also writing in-depth case studies of Indigenous organization and mobilization in Guatemala and Mexico [14]. It is a cross between contemporary history and political science. The article borrows from traditions of left-wing scholarship in Turkey, placing a heavy emphasis on chronological and sociological aspects. Özbudun thus goes some way in introducing the Indigenous peoples of the Americas as subjective actors, agents in their own fates and progress, to the general Turkish readership. She stops short, however, of using this juncture to problematize these communities' instrumentalization as *objects* within broader Turkish historiography and identity-building.

In many ways, my criticism of Özbudun's work points to the failings of Turkish historiography of the Indigenous peoples of the Americas as a whole: that of a lack of reflexivity. Throughout this paper, I have gathered together some of the most widely available contemporary works on Indigenous American history and anthropology in Turkish. I have done this with an eye to the manner in which the authors of these pieces approach issues of identity, diversity, historicity and subjectivity among peoples unrelated to them. I ultimately show that, for the majority, the First Nations are a convenient canvas upon which to illustrate Turkishness, while also taking occasional shots at European colonialism and supremacy. Although other voices are beginning to be heard, much of the scholarship smacks of a generalized lack of reflexivity; a failure to ask what assumptions might be in play, and what they might say about the authors, in addition to the focal points of their studies. In the end, the question is truly one of subjecthood. In assigning themselves the role of historical subject, Turkish authors about the Indigenous nations have often failed to extend the same courtesy to the peoples they investigate. Such positionality not only robs Indigenous people of the opportunity to be fully-formed, complex individuals and communities in the eyes of Turkish readers, but also takes from Turks the chance to ask questions about themselves and their identities. The loss is felt by both sides, and is only reparable through the firm conviction that researchers are just as human and flawed as the people they study.

Notes:

1. “26 Nisan Müjgan Ergil.” 2018 // Gündemde Bugün. BengüTürk TV. — <https://www.youtube.com/watch?v=XVrxfkV4qBg>.
2. Birinci Türk Tarihi Kongresi: Konferansları, Münakaşaları. 1932. Ankara: Türk Cumhuriyeti Maarif Vekâleti.
3. Bolnick, Deborah, BA Shook, L Campbell, and I Godard. 2004. “Problematic Use of Greenberg’s Linguistic Classification of the Americas in Studies of Native American Genetic Variation.” *American Journal of Human Genetics* 75 (3): 519–22.
4. Deloria, Vine. 1988. *Custer Died for Your Sins: An Indian Manifesto*. Norman: University of Oklahoma Press.
5. Ergil, Müjgan. 2018. *Kim Bu Kızılderililer?* İstanbul: Aygan Yayıncılık.
6. Fedakâr, Pınar. 2016. “Kuzey Amerika Yerlileri Anlatmalarının Yer Aldığı Yayınların Analizi.” *Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi* 16 (2): 133–44.
7. Greenberg, Joseph H., and Merritt Ruhlen. 1992. “Linguistic Origins of Native Americans.” *Scientific American* 267 (5): 94–99. <https://doi.org/10.1038/scientificamerican1192-94>.
8. İrmak, Sadi. 1943. “Türk Irkının Biyolojisine Dair Araştırmalar, Kan Grupları ve Parmak İzleri.” In *İkinci Türk Tarih Kongresi İstanbul: 20-25 Eylül 1937: Kongreye Sunulan Tebliler*, edited by Türk Tarih Kurumu, 841–45. Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi,.
9. Karaca, Mustafa. 2007. *Dünya Görüşleri, Yaşamları ve Felsefeliyle Kızılderililer*. İstanbul: Düş Yayınları.
10. King, Thomas. 2018. *Inconvenient Indian: A Curious Account of Native People in North America*. Place of publication not identified: University of Minnesota Press.
11. Maksudyân, Nazan. 2005. *Türklüğü Ölçmek: Bilimkurgusal Antropoloji ve Türk Milliyetçiliğinin İrkçi Çehresi, 1925-1939 / Nazan Maksudyân. İlk Basım: Mayıs 2005. İstanbul: Metis Yayınları.*
12. McCall, Sophie, David Gaertner, Deanna Reder, and Gabrielle L’Hirondelle Hill, eds. 2017. *Read, Listen, Tell: Indigenous Stories from Turtle Island*. Indigenous Studies Series. Waterloo, Ontario, Canada: Wilfrid Laurier University Press.
13. Meydan, Sinan. 2014. *Köken: Atatürk ve kayıp kıta Mu 2 ; Atatürk’ün Mu kıtası, Mayalar ve Kızılderililerle ilgili gizli araştırmaları. 6. baskı. İstanbul: İnkılâp Kitabevi.*

14. Özbudun, Sibel. 2006a. "Latin Amerika Yerlileri: Yeniden!" In Latin Amerika yerlileri, 249–315. İstanbul: Anahtar Kitaplar.
15. Özbudun, Sibel. 2006b. "Yerliler ve Yerlilik Üzerine." In Latin Amerika yerlileri, 208–48. İstanbul: Anahtar Kitaplar.
16. Özbudun, Sibel, and Temel Demirer. 2006. "Costco, Wal-mart, Coca Cola... ya da Meksika'nın Yeniden Fethedilişi." In Latin Amerika yerlileri, 321–25. İstanbul: Anahtar Kitaplar.
17. Tanaka, Eisuke. 2007. "'Greek' Objects on Turkish Soil: A Link Between the Inalienability of 'Cultural Property' and Notions of Place in the Context of Turkish Claims for Repatriation." In Nationalism, Historiography, and the (Re)Construction of the Past, edited by Claire Norton, 61–78. Washington, DC: New Academia Pub.
18. Tankut, Hasan Reşit. 1943. "Dil ve Irk Münasebetleri Hakkında." In İkinci Türk Tarih Kongresi İstanbul: 20-25 Eylül 1937: Kongreye Sunulan Tebliğler, edited by Türk Tarih Kurumu, 221–23. Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi,.
19. Türkkkan, Reda Oğuz. 1980. Gerçeklerin Işığında Büyük Tarihi Sırlar. 4 vols. [İstanbul]: [publisher not identified].
20. Türkkkan, Reha Oğuz. 1999. Kızılderililer ve Türkler: Bir Tarihin, Bir Dramın Hikayesi. 2. basım. İstanbul: E Yayınları.

Сведения об авторах

Абдулахатов Нодиржон — докторант, Международная исламская академия Узбекистана. E-mail: an_igr@mail.ru

Аврутина Аполлиария Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). E-mail: a.avrutina@spbu.ru

Акчай Эрай — аспирант, восточный факультет СПбГУ. E-mail: erau-akcay@hotmail.com

Андреев Артем Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры этнополитологии факультета политологии СПбГУ; директор Центра изучения ИРИ СПбГУ.

Аннаоразов Джумадурды Сейтекович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры мировой истории Туркменского государственного университета им. Махтумкули (Ашхабад, Туркменистан). E-mail: j.annaorazow@gmail.com

Аширов Тахир Амандурдыевич — доктор исторических наук, преподаватель Государственного университета им. Бюлента Эджевита, Зонгулдак / Турция. E-mail: tahirashirov@gmail.com

Бекджаев Тагандурды Бекджаевич — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры туркменского языка факультета туркменской филологии Туркменского государственного университета им. Магтымгулы. E-mail: taganbekje@gmail.com

Болтаева Гулчехра Шокировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры узбекской литературы Навоиского государственного педагогического института. E-mail: navdriilmiy@mail.ru; navgospi@inbox.ru

Булатова Динара Айдаровна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора инструментоведения Российского института истории искусств (Санкт-Петербург). E-mail: dinara.bulatova@mail.ru

Галимова Гульшат Наилевна — аспирант кафедры общего языкознания и тюркологии Высшей школы национальной культуры и

образования им. Габдуллы Тукая Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань). E-mail: gulshat87@yandex.ru

Гараев Яйлымдурды Назарович — научный сотрудник отдела лексикографии, терминологии и культуры речи Института языка, литературы и национальных рукописей АН Туркменистана им. Махтумкули

Гузев Виктор Григорьевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ

Гурбангулыева Нурнабат — старший научный сотрудник сектора туркменской литературы и литературных взаимоотношений Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана.

Гылыджов Ата Аннамурадович — кандидат филологических наук, заведующий отделом лексикографии, терминологии и культуры речи Института языка, литературы и национальных рукописей АН Туркменистана им. Махтумкули.

Давыдов Артем Витальевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры африканистики восточного факультета СПбГУ

Дармаева Оюн Бадмажаповна — студент 2-го курса магистратуры восточного факультета СПбГУ

Дашдемир Озхан / *Daşdemir Özkan* — кандидат филологических наук, доцент кафедры турецкого языка и литературы факультета искусств и наук, Университет Эрзинджана им. Бинали Йылдырыма / Erzincan Binali Yıldırım University. E-mail: ozkandasdemir@hotmail.com

Дубровина Маргарита Эмильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ. E-mail: maggydu@rambler.ru

Жевелева Александра Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока восточного факультета СПбГУ

Жуков Константин Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока восточного факультета СПбГУ. E-mail: konstantin.zhukov2011@yandex.ru

Камалова Шахназ Новруз кызы — аспирант кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ. E-mail: shahnazkamal@gmail.com

Карабашев Селяхаттин — педагог-исследователь, Ардино, Болгария. E-mail: skarabashev@hotmail.com

Каррыева Жанна Баймухамедовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель Туркменского национального института мировых языков им. Д. Азади.

Козинцев Марк Альвиевич — аспирант, младший научный сотрудник подразделения Лаборатория Сериндика Института восточных рукописей РАН. E-mail: m.kozintcev@mail.ru

Красуцкий Станислав Андреевич — студент 1-го курса магистратуры кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки восточного факультета СПбГУ

Лученков Иван Романович студент 1-го курса магистерской программы СПбГУ, Ассистент преподавателя арабского языка НИУ ВШЭ СПб. E-mail: lir-529@mail.ru

Мухаммедов Гурбангелди Аллаярлович — преподаватель кафедры мировой истории Туркменского государственного университета им. Махтумкули. E-mail:

Набиуллина Гузель Амировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Высшей школы национальной культуры и образования им. Габдуллы Тукая Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань). E-mail: GuzelNab2@yandex.ru

Нурьева Огулсапар Атаевна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора Современного туркменского языка и истории Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана.

Оразов Оразсахет / Orazsahet Orazov — преподаватель кафедры исламского права факультета теологии Университета имени Бюлента Эджевита / Bülent Ecevit Üniversitesi. E-mail: dostluk1991@gmail.com

Пестовская Дарья Александровна — аспирант 1-го курса восточного факультета СПбГУ. E-mail: daryagreeen@yandex.ru

Победоносцева Кая Анжелика Олеговна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего Востока восточного факультета СПбГУ.

E-mail: a.pobedonostseva@spbu.ru

Пылев Александр Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и культур Пятигорского государственного университета

Равшанов Махмуд — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языков Навоийского государственного горного института (Узбекистан). E-mail: mahmudravshanov@rambler.ru

Репенкова Мария Михайловна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела литератур народов Азии Института востоковедения РАН. E-mail: mmrepenkova@rambler.ru

Сатторов Улугбек Файзуллаевич — кандидат филологических наук, директор Навоийского Архитектурно-строительного колледжа, председатель фонда Алишера Навои.

E-mail: Ulugbek.s@mail.ru

Софронова Лариса Владиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД РФ. E-mail: lvs877@gmail.com

Сулейманова Алия Сократовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ. E-mail: suleymanova2001@mail.ru

Таганова Марал Аннаевна — кандидат филологических наук, главный научный сотрудник отдела лексикографии, терминологии и культуры речи Института языка, литературы и национальных рукописей АН Туркменистана им. Махтумкули

Туранская Анна Александровна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник подразделения Лаборатория Сериндика Института восточных рукописей РАН. E-mail: turanskaya@mail.ru

Турекеев Куанышбек Жиенбекович — докторант базовой докторантуры Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан (г. Нукус). E-mail: turekeev@inbox.ru

Фомкин Михаил Семенович — кандидат филологических наук, доцент Ленинградского государственного областного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург)

Хидиров Раджаб Гульматович — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики языкознания Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни. E-mail: rajabhidirov@mail.ru

Шаммаева Нарбибиш Шамурадовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германской филологии с методикой преподавания Туркменского государственного педагогического института им. Сейитназара Сейди (г. Туркменабат, Туркменистан). E-mail: narbibish06@mail.ru

Шенал Али Осман — кандидат филологических наук. E-mail: aosman2811@gmail.com

Эрдман Майкл Джеймс — куратор турецких и тюркских коллекций Британской национальной библиотеки. E-mail: Michael.erdman@bl.uk

Санкт-Петербургский центр развития
и поддержки востоковедных исследований

Научное издание

**Актуальные вопросы
тюркологических исследований**
2023
Выпуск 1

*Сборник статей на русском,
английском и турецком языках*

Корректор Е. Л. Белкина

Подписано в печать с оригинал-макета 10.04.23.

Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная.

Объем 21,9 п.л.

Тираж 200 экз. Заказ 3.